

А. В. Виноградов

Э. БЕНВЕНИСТ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Перевод с французского
Н. Д. АНДРЕЕВА

Редакция, предисловие и примечания
Б. В. ГОРНУНГА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ

Талантливый французский лингвист Эмиль Бенвенист (род. в 1902 г.) принадлежит к младшему поколению школы Антуана Мейе. Свою научную деятельность он начал в 20-х годах преимущественно как иранист. Когда в 1928 г. Бенвенист вернулся из армии после отбывания воинской повинности, Мейе неожиданно для всего ученого мира передал 26-летнему ученику свою кафедру в Collège de France. В это время о Бенвенисте знали только то, что он подготовил к печати оставшуюся в рукописи первую часть согдийской грамматики другого ученика Мейе, Р. Готьо, погибшего в первую мировую войну. Через год появилась вторая часть этой грамматики, написанная целиком самим Бенвенистом.

Старшее поколение учеников Мейе унаследовало от своего учителя свойственную ему осторожность в выдвижении новых точек зрения. Мейе, как в свое время Г. Курциус накануне зарождения младограмматической школы, стремился прежде всего к наиболее полному обобщению фактического материала, исследованного в специальных научных работах, но почти боялся освещать его с какой-либо новой точки зрения. Консерватизм Мейе отчетливо выразился в аннотациях, которыми он сопровождал названия некоторых книг в библиографическом приложении к своему „Введению в сравнительное изучение индоевропейских языков“ (русск. пер., 1938, стр. 472—487). Несмотря на это, как непосредственным ученикам Мейе, так и тем его младшим современникам, на которых он оказывал сильнейшее влияние, принадлежит ряд работ, открывших новые пути разработки той или иной специальной лингвистической проблемы. Таковы „Диалектные элементы латинской лексики“ А. Эрну (1908), „Конец слова в индо-

европейском языке" Р. Готью (1913), „Именное словообразование в древнегреческом языке“ (1933) П. Шантрена и др.* Из этого круга лингвистов вышел и А. Кюни, который уже более 20 лет разрабатывает вопрос о генетических связях индоевропейских языков с семито-хамитскими**. Работы Кюни тесно связаны с проблемой восстановления в индоевропейском языке-основе черт древнейшего грамматического строя, хронологически предшествовавшего тому чрезвычайно развитому флективно-синтетическому строю, который реконструируется на основании сравнения между собой древнейших засвидетельствованных письменностью индоевропейских языков. Правда, реконструкции этого флективного строя, имевшие хождение в науке в конце XIX и в начале XX в. и относившие в „праязык эпохи распада“ все богатство словоизменительных и словообразовательных форм, находимых в древнегреческом, древнеиндийском и других древнеписьменных языках, должны быть сейчас признаны неверными. Однако в основных своих тенденциях этот грамматический строй бесспорно складывался еще в самом языке-основе до отделения от него диалектных групп, давших начало развитию древнегреческого и индо-иранских языков. Кюни называет свои разыскания „дограмматическими“ (prégrammaticale)***, так как считает, что генетические связи индоевропейских языков с семито-хамитскими могли иметь место лишь задолго до складывания основных черт грамматического строя, который в обеих языковых семьях развивался самостоятельно. Гипотезы Кюни остаются и сейчас гипотезами, не доказываемыми всей полнотой фактического материала, но направление его исследований безусловно дало известный толчок к постановке во французской лингвистической школе проблемы углубления в доисторию самого языка-основы. Эта проблема была поставлена младшим поколением уче-

* A. Ernout, Les éléments dialectaux du vocabulaire latin (Paris, 1909); R. Gauthiot, La fin du mot en indoeuropéen (Paris, 1913) P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien (Paris, 1933).

** A. Cuny, Invitation à l'étude comparative des langues indoeuropéennes et chamito-sémitiques (Bordeaux, 1946).

*** A. Cuny, Études prégrammaticales sur le domaine des langues indoeuropéennes et chamito-sémitiques (Paris, 1924).

ников Мейе, в первую очередь Ю. Куриловичем* и Э. Бенвенистом.

Проблема древнейшего фонетического строя индоевропейского языка-основы получила новое освещение в связи с так называемой „ларингальной гипотезой“, явившейся дальнейшим развитием того общего предположения о консонантном характере так называемого „schwa indogermanicum“ (звука э), которое было выдвинуто Соссюром еще в 1879 г.** Эта догадка получила подкрепление в фактах расшифрованного в конце первой четверти XX в. клинописного хеттского (неситского) языка. Новые взгляды на доисторию фонетического строя языка-основы вызвали и новые гипотезы, касающиеся древнейшей структуры индоевропейского слова, его корневой морфемы и характера древнейших словообразовательных процессов.

Ни „ларингальная гипотеза“***, ни „фонетическая“ теория корня, развиваемая в работах Куриловича**** и Бенвениста, не могут еще рассматриваться как прочно обоснованные сравнительно-исторические концепции и требуют осторожного отношения к себе. Однако нельзя их и совершенно игнорировать. За два с лишним десятилетия застоя в советском сравнительно-историческом языкознании, вызванного господством марровских антиисторических взглядов и гонением марристов на сравнительно-исторический метод, зарубежная компаративистика, несмотря на переживаемый ею кризис, кое в чем ушла вперед. Правда, новых ценных вкладов в сравнительную грамматику индоевропейских языков было сделано не так

* J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, Lwów, 1935 (Prace komisji językowej Polsk. Akad. Umiejętności, № 21).

** F. de Saussure, *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes* (Paris, 1879).

*** См. об истории развития этой гипотезы E. H. Sturtevant, *The Indo-Hittite laryngeals* (Baltimore, 1942); L. Zgusta, *La théorie laryngale* (Archiv Orientalni, т. 19, 1951, стр. 428—472). Сторонниками „ларингальной гипотезы“ являются такие видные компаративисты, как Э. Бенвенист, Ю. Курилович, В. Куврёр, А. Кюни, Х. Педерсен, Э. Сэпир, Я. Пшылуцкий, Э. Стертевант; ее решительными противниками — Дж. Бонфанте, К. Бергсланд, В. Петерсен, К. Марстандер, Ю. Покорный и некоторые другие.

**** J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, III, § 5; *Classification des racines indoeuropéennes*, стр. 121 — 130.

много, темп прогресса сравнительно-исторического языкознания безусловно сильно замедлился, но те вклады, которые были сделаны, мы должны знать и критически использовать. К их числу принадлежит и предлагаемая советскому читателю в русском переводе книга прогрессивного французского ученого Эмиля Бенвениста.

Важнейшую часть книги Бенвениста составляет ее девятая глава, посвященная „теории индоевропейского корня“ (стр. 178—204). Все предыдущие главы, на первый взгляд мало связанные друг с другом, только подводят к ней и все в ней используются. Для понимания этой главы и того нового, что вносит она в науку, необходимо рассмотреть ее в контексте предыдущего развития науки.

Мы не имеем возможности проследить в настоящей статье разработку этой проблемы с начала существования сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, со времен Ф. Боппа и Я. Гримма. Отметим только, что понятие „корня“ в применении к языкам индоевропейского типа появилось в европейском языкознании лишь тогда, когда европейские ученые познакомились с грамматической литературой древних индийцев. Только тогда „корень“ как неразложимый звуковой комплекс, обладающий единым, хотя и весьма широким лексическим значением, стали отличать от той части слова, которая остается неизменной во всех процессах формообразования данного слова. Было установлено, что эта неизменяемая при формообразовании часть слова может совпадать с неразложимой вообще его частью, но может представлять собой и расширение или распространение определенного „корня“ посредством аффиксации и быть „производной основой“.

Античные грамматики и в этом вопросе, как и во многих других, только нащупывали почву, но не могли довести своих обобщений до конца. Четкое понятие „корня“ существовало в применении к языкам семитического типа у еврейских, сирийских и арабских грамматиков задолго до возникновения научного языкознания в Европе. С XVI в. этим понятием стали пользоваться и европейские семитологи. Но оно было неприменимо к языкам индоевропейского

типа, так как „корень“ в семитских языках — трех-согласный, и между согласными, входящими в его состав, „вставляются“ или „приставляются“ в процессе формообразования различные гласные, независимо от аффиксации, существующей и в этих языках. Корень в семитских языках никогда не существует реально как часть слова — он всегда только абстрагируется.

В разработке проблемы индоевропейского корня, а следовательно, и проблемы структуры производных основ в древнейших индоевропейских языках, в настоящее время еще очень мало устойчивого и общепризнанного. В то время, как в других областях индоевропейского сравнительно-исторического языкознания (особенно в фонетике) взгляды ученых даже третьей четверти XIX в. давно уже стали достоянием истории, многообразные и нередко противоречивые точки зрения в работах недавнего прошлого, относящихся к данной области, продолжали иногда отражать многообразие и противоречивость взглядов, выдвигавшихся еще в XIX в., хотя, конечно, общий прогресс науки и в этой области не подлежит сомнению.

Основоположники сравнительной грамматики индоевропейских языков, в первую очередь Ф. Бопп (и даже их предшественники братья Шлегели), находились под сильным влиянием древнеиндийских грамматиков (в особенности Панини). Вследствие этого они с самого начала придавали большое значение выделению в слове его неразложимой части — „корня“. Этот интерес к „корням“ на первых порах отвлекал (в ущерб развитию нашей науки) внимание от анализа морфологической структуры слова в целом, от изучения процессов словообразования в отдельных родственных языках. Выводы индийских грамматиков навели европейских исследователей и на проблему аблаута, которая первоначально была поставлена Я. Гриммом только в применении к германским языкам.

Исходя из материала германских языков, Гримм связывал аблаут исключительно с глагольной системой и почти не обращал внимания на чередование корневых гласных в именных основах. Поэтому Гримм совсем не подошел к проблеме структуры такого „корня“, от которого могли образовываться как глагольные, так и именные основы.

А. Шлейхер (1821—1868), крупнейшая фигура второго этапа истории буржуазного сравнительного языкознания, признавая, как и Бопп, изначальное существование во всех индоевропейских языках только трех гласных — а, і, u (из них а отсутствовало на низшей ступени „подъема“) — и двух, могущих выступать в роли слогаобразующих звуков плавных согласных — ɣ и ʃ — *, принимал, вслед за индийскими грамматиками, следующую схему „подъемов“ гласных:

Низшая ступень	—	і	u	ɣ	ʃ
Первый подъем (guna)	ā	ē	ō	ar	al
Второй подъем (vṛddhi)	ā	āi	āu	ār	āl

Шлейхер отступил от этой схемы лишь в том отношении, что поместил ā на низшую ступень подъема, а ē и ō для „праязыка“ заменил краткими дифтонгами ai и au (из которых „стянулись“ древнеиндийские ē и ō), а также исключил ɣ и ʃ из числа гласных.

Таким образом, по Шлейхеру, „корень“ каждого индоевропейского слова мог существовать в „праязыке“ в трех видах, в связи с чем во всех языках устанавливались чередования, которые должны были восходить к „праязыковым“ чередованиям ā : ā, і : āi : āi, u : āu : āu. Почти без изменений шлейхеровские схемы чередования гласных (в корне и в формативах) сохранялись и у Г. Курциуса, и у специально занимавшегося аблаутом Амелунга**, и в ранних работах А. Фикка.

Наряду с установлением трех возможных видов любого корня Шлейхер вначале предлагал различать корни „глагольные“ и „местоименные“, а позднее — корни с лексическим (Begriffswurzel) и корни с грамматическим (Beziehungswurzel) значением. К последним он и возводил большинство формативов индоевропейских языков.

Переворот во взглядах на фонетический состав индоевропейского „праязыка“, произведенный работами „младо-

* Появление других гласных в различных индоевропейских языках Шлейхер и его последователи (вплоть до начала 80-х годов) объясняли „случайным“ изменением „окраски“ первоначального а.

** А. Amelung, Die Bildung der Tempusstämme durch Vokalsteigerung (Berlin, 1871).

грамматиков“ на протяжении 70-х годов и завершённый в исследовании Соссюра об индоевропейском вокализме*, не мог не отразиться и на понимании чередований корневых гласных, а следовательно, и на вопросе о разновидностях первоначальных корней. В названном исследовании Соссюра много внимания уделено выяснению первоначальных рядов аблаута, затемненных впоследствии в жизни отдельных языков влиянием различных, не связанных с ним явлений (звуковые изменения, влияние аналогии и т. д.).

Соссюр впервые ставит вопрос о фонетическом строении индоевропейского корня и, выделяя особо немногочисленные корни, представляющие собой открытый слог (*se-, *dhe- и т. п.), делит все остальные возможные типы корней на три категории:

1) оканчивающиеся на *i*, *u* или сонорный (*sreṇ-, *bher-, *men- и т. п.);

2) оканчивающиеся на смычный (или придыхательный) согласный с предшествующими *i*, *u* или сонорным (*leik-, *derk-, *bhendh- и т. п.);

3) оканчивающиеся на один из согласных, кроме *i*, *u* и сонорного (*pet-, *sek- и т. п.).

В каждой категории любой корень может иметь три вида, соответствующих трем ступеням аблаута (позднее определившимся как *e* : *o* : нуль)**. Эта схема чередований затемнена у Соссюра тем, что в центре его исследования остается гласный *a****.

„Младограмматики“, и в первую очередь К. Бругман, решительно отказались от использования схемы индийских грамматиков для изучения индоевропейского аблаута. Однако на ранних работах Бругмана**** лежит еще сильный отпечаток прежних воззрений. Поэтому и схема

* F. de Saussure, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes (1879).

** У Соссюра еще нет четкого разграничения нулевой и редуцированной (э, г, л, п, п) ступеней чередования.

*** Мы оставляем пока в стороне вопрос о соссюровских „сонантических коэффициентах“ А и О, фигурирующих у него в редуцированной ступени корней, выделение которых явилось через полвека отправным пунктом для так называемой „ларингальной гипотезы“ (см. стр. 19—22).

**** К. B r u g m a n n, Zur Geschichte der stammabstufenden Deklination (1879).

чередований индоевропейских гласных в его работах ничем принципиально не отличается от завершающей предыдущий этап схемы Амелунга*, кроме того, что гласные е и о включены в число исконных основных гласных „праязыка“ и ни к какому а не возводятся. Всякий же интерес к вопросу о первоначальном виде „корней“, характерный для предыдущего этапа развития языкознания, постепенно пропадает, и в „Краткой сравнительной грамматике индоевропейских языков“ (1900—1904)** мы не найдем даже раздела, специально посвященного проблеме индоевропейского корня. Ему отведено буквально несколько фраз во вводных замечаниях (Vorbemerkungen) к разделу „Учение о формах слова“.

Концепция Соссюра (1879) в работах Бругмана не учитывается. Она получает развитие только в работах ученика Соссюра, А. Мейе (см. ниже). Бругман же просто снимает эту проблему аблаута как проблему, еще требующую разрешения, что видно из его собственного изложения, имеющего чисто описательный фактический характер***.

Близкие к Бругману позиции занимал и Ф. Ф. Фортунатов. В своих курсах сравнительной морфологии Фортунатов говорит о двух „звуковых видах корня“ — „неслабых“ и „слабых“. Однако он нигде не ставит вопроса об их закономерном соотношении, а в курсе сравнительной фонетики (последний раз читанном в 1898—1899 гг.) уделяет вопросам аблаута лишь две страницы (гл. VII)****. Соотношение различных звуковых видов корней у Фортунатова не выступает как особая проблема, и это „воздержание“ от ее постановки характеризует и большую часть его учеников и последователей.

В зарубежной компаративистике к концу первой четверти XX в. господствовал взгляд, согласно которому каждая корневая или суффиксальная морфема потенциально может иметь шесть ступеней чередования — две

* См. сноску 2 на стр. 9.

** Этот труд отражает в общем состояние науки, изложенное во втором издании многотомного „Grundriß der vergleichenden Grammatik“ (1897—1916).

*** К. В г и т а н н, Kurze vergleichende Grammatik, стр. 138—150.

**** См. посмертное издание этого курса (Петроград, 1922).

основные (ē:ō), две редуцированные, или „ослабленные“ (редукция : нуль), и две „протяженные“ (Dehnstufe, ē : ō). Но вопроса о закономерности соотношения этих ступеней и, тем более, соотношений ступени корневой морфемы со ступенью суффиксальной морфемы не ставилось. Чисто условно называлась „основной“, „нормальной“ или „полной“ (Vollstufe) ступень ē или же ступени ē и ō признавались обе „основными“ (Vollstufe I и Vollstufe II).

Вместе с тем, проблема древнейшего вида индоевропейского корня не может сводиться к одной только проблеме качества корневого гласного. Гипотеза о первоначальном чисто консонантном (семитического типа) характере индоевропейского корня лишена оснований, так как с самых начальных моментов выделения индоевропейской (или „протоиндоевропейской“) языковой общности из какой-то предшествовавшей ей общности гласный элемент играл такую же решающую роль в оформлении древнейшего типа слова, как и согласный. Однако нельзя недооценивать и важности типов расположения согласных по отношению к корневному гласному. Этой проблемы немецкие „младограмматики“ и современные им господствующие направления в компаративистике либо совсем не ставили, относясь к ней с полным равнодушием, либо намечали ее в самых общих чертах (Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртенэ). А. А. Потебня ясно подчеркивал важность генетического рассмотрения вопроса о форме корней, но систематически не разрабатывал его.

Проблема индоевропейского корня была поставлена вновь во „Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков“ А. Мейе (1903) и получила совершенно новое освещение в работах П. Перссона*.

Развивая приведенные выше положения Соссюра о трех видах фонетической структуры индоевропейского корня, Мейе детализировал и уточнил их, установив невозможность существования в языке-основе некоторых звуковых сочетаний в качестве корней (например, сочетаний с начальным и конечным простым звонким типа beg-,

---

* P. Persson, Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation (1891); Beiträge zur indogermanischen Wortforschung (1912).

ged-, deb- и т. п.; сочетаний с начальным звонким придыхательным и конечным глухим типа bhect- или, наоборот, типа teubh-; сочетаний, начинающихся или оканчивающихся на группу из двух взрывных согласных, и др.). Мейе твердо установил, что „тематическая гласная является элементом, служащим для образования форм, и не входит в состав корня“.

Из этого вытекают два чрезвычайно важных положения, которые не приводились еще достаточно четко ни в сравнительных грамматиках Бругмана, ни в курсах Фортунатова:

1) гласные основы не являются корнями и подлежат обязательному разложению;

2) несоответствие согласных или их групп в начале или в конце звукового сочетания, принимаемого за „корень“, должно побуждать исследователя к дальнейшему анализу (поиски выпавшего гласного, сросшегося аффикса и т. д.).

Однако у Мейе еще попадали в число самостоятельных общеиндоевропейских „корней“ и такие, например, сочетания, как *terp- и *terp-, *tuois- и т. п. Лишь в тех случаях, когда Мейе наблюдал, что основы в др.-гр. ἔλπις „надежда“ и ἐλθέμαι „желаю“ можно свести к корню *uel- путем сопоставления с лат. velle, гот. wiljan, лит. vilū „надеюсь“ и ст.-слав. вѣлѣти, он говорил об „определителях“ корней, заимствуя, очевидно, этот термин из названных выше работ П. Перссона (о которых будет идти речь дальше), но в целом его вывод о выделении таких „определителей“ остается довольно скептическим. „В сущности,— писал он,— говорить об определителях корней можно только в том случае, когда «распространенный» корень дает одновременно и глагольные, и именные основы; в противном случае речь может идти лишь о глагольных суффиксах. Но в большинстве случаев нет возможности различить то и другое“.

Более широкая постановка вопроса о структуре индоевропейского корня принадлежит Перссону в упомянутых выше „Исследованиях о распространениях и вариациях корня“ (1891). Однако не только эта, но и более поздняя его работа („Исследования по индоевропейскому словообразованию“, 1912) представляли собой прежде всего богатейшее собрание тщательно систематизированного мате-

риала. Материал этот использовался другими исследователями (в том числе в обоих компендиумах Бругмана), но четкого различия между „определителями“, „распространениями“ (Erweiterungen, élargissements) и с у ф ф и к с а м и достигнуть никому не удавалось. Сам Перссон во второй своей книге (стр. 589) заявил, что разница между детерминативами и суффиксами лишь относительная, что детерминативы — это те же суффиксы, но утратившие свое значение.

Со своего рода „протестом“ против недооценки этой проблемы выступил лишь в 1927 г. Г. Хирт в 3-м томе своей „Индоевропейской грамматики“*. Исходя здесь, как и во всей своей семитомной сравнительной грамматике, из нескольких априорных идей, признания которых он тщетно добивался, Хирт заявлял, что проблема „определителей корня“ может быть успешно разработана лишь при условии принятия его априорной идеи о том, что имя как грамматическая категория древнее глагола. Следовательно, при образовании слов-имен „определители корня“ ничем не отличались от древнейших „детерминативных суффиксов“, которые противопоставлялись Хиртом суффиксам, происходящим из самостоятельных слов, и „позднейшим“ именным суффиксам (возникшим уже после четкого разграничения имени и глагола не только как чисто грамматических, но и как словообразовательных категорий). Отличие „определителей корня“ от именных и глагольных суффиксов возникло лишь в связи с тем, что значительная часть имен, от которых образовались глаголы (а по Хирту все первичные глаголы имели отыменное происхождение), вообще исчезла из языка. Не говоря уже о бездоказательности тезиса об отыменном происхождении всех первичных глаголов, в самом исследовании Хирта, даже при непредвзятом подходе к нему, нельзя уловить в приводимом им материале принципиальную разницу между „детерминативными суффиксами“ и „определителями корня“. Ясно только, что возникновение и тех, и других Хирт относит к дофлективному периоду в развитии индоевропейского языка-основы, не приводя, однако, никаких доказательств того, что флективность грамматического строя

---

* H. Hirt, Indogermanische Grammatik, III, стр. 236—242.

развилась только после обособления индоевропейской языковой общности, а не была унаследована ею от какой-то другой предшествующей общности.

Несколько иным путем и идя от других отправных пунктов (преимущественно от анализа глагольного словообразования с традиционным признанием первичного глагольного значения древнейших корней), пришел к постановке аналогичных вопросов Ф. Шпехт в своих многочисленных статьях и рецензиях и, наконец, в своей книге „Происхождение индоевропейского склонения“ *. К эпохе до начала распада индоевропейской языковой общности Шпехт относит два связанных, по его мнению, друг с другом явления — возникновение тематических основ (у него только на -ō и -ā) и смену древнего, так называемого гетероклитического склонения той многопадежной системой, которая реконструируется в общих чертах для „эпохи распада“ языка-основы. Ставя все эти вопросы, Шпехт не мог не прийти и к вопросу о структуре „корня“ и о его „распространениях“ и древнейших суффиксах.

Сопоставляя такие пары возводимых им к одному и тому же первичному корню слов, как лат. *pī-n-gu-is* „толстый“ и др.-сканд. *fei-t-r*; лит. *žar-n-à* „кишка“ и др.-гр. *χάρ-δ-ή*; лат. *gī-ŕ-us* „ручей“ и ст.-слав. *ръ-к-а* и т. п., Шпехт считает, что путь к пониманию значения таких древнейших суффиксов лежит через исследование вопроса о происхождении индоевропейского флективного словоизменения (Flexion), в частности вопроса об образовании тематических именных основ, которыми в значительной степени вытесняются более древние согласные основы. Последние уже включали в себя древнейшие суффиксы, являющиеся „распространением“ корня. Свой анализ Шпехт вел, беря в качестве объектов не любые слова, как это делали и Перссон, и Хирт, а слова определенных лексических категорий. В этом заключается интерес его исследования, хотя выделение самих лексических категорий у него очень спорно и часто основано на лингвистических критериях. На анализе этих лексических категорий Шпехт

* F. Specht, *Der Ursprung der indogermanischen Deklination* (Göttingen, 1943).

пытался показать, что в процессе дальнейшего развития языка-основы „древнейшие распространения“ совпали по своей основообразовательной функции с более поздними „суффиксальными распространениями“. Интересна здесь сама постановка вопроса о характере основообразовательных процессов, в которых старый значащий звуковой материал, оставаясь в целом продуктивным средством, получал новые функции, приспособляясь к новой системе.

Однако, присоединяясь в общем к взгляду Перссона и Хирта относительно одинаковой природы и функций древнейших детерминативов и позднейших суффиксов*, Шпехт тем самым также снимает с обсуждения проблему древнейшего индоевропейского словообразования.

В противоположность этому, вопрос о противопоставлении „распространений“ и „суффиксов“ как элементов, имеющих совершенно разную природу и разные словообразовательные функции, с исключительной остротой ставится в настоящей книге Бенвениста. Как и менее систематически изложенная „теория корня“ Куриловича**, „теория корня“ Бенвениста, во-первых, имеет чисто фонетический характер, полностью отрешенный, в противоположность Шпехту, от лексико-семантического анализа слов; во-вторых, в этой своей фонетической основе она целиком исходит из принятия так называемой „ларингальной гипотезы“ и без нее остается не только ничем не обоснованной, но и непонятной (см. стр. 19—22).

Корень для Куриловича и Бенвениста — только элемент фонетической структуры слова. Если сочетание *-kt-* невозможно (как считал еще Мейе) как завершение корневой морфемы, то, следовательно, в словах, обозначающих „ночь“, лат. *nox* (род. п. *post-is*), др.-гр. *νύξ* (род. п. *νυκτ-ός*) и т. д., корнем будет только **поk^u-*, и эти слова, независимо от их значения, можно сопоставлять с лат. *посо* „врежу“, *поха* „вина“, др.-гр. *νέκταρ* „нектар“, *ἀ-νάγκη* „необходимость, судьба“ (с протетическим *α-* и носовым инфиксом) и т. д.

---

* В отличие от Хирта Шпехт не выделяет в особую категорию суффиксы, возникшие из самостоятельных слов.

** J. Kuryłowicz, *Études indo-européennes*, I (Kraków, 1935). Chap. V: la dérivation nominale, стр. 169—251.

Слова для Куриловича вообще не существуют. С точки зрения его фонетической теории корня, индоевропейские корни возникли в том виде, в котором они могут быть восстановлены для наиболее древнего этапа развития языка-основы, только в определенный исторический момент. Причиной их возникновения было, по Куриловичу, чисто фонетическое явление — „первое ослабление гласных“*. Даже если эта гипотеза и окажется вероятной, это не спасет фонетическую теорию корня, так как „ослабление гласных“ (если оно действительно имело место) могло произойти не само по себе, а в реально существующих словах реального языка, служившего средством общения в каком-то человеческом коллективе. Язык изначально был языком слов, как бы примитивна ни была их морфологическая структура. Поэтому фонетическая теория корня, доведенная до логического абсурда, в целом ничего не может дать для разработки советского сравнительно-исторического языкознания.

Это, однако, не исключает возможности критически использовать отдельные исследовательские приемы, включая их, с известным переосмыслением, в систему нашей сравнительно-исторической методики. К этим приемам и надо отнести прием различения „распространений“ и суффиксов в настоящей книге Бенвениста.

Продолжая исследования многих компаративистов (в последнее время Х. Педерсена и В. Петерсена), Бенвенист, как и Шпехт, придает огромное значение реликтам „гетероклитического“ склонения как системы именного словоизменения, которое должно было сосуществовать в индоевропейском языке-основе с древнейшими типами корневых морфем, изменявших конечный звук при склонении (ср. чередование г/п в др.-гр. ἔδωρ — ἔδατος или в умбр. utur — une (местн. п.) и чередование i/п в др.-инд. ásthī — asthnaḥ и в др.-гр. ἄλφι — ἄλφατος).

Та взаимосвязь между развитием процессов словоизменения и процессов словообразования, которую правильно пытался нащупать Шпехт, не приходя, однако, к кон-

* Здесь Курилович во многом следует Хирту, опираясь на наиболее спорную часть его компаративистской концепции — историю индоевропейского вокализма в связи с ударением.

кретным результатам, у Бенвениста выступает значительно яснее. Оказывается, что те же чередования г/п, i/п, которыми гетероклитическое склонение пользовалось для образования падежных форм, использовались ранее для целей словообразования; ср. др.-гр. ἔαρ (из *f₂etar), лат. vēr (из *deser), лит. vasarà и, с другой стороны, др.-инд. vasantah, ст.-слав. весна; ср., далее, др.-гр. χειμῶν „зима“ и χειμέριος „зимний“, χειμαρός „годовалый“ и т. д. Таким образом, перекрещивание словообразования и формообразования было свойственно индоевропейскому языку-основе и на очень ранних этапах его развития.

Применяя „ларингальную гипотезу“ (см. ниже), согласно которой гласный а и не чередующийся с е гласный о (как краткие, так и долгие) являются результатом различных сочетаний е с ларингальным э, имеющим не гласный, а (как на это указал еще Соссюр в 1879 г.) согласный характер и несколько разновидностей, Бенвенисту удалось найти точный критерий для различения тех элементов, которые называли „детерминативами“ или „распространениями“, и суффиксов. Суффикс как морфема, включающаяся в состав слова, появляется лишь после возникновения аблаута, который, в свою очередь, мог возникнуть лишь после оформления системы ё/ѓ — ѓ — ѣ из различных сочетаний е и э. Аблаут создал возможность появления новых типов как словопроизводства (vesu — voz, lego — toga, φέρω — φέρος), так и формопроизводства (fugio — fugi, λήγω — ἐλάθω, πέσσαι — ἐπιδέμη). С превращением в суффиксы ранее самостоятельных слов благодаря сращению их с корневыми морфемами явления аблаута распространились и на суффиксальные морфемы (ср. образование основ на -е: -о, -es: -os, -и: -ει: -οι). Следовательно, подчиняясь законам аблаута, суффикс должен был всегда иметь „огласовку“ (хотя бы нулевую), тогда как „распространение“, или детерминатив, являясь средством словообразования и формообразования до возникновения аблаута и даже до создания развитой системы вокализма, всегда было и осталось чисто консонантным элементом. Под новые закономерности аблаута и развития вокализма подпали все чисто корневые слова, изменяющиеся если не по правилам „дофлективного“ строя, то, во всяком случае, по правилам грамматического строя, сильно отличающегося от

того развитого флективного строя, который непосредственно реконструируется сравнением исторически засвидетельствованных систем грамматического строя индоевропейских языков*. Но под эти закономерности подпали и производные образования, являющиеся как лексическими вариантами корневых слов, создавшимися путем присоединения к ним чисто консонантных элементов, так и их грамматическими формами в пределах того относительно примитивного грамматического строя, которым обладал всякий язык для выражения отношения между понятиями. Таким образом, одни и те же консонантные „детерминативы“ могли действительно иметь и примитивно словообразовательные, и примитивно словоизменятельные функции, как это правильно подметил Хирт, хотя он и оказался совершенно беспомощным в систематизации относящегося сюда материала. Так как большинство суффиксов словоизменения восходит, повидимому, к некогда самостоятельным словам, как думали еще Бопп и Шлейхер, то более сложные отношения долгое время, при невозможности вариации корневых морфем и бедности и однообразии консонантных элементов суффиксации („детерминативов“), выражались сочетанием знаменательных слов, часть которых постепенно превращалась в служебные и далее вообще переставала быть словами. Равным образом, более сложные процессы производства новых слов реализовались при помощи словосложения (типа *bahuvrīhi*, *dvandva* и др.). Как и все языки, индоевропейский язык-основа развивался путем развертывания существующих в нем средств: функции консонантных элементов („детерминативов“), а позднее ступеней чередования корневых и суффиксальных морфем и тематических гласных в словообразовании и словоизменении не могли не быть связаны с формированием тех или иных лексико-семантических категорий. На это правильно указывал еще Шпехт, хотя сам он, применяя преимущественно нелингви-

* К этому древнейшему (примитивно-флективному) строю надо относить гетероклитическое (повидимому, двухпадежное) склонение, систему двух грамматических родов (одушевленного и неодушевленного), систему презенса — претерита, начавшую затем осложняться перекрещиванием с системой инфекта — перфекта (с выделением в дальнейшем аориста) и с модальными категориями.

стические критерии, оказался не в состоянии систематизировать относящиеся сюда факты и выделить лексико-семантические группы в собственном смысле слова.

Бенвенисту удалось (в этом, может быть, его главное достижение) открыть бесспорный закон морфологической структуры индоевропейского слова, создающийся в результате взаимодействия законов аблаута (каково бы ни было их происхождение — акцентологическое или иное) с процессами превращения самостоятельных слов в аффиксы, сросшиеся с корневыми морфемами. Этот закон, подводящий прочную фактическую базу под изложенную выше концепцию переломного периода в развитии индоевропейского языка-основы (длившегося, вероятно, многие столетия и представлявшего собою не „взрыв“, а долгую борьбу нового с отмирающим или приспособляющимся старым), состоит в следующем:

Ступени чередования корневой и суффиксальной морфем в производной атематической основе всегда находятся в строгом соотношении между собой, и полной огласовке корня (e: o) может соответствовать только нулевая огласовка суффикса, а нулевой ступени корня — лишь полная огласовка суффикса.

На этом законе с широким использованием „ларингальной гипотезы“ и строит Бенвенист свою теорию двух обязательных видов каждого индоевропейского корня. Однако при всей своей алгебраической стройности эта теория едва ли войдет в число бесспорных концепций индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Именно ее безупречная стройность и является наименее обоснованной реальными языковыми фактами. Но предпосылки его концепции в интерпретации, данной выше (с использованием того рационального зерна, которое потенциально есть в работах Хирта и Шлехта), открывают новые перспективы для сравнительно-исторического изучения развития морфологической структуры слова в индоевропейских языках.

Для понимания книги Бенвениста необходимо иметь общее представление об упоминавшейся уже выше „ларингальной гипотезе“.

Еще Соссюр в своем „Мемуаре“, констатировал, что чередования $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{o}$ с $\bar{a}$ (так называемое *schwa indogermanicum*) представляют полную аналогию чередованиям e_i , e_c , e_p с i , u , $\bar{u}$. Он высказал предположение, что $\bar{a}$ первоначально было неслоговым элементом своего рода дифтонгов (с e в качестве слогового элемента). Стяжение этих дифтонгов привело к тому, что первоначальный слоговой элемент исчез, а неслоговой стал слоговым (т. е. i , u , $\bar{u}$ $>$ i , u , $\bar{u}$). Таким образом, индоевропейское $\bar{a}$, во-первых, было первоначально консонантным элементом и, во-вторых, должно было иметь три разновидности ($\bar{a}_1$, $\bar{a}_2$, $\bar{a}_3$), сочетание которых с e и дало $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{o}$. С полной четкостью Соссюр этого не сформулировал, но это ясно вытекает из его изложения*.

В дальнейшем развитии сравнительной фонетики и грамматики индоевропейских языков таких выводов долгое время не делали. Только датский лингвист Г. Мёллер, стремившийся обосновать исконное родство индоевропейских и семитских языков, принимал пять „ларингальных“ звуков для индоевропейско-семитского праязыка*** и утверждал, что гласное начало слов в индоевропейских языках стало возможным лишь после исчезновения ларингальных звуков (или их превращения в слоговые гласные в некоторых языках). Развивая идеи Мёллера, Кюни решительно высказался за наличие трех видов ларингальных звуков — согласных, но становящихся гласными в положении между согласными. Качество ларингального придыхания в этих трех звуках он определял как палатальное ($\bar{a}$, дающее e), веллярное ($\bar{a}$, дающее a) и лабиовеллярное ($\bar{a}$, дающее o)****.

Ни Бругман, ни Фортунатов и Поржезинский, ни Хирт, ни даже Мейе (ученик и преемник Соссюра) этих предположений Соссюра не приняли****.

* Ср. Mémoire sur le système primitif des voyelles..., стр. 146, 239 и сл., 269. То, что позднее называли „ларингальными согласными“, Соссюр относил к числу сонантов или „сонантических коэффициентов“ (см. Mémoire..., Préface, стр. 5) и обозначал знаками A и Q.

** H. Möller, Laryngale Konsonanten (1917).

*** A. Cuny, Notes de phonétique historique indoeuropéenne et sémitique (Revue de phonétique, т. 12, 1912, стр. 101—125).

**** К. Вругманн, Kurze vergleichende Grammatik (1904, стр. 142); Ф. Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравнительной фонетики

В 1927 г. Курилович* открыл, что хеттское h в ряде случаев соответствует соссоровскому А. „Ларингальная гипотеза“ получила здесь первое свое фактическое обоснование, независимое от признания генетических связей индоевропейских языков с семитскими (Мёллер, Педерсен, Кюни).

В ряде других статей** Курилович развивал свою теорию ларингальных звуков в индоевропейском языке-основе и подвел, наконец, итоги своим исследованиям в книге „Индоевропейские этюды“, в главе „Об исчезнувших консонантных элементах“***. В таком приблизительно виде эта теория принимается и Бенвенистом.

Курилович сам подчеркивает, что правильное освещение „вокализации ə “ должно по-новому осветить общую теорию индоевропейского корня. Свою концепцию он формулирует в следующих положениях:

1) все долгие индоевропейские гласные, считающиеся исконными, являются результатом очень древней контракции краткого e и ларингального, а именно: $e\text{ə}_1 > \bar{e}$, $e\text{ə}_2 > \bar{a}$, $e\text{ə}_3 > \bar{o}$; кроме того, o , чередующееся с e , в соединении с ə_1 тоже дает $\bar{o}$; эта контракция наступала в положении перед согласным;

2) интервокальное ə исчезло, приводя тоже к контракции гласных в зиянии;

3) между согласными ə исчезло;

4) в положении между согласным и гласным ə исчезло, вызывая редукцию следующего гласного (превращение его в слоговое ə и, в дальнейшем, ä или ï), а в индо-иранских языках, после глухих взрывных, создавая глухие придыхательные ($k\text{ə}$, $r\text{ə}$, $t\text{ə} > kh, ph, th$);

5) все индоевропейские корни, начинающиеся теперь с гласного звука, начинались раньше с ларингального, т. е. $\text{ə}_1e- > e-$, $\text{ə}_2e- > a-$, $\text{ə}_3e- > o-$ (не чередующееся с e);

(1918, стр. 70, 71, 75, 76, 89, 90). См. также В. К. Поржезинский, Очерк сравнительной фонетики (1912, стр. 17—32); Н. Hirt, Indogermanische Grammatik, Bd. II (1921, стр. 124, 125, 134—138).

* J. Kuryłowicz, ə indoeuropéen et h hittite (Symbolae lo. Rozwadowski, I, Cracoviae, 1927, стр. 95—104).

** „Prace filologiczne“, т. XI (1927, стр. 201—243); „Rocznik orientalistyczny“, т. IV (1926, стр. 196—218); „Eos“, т. 30 (1927, стр. 196—218).

*** J. Kuryłowicz, Études indoeuropéennes, I (Krakow, 1935, стр. 27—76).

перед согласным начальное э исчезало без влияния на согласный;

б) хеттское ħ есть результат видоизменения ǰ₂, хотя наблюдаются случаи, когда „исконному“ гласному ā, наличному в других индоевропейских языках, в хеттском не соответствует ħ*.

Третий пункт концепции Куриловича вызывает необходимость нового объяснения чередований ē : ə, ā : ə, ō : ə, т. е. чередований долгих гласных с ѐ в индоевропейских языках Европы и с ĭ в индо-иранских языках. Курилович считает, что ослаблением ея была нулевая ступень, а ослаблением эе — редуцированный гласный в срединных слогах, тогда как в начале слова эе давало полные гласные е, а, о. Следовательно, *ĝenə- не является ослаблением *ĝenē-, а оба вида основы представляют собой две разновидности полной ступени по отношению к двум разновидностям ослабленной ступени (*ĝnə- и *ĝnē), так как *ĝenē- восходит к *ĝeǰnēa, а *ĝenə- — к *ĝeǰnəe-; соответственно *ĝnē- и *ĝnə- восходят к *ĝǰnēa- и *ĝǰnəe-. Следовательно, далее, в видах корня *ĝenə- и т. п. мы не имеем каких-то „двуслоговых баз“ и никакой разницы между *ĝeǰnə- : *ĝǰnēa- и, например, *ĝer-g- : *ĝrē-g- (т. е. первоначально *ĝeǰnə-g- : ĝǰnēa-g-) по существу нет**.

Дальнейшее развитие теории и истории ларингальных звуков уже не отразилось в книге Бенвениста, в которой, между прочим, факты хеттского языка используются далеко неравномерно.

Следует отметить, что известный американский лингвист Э. Сепир выдвинул гипотезу о четвертом ларингальном звуке более решительно, чем Курилович***. Однако поддержки среди большинства сторонников „ларингальной теории“ (за исключением Э. Стертеванта)**** это расширение „ларингальной теории“ не встретило.

* Курилович высказывает здесь с оговоркой предположение о э, которое в сочетании с е якобы всегда давало а во всех индоевропейских языках, в то время как ея₂ в хеттском языке давало не а, но ħ.

** Звук g в корне *uerg- : *urēg- рассматривается здесь как „детерминатив“ (см. выше).

*** E. Sapir, The indoeuropean words for „tear“ (Language, т. 15, 1939, стр. 180—187).

**** E. H. Sturtevant, The Indo-Hittite laryngeals (Baltimore, 1942, стр. 31, 34, 46—58).

Книга Бенвениста, предлагаемая в русском переводе, рассчитана на читателя, уже знакомого с основами сравнительной фонетики и грамматики индоевропейских языков хотя бы в объеме „Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков“ А. Мейе (М., 1938).

Из других пособий для ознакомления с элементами сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков могут быть рекомендованы:

1. В. К. Поржезинский, Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков (М., 1912).

2. Его же, Сравнительная морфология древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков (М., 1914, литогр.).

3. Его же, Сравнительная грамматика славянских языков, вып. 1: Введение. Общеславянский язык в свете данных сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, 2-е изд. (М., 1916).

4. В. А. Богородицкий, Сравнительная грамматика арио-европейских языков, вып. 1 (Казань, 1914, не закончено).

5. Его же, Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков, 2-е изд. (Казань, 1917).

6. Его же, Из чтений по сравнительной грамматике (вып. 1—Русский филологический вестник, 1892—1894; вып. 2—там же, 1895; вып. 3—Ученые записки Казанского университета, 1900, кн. 4).

7. О. Гуйер, Введение в историю чешского языка (М., 1953), гл. II „Индоевропейский праязык“ (стр. 16—41).

8. А. Мейе, Общеславянский язык (М., 1951).

9. П. Шантрэн, Историческая морфология греческого языка (М., 1953). С приложением „Краткого очерка греческой фонетики“ Я. М. Боровского.

10. И. Фридрих, Грамматика хеттского языка (М., 1952). С вступительной статьей А. В. Десницкой „О хеттском языке“ (см. особенно § 4 „Соотношение хеттского языка с другими индоевропейскими языками“).

Литографированные курсы Ф. Ф. Фортунатова, лежащие в основе указанных выше пособий В. К. Поржезинского и являющиеся библиографической редкостью (как и его „Краткий очерк сравнительной фонетики“, изданный

в 1922 г. в количестве 600 экз., частью погибших), в настоящее время подготовлены к печати в составе „Избранных сочинений академика Ф. Ф. Фортунатова“ (издание АН СССР).

Как видно из предшествующего изложения, книга Э. Бенвениста, конечно, отражает многие пороки зарубежной компаративистики, главными из которых являются: недооценка семантической стороны языка, склонность к абстрактному алгебраизму и полный отрыв истории языка от истории его творцов и носителей. Не понимает автор и диалектического характера развития языка, вызывающего постоянную борьбу в нем нового со старым и приспособление старого к новым функциям. Но вместе с тем многое в его исследовании показывает на фактах как раз то, что им в теоретическом плане недооценивается или понимается не до конца. Это бесспорное положительное качество книги обусловлено тем, что автор стремится последовательно проводить историческую точку зрения на язык, расходясь в этом с господствующим в современном зарубежном языкознании структурализмом, который в лице Ельмслева пытается внедрить свои описательно-синхронные точки зрения даже в реконструкцию языка-основы*. Поэтому и советский языковед может извлечь из чтения книги Э. Бенвениста, составившей эпоху в истории буржуазной компаративистики, немало пользы. Именно как труд, „составляющий эпоху“, книга Бенвениста была оценена сразу, в первых же рецензиях (см. особенно рецензию Ж. Вандриеса в „Bull. de la Soc. de ling. de Paris“, т. 37, 1936, вып. 3, стр. 29—36). У нас особенно высоко оценил книгу Бенвениста покойный акад. Л. В. Щерба, заявлявший об этом в ряде публичных выступлений в 1939—1944 гг. Высокую оценку получила эта книга и в рецензии А. В. Десницкой („Изв. АН СССР, отд. лит. и яз.“, № 3, 1941, стр. 149—151).

Б. Горнунг.

* L. Hjelmslev, Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen (Mélanges linguistiques, offerts à H. Pedersen, Copenhague, 1937, стр. 34—44).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

На протяжении шестидесяти лет основным предметом сравнительной грамматики являлось установление соответствий между индоевропейскими языками и — исходя из состояния, определяемого этими соответствиями, — объяснение того, как развивались известные нам диалекты. К индоевропейскому языку обычно относят все, что выглядит унаследованным от него в каждом из диалектов, при молчаливом или открытом признании, что вести восстановление индоевропейских форм дальше их ближайшего прототипа рискованно. Со времени „Мемуара“ Ф. Соссюра* проблема строения самих индоевропейских форм находилась в почти полном пренебрежении. Повидимому, считалось, что можно исследовать развитие индоевропейского языка, не вникая в его предисторию, что можно понять результаты, не обращаясь к первопричинам. И действительно, обычно ни в чем не выходили за пределы констатации фактов. Большой и заслуживающий уважения труд, затраченный на описание форм, не сопровождался ни одной серьезной попыткой их истолкования. Несомненно, что именно в этом заключается главная причина современного неблагополучия в сравнительной грамматике: если собственно компаративистская исследовательская работа имеет тенденцию расплываться на мелочи, то объясняется это только тем, что здесь забыли о фундаментальных вопросах; и если многие языковеды отказываются от сравнения, то причина этого — в распространившемся среди них мнении, будто возможен только выбор между познанным и непознаваемым.

Таким образом, наша первоочередная задача состоит в том, чтобы восстановить понятие индоевропейского языка, отделив его от той эмпирической и в сущности негативной концепции, согласно которой индоевропейское — все то и только то, что, будучи установлено путем срав-

---

* Имеется в виду книга Ф. де Соссюра „Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes“ (1879). — *Прим. перев.*

ления, не является результатом новообразования. В работе, первым томом которой служит данная книга, индоевропейский язык рассматривается не как собрание неизменных символических знаков, а как язык в его становлении, раскрывающий в своих формах такое же разнообразие происхождения и хронологии, как и у любого исторически засвидетельствованного языка; он рассматривается как язык, хотя и восстановленный, но допускающий, тем не менее, генетический анализ. Исследуя имя, нам легче будет проникнуть в эту доисторию, чем при изучении глагола; вот почему мы и исходим от того типа имени, который рассматривается нами как наиболее архаический, — именно от гетероклитического типа, — чтобы достигнуть таким путем (медленным и не всегда прямолинейным) состояния языка, определяемого нашей теорией корня. Этапы этого углубления отмечены — по главам — рядом проблем, между которыми существует или намечается известная связь и которые посвящены наиболее трудным разделам морфологии. По мере развития темы мы увидим, что меняется не только постановка, но и самая природа вопросов. В первой главе, например, флексия¹ на г/п рассматривается как реальный факт индоевропейского языка, а в предпоследней главе мы пытаемся уже показать, что эта флексия не принадлежала индоевропейскому языку в собственном смысле слова. Возможно, в конечном счете выяснится, что главной задачей компаративистов должно стать именно установление хронологии.

Среди разнообразных проблем, которые ставит проводимое таким путем исследование, нужно было произвести некоторый отбор. В качестве первоочередной задачи мы наметили определение структур, чередований, системы форм; в дальнейшем надлежит рассмотреть функции этих элементов и тенденции, управляющие ими. При всей неполноте и суммарности настоящего очерка, на всем его протяжении к предмету исследования прилагаются одни и те же принципы; сам же предмет не меняется по существу, хотя и выступает перед нами в разных видах. Мы пытаемся дать целостное представление о предмете; только достигнув целостности, мы считали бы наше предприятие оправданным, если принять принцип Гегеля: „Истинным является целое“.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМА ЧЕРЕДОВАНИЯ r/n

Именно́й тип на r/n принято считать наиболее архаическим остатком древней индоевропейской флексии. И само его своеобразие, и редкость форм, его представляющих, и простейший характер понятий, им выражаемых, и тот процесс сокращения или нормализации, которому он был подвержен уже в раннюю эпоху,— все это доказывает, что данный тип есть пережиток упраздненной системы и что, выделяясь своей неправильностью среди обычных образований, он относится к более древнему строю языка. Вот почему исследователи неумоимо занимались раскрытием его доистории.

Со времени возникновения сравнительной грамматики появилось большое количество работ*, свидетельствующих если не об успешности, то хотя бы о постоянстве этих попыток; у исследователей было ясное понимание того, что от разрешения этой проблемы зависит не только истолкование некоторых других именных флексий, но и устранение многих трудностей в изучении чередований или словопроизводства, а главное — восстановление индоевропейского имени в одном из его наиболее древних состояний. Однако приходится констатировать, что проблема эта остается неразрешенной. Ни одна из предложенных гипотез не может быть признана хотя бы правдоподобной; нельзя даже сказать, что подготовлены предварительные условия для разрешения задачи. Внутри морфологии имени гетероклитная флексия остается чужеродным телом: ее описывают, указывают на ее следы в разных местах, но ее не объясняют.

* Довольно полное перечисление их можно найти у Вакерпегеля — Дебруннера, *Altind. Gramm.*, III, стр. 310 и сл. На некоторые другие работы мы будем ссылаться в последующих главах.

В подобных вопросах дать объяснение --- значит одновременно установить отличительную функцию каждого из наличных элементов, выяснить причины, заставляющие эти элементы группироваться или противопоставляться, и отыскать пути, посредством которых устанавливается их чередование. В этом определении содержится уже и метод. Если столько попыток потерпело неудачу, то лишь потому, что проблему ставили неверно: авторы их хотели оценивать пережитки применительно к правильным типам, т. е. подчинить архаизмы нормам позднейших эпох. Следует же, наоборот, отрешаясь от привычных схем, сначала как можно шире и полнее описать подлежащее изучению состояние языка как таковое, охарактеризовать каждую морфему в тех различных функциях, в которых она может быть познана, и в ее отношении к той системе, внутри которой она действует; затем --- и только тогда --- подробно рассмотреть особенности чередования. Следовательно, чтобы перенести изучаемые формы в те условия, при которых они должны были возникать, придется выйти далеко за видимые границы проблемы. Это поведет к необходимости обсудить весьма разнообразные привходящие моменты, к постоянным ссылкам от одной части изложения к другой; словом, к некоторой сложности построения. Однако решение может быть получено лишь такой ценой. Только путем последовательных приближений мы достигнем той стадии, когда „аномалии“ найдут свое оправдание.

С целью упростить анализ частных случаев и внести ясность в некоторые затруднительные этимологии, отберем сначала в возможно большем числе слова, обнаруживающие свою принадлежность к типу флексии на r/n (i/n). Мы не надеемся дать их полный список: тип, упраздненный почти повсеместно и претерпевший всякого рода выравнивания, по существу не поддается исчерпывающему учету. По мере развития исследования будут появляться новые примеры; но уже и то, что собрано здесь, охватывает такое количество фактов, которое значительно превышает всю совокупность используемых обычно. Эти факты распределены ниже по способу их образования. Каждый из них сопровождается кратким или подробным примечанием, назначение которого --- сопоставить с разбираемым словом

формы, определяющие его истолкование, а в случае необходимости — указать на расходящиеся мнения. Мы будем приводить без комментариев те из этимологий, которые приобрели право гражданства в трудах по сравнительной грамматике. Предупреждаем, что перечень, данный ниже, содержит лишь наиболее прозрачные примеры; множество других, менее очевидных, и даже целые разряды слов, вроде греческих существительных среднего рода на *-*far* или образований на -1-, будут описаны в последующих главах. Нам также придется в дальнейшем еще раз подробно разобрать некоторые из примеров, уже данных здесь, что повлечет за собой неизбежные повторения.

Насколько это было возможно, примеры расположены по типам образования (*i/p, г/p, более сложные формы). Мы стремились в какой-то степени сгруппировать для каждого языка наиболее продуктивные типы; впрочем, при подобном перечислении систематический порядок невозможен*.

Наименование „камня“ вместе с многочисленными производными образует обширную семью, которую Рейхельт (IF, XXXII, стр. 23 и сл.) правильно возводит к существительному ср. р. **āk-* (**ōk-*), род. п. *aknes (*oknes); ср., с одной стороны, перс. *ās*, с другой — род. п. ед. ч. скр. *áçpañ*. Мы распределим его производные в ином порядке. Основа, распространенная посредством *-*er-*: скр. *áçgī* „угол“, *çatur-açra-* „о четырех углах“, гр. *ἄκρος*, лат. *acer*, умбр. *ikaç* „гора“, др.-ирл. *ēg* „вершина“; — образование на *-*en-*: скр. *açan-*, *açn-*, авест. *asan-*, *asn-* „камень“, гр. *ἄκων*, *ἄκόνη*, гот. *ahana*; — образование на *-*l-*: ст.-слав. *осла*², др.-в.-нем. *ahil* и (с -*n*-) арм. *aseñ*, род. п. *aštan* „игла“; — на *-*i-*: гр. *ἄκίς*, лат. *aciēs*, др.-сакс. *eggja* „острие“; — на *-*s-*: гр. *ἄκίς*, *ὄξυ*, гот. *ahs*; — на *-*u-*: лат. *acus*, галл. *asaupum*. Далее, с суффиксом -*m-* гр. *ἄκμή*, образование на *-*mer-*: скр. *açmarā*, *açmarī* „песок в моче“, др.-сев. *hamarr*; чередующееся с *-*men-*:

* Выражаем свою благодарность г. Вандриесу, любезно прочитавшему некоторые из последующих глав и предоставившему в наше распоряжение различные сведения относительно фактов кельтских языков.

скр. aṣman-, авест. asman-, гр. ἄσμιον, лит. ašmuo, akmuo, ст.-слав. кльмъ.

Наименование „пути“ в индоевропейском языке обладает необычной сложностью форм и типов, получившей много истолкований (сводку их см. А. Мейе, *Studies... Lanman*, стр. 3 и сл., и Вакернагель, *Altind. Gramm.*, III, стр. 306 и сл., с библиографией). Суммарно можно выделить три образования: 1) индо-иранский тип *pánthāh*, вин. п. *pánthām*, авест. *pañtā*, *pañtam*, с огласовкой гр. *πότις*; 2) тип **pñthi* (или **pñthə* по Вакернагелю), скр. твор. п. мн. ч. *pañí-bhiḥ*, местн. п. *pañí-su*, в сложных словах *pañi-*; др.-перс. *pañi*, др.-прусс. *pintis*, с полной ступенью огласовки лат. *pōns*, ст.-слав. *пъть*. Твор. п. мн. ч. в Гатах *pañāhiš* указывает на атематическую форму наряду с вед. *pañí-bhiḥ*, так же как гат. *azd-bīš* наряду с вед. *añhí-bhiḥ*; 3) более поздний тип на **-ep-*, который можно вывести из скр. *pánthān-* (им. п. мн. ч. *pánthānaḥ*) и авест. *pañtān-*; мы объясняем его контаминацией между *pañthāh* и **pañthan-*; по аналогии с имеющейся долгой флексией — вин. п. ед. ч. *ádhvānam* рядом с вед. *ádhvan-* „путь“ — мы полагаем при *pañthānam* форму *pañthan-* (ср. гат. ср. р. *pañman* „путь“); от этой основы на **-ep-* произошло ср.-ирл. *aitt*, *ait* „место“, которое Педерсен (*Vergl. Gramm.*, I, стр. 161) объясняет посредством **pōthnī*.

Скр. *ásthi*, род. п. *asthnāh* (ср. р.) „кость“ представляет собой распространение посредством **i/n* основы **ast-*, устанавливаемой для авестийского, исходя из *ašča* (в рукописи *asta*) = *ast-ča* и гат. *azdābīšča* (Y, LV, 1) = *azd-bīš*, измененному в *azdibīš* в позднейшей Авесте; индийская флексия имела свое иранское соответствие, если судить по *asti-aōjah-* „сила костей“ и *astən-tāt-* „костистость > жизнеспособность“, скр. *asthan-vānt* „снабженный костями“; хетт. *ḥastāi-* „кость; сила сопротивления“; гр. *ὀστέον* (**ōstéon*), дор. *ὀστίον* (о формах этого слова см. Мейе, *MSL*, XXIII, стр. 260). Производные *ὀσταχός* „омар, ракообразное“ и прежде всего *ὀστράγαλος* „косточка“ указывают на распространение посредством заднеязычного — **ostʰ-g-*, параллельное скр. *asʰ-g-* „кровь“, **pet-ʰ-g-* (стр. 52) и т. д. Лат. *oss* зиждется на **osth-s* (мн. ч. *ossua* аналогично *artua*), а арм. *oskr* восходит, без сомнения, к **ostʰer*, в котором можно видеть либо элемент **-er*, прибавленный к основе на *-ц-*,

либо образование на *-цег типа, исследованного на стр. 139. Сближение с ὄσφῶς, выдвигаемое иногда, ничем не поддержано.

Наряду с вед. hārdi, хетт. kardi-, арм. sirt (*kērdi-), гр. καρδία и т. д. готский язык имеет haírto, род. п. haírtins (*kērd-en-).

Гр. ἀλεῖ „ячменная мука“, род. п. *ἀλεῖατος, основывается на глоссе Гесихия ἀλίφατα · ἀλίφια ἢ ἀλεύρα (Эрлих, KZ, XXXVIII, стр. 55; Кикерс, IF, XLI, стр. 184, и П. Варман, Glotta, XVII, 1929, стр. 253). Подобным же способом образовано ἰσχυ· ὄσφῶς, от которого произведено тематическое ἰσχύον (сюда не относится скр. sákthi), и *ίχυι, являющееся несомненным прототипом для ἰχυιον „мачта“ (см. стр. 100).

Лит. vágis „шип“, др.-в.-нем. wecki „угол“ : др.-прус. wagnis „резец (у плуга)“, гр. ὄφρις „лемех (у плуга)“, ср. ὄφρις · ὄνρις, ἀρότρον (менее ясно по смыслу ὄφατα · δεσμοί ἀρότρων Ἀχαρυᾶνες у Гесихия; см. Мерингер, IF, XVII, стр. 132), др.-в.-нем. waganso „лемех“. Чередование i/n в производном от *цег h- представлено, возможно, в др.-перс. vaǰ- „выкалывать (глаза)“ (Вакернагель, KZ, LXI, стр. 207). Лат. uōmis имеет другое образование на *-s-mi- от того же корня.

Лат. axis „ось“, лит. ašis, др.-прус. assis, ст.-слав. ось имеют основу *aks-i-, чередующуюся с *aks-en- в др.-в.-нем. ahsa, гр. ἄξων. Основа *aks-, извлекаемая из гр. ἄμ-αξ-α, скр. áks-a-, авест. aš-a-, подтверждается лат. āla < *aks-lā.

Основа *aus-, *us- „ухо“ распространена посредством -i- в авест. uši- (в сложении), uši-bya (твор. п. дв. ч.), лит. ausis, лат. auri- и т. д., которое чередуется с *-en- в гр. род. п. οὐατις, мн. ч. οὐατα, *ous-η-t-, гот. ausō, арм. unkn и т. д.

Хетт. melit „мед“, гр. μέλι(τ) (ср. βλίττω), гот. milif имеют распространение *-t-, стоящее после *-i-, которое чередуется с *-n- в лат. род. п. mellis (< *mel-n-is).

Лат. sal, salis „соль“, гр. ἅλις, ἅλς — корневое имя с несколькими распространениями: *-d в германских формах — гот., др.-сакс., др.-сев. salt, возможно, лат. sallo, salsus; *i/n в лат. sale, др.-ирл. sail-, гр. ἅλι, ст.-слав. соль, тохар. salyi, арм. ał (основа на -i-), а с другой сто-

роны, гр. ἄλατι, ст.-слав. слнъ (*solno-) „солёный“. Кельтский язык имеет *salēno- (ирл. salann, др.-корн. haloin, кимр. halaen) из *saleino-, лат. salīnus (Ломан, KZ, LIX, стр. 143).

Скр. āsṛ-k, род. п. asnāḥ „кровь“, представляет asṛ-g, ср. asṛjā; др.-лат. a(s)ser, assarātum; скр. asram; гр. ἄσρ·αῖμα κόπρῳι, ἦσρ·αῖμα, φύχη у Гесихия; латыш. asins; тохар. ysār (где ā не обязательно обозначает долготу: ysār : лат. aser, как utār „путь“ : лат. iter); арм. ar-iwn „кровь“ из *asṛ-iḱōn? (Педерсен, KZ, XXXIX, стр. 395). Хеттский имеет ešḫar (дублет, — вероятно, более поздний — ešar, о котором см. Гётце—Педерсен, Sprachlähmung des Muršiliš, стр. 32), род. п. ešnaš, с начальной гласной неопределенного количества: им.-вин. п. пишется e-eš-ḫar, с таким e-eš-, которое транскрибирует долгий гласный (ср. e-eš-zi „он садится“, гр. ἦσαι); ešḫar подтверждает точку зрения Шульце (Quaestiones epicae, стр. 165), полагавшего, что ἄσρ произошло путем сокращения из ἦσρ, графическим искажением которого было ešar; хетт. ešḫar, гр. ἦσρ в таком случае относятся к āsṛ-k, как гр. ἦσρ, авест. yākar- к скр. yāḱṛ-t.

Скр. yāḱṛ-t, yaknāḥ „печень“; перс. jīyar (< *jākar-), афг. yīna < косв. *jāhna- (Моргенстиерн, Etym. Vocab., стр. 100); лат. iecur, *iecinis (iecinoris), лит. jāknos, латыш. aknis (мн. ч.); формы, восходящие к *jēkʷṛ(t-), *jēknés. С долгой огласовкой корня — гр. ἦσρ, ἦσρως, авест. yākarə, форма на -п- от которого присутствует, по смелой догадке В. Краузе (KZ, LVI, стр. 304 и сл.), в термине родства huuyāna- (Yt, X, 116), который надо читать *hāj-ākana-. Неясные следы этого слова имеются и в кельтских языках: ирл. iuchair (ж. р.), род. п. iuchrach „икра (рыбья)“ (Педерсен, Vergl. Gramm., I, стр. 129). Согласно предположению И. Шмидта (KZ, XXV, стр. 23), сюда же следует присоединить основу со сложным началом др.-сев. lífr, др.-в.-нем. lebara, арм. leard „печень“ и, быть может, сохранить прусскую форму lagno из рукописи, которую обычно исправляют на iagno. Древнейшей индоевропейской формой будет, следовательно, *jēkʷṛ-t.

Вед. kárṛt (ср. р.) „член“ должно быть отнесено в ту же группу, что śárṛt, yáḱṛt, хотя форма на -п- неизвестна. См. у Фуа (IF, VIII, стр. 295), который сравнивает kárṛt с гр. κάρρως подобно śárṛt : κέρρως.

Скр. $\zeta\acute{\alpha}k\tau$ -t, род. п. $\zeta\acute{\alpha}k\eta\acute{\alpha}h$ „нечистоты, навоз“; гр. $\chi\acute{o}\pi\rho\varsigma$, ср. лит. $\check{s}lkti$ „сacare“. Греческая форма $\chi\acute{o}\pi\rho\varsigma$ предполагает * $\chi\acute{o}\pi\omega\rho$, как $\acute{\upsilon}\delta\rho\omega\varsigma$: $\acute{\upsilon}\delta\omega\rho$. Таким образом, мы имеем и.-е. * kek^u /п-, kok^u /п-. Тот же смысл и та же флексия обнаруживаются у гр. $\sigma\chi\omega\rho$, род. п. $\epsilon\chi\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ „нечистоты“; формы исключительно на -г-: скр. (ара-, ава-) $skara-$, лат. $muscerda$, $sucerd\grave{a}$ „помет крысиный, свиной“, др.-сев. $skarn$, др.-англ. $scearn$ „навоз“. Предполагали, что гр. $\sigma\chi\omega\rho$, $\epsilon\chi\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ возникло позднее по образцу $\acute{\upsilon}\delta\omega\rho$, $\acute{\upsilon}\delta\alpha\tau\omega\varsigma$ (Буазак, см. под $\sigma\chi\omega\rho$). Однако хеттская форма, очевидно, удостоверяет индоевропейский характер флексии на г/п: хетт. существительное ср. р. $\check{s}akkar$ /п- имеет в качестве производного $\check{s}aknuwant-$ „замаранный“, подобно тому как $e\check{s}har$ /п- дает $e\check{s}hanuwant-$ „окровавленный“. Значение $\check{s}akkar$ /п достоверно еще не установлено, хотя мы и можем с достаточным основанием предположить здесь значение „сор, нечистоты“; к тому же, это слово имеет, повидимому, дублет $zakkar$ „кал“ (Фридрих, *Archiv Orientalní*, VI, стр. 365 и сл.; Гётце — Педерсен, *Sprachlähmung des Muršiliš*, № 1, 1934, стр. 35). Это сопоставление доказывает начальное * $sk-$, следовательно, форму, хорошо соответствующую гр. $\sigma\chi\omega\rho$ с той же флексией. Относительно смысла см. также следующее слово.

Лат. $stercus$ „навоз, экскременты“, основа $stercor$, наряду со * $sterquen-$ в $sterquilinum$ < * $sterquininum$ (Штольц — Лойман, *Lat. Gramm.*, стр. 225, 239). Форма $sterculinum$, приводимая у Мейе — Эрну в возражение в качестве более древней (см. под $stercus$), не опровергает сочетания, так как $\sigma\tau\epsilon\rho\gamma\acute{\alpha}\nu\omega\varsigma$ $\chi\acute{o}\pi\rho\omega\nu$ у Гесихия представляет * $sterg-$ рядом с лат. * $sterk-$. В итоге получаем чередование * $sterk-$ $\check{c}er$ /* $sterk-$ $\check{c}en$, -un-, как в типе с изменением огласовки — хетт. -war, -upaš или авест. $a\check{s}avan-$: $a\check{s}aun-$. Здесь присутствует та же флексия г/п, что и в двух других словах сходного смысла: гр. $\sigma\chi\omega\rho$ и скр. $\zeta\acute{\alpha}k\tau$ -t.

Лат. $femur$, $feminis$ „бедро“; ср. $femin\grave{a}lia$, затем $femor\grave{a}lia$. Позднее это слово изменило флексию по аналогии с более распространенным типом: $femus$, $femoris$. Слово — без ясной этимологии (см. Вальде — Гофман).

Лат. $iter$ „путь“, род. п. * $itinis$ ($itineris$); хетт. $itar$; тохар. $yt\bar{a}r$ (ж. р.) „путь“.

Наименование „ночи“ имеет в качестве первичной формы *n^e/o^uk^u-t-, представленной в ступени е хеттским nekuz = *nek^{ut}-s и славянским сложным словом, русск. *непопырь*, чешск. *netopýr* из *nekto-pirī „летающий ночью“³ (чем и разъясняется е, считающееся загадочным у Мейе—Вайана, *Le Slave commun*, стр. 129); гот. *nahts*, лит. *nak-vóti* „проводить ночь“ и т. д. Эта основа получила три распространения: г, і и п, часто чередующиеся в старых словах: *г в гр. *νόχτωρ*, *νοχτερός*, *νοχτερίς*, лат. *postur-nus*; *п в вед. *nakta-bhih* (твор. п. мн. ч.); *і в скр. *nákti-*, лит. *naktis*, ст.-слав. *нощъ*, лат. *noctium* (род. п. мн. ч.) и др.-в.-нем. *nahti-gala* „соловей“.

Хетт. *raḥḥur*, род. п. *raḥḥuenaš*, подтвердило наличие флексии на -г/п- у индоевропейского наименования „огня“ *, которая была извлечена из гр. *πῦρ*, тохар. *por*, умбр. *pir*, ирл. *úr* и т. д., противопоставляемых гот. *fōn*, род. п. *funins*; это противополжение подкрепляется различием в армянском языке *hur* „огонь“ (**rūr-*) и *hn-oç* „печь“ (**rūp-*). Строение хеттской формы исключает часто допускаемое сближение с корнем *рец- „очищать“ (скр. *rā-vate*, лат. *rīgus*)⁴; мы имеем здесь дело с корнем, наличествующим в хетт. **ра(ḥ)ḥ-*, и с суффиксом, имеющим вид **-цг/-цп-*, причем обычно полная ступень характеризует именительный-винительный, а редуцированная — косвенные падежи.

Авест. *zafar*, *zafan-* „пасть, рот (у создания Аримана)“, пехл. *zafar*, перс. *dahan* (Бартоломе, *Altiranisches Wörterbuch*; см. под соответствующим словом) выводилось из **zar-var/n-* при скр. *jāmbha-* „укус“, др.-в.-нем. *kiefer* и т. д. Правильнее, однако, как и в случае авест. *paṣa-* скр. *paḥa-*, полагать здесь чередование авест. *f*:скр. *bh*, т. е. **ph/bh*; и действительно, авестийский корень *za-* подтверждается медиальным причастием *vīzafāna-*, ср. вед. *jāñjabhāna-*. Отметим, что данная основа на *г/п имеет авестийский дублет на *-s-: *θrizafah-* рядом с *θri-zafan-*; см. также (стр. 47 и сл.) наименования для „рта“ и различных органов.

* Относительно -ḥ- см. Курилович, *Symbolae Rozwadowski*, I, стр. 102, и гл. IX этой книги [см. также предисловие редактора перевода, стр. 22].

Хетт. *kuttar*, *kuttan-* „шея“ (ср. *kuttanalli-* „ожерелье“) сравнивали с лат. *guttur* — сравнение весьма спорное (Стертевант, *Compar. Gramm.*, стр. 77).

Др.-сев. *døgr* „день или ночь“, *døgn* „день и ночь“ рассматривалось (библиографию см. Буазак, стр. 964 и прим. 1) как соответствующее чередованию скр. *áhar* : *áhan*; ср. гот. *dags* „день“.

Лат. *cerebrum* < **keres-ro-* — наряду с основой **křs-en-* скр. *çīrṣṇāḥ* (род. п. ед. ч.). Такое же противопоставление имеется в греческом между *καράρα* · *κεφαλή* у Геси- хия и гомер. *κάρηνα* „вершины, цитадели“.

Лат. *stābrō* (< *stāsrō), связываемое с предыдущим словом, показывает -r- наряду с -n- в др.-в.-нем. *hornūz*, *hornaz*, ст.-слав. *шрьшьнь*, тохар. *kroñše* „пчела“ (из **krosn-* ?).

Ст.-слав. *ѡзеро* „озеро“, др.-прусс. *assarān*, латыш. *ezers* при ст.-слав. *ѡзь* „запруда на реке“; ср. арм. *ez* „предел, граница“, представляющее основу на -r/n (Вайан, BSL, XXIX, 1929, стр. 38 и сл., с заключительным примечанием Мейе). Сопоставим с этим название иллирийского племени *Asseriates* (Плиний).

Лат. *dūrus*, если только оно восходит к **drū-ro-*, образует пару с скр. *drūna-* „дуга“.

Лат. *mīrus* таким же образом чередуется с *moenia* (по поводу сохранения -oe- см. у Мейе — Эрну под этим словом), от корня **moi-*, неизвестного в других языках.

Авест. *hvarə* „солнце“, род. п. в Гатах *xvāng, авест. *hu*, более позднее *hūrō* (стр. 92—93); скр. *súvar*, род. п. *sūrah*, и тематическая форма *sūra-*, *sūrya-*; ирл. *sūil* „глаз“ < **sū-li-*. Чередование l/n: *sāuel, **s(u)uel* : **s(u)uēn-*; гр. крит. *ἀβέλιος* (по *ἀβέλιος* у Геси- хия), дор. *ἀέλιος*, *ἄλιος*, гомер. *ἴέλιος*, аттич. *ἦλιος*; лат. *sōl* (вероятно, из *suēl, *swōl* — м. р.), гот. *sauil* (ср. р.) и производное *sunpō* (ж. р.) вместо *sunpō < *sun-ōn, по род. п. *sun-n-ez; ст.-слав. *сьньць* (ср. р.) < **sul-n-*. Нормальное распространение корня посредством **n-* происходит так, как если бы удваивалось **n-*, чередующееся с **l*⁵.

Скр. *ambhṛ-ṇá-* „ужасный“, гот. *abrs* : кельт. **obno-*, галл. *Ex-obnus*, кимр. *ofn* „страх“; ср. скр. *ámphas-* (ср. р.)

* Древнейшая часть Авесты.— *Прим. перев.*

„ужасающая мощь“ с *ambhṛṇá-* (Иоганссон, IF, III, стр. 239; Педерсен, *Vergl. Gramm.*, I, стр. 49).

Галл. *dūnon* и *dūron* (*Revue Celtique*, XXXIII, стр. 465).

Др.-кимр. *etn* „птица“ (ирл. *én*) и кимр. *adar* „птицы“; ср. **petṛg-*/**pet-n-es* (стр. 52).

Арм. *damban* и *dambar-an* „могила“, гр. *τάφος* „ров“, ср. *τάφος*; следовательно, **r/n* сосуществует с формой на *-es-* (Лиден, *Arm. Stud.*, стр. 41 и сл.). Корень **dhembh-* был также представлен в германском языке формами **đamb-na-*, **đamma-* в гот. *faúr-dammjan* „запружать, препятствовать“ (Ван Вейк, IF, XXIV, стр. 31).

Лат. *uāgiō* „кричать (о новорожденном)“, лит. *vograūti* „кричать (о детях)“; скр. *vagnū-* „крик, призыв“. От корня *wā* (похожего на детский плач) посредством заднеязычного распространения образовано производное на **r/n*, причем этот суффикс чередуется с *i* слова **uāgis*, предполагаемого отыменным латинским глаголом *uāgiō*.

Авест. *jafnu-* „впадина, долина“: *jafra-* „глубокий“ (*jaiwi-* в сложении), ср. скр. *gambhāra-* и *gāmbhan-*.

Арм. *koṭr* „ветка“: польск. *gałaż*, чешск. *haluz* определяют **gōlṛ-*: *gōlnes* с основой на *-i-* в ст.-слав. *голь* (Мейе, *MSL*, XI, стр. 185; *Études sur l'étymologie du vieux slave*, стр. 261). Чередование *i*:*r/n* здесь типа скр. *asthi*, гр. *ἄσθραστῦ* и т. д.

Гр. *ἀργός* < **ārgrós*, ср. *ἀργί-* подобно *ṛgrāh*, *ṛji-* в сложении. Степень *-n-* находим в лат. *argen-tum*, скр. *rajata-*, авест. *əgəzata-*, др.-перс. *argata-* „серебро“ и т. д. Относительно форм на *-u-* (лат. *argiō*) см. стр. 60.

/ Герм. **bhaghro-*, **bhoghro-* „топь“: русск. *багно* (Ван Вейк, IF, XXIV, стр. 232).

Гр. *ἡπειρός*, дор. *ἄπειρος* (ж. р.) „побережье, материк“, др.-англ. *ofer*, нем. *Ufer* „берег“, с которыми может быть сравнимо арм. *ap'n* „берег“, с **-n-*.

Гр. *δῶρον*, арм. *tur* (**dōro-*), ст.-слав. *дръ* противопоставляют свое **-r-* суффиксу **-n-* лат. *dōnum*, оск. *dunum*, умбр. *dunu*, скр. *dānam*.

Гр. *μάτη* „рука“ также противопоставит формам на **-n-*: лат. *manus*, умбр. *manf* (вин. п. мн. ч.), др.-сев. *mund*, др.-в.-нем. *munt* (**mṛ-t-*) „рука“⁶.

Скр. *urap-ayati* „uragacchati“ (CB, II, 3, 2, 2), на которое обратил внимание Ольденбург (KZ, XXVII, стр. 280,

имеет в качестве основы *урап-, чередующееся с урап(i), гр. ὑπέρ, как гот. *raþ* и *rag* (Перссон, IF, II, стр. 236).

Иран. *pu-rah* „теперь“ (авест., др.-перс., ср. согд. *pwg*) с -r-: скр. *pu-nānt*, перс. *pin-*, др.-сев. *pu-na*; гр. *υβ-υ* имеет -υ, которое может быть объяснено двояко.

Авест. *aogah* (ср. р.) „сила“, ср. *aogah-*, *aojah-* (скр. *ōjas-*) и *ууга-* „сильный“, скр. *ugrá-*. Хотя мы и не располагаем формой на -n-, однако чередование с *-es- (*aogah-*) и аналогия с многочисленными авестийскими существительными среднего рода на -ag/n- не оставляют сомнения относительно вида флексии.

Авест. *tačar-* (ср. р.) „течение, берег“ (*tak-*); ср. прилагательное *tačan-* „текущий, бегущий“.

Скр. *vadhah-* (ср. р.) „оружие Индры“, авест. *vadah-* (ср. р.) „метательное оружие“; ср. авест. *vadah-*, — вероятно, „режущее оружие“, судя по производным; скр. *vādhti-* „наказанный“, гр. ἐθρις · τομίας χρίος; — ἔθρις · σπάδων, τομίας, ἐδυόχος у Гесихия. Степень -n-, которую эти формы заставляют ожидать, неизвестна.

Авест. *xšara-* (ср. р.) и *xšaran-*, *xšafn-* „ночь“ образует пару с *azan-* „день“ и представляет собой распространение индо-иранской основы ж. р. *kšar-*, *xšar-*, повлиявшей на род производного *xšaran-*, которое было вначале среднего рода, как и *xšara-*. Эти две формы на -ag и на -an были чрезвычайно близки друг к другу.

Авест. *dapa-* „доля“, поздняя форма, в предполагаемом чередовании с (*tarō-*)*dənan-* „превышающий одно *dənan-*“.

Авест. *aya-* и *ayan-* (ср. р.) „день“, прилагательное *aya-*. В отношении рода ср. гр. ἡμᾶρ, скр. *āhar* и т. д.

Скр. *āhar* „день“ и „днем“ (стр. 121). Ср. *āhnām* и т. д. и авест. *azan-*, *asn-*.

Гр. гомер *ἡμᾶρ*, -ατος, дор. *ᾠμέρᾱ*, аттич. *ἡμέρᾱ*. По поводу чередования ср. *ἄνᾱρ* : *ὄνειρος*, *πᾶρ* : *πέτρα* и т. д., а также примеры на стр. 51; арм. *awt* < *am-ōr наряду с гр. **am-γ/ηt*.*

Скр. *gṛdhra-* „жадный“, авест. *gəṛəda-* (= **gəṛəda-*, ср. *gəṛədi-* в сложении) : *gṛdhnu-*.

* Гр. ἡμᾶρ — ἡμᾶτος восходит к *ām-* — *ām-*tos. — Прим. перев.

Скр. *chidrā-* „разорванный, расщепленный“ : гр. *σχιδανό-πους* „с широко расставленными ногами“ (что касается формы суффиксов, ср. *girā-* : *λιπαρός*).

Гр. *σχιαρός, σχιερός* представляет **skiyar-*, к которому присоединяется, хотя и с другой огласовкой, ст.-слав. *скнь*.

Гр. *ἄδῆν, -εως* „железѧ“, лат. *inguen*, др.-исл. *rkkr* „опухоль“ из **ng^uen-* обычно сравниваются с *νεφρός*, лат. *nebrundines* „почки“ при помощи чередования **g^u/g^h-*. При этом условия **neg^uh-ro-* и **ng^u-en-* косвенно свидетельствуют в пользу распространения **r/n*.

Авест. *avar-* (ср. р.) „помощь“, ср. *avañ-*. Иное истолкование, основанное на производных от этого слова в среднеиранском языке, см. у Нюберга (*Symbolae philologicae in honorem Danielsson*, стр. 237 и сл.). Вероятно, принадлежит к тому же типу флексии.

Авест. *zavar-* (ср. р.) „сила“, со своим дублетом **zavar* (ср. *zavañ-*), исходя из пехл. *zōr*.

Скр. **patar* на основании *patarā-*, *patāru-* „летучий“; ср. гр. *πετειός*.

Скр. **dravar* в *dravarā-* „текучий“ (или же по аналогии с предыдущим словом).

Индо-иран. **kartar*, судя по скр. *kartarī-* „ножницы“; сакск. *kāḍara* „узкий меч“ (Конов, *Saka Studies*, стр. 62).

На авест. **θwisar* или **θwāsar-* „блеск“ указывает форма *θwisra-* „ослепительный“, по образцу *aogar* : *uṛa-*. Распространение посредством *-i-*: скр. *tviṣi-* „блеск“.

Иран. **vadar* „брачный союз“ (от **uedh-* „вести [к браку]“) предполагается отыменным **vadarya-*, представленным в виде *vadairyu-*; как противоположность ему выступает **ued(h)no-* : гр. *ἔδωυ* „свадебный подарок“, ст.-слав. *вѣно* „выкуп за невесту“.

Авест. *uṛuḍwar* и *uṛuḍwan-* (ср. р.) „кишки“; о формах, производных отсюда в современных иранских языках, см. у Моргенстиерна (KZ, LXI, стр. 36).

Авест. *gāzar-* и *gāzan-*, *gazan-*, *gašn-* (ср. р.) „порядок, мера“ (*gāz* = лат. *rēg-*), ср. дублет *gāzah-* (относительно вед. *gājāni* [RV, X, 49, 4] см. Мейе, MSL, XIV, стр. 392; Ольденбург, *Noten*, II, стр. 252, и Вакернагель—Дебруннер, *Altind. Gramm.*, III, стр. 271).

В авестийском собственном имени *gāstarə.vayənti-* первая часть, вероятно, является существительным ср. р.

*rāštar (но не мужского, см. Бартоломе); ср. скр. rāštrá-(rājati).

Др.-перс. wzrk „большой“ надлежит вокализовать vazraka-, а не vazarka (Бартоломе) и не vazrka- (Мейе — Бенвенист, Grammaire du vieux perse, стр. 53, 68 и сл.); vazraka- относится к *vazar (ср. р.) как авест. ugra- к aogar- (о среднеиранских формах см. Хеннинг, Gött. Nachr., № 8, 1932, стр. 224).

Лат. lacer, lacerō : lancinō, ср. гр. λαις „лоскут лохмотья“; ступень п обнаруживается также в перс. гахпа „трещина, разрыв“ < *гахпа-ка-.

Гр. ἄφαρ „тотчас, после“ имеет лишь наречное значение; однако гомеровское производное ἀφάρτερος и ион. ἀφαρεί, ταχέως καὶ ἀκόπως (Etymologicum Magnum) показывают, что речь здесь идет о древнем абстрактном существительном „быстрота“. Ступень п — в ἄφρων, ἄφρωνς. Трудно сблизать с ними группу слов αἴφνης, ἐξ-αἴφνης, αἴφα из-за αι-, хотя значение их заставляет думать о таком сближении.

ἄλαρ „защита“, дат. п. ἀλλί — единственный след корневого имени, распространенного посредством т; ср. ἀλλή, ἀλαλχεῖν.

ἀλείφαρ „ароматичная мазь“ — из ἀλείφω; ср. ἀλειφα (ср. р.).

ἀλπιςτος „желаннейший, прекраснейший“ и ἐπαλπιός (если верна рукописная традиция у Пиндара, Пиф., VIII, 84), повидимому, предполагают, ввиду φελп-, лат. uolup, некое *ἄλπαρ/ν-, которое соотносилось бы с ἀλπ-ν- как ισχαλ- и ισχ-ν- (стр. 72) или как ἄφαρ и ἄφρων.

*βλέφαρ (ср. р.) служит, вероятно, источником для βλέφαρον, дор. γλέφαρον „веко“ (ср. ἄλευρον). Произведено от βλέπω с придыхательным φ экспрессивной природы, появляющимся также в ὀφθαλμός.

*βρίαρ (ср. р.) могло бы быть сочтено за промежуточное звено между βρί·ἐπὶ τοῦ μεγάλου у Гесихия, вед. grī-(стр. 221) и βριαρός „большой, могучий“.

*γέραρ (ср. р.) устанавливается формами γεραιρω, γεραρός: γέρων, скр. jāṅap, и подтверждается посредством γερας (стр. 57—58).

γνων-μιός (лат. gnāvus, ignōtō) предполагает *γνων-, чередующееся с скр. jñāna-, как δῶρον с скр. dānam (стр. 36).

Форму *γλόχαρ (ср. р.) необходимо предположить для того, чтобы правильно объединить γλυκερός с γλυχαίνω, по соотношению πῖαρ : πιερός : πιαίνω.

Гомер. ἐέλδωρ (ср. р.) „пожелание“ (ἐέλδομαι).

εἶθαρ „тотчас“, наречное образование, в котором сохраняется древнее существительное среднего рода (стр. 119—120).

*ἐλεψαρ „обман“, требуемое производным ἐλεψαίρομαι „обманывать“; ср. ὀλοφώϊος.

*ἔναρ содержится в форме мн. ч. ἔναρα „доспехи, снятые с убитого врага“; ср. ἐναίρω „убить в битве“ (Швицер, IF, XXX, стр. 442).

Гр. ἔαρ, εἶαρ, род. п. ἔαρος „весна“ < *цёsr : авест. varǵi (= vahri) „весной“, арм. gaḡun (*цёsr-), лит. vasarà, лат. uēr (*цёsr) : скр. vasa-tá-, ст.-слав. весна и т. д. Ср. скр. vasar-, vāsara- „утро“, др.-перс. ʾvāhara-; др.-ирл. fáir „восток“, чередующееся с fáinne (an lae) „заниматься (о дне)“ (Педерсен, Vergl. Gramm., II, стр. 106, § 451).

*ἔρ(ε)υθαρ-, *ἔρευθαλ- устанавливаются гомеровским ἔρευθαλίων (ср. ἔρευθαλέος, Нонний), ἐρυθρός (лат. ruber и т. д.) при гомер. ἐρυθαίνω. В санскрите появляется существительное ср. р. *rudhi (в rudhi-krā-, имя демона), с которым взаимодействовало *rudhra- (= ἐρυθρός), и в результате возникло rudhirá- (Вакернагель, Altind. Gramm., II, 1, стр. 61; Фриск, Zur indoiran. u. griech. Nominalbildung, стр. 9).

Гр. *ἔχθαρ „враждебность, ненависть“, предполагаемое глаголом ἐχθαίρω; ἐχθάνομαι : ἐχθρός. Ср. ἔχθος.

Гр. *ἔλχαρ „рана, язва“, предполагаемое глоссой Гесихия ἔλχαια τραύματα и глаголом ἐλχάινω „быть раненым“. Ср. ἔλχος „рана“ и лат. ulcus, -eris (ср. р.) „язва“.

*ἦтар, согласно И. Шмидту (Pluralbild., стр. 177), было подлинной формой слова, известного в виде эол. ἦτορ (ср. р.) „сердце“; ср. ἦτρον „нижняя часть живота“.

θένар, -арос (ср. р.) „ладонь“ представляет, как и ἔναρα, флексию целиком на -г-. Германские формы, сближаемые с ним, имеют только -г-: др.-в.-нем. tenar, tenra, ср.-в.-нем. tener „ладонь“.

ἰχμαρ · νοτίς у Гесихия (отсутствует у Бузака; см. под ἰχμάς) : ἰχμαίνω „орошать“, ἰχμαλέος „влажный“.

ἰχтар „рядом с, касаясь“, древнее существительное среднего рода, застывшее в виде наречия (стр. 120).

ἰθαρός и ἰθαίνεσθαι · θερμαίνεσθαι у Гесихия.

ἰαρός ἱερός „могучий“, скр. *iṣirāḥ* и *iaíw*.

ἴχαρ „страстное желание“: ἰχάω „желать“.

Гр. *κῦδρός* (*κῦδι-* в сложении) предполагает *κῦδαρ (ср. *κυδάλ-ιμος*) наряду с *κυδαίνω* „прославлять“, *κυδάνω* „хвалить(ся)“. Дублет на -es- в *κῦδος*.

*κάθαρ (или *κόθαρ?) „очищение“ выводится из *καθαρός*, *κοθαρός*.

Гомер. *κραιαίνω* „завершать, выполнять“, *κράανον* · τέλεσον у Гесихия, которое выводят из *κрасαίνω (см. у Бузака), является, вероятно, отыменным глаголом от *κράсар „завершение“.

*κάμαρ „изгиб, дуга“, исходя из *καμάρα* „дуга“, ср. лат. *camurus*, *camerus*, авест. *katagā-* „пояс“, наряду с гот. *himins*, др.-сев. *himenn* „небесный свод“.

κέαρ „сердце“ (Пиндар), произведенное по образцу *κῆρ* (Бругман, IF, V, стр. 341).

*κέлар „шум потока“ (в *κελαρόζω*) и *κέλωρ* · φωνή подобно *τέχμαρ* и *τέχμωρ*.

κήδαρ · πένθος у Гесихия; ср. *κῆδος*.

καρταίνειν · κρατεῖν рядом с *καρτερός*, *κρατερός* удостоверяет форму *κράтар вопреки Фриску (*Zur indoiran. u. griech. Nominalbildung*, стр. 67; см. также стр. 119).

κτέαρ „собственность“, дат. п. мн. ч. *κτεάτεσσιν*.

κύδαρ · τάφος у Гесихия (гипотезы, лишённые значения, у Эльферинка, *Lekythos*, стр. 43, 89).

κύар, -αρς (ср. р.) „игольное ушко“, без -n-; ср. *ἔγ-κυαρ* „беременная женщина“ (Милетская надпись конца VI в.; см. Швицер, № 725, 7) наряду с *ἔγκυος*. Степень -г- обнаруживается в арм. *soṛ* „дыра, впадина“, **kowego-* (Лиден, *Arm. Stud.*, стр. 111; Мейе, *MSL*, XV, стр. 354), лат. *sauer-na* ⁷.

*λάγαρ „ослабление“ в *λαγαρός* „вялый, гнущийся“ и *λάγνος* „распутный“; также, возможно, *λαπαρός*, *λαπάρα*.

*λίπαρ (ср. *λίπος*) „жир“ объясняет *λιπαρός* и *λιπαίνω*; параллельная форма *ἀλειφαρ*.

λωφαρ · λωφήμα у Гесихия, производное от *λωφᾶν* „прекращать(ся)“.

μάχαρ (ср. р.) „счастье“ (как и м. р. *μάχᾱρ*) не имеет надежной этимологии и, как и многие имена на r/n, сохранилось лишь в именительно-винительном падеже.

*μάλθαρ „размягчение“ вытекает не только из форм на -п-: μαλθαίνω, μάλθων, μάλθακός, но и из прилагательного βλαδαρός „мягкий“, которое отличается только своим *-d- на конце корня: *meldh- и *meld-.

*μέγαρ, исходя из μεγαίρω „считать излишне высоким, завидовать“, арм. mesarem „ценю высоко“, наряду с μεγαλ- (μεγαλό-). Степень -п- в скр. mahán-, авест. mazan-, лат. magnus и т. д.

μηχαρ (ср. р.) „средство“ (ср. μηχος) чередуется с μηχάνη.

μηχαρ (ср. р.) „длина“ (ср. μηκος): μακρός, лат. mases и т. д.

*μίар (ср. р.) „пятно“ устанавливается на основании μιάρος: μιαινω и μιαιφόνος. Однако форма суффикса остается не вполне определенной из-за отсутствия приемлемой этимологии (примеры, собранные Бузаком, не могут быть приняты), и мы не можем сказать, является ли суффиксом здесь -ар или -фар, если предположить, что μιάρος представляет *μιφαρός.

*νέφαρ „молодость, новизна“, засвидетельствованное словом νεφαρ-ός; ср. арм. пог „новый“, лат. novetia.

νέχтар, -арос и νῶχαρ (ср. р.) связаны с *nek-, причем только первое из них является древним; форма ясна лишь у последнего (ср. νέχυς, νεχρός), так как разложение νέχтар на νεχ + тар (скр. tártati) „преодолевающий смерть“ не является для нас убедительным. Нет уверенности даже в том, что оно имеет один корень со словом νέχυς; хотя в силу характера конечного звука мы и помещаем его здесь, но с оговоркой. От него произведен глагол *νεχταίδω, удостоверенный глоссами Гесихия νεχτάρθη· ἐθυμώθη и νεχταροῦσω· ἐλαφρίζουσι (Дебруннер, IF, XXI, стр. 202)⁸.

ῥναρ (ср. р.) „сон“ (по аналогии с ὑπαρ „наяву“, поставленному в связь с ὑπο-, ῥναρ было истолковано в связи с предлогом ὄν-, ἀνα-; Герман, Gött. Nachr., 1918, стр. 284 и сл.), род. п. ὄνειρατος, мн. ч. -ατα вместо *ῥνατος, -ατα, в соответствии с ὄνειρος (чтобы избежать сочетания п-η); арм. anurj „сон“ < *anōg-jo-, ср. τέχμαρ: τέχμαρ.

Гр. οἰῥαρ, -ατος „вымя, грудь“, скр. ūdhar, род. п. ūdhnah (ср. р.) „вымя“; производное -ūdhn-i- в áschid-rodhni- „неповрежденный внутри“* (Вакернагель, Altind.

* Словарь Моньер—Вильямса дает другое значение: „с неповрежденным выменем (о корове)“. — Прим. перев.

Gramm., II, 1, стр. 92 и сл.); лат. *uber, -eris* (ср. р.), др.-в.-нем. *ūtār* „вымя“ и лит. *ūdrūoti* „давать молоко“ обобщили -г-.

ὄπ-ὄρᾱ „сезон плодов, осень“ истолковано у В. Шульце (Quaestiones epicae, стр. 475; см. у Бузака под этим словом) как **osarā*⁹. Отсюда мы извлекаем форму *osar (ср. р.), чередующуюся со ст.-слав. *юсонь*, др.-прусс. *assanipis* „осень“, с тем же г/п, как и в других названиях времен года; ср. *ἔαρ*, *χειμέριος*.

ὄρθρος „рассвет“, **urdh-ro-*, соответствует, исключая огласовку корня, ст.-слав. *рань* „утренний“, **urōdh-no*¹⁰.

Производное *παῖδάριον* „маленький ребенок“ по самому смыслу основы должно было бы относиться к уменьшительным на *-άριον*; однако здесь налицо суффикс простого прилагательного, как это следует из дельфийского выражения *σῶμα παῖδαριον* (приведено у Шантрена, *La formation des noms*, стр. 74). Следовательно, *παῖδ-αρ-* можно поставить в связь с гомер. *παῖδ-υ-ός* „мальчик“. Ср. также *υ(ε)αρ-ός*.

πέπων, ж. р. *πέπειρα* „зрелый“ и глагол *πεπαίω* находятся в том же отношении друг к другу, как *πίων*, *πίειρα*, *πιαίω*; ср. скр. *pīvan-*, ж. р. *pīvarī*.

πῶαρ, *πῶατος* (ср. р.) „молозиво“.

*rópar (ср. *ρόπος*), исходя из *ρόπαρός* „грязный“: *ρόπαίω* „марать“.

σθεναρός „сильный“ и *στιβαρός* „крепкий, плотный“ позволяют предположить соответственно *sthénar (ср. *σθένος*) и *stívar; ср. *στίφος* „густая толпа“, *σπιρρός*.

σκίναρ „тело“ (Никандр) (только им. и вин. п.); ср. *σκηνή*, *σκηνοῦς*?

στῆᾱρ, род. п. *στῆᾱτος* „сало, жир“ вместо *στηᾱρ < *stāu-ār, *-ᾱτος*.

σῶφαρ (ср. р.) „пенка, пленка на поверхности молока“ без этимологии и без производных.

*σφῆдар наряду с *σφῆδρός* „сильный, неистовый“ чередуется с прилагательным того же значения *σφεδανός*. В отношении чередования корневого гласного ср. *σῆβας*, *σβαρός*, *σβμυός* (стр. 57).

τέχμαρ, гомер. *τέχμων* „предел, цель, знак“, *τεχμαίρω* по характеру суффикса определенно принадлежит к типу

на г/п, даже если отказаться от сближения с авест. *šašman-* (принимаемого Бузаком).

φρέαρ, *-ἄτος* „колодец“ восходит к **φρήφαρ*, *-ἄτος*, представленному также в арм. *aḫiwiḡ* „источник“; и.-е. **bhrēu-ḡ/ḡ-*; ср. **bhrun-* в гот. *brunna*, др.-в.-нем. *brunno* „источник“. Корень с суффиксом **-ц-*, ср. скр. *bhurván* „движение вод“, лат. *ferueō* „бурлить“ и т. д.

χειμέριος, *χειμερινός* (лат. *hibernus*), *χίμαρος* „годовалый козленок“ имеют г наряду с п в *χειμών*, скр. *hēman* „зимой“, *heman-tá-* „зима“ (ср. *vasan-tá*), хетт. *gimant* „зима“.

Гр. *ἄχωρ* „мучнистый лишай, род чесотки“ часто сравнивается с *ἄχυρον* „мякина, солома“, *ἄχνη* „растительность (на теле); полова хлебов“. Об *ἄχυρον* см. стр. 60; относительно придыхательного, при его отсутствии в лат. *acus*, см. у Вандриеса (*Mélanges Glotz*, стр. 852).

Гомер *μήστωρ* „советник“ было истолковано как древнее существительное среднего рода „решение, совет“ (Бругман, *IF*, XIX, стр. 212). Ср. *κέλωρ*, а также стр. 154.

ῥῥωρ, род. п. *ῥῥατος* „вода“: хетт. *wātar*, род. п. *wetenaš* (**uōdḡ* : **uednos*); ср. скр. род. п. *udnáḥ*, местн. п. *udán*; гр. *ἄλος-ύδνη*; умбр. им.-вин. п. *utur*, отл. п. *une*. Форма на *-п-* обобщена в гот. *watō*, *-ins*, др.-прусс. *wundan* и т. д.

πέλωρ „чудовище“ и *τέλωρ* · *πελώριον*, *μακρόν*, *μέγα* (у Гесихия) рассматриваются как родственные через **k^heḡōg*.

ἔλωρ, *ἐλώριον* „добыча“ из *ἐλεῖν*.

ἵχωρ „кровь богов“, *κέλωρ* „потомок, отпрыск“ являются, по видимому, древними существительными среднего рода типа *ῥῥωρ* (Бузак).

Ср.-ирл. *arbar* (**ar-цr*), род. п. *arbann* (**ar-цen-os*) „хлебá“; гр. *ἄρουρα* „пахотная земля“ из **ἄρο-φρᾶ* (ср. *ἄροτρον*). Лат. *aruum* произведено от того же корня, но путем простого прибавления **-цо* и, следовательно, не может быть сближаемо с ними непосредственно. Вся эта группа не имеет никакой доказуемой связи с скр. *urvaḡā-*, авест. *urvara-* „растение, возделанная земля“.

Вед. *kévaṣa-* „яма“, праkritизм вместо **kévṛta-* (Вакер-нагель, *Altind. Gramm.*, I, стр. 169): гр. мн. ч. *καίματα ὀρύματα* у Гесихия; с чередованием **t/d* — *καιάδας* „глубокое ущелье, куда спартанцы низвергали преступников“. Эта форма имеет состав *kai-wḡ-(t)/-ḡ-*.

Авест. *karšvar-* и *karšvan-* (ср. р.) „область“, образованное посредством *-var/п-* от *karš-* „делить, разделять“.

Авест. *ḡanvar-*, *ḡanvan* „лук“, из **ḡang-var/п*, ср. перс. *ā-hanj-īdan* „стрелять“, согд. *ḡ'ynč-* из **ḡēnǰ-* „стрелять“ (**ḡanj-ja-*). Санскрит имеет *dhanvan* (ср. р.) „лук“ с чередованием *dh-/th-*. Форма тагншти старославянского языка имеет начальный глухой согласный.

Авест. **miθcaq*, **miθcap* отражено прилагательными *miθwaga-*, *miθwapa-* „подобранный под пару, спаренный“; ср. скр. *mithunā-*.

Авест. *snāvar-* (осет. *pvar* „вена“) и вед. *snāvan-* „сухожилие, нерв“ противостоят друг другу своими суффиксами **-цег-/цеп-*; авестийское производное *snāoya-* (= *snāyuua-*) дает, возможно, чередующуюся форму **snāvi-*. Тематические производные: гр. *νεῦρον* (< **sne-uro-*), лат. *peruus* (из **snē-uro-*), тохар. В. *šāura* „сухожилие“ (Шульце, Kl. Schr., стр. 261), затем гот. *snōrjō* „корзинка, плетенка“, др.-в.-нем. *snuog* „шнур“; относительно арм. *pearđ* (основа на *-i*), предполагающего конечное *-rǰ-t* (ср. арм. *leard* : скр. *yakṛ-t*) см. у Хюбшмана (*Armenische Grammatik*, стр. 478). Все формы основаны на производной форме с суффиксом **-цег-/цеп-* от корня **snē-* „прясть“.

Авест. *sax^var-* и *sāx^van-* (ср. р.) „план, порядок“ из *sanh-*; = *sah-var/п-*.

Авест. *vazdvar-* (ср. р.) не имеет соответствующей формы на *-п*. Однако оно должно содержать в себе суффикс *-var*; этот суффикс чередуется с *-van-* во всех существительных среднего рода, этимология которых нам ясна. Значения, постоянно встречаемые в пехлевийской традиции — „здоровье“ и даже „жир“, — заставляют нас отнестись скептически к предложенной Андреасом и Вакернагелем этимологии от глагола „везти“ *; этому объяснению мы еще следовали в работе *Vṛtra et Vṛdragna*, стр. 7 (см. ниже).

Авест. *dasvar-* (ср. р.) „здоровье“, образованное подобно предыдущему, содержит в себе суффикс *-var*, судя по **dās-man* (ср. р.), появляющемуся в сложном слове *dāsmānī-* „дающий здоровье“. Чередование здесь неполное; его наличие устанавливается на основе двух разных суффик-

* Речь идет об авест. *vaza'iti* „везет“. — Прим. перев.

сов. Однако его достаточно, чтобы полагать вероятным образование на *-var/p-*.

Иран. *ništāvan-* „указ“ должно принадлежать к тому же классу, хотя форма на *-r-* здесь отсутствует. Слово представляет собой производное от *ni-štā-*, основанного на заимствовании из арамейско-библейского и египетского *kšsun* (Альтгейм, ZII, III, 1925, стр. 37, и Шедер, *Iranische Beiträge*, I, стр. 67).

Авест. *baēvar-* и *baēvan-* „10 000“, заимствованное арм. *biwr*. Происхождение неизвестно; поэтому мы не можем решить, является ли здесь суффиксом *-r/-p* или *-var/-van*; по всей вероятности, это — существительное, выражающее понятие „большого числа“.

О греческих существительных на *-φαρ* см. стр. 140—141.

Гр. *μῶμαρ* (Ликофрон) „порицание, насмешка“ (ср. *μῶμος*), эол. *μῶμαρ* · *αἴζρος, φόβρος, φόγρος* у Гесихия, *μῶμαρῖζει* · *γελάζει* и *ἄ-μῶμων*. Основа **mōi-*, **mū-* сравнивалась с корнем скр. *mū-tra-*, авест. *mū-θra-* „грязь, нечистота“. Независимо от того, верна ли эта этимология, или нет, она не препятствует нам признать, по крайней мере для греческого языка, суффикс *-μαρ*, чередующийся с *-μων*.

ГЛАВА II

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧЕРЕДОВАНИЙ

В сложном разнообразии приведенных выше форм выделяется несколько рядов чередований. Прежде всего мы устанавливаем, что *-ep- встречается — иногда среди форм одного и того же слова в разных языках — то в склонении (скр. *asthnáḥ*), то в словообразовании (авест. *astən-tāt*). Далее, форма именительного-винительного падежа, которой противопоставляется форма на *-ep-, может выступать либо в виде чистого корня, либо с суффиксом *-er (-r), либо с суффиксом -i. Эти три возможности отвечают трем состояниям основы, иллюстрацию которых представляет, например, соответствие между авест. *ast*-, скр. *ásthi*, гр. ἄσθρ¹¹. В противоположность им элемент *-ep- присутствует постоянно.

Изучение этого типа следует начинать с таких образований, у которых именительный-винительный падеж не содержит ни суффикса, ни распространения, равняясь основе и тем самым противопоставаясь флексии на *-ep-.

Эта категория представлена несколькими санскритскими примерами: *yūṣ-* (ср. р.) „похлебка“, *yūṣán-* (лат. *iūs, iūris*); — *doṣ-* (ср. р., позднее м. р.) „рука (до кисти)“, *doṣán-*; — *ās-* (*āsyá-*) (ср. р.) „рот“, *āsán-* (авест. *āh-*, лат. *ōs, ōris*). Для трех данных случаев никакой другой язык не воспроизводит этого характерного чередования; поэтому обычно считают, что мы имеем здесь дело с индийским новообразованием, которое обусловлено супплетивным склонением на -an- у существительных сходного значения: *āsán-* и *doṣán-* по типу *akṣán-*; *yūṣán-* по типу *udán-* (Бругман, *Grdr.*, II, 1, § 459, Вакернагель — Дебруннер, *Altind. Gramm.*, III, § 161 с, стр. 316). Трудно, однако, поверить тому, чтобы действие аналогии сказалось

только на косвенных падежах без аналогичного проникновения форм на -i или на -r в именительный-винительный падеж.

Своеобразие и архаичность этой флексии побуждают нас рассмотреть внимательнее не только приведенные факты, но и те, в которых раскрывается, в более или менее измененном виде, противопоставление подобного рода. Искать для этих фактов объяснение в самом санскрите будет ошибкой: изучаемое явление относится к доисторической эпохе, и санскритские примеры представляют собой лишь незначительные остатки когда-то широко распространенного типа. Действительно, в хеттском языке мы наблюдаем склонение, древность которого, повидимому, не была еще распознана исследователями: ḫaraš „орел“, род. п. ḫaranaš; arkamaš „подать“, род. п. arkama-paš; memiyaš „речь, слово“, род. п. memiyanaš (парадигмы см. Стертевант, *Compar. Gramm.*, стр. 184). Хеттское склонение ḫar- : ḫar-an-, в точности параллельное скр. ās- : ās-ān-, позволяет возвести к индоевропейскому языку название „орла“ в форме *or-, *or-en-, ср. гот. aga, род. п. agins, гр. ὄρ-υ-ις, ὄρ-υ-εου.

Если согласиться с этим, то возникают многочисленные параллели. В наименовании „камня“ противопоставляется, с одной стороны, *āk (ōk), сохранившееся в перс. ās (иран. *āsa-), подтверждаемом лат. ac-iēs, ac-eō, ac-idus, с другой — *ak(ok)-en, скр. áṣan-, авест. asan-. Подобное же противопоставление существует в наименовании „оси“ между *aks (гр. ἄξ-α, лат. āla < *aks-lā) и *aks-en (гр. ἄξων, др.-в.-нем. ahsa); в названии „уха“ — *aus (лат. aus-culto) или *ōus (дор. ὠς) и *ōus-en- (гомер. ὠατος, род. п.; гот. ausō, арм. unkn и т. д.); в названии „крыла“ — *pet-, *pet-en- или *aiç- (индо-иран. āyu-) и *aiç-en- (гр. αἰφέυ). Именно благодаря приложению этого принципа объединяются авест. ast- „кость“ и скр. asthān- или скр. akṣ- (в вед. an-āk „слепой“) и akṣ-ān-. Известную ясность мы получаем также и в отношении наименования „головы“; связь между словами, выражающими это понятие, чрезвычайно запутана уже сама по себе, причем некоторые компаративисты запутали ее еще больше. Для начала мы предположим, что имелось существительное ср. р. *ker, *kr̥, представленное гомер. κῆρ (Π 392 ἐπὶ κῆρ = præceps), ἔγ-καρ-ος, лат. cer-

uus, *cer-es-rom (cerebrum) и т. д., наряду с *ker-en-, *kṛn- (гр. *κράϊνω*, лат. cornu, гот. *haurn*). Затем к корню присоединяется распространение *-s-, и распространенная основа вновь получает *-en-; следовательно, *ker(e)s : *kers-en, *kṛs-en-, откуда, с одной стороны, ион. *κέρσ-τ*, с другой — др.-сев. *hiarsi* (*kers-on-), др.-в.-нем. *hirni* (*kers-niō-), гр. *κέρυα* (*kers-nə), скр. *çīṣṇāḥ* (род. п. ед. ч.) и гр. *κράα-τος* (*kṛs-ṭ-). Таким же способом соотнесены *dei- „сияние“ (скр. *su-dī-ti-* „великолепно сияющий“) и *dei-en-, *dī-по- (лит. *dienà*, ст.-слав. *днь*, лат. *pundin-um*) или *gh(ḍ)em- и *gh(ḍ)m-en- (авест. *zam-* : др.-лат. *hemō*). Постоянство, с которым наиболее древние слова подчиняются этому принципу, благоприятствует восстановлению нескольких других имен: *elen- „олень“ (гр. *ἔλα-φος*, ст.-слав. *юлень*, арм. *eḥn*, ср. кимр. *elain(t)* „лань“), несомненно, является остатком древнего чередования *el- : el-en, как *ok- : *ok-en и т. д. (см. ниже) или как *mēs- (скр. *mās-*) и *mēs-en- (ст.-слав. *мѣсаль*). — Название „зайца“, как это часто предполагали, является, повидимому, прилагательным, обозначающим цвет: *k'as (наименование какого-либо рыжеватого или серого вещества), представленное скр. *çaçá* (вместо *ças-á) : *k'as-en-, в др.-в.-нем. *haso*, др.-прусс. *sasins*, лат. *sāpus*; — несогласие между лат. *uerrēs* и лит. *veŕšis* заставляет предполагать атематическую основу *цers, откуда *цers-en-, скр. *vṛṣan-*¹².

Таким образом, мы имеем несомненные доказательства такого склонения и такого словопроизводства, при котором форма на *-en-, образующая основу косвенных падежей или производных слов, противопоставляется самому корню, образующему именительный-винительный падеж без какого бы то ни было распространения. Уже из одного этого следует привходящий характер *-er в именительном-винительном падеже существительных среднего рода, к описанию которых мы теперь должны перейти.

Примета *-er существительных среднего рода типа гр. *ἴταρ*, лат. *iter*, авест. *snāvarə*, обладает двумя существенными чертами: во-первых, она не является элементом всего склонения, ее применение ограничено именительным-винительным падежом; во-вторых, она принимает или полную, или редуцированную форму, *-er или *-ṛ: лат. *iter* и *iesur*; скр. *ūdhar* и *yākṛ-t*.

Последним наблюдением мы обязаны И. Шмидту (Pluralbild., стр. 172; ср. Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 310), но, сколь бы справедливо оно ни было, оно остается у него без объяснения и, стало быть, не имеет большого значения. Какова же логика распределения между *-ег и *-г? Вопрос этот касается не только распространения, но и основы. Вся структура существительного среднего рода на *-ег, *-г подчинена следующему принципу: долгой огласовке основы соответствует нулевая ступень распространения, и наоборот. Этот принцип представляет собой лишь констатацию факта, который получит свое разъяснение в теории первичных чередований (гл. X); он подходит для самых древних примеров, не очень многочисленных, но полностью с ним согласующихся.

Природа плавного звука такова, что в нулевой ступени от *-ег мы имеем обычно *г, но теоретически следовало бы ожидать согласного г; и действительно, оно имеется, по крайней мере, в одном случае: лат. uēr < *uēsг. В греческом языке имеем εάρ и εἶαρ, но с *-г; если εἶαρ не было образовано позднее на основе εἰαρῖός „весенний“, то его можно было бы возвести к *uēsг. Напротив, слабой или нулевой ступени корня соответствует полная ступень следующей части слова: *us-eg-¹³. Все наиболее старые существительные среднего рода обнаруживают такое же чередование. Свидетельство хеттского языка имеет особый вес, хотя и невозможно с уверенностью определить значение конечного -ar: оно может восходить к *-г или *-г, но только не к *-ог, повидимому, исключаемому слабой ступенью огласовки корня и полной ступенью суффикса *-ep- в косвенных падежах.

Гр. ἦπαρ представляет *(l)jēk^uг, вполне правильную форму, коль скоро -г (сохраненное в лат. uēr) уступило место слоговому *-г; авест. uākarə сохраняет полную ступень огласовки, но с -ar, как в дублетной форме *jakar (перс. jigar); лат. iesug и скр. uākг-t имеют краткий корневой гласный, связанный с прибавлением -t.

Хетт. e-eš-ḥar „кровь“, по всей вероятности, указывает на *ēs^xг (или -г), с которым согласуется гр. εἶαρ, предполагающее *ḥтар, как справедливо указал Шульце (Quaestiones epicae, стр. 165); правильно образовано и скр. ásr-k¹⁴.

Хетт. wa-a-tar „вода“ основано на *uōdr (или -r). Почти другая форма: ú-wi-ta-ar, ú-i-da-a-ar (= *uedōr), написание которой указывает на редуцированную основу и полную ступень окончания; гр. ὕδωρ, умбр. utur с нулевой огласовкой корня оказываются, таким образом, подтвержденными.

Гр. φρέαρ, арм. aḫbiwr „колодец, источник“ заставляют нас признать нормальной форму *bhrēuḡ при герм. *brun(en)-, гот. brunna и т. д.

Гр. ἦμαρ отражает *āmḡ, а арм. awr говорит об *amōr в такой же степени, как и об *āmōr, при помощи которого его обычно объясняют.

Гр. οὐδάρ восходит к *ōudhr, с которым чередуются *ūdher, скр. ūdhar, лат. ūber и т. д.

И.-е. *snēuḡ-(t) сохранено в арм. peard и с конечным *-er в авест. snāvarə.

Таким образом, греческий язык обнаруживает заметный консерватизм (ср. еще, например, πῖαρ, μῆαρ, στέαρ < *στῆαρ, ἦτορ < *ἦτορ); его формы согласуются с обоими примерами из хеттского языка. В противоположность этому санскритские формы с краткой огласовкой корня uāktī, śāktī — более позднего происхождения. Однако эта система не сохраняется в более поздних существительных среднего рода, у которых чередование в корне исчезает. В то время как гр. ἦπαρ находится на уровне других существительных среднего рода с долгой огласовкой корня (*kērd, *dōm, *sāu- и т. д.) и язык Авесты сохраняет начальное количество гласного в uākarə, snāvarə, санскрит и латинский язык обобщают форму, содержащую ступень *-er- распространения. Точно такое же положение мы находим и в более поздних греческих существительных среднего рода.

Производные слова в принципе соответствуют двоякому окончанию исходного существительного среднего рода. В греческом языке мы будем иметь или -αρ-, образованное от существительного среднего рода на -αρ (χίμαρος, σθενάρης), или -ερ-, основанное на ступени *-er (κρυέρης, κρατέρης). Древний способ образования производных женского рода состоял в том, чтобы, исходя непосредственно из основы среднего рода (а не из производного слова мужского рода), приспособить к этой основе суффикс „движения“: *χέφαρ „метание, сыпание“: -χέαιρα в гомеров-

ском эпитете *īṣṣāra*, или *rīcer- : скр. *rīvaṛi*, *pīvaṛa*. В этом случае производная форма более точно выражает участие субъекта (женского пола) в действии, обозначенном существительным среднего рода. Но различие между -*ara*- и -*era*- было затемнено, когда первоначально строгое различение *-r и *-er- исчезло. Все сказанное относится также к производным на -l-, последовавшим по весьма сходному пути развития.

Именительный-винительный падеж скр. *āṣṭk*, при род. п. *asṇāḥ*, имеет (кроме r, чередующегося с p во флексии) заднеязычный элемент, свойственный именительному-винительному падежу и происходящий, как показывает последневедическое склонение (род. п. *asṭjāḥ*, твор. п. *asṭja*), из звонкого g. Некоторые другие факты позволяют установить присутствие того же распространения, присоединявшегося к основе в индоевропейскую эпоху¹⁵. Скр. *svargā-* „солнечное (пространство), небо“ представляет в тематической форме древнее *scel-g, чередующееся с *sun-es (авест. *hunō*), как скр. *āṣṭ-g* с *asṇāḥ*. Мы получаем пару *pétʰr-g : *petnēs (И. Шмидт, *Pluralbild.*, стр. 173 и сл.), сочетая, с одной стороны, гр. *πτέρυξ*, *πτέρυξ*, авест. *fra-pterəjāt-*, лат. *pro-pter(g)vus* и, с другой — лат. *penna*, др.-кипр. *etn*, ирл. *én* „птица“. Наряду с **osth-* „кость“, **ost(h)r-* (гр. *ὄστρεον*, *ὄστρεος*) мы имеем конечное *-r-g в гр. *ὄστράχαις*, противостоящем родительному падежу скр. *asthnāḥ*. На основании арм. *koḥr*, польск. *gałąż*, чешск. *haluz* (ср. ст.-слав. *голь*) восстанавливается пара *gólʰ-g : *gōlnēs* „ветвь“ (см. Мейе, *Études sur l'étymologie du vieux slave*, стр. 261). Однако чаще бывает, что заднеязычный приставляется к основе на *-en-, образуя конечную группу *(e)ng(o)-, *-ng(o), которую санскрит, в частности, сохранил и даже расширил ее употребление (Рихтер, *IF*, *IX*, стр. 197 и сл.): при гот. *haúgn* (**kṛnō-*) санскрит имеет *çṛṅga-* „рог“; от основы **pet-en-* в нем было образовано *paṭaṅgā-*, классич. *paṭaga* (**petengo-*, *petngo-*) „птица“, *piçāṅga-* „красноватый“. Такое же окончание -*ṅga-*, -*aga-* получили и некоторые другие названия животных, притом иногда распространенное в -*gama-* вследствие неправильного истолкования этих форм, как связанных с *gam-*: *turaṅga-* „лошадь“ (буквально „быстрая“), *plavaṅga-* „обезьяна“ (буквально „скачущая“), *vihaṅga-*, *vihaga-* „стрела; птица“, *mataṅga-* „слон“, *kulaṅga-*

„антилопа“ и т. д. В *vanargu-* „живущий в лесу“ налицо тот же суффикс, но с другим конечным гласным, возникшим под влиянием сложных слов типа *agregu-* „идущий во главе“. Авестийский язык дает *sparəŋha-* (= *sparəŋga-*) „десна“; *asəŋga-*, др.-перс. *aŋanga-* „камень“ (ср. скр. *aṣan-*, *aṣn-*) и (*supti*)-*ḍarəŋga-*, буквально „соединенный через плечо“ (термин родства); греческий язык — *σέλαγι-* (*σελαγιῖν* : *σέλας*) „блеск“, *πάταγι-* „шум, треск“ (*πάταγος*, *παταγιῖν*): возможно, *ἄκραγι-* в названии города *Ἀκράγας* „Агригент“. Соблазнительно отнести к этому же чередованию и лат. *sanguen* (*sanguis*), расчленяя его на *sang-uen*, где *sang-* чередовалось бы с скр. *ásṛ-k*; относительно образований на *-цеп* см. стр. 139. Однако здесь надо было бы объяснить выпадение начального гласного у латинского слова, сохранившегося в *asser*, *assaratum* и подтвержденного, за исключением характера гласного, хетт. *ešhar*.

Звонкое **-g*, прибавляемое к образованиям на **-er*, **-en*, может появляться в виде глухого *-k* в той же самой роли и после тех же суффиксов. Этим объясняется противопоставление лат. *puer-ca* (ср. гр. *νεφάρως*, арм. *por*) и *iuen-cus*, ср. кимр. *ieuanc*, ирл. *oac*, скр. *yuvaka-*, *yuvaśá-*, а также гот. *juggs*; — гр. *ἄστακός* (**ἄστηκο-*) рядом с *ἄστρέου* и даже *ἄστρακον*, с *г* и *п* одновременно; — скр. *pāvaká-* „огонь“, ср. хетт. *rañhuenas* (род. п. ед. ч.); — скр. *udakám* „вода“, которое относится к *udán-*, как *ἄστακός* к *asthán-*; лат. **aiuncus*, **homuncus* в *aiunculus*, *homunculus* и т. д.; — ст.-слав. *мѣсяць* „луна, месяц“ (**mēs-en-k-*) и, наконец, многочисленные германские производные на *-inga* (**-enko-*), *-unga* (**-ŋko-*).

Уже в индоевропейскую эпоху вместо заднеязычного **k/g* можно было без смыслового различия подставлять зубное **t/d* в качестве распространения именительного-винительного падежа. В западных диалектах случаи взаимной замены *t* и *k* встречаются еще часто: ср. **atno-* „год“ (гот. *arþ*, лат. *annus*) : **akno-* (оск., умбр. *asnu-*); совершенно своеобразны они в санскрите, причем не только в *palitá-* : *páliknī* (стр. 209, прим.), но также и во многих случаях, собранных у Вакернагеля (*Altind. Gramm.*, I, § 116 d, 260 αβ), Бругмана (*IF*, XVII, стр. 492) и Рену (*Studia indo-iranica*. Ehrengabe W. Geiger, стр. 162—163): *ásṛk*, например, замещено посредством *ásṛt* (*TS*, VII, 4, 9). Эта замена

появляется начиная с древнейших индоевропейских производных, но выдержана она в неодинаковой степени для двух форм зубного звука. Звонкое -d хотя и встречается, но редко. с достоверностью его можно определить только в склонении *sál-d : saln-és (освещенном у И. Шмидта, Pluralbild., стр. 182 и сл.). Напротив, -t весьма распространено, особенно в санскрите и греческом языке. Следует подчеркнуть чисто фонетический характер выбора между -t и -k в качестве конечного звука санскритских существительных среднего рода: каждый из них употребляется в тех условиях, при которых мы не находим другого. Если слово содержит зубной, присоединяется заднеязычный, и наоборот; отсюда *osthṛ-g, *pet⁰r-g, но yákr-t, çákr-t, *kévr-t (ke-vaṭa-) и т. д. Так же строго определено в санскрите и употребление -t: исключительно в именительном-винительном падеже (подобно арм. leard „печень“, peard „сухожилие“). В греческом языке оттенки употребления гораздо менее отчетливы. В принципе *-t присоединяется к ступени -п- флексии *r/п; но так как греческий язык обобщил сонантную форму суффикса, то в качестве нормы в нем установилось противопоставление *-r/nt-. Таким образом, в отношении формы суффикса противостоят друг другу скр. *kaiṅ-t (kévaṭa-) и гр. *kaiṅ-t (καίαντα, мн. ч.), в отношении огласовки суффикса—скр. *pōmṇ-os (pātmnaḥ, род. п.) и гр. *(o)πομη-t-os (ὀύματας, род. п.). Однако иногда -t присоединяется и к ступени -r, что имеет место, вероятно, в слове δάμαρ, род. п. δάμαρτας „замужняя женщина“, эол. δόμαρτις, которое, судя по всему, — древнее существительное среднего рода на -αρ (Педерсен, KZ, XXXII, стр. 244)* с конечным *-арт именительного-винительного падежа, обобщенным в парадигме склонения. Иногда это *-t вовсе отсутствует: ἔαρ „кровь“, ἔαρ „весна“, χῶαρ „пещера, дыра“, θῆυαρ „ладонь“ и ἄραρ (ср. ἄρω) не имеют и следа его¹⁶. Самая эта подвижность служит доказательством того, что *-t является не „морфемой“ (в фонологическом смысле), а лишь случайной опорой к некоторым согласным окончаниям; при этом оно выполняет ту же роль и после иных окончаний, таких, как в

* Анализ, определяющий это слово как производное „управляющая (-αρ) домом (δάμ-)“ (Бузак), является искусственным.

гр. γαλαχτ-, лат. lac-t- (И. Шмидт, Pluralbild., стр. 179), и не представляет собою диалектной черты*. Славянский язык собственными путями приспособил его к именительному-винительному падежу единственного числа основ на *-en, типа врьма < *bher-mŋ-t (Трубецкой, MSL, XXII, стр. 255), тогда как греческие существительные среднего рода на -α образуют в дательном падеже множественного числа у Гомера -ασι (γούρασι, δέρμασι), а не -ασσι, и относятся, следовательно, к основам на -α, а не на -αт- (MSL, XXII, стр. 257), так же как οὐμαῖω при οὐμάτων. Употребление этого -t- закрепляется в каждом языке по-своему. Хеттский язык имеет окончание инфинитива из дательного падежа на -wanzi (manzi) < *-цanti, между тем как ešawar в дательном падеже единственного числа дает ašawpi; хеттскому языку, следовательно, тоже было известно чередование *-r/*-n-t- наряду с *r/n.

Помимо форм на -г (-п), перечисленных выше, существует много и таких форм, которые уже не могут быть сразу опознаны как образования на *r/n; первоначальное окончание их затемнено. Последующие наблюдения показывают, что целые разряды этих форм перешли в другие типы склонения и что индоевропейский язык обладал необыкновенным богатством образований на *r/n.

Столь обильный класс греческих существительных среднего рода на *-es- содержит среди других значительную группу древних слов религиозного характера, у которых именительный-винительный падеж оканчивается на -ας и которые склоняются по типу основ на -s- или на -t- (формы см. Шантрен, La formation des noms, стр. 421—422)¹⁷. Сюда примешивается и кое-что из вероятных остатков доэллинского фонда, вроде βρέτας „идол“, δέπας „кубок“, λέπας „скала“ λάας „камень“ (Йокль, Revue internationale des études balkaniques, I, 1934, стр. 47 и сл.); однако в большинстве своем это слова, имеющие надежные этимологии, по крайней мере в пределах греческого языка, такие, как γέρας „почетный дар“, γήρας „старость“.

* Имеется в виду диалект индоевропейского языка-основы.—
Прим. перев.

δέμας „телосложение“, κέρας, κτέρας „имущество, дар“, πείρας „предел, конец“, σέβας „священный страх“, σκέπας „защита“, τέρας „чудо“ — все со ступенью е огласовки корня, характерной для древних существительных среднего рода¹⁸. Некоторые другие слова, неясного происхождения, как σέλας „блеск“, ψέρας, κλέρας „мрак“*, появляются очень поздно и образуют часть того же религиозного словаря.

Принято считать за аксиому, что происхождение -ας выводится из уравнения гр. κρέας : скр. kraviḥ и что оно представлено индоевропейским суффиксом *-əs-. Удивительно, однако, как столь странно построенный элемент *-əs- был всеми принят без доказательства, тем более что ни один из известных суффиксов не имеет подобной формы. Не видно, далее, и того, как можно от этого *-əs- перейти к склонению на -t-, τέρατος, κρέατα и т. д., если не с помощью пассивной гипотезы влияния слов, оканчивающихся на -μα, -ματος**. Повидимому, более правдоподобный вариант этой гипотезы заключается в том, чтобы исходить из основ на *-ə-, распространенных посредством *-s-, деля наши слова иначе: κρέα-ς, kravi-s***. Однако этот вариант остается ограниченным словом κέρας и парой kraviḥ- : κρέας, поскольку никакое другое существительное среднего рода на -ας не имеет соответствующего индийского на -is-; к тому же при κέρας мы имеем скр. çiráh. Таким образом, оба пути не дают нам выхода из затруднения. Именно это соответствие между κρέας и kraviḥ и направило исследователей на ложный путь: на основании тождества двух данных слов заключили о тождестве элементов -ας и -is-. В действительности же эти два типа имеют разное происхождение: достаточно исследовать их по отдельности, чтобы увидеть это.

Изучая существительные среднего рода, мы установили (стр. 29 и сл.), что основы на *-es- очень часто

* Аналогично σός, ὄας у Симоноида и Софрона; см. Шантрел, Rev. Phil., 1935, стр. 29.

** Относительно особого склонения κτέρας у Гомера см. Майстер, Homer. Kunstspr., 132 и сл.¹⁹

*** Слова κρέας и kraviḥ можно возвести к одному архетипу *kreṇas. — Прим. перев.

сосуществуют с архаическими формами на *r/n: скр. uṣās- : uṣar-, ūdhas- : ūdhar-, áhas- : áhar-, сближаемые тождественностью окончаний на -s и на -r перед паузой*; авест. zavañ- : zavar-; гр. μήχος : μήχαρ, πῖος : πῖαρ, ἕδος : ἕδωρ и т. д. Всюду сравнение показывает, что формы на -r являются более древними: ūdhar заменяется, начиная с Риг-веды, на ūdhas-, гомер. μήχαρ — на μήχος и т. п. Речь идет о подстановке -s вместо -r и, в более общем виде, об одном из процессов, осуществляемых в большинстве языков с целью устранения особого положения основ на -r путем перевода в более правильное склонение. В этом замечании содержится объяснение греческих существительных среднего рода на -ας: за исключением χέρας и κρέας, слова на -ας представляют собой не что иное, как древние существительные среднего рода на -αρ (*-r), перешедшие вместе со своим гласным -α- в тип склонения на -s.

Доказательством этого утверждения служит тот факт, что -ας обычно сосуществует или с -αρ, или с производными, предполагающими -αρ, а также чередование -ας с формами на *-n-. Рядом с πείρας мы имеем πείραρ и πειραίνω; πείρας, -ατος, аттич. πέρας, -ατος, соответствует ἦπαρ, ἦπατος. — В γέρας (γῆρας) мы находим более древнее *γέραρ, устанавливаемое на основании γεραρός, γεραίρω и γεραίνω, γέρων. — Ясно, что δέμας „тело“ (первоначально „сруб, строение“) зиждется на *δέμαρ; германские языки сохраняют производное на -r- в *dem-ro-: др.-сев. timr, др.-англ. timber, др.-в.-нем. zimbar „строительный лес“; к тому же греческий язык имеет форму на -n- в δέμνιον. — В λάας мы признаем *λάφαρ, засвидетельствованное в λαῦρον, λαυρεῖον и чередующееся с *λάφαν в λα(φ)αίνω. — Форма σέβας вытеснила *σέβαρ; это следует из наличия σβαρός и чередующейся формы *σεβνός > σεμνός. — Фέρας также удостоверяет существование *φέφαρ, поскольку первое имеет производным φεφαρός. — τέρας мы будем возводить к *τέραρ, дублет которого имеем в виде *τέρωρ > τέλωρ; таким образом, *τέραρ и *τέρωρ существуют рядом, подобно τέχμαρ и τέχμωρ

* Имеется в виду одинаковое превращение санскр. -s и -r в -r (висаргу) в положении абсолютного исхода. — Прим. перев.

или подобно гр. ἤμαρ и *āmōr (арм. awr)*. Следовательно, мы видим, что склонение на -τ- существительных среднего рода на -ας есть единственное, которым можно располагать, поскольку здесь заменяются формы на -αρ: действительно, род. п. κρέατος встречается в одной аттической надписи 338 г. до н. э. и мн. ч. κρέατα — у Гесихия. Флексия -ους (род. п. κρέους и т. д.) появляется здесь вследствие более точного выравнивания по склонению существительных среднего рода на *-es-.

В силу того, что греческий тип на -ας имеет окончание вторичного происхождения, тип на -ίς- не может более рассматриваться как соответствующий ему и становится изолированным. Ограниченное индо-иранской группой языков, это образование теряет всякую связь с греческими фактами, поскольку и оно оказывается результатом самостоятельного развития. Этот класс производных существительных среднего рода на *-is- состоит прежде всего из религиозных терминов: скр. barhiṣ-, авест. barəziṣ- „подстилка из трав для жертвы“, скр. haviṣ- „приношение“, sarpīṣ- „коровье масло“, авест. raēθwiṣ- „смесь для жертвенного возлияния“ (в raēθwiṣ-kara-, ⁰bājina); из слов, выражающих понятие блеска: скр. arciṣ-, çociṣ-, dyotiṣ-, jyotiṣ-, gociṣ-, а также другие абстрактные понятия: скр. vartiṣ- „дорога“, авест. hadiṣ- „осада“, vīθiṣ- „суд“, snaiθiṣ- „оружие“, maniṣ- „ум“ в собственном имени arədu-mainiṣ-, др.-перс. haḫāmaniṣ-, см. производное haḫāmaniṣ-īya „ахеменид“; *taviṣ- „сила“, исходя из скр. tāviṣī-, авест. tāviṣi-; *mahiṣ-, судя по maḫiṣi „первая жена царя“, и *hāriṣ- по авест. hāiriṣi- „самка“ (BSL, XXXI, 1934, стр. 104 и сл.); скр. āviḥ, авест. āviṣ „ясность“, употребляемые как наречие в значении „ясно“; скр. bahiḥ „вне“; наконец, два наименования „сырого мяса“, скр. āmiṣ- и kravīṣ-. От второго из них известна также форма с нулевой огласовкой, авест. xr(u)viṣ- во вторичном производном xrviṣ-yanti- „окровавленный“, ср. скр. jyotiṣ-ka-. Но xrviṣ- нельзя отделить от xrvi-, формы, используемой в сложении, точно так же как скр. çociṣ- неотделимо от авест. saoci-.

* Бак (Class. Phil., XII, 1917, стр. 24) правильно установил зависимость между πείραξ и πείραρ; однако его наблюдение дальше этого не пошло. Ни характер процесса, ни связь с прилагательными на -ρος и глаголами на -τιναι не были им замечены²⁰.

Именно это и дает нам ключ к исследуемому образованию. Конечное *-i* в сложных словах представляло основы на **-го-* (типа гр. *κυδρός* : *κυδι-*), но с его же помощью был образован и тип таких существительных среднего рода, как скр. *ásthī*, гр. *ἄσφι*. Свое начало индо-иранские существительные среднего рода на **-is-* берут от имен на *-i*, распространенных и нормализованных прибавлением *-s*. К этому выводу нас приводит сходный процесс, закончившийся установлением классического склонения гр. *θέμις*. Как уже давно было отмечено (Даниэльссон, *Gramm. und etym. Stud.*, стр. 51), здесь следует исходить из древнего существительного ср. р. **)έμι, -τος*, подобно *ἄσφι, -τος*. Это **)έμι* перешло в разряд основ среднего рода на *-s*: к этой стадии принадлежит *θέμις ἐστὶ* „*fas est*“ и *θεμισκρέω* „*правящий справедливо*“. Участь слова была решена двумя новыми изменениями: сначала смешением основ *)έμις-* и *)εμιτ-*, откуда им. п. мн. ч. гомер. *θέμιστες*; затем переходом в женский род, в основы на *-id-*, который обусловил в итоге классическое склонение *θέμις, -ιδος*. Именно в этой перестройке **)έμι* в *θέμις* (ср. р.) мы и находим параллель изменению индо-иран. *-i* в *-is-*. История существительного ж. р. *κόμις* „*прах, пепел*“ тоже объясняется предшествовавшим существительным ср. р. **κόνις* „*пыль, прах*“ (ср. *κόνισσαλος*), лат. *cinis-culus*, в основе которого должно лежать древнее **koni* (ср. р.)²¹.

В итоге ни гр. *-ας*, ни скр. *-iṣ-* не восходят к индоевропейскому сигматическому суффиксу. В обоих случаях речь идет о замене старой формы: в греческом языке *-р* окончания *-ар* замещено посредством *-ς*, в индо-иранской группе *-i* распространено посредством *-s*. Изменение получено при помощи одного и того же элемента, но совершенно независимыми путями и при различных исходных образованиях. За вторичными, случайно совпавшими конечными звуками мы находим при окончательном анализе индоевропейское чередование **r/i*, причем греческий язык сохраняет **-r*, индо-иранская группа — **-i*. Тип существительных среднего рода на *-i*, от которого санскрит сохранил лишь изолированные остатки *ásthī, sákthī* и т. д., имел, следовательно, в общем индо-иранском языке более широкое распространение, о чем свидетельствуют образчики этого типа, уцелевшие благодаря нормализации **-i* в *-is-*.

Другой процесс осуществился в истории названия „сердца“: от корня *křd- (*ghřd-), отраженного в скр. křd-, лат. cor(d) и т. д., было произведено существительное среднего рода на *-i, представленное с тремя ступенями огласовки корня в хетт. kardī-, а также в гр. *κάρδι, прототипе для гр. καρδία, скр. hřdaya- (ср. hřrdi-). В этом виде существительное перешло путем простого прибавления *-uā в женский род, в склонение на -iā.

Аналогичное взаимодействие имело место между основами на *-r и основами на *-s в существительных и прилагательных на *-u-. Известно, что образования на *-u- обнаруживают отчетливые связи с образованиями на *-r-: гр. γλοχός и γλοχερός, κρατός и κρατερός и т. п. Этот факт, констатацией которого до сих пор и ограничивались, должен найти свое место в общей теории, поскольку он представляет собой всего лишь частный вид тех связей, которые соединяют с окончанием на *-r/n замещающие его образования. Два основных положения позволяют нам уяснить себе суть дела: во-первых, многие основы на -u- были вторичным образом распространены посредством *-r/n; во-вторых, эта конечная часть слова претерпевала изменения и получала черты склонения на *-es-.

В силу первого положения основа *argu- (гр. ἄργυρος „блестящий“, лат. arguō „прояснять“, argūtus „ясный“) дала начало существительному ср. р. *argur/n- „блеск“, являющемуся базой для гр. ἄργυρος : скр. ārgun-ah. Исходя из этого, мы сразу постигаем сущность греческих слов на -υρος и санскритских на -urī-; это основы на *-ur, к которым прибавлен суффикс либо в виде тематического гласного, либо в виде -i-. От такого существительного среднего рода, как гр. γλαφός „пещера“, произведено *γλαφός, откуда прилагательное γλαφυρός. Аналогично *φλεγός (в φλεγυός) дает *φλεγός, удостоверяемое производным φλεγυρός. По ἄχυρον мы установим форму *ἄχур, причем степень n появляется в ἄχυνη, гот. ahana. При наличии λιγός предполагаемое *λιγός оправдано формой λιγυρός с n в λιγαίνω. Рядом с ним мы поставим также *καпός на основании капυρός (Легран, REG, XX, стр. 10) и капυός; — *μολός можно извлечь из μολυρός, μολυνομαι; *κίνур — из κινυρός, κινύρομαι; *ψιθός — из ψιθυρός. Согласие между греческим языком и санскритом подтверждено прилагатель-

ным $\xi\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ ($\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$) „крепкий, укрепленный“, которому соответствует скр. $sāhurī-$ „очень сильный“*: $\xi\chi\upsilon\rho-\acute{\omicron}\varsigma$ и $sahur-i-$ позволяют восстановить существительное ср. р. гр. $*\xi\chi\upsilon\rho$, скр. $*sahur$, т. е. и.-е. $*seghur$. В принципе так именно должны анализироваться несколько санскритских слов на $-urī-$ (Уитни, § 1191): $jasurī-$ „истощенный“, $dāçurī$ „набожный“, $Bhāgurī-$, собственное имя**.

Таким образом, мы наблюдаем примечательный параллелизм между внутренним строением этого типа и тем, что мы видим у существительных среднего рода на $-ar$; ряд $*χαπῶρ : χαπῶρ\acute{\omicron}\varsigma : χαπῶς$ в точности соответствует ряду $*\tau\acute{\epsilon}\beta\alpha\rho : \tau\acute{\omicron}\beta\alpha\rho\acute{\omicron}\varsigma : \tau\acute{\epsilon}\beta\upsilon\varsigma$. Само собой разумеется, что если первоначальная основа была на $-ū-$, то производные от нее будут на $*-ur$ и $*-uro-$: так, $\iota\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ восходит к $*\iota\chi\upsilon\rho$ (ср. р.) из $*\iota\chi\upsilon$, ср. $\iota\chi\upsilon\acute{\omicron}\varsigma$.

Этому принципу, выведенному на основе греческих и санскритских фактов, мы находим подтверждение и в других языках, особенно в армянском, где прилагательные и существительные среднего рода на $*-u-$ имеют в единственном числе окончание $*-ur$, с флексией на $-n$ во множественном — им. п. $-unk'$. Эта особенность, которую прежде принимали за новшество, теперь выступает перед нами в качестве пережитка. Следовательно, арм. $սօղ$ „колени“ восходит к $*gōnur$ ввиду гр. $\gamma\omicron\upsilon\acute{\omicron}$, а ступень $-n$ обнаруживается в гр. $\gamma\omicron\upsilon\phi\alpha\tau\alpha$ или в скр. дв. ч. $jānupī$. Такое прилагательное, как арм. $barjr$ „высокий“, происходит из $*bhṛghur$ при $*bhṛghu-$, засвидетельствованном в хетт. $parku-$ „высокий“; точно так же арм. $manr$ „маленький“ заставляет предполагать $*manur$, исходя из $\mu\alpha\upsilon\acute{\omicron}\mu\iota\chi\rho\acute{\omicron}\nu$ Ἀδαμῆες у Гесихия и из гр. $\mu\alpha\upsilon(\phi)\acute{\omicron}\varsigma$. Армянские прилагательные на $-r$ этого рода ($k'açr$ „сладкий“, $capr$ „тяжелый“ и т. д.) соответствуют, стало быть, типу на $*-ur-$ ($-o-$, $-i-$) греческого языка и санскрита. В таком случае мы можем признать то же самое образование в латинских существительных ср. р. $fulgur$, $augur$ (в древности среднего рода; Эрну, MSL, XXII, стр. 234 и сл.) и,

* Точнее: „выносливый“, от $sah-$ „терпеть, переносить, преодолевать“. — Прим. перев.

** Относительно классических санскритских образований на $-ura$, в общем вторичных, производных от основ на $-u-$, см. Фриск, Zur Indoiran. u. griech. Nominalbildung, 1934, стр. 43 и сл.

возможно, в *guttur*, имеющем *-u-* перед окончанием слова во всем склонении. Отнюдь не представляя собой древних основ на **-us-* (Перссон, IF, XXVI, стр. 64), это были слова на **-ur-*, в дальнейшем перешедшие в разряд слов на *-s-*; нельзя, исходя из *augus-tus*, заключать о древней основе на *-o-*, поскольку *uetus*, *uetus-tus* соответствуют лит. *vėtušas*, ст.-слав. *ветъхъ*. Лат. *augur* относится к скр. *ójas-*, как скр. **sahur* (стр. 61) к *sáhas-*. То же и в случае итал. **deku-r-*: лат. *decuria*, оск. *Dekkvíarim* „(viam)-Decurialem“, умбр. *dequirier* „*decuriis*“ наряду с герм. *figu-* „десяток“.

Собранные воедино, эти факты говорят о принципе словообразования, который, по свидетельству хеттского языка, относится к индоевропейской эпохе. Мы располагаем не вызывающим сомнения хеттским примером основы на *-u-*, распространенной посредством *r/p-*. Наряду с хетт. *ranku-* „сплошной > весь, целый“ (гр. *παῦς*, скр. *bahu-* и т. д.) имеется существительное ср. р. *rankur*, род. п. *rankunaš* „масса, семья, толпа“, которым и устанавливается древность данного типа. Другие имена на *-ur/p-* не связываются с какими-либо из известных основ на *-u-*, будучи неясного происхождения: *meḥḥur*, род. п. *meḥḥunaš* „время, момент“, возможно, из **mē-* „измерять“; *šeḥur*, дат. п. *šeḥuni*, с неизвестным значением; *raḥḥur* „огонь“ не является производным от существительного, к тому же род. п. *raḥḥuenaš* показывает другую флексию. Помимо этого, наряду с наличием первичных производных на **-ur*, независимых от слов на **-u* (например, гр. *ἔχυρός*, скр. *sáhuri-*), в хеттском языке некоторые имена на *-ur-* также образуются прямо от глагольных корней, не обнаруживая чередования *r/p*: *anīur* „обряд“ от *anīya-* „совершать“, *pašur* „кроха“ от *paš-* „дробить“, но *kuḥur* „враг“ стоит изолированно и не поддается анализу; Стертевант (Compar. Gram., § 153) дает ему противоречивое объяснение, считая его производным от *kwer-* „резать“ и сравнивая его в то же время с скр. *kruga-*, авест. *xruga-* „кровавый“. Однако это объяснение неприемлемо: *kuḥur* „враг“ не может происходить от *kwer-* „резать“ (= лат. *curtus*) и не имеет никакого отношения к скр. *kruga-*, авест. *xruga-* „кровавый“, производным от *krū-* (ст.-слав. *кръ*) „кровь“.

До сих пор мы имели дело с характеристикой существительных или прилагательных. Однако мы находим остатки этого образования и в некоторых индийских наречиях, являющихся застывшими существительными: ведический язык имеет форму *sanitúr* „в стороне“, ср. *sanutár* и авест. *hanarə*; *múhur* „внезапно“ рядом с *múhu*, *múhukam*. В *múhur* Жюль Блок (*Donum natalicium Schrijpen*, стр. 369) находит (в среднеиндийской форме) соответствие гр. *βραχύς*, авест. *məṛəzu-* „короткий“, но он истолковывает производное *muhürtá-* „мгновение“ как сложное слово *mühü-rtá-*, ср. *ṛtu-*. В результате анализа формы *múhur* мы обнаруживаем здесь скорее *mühür-tá-* (как *sasvar-tá-*; стр. 117), какова бы ни была причина удлинения *-i-*, вероятно, вторичного. Другое ведическое наречие *prādúr* „на виду“, в котором Блок (цит. соч., стр. 370) определил праkritскую форму **prātur*, вероятно, имеет то же окончание, исконное или по аналогии. При таком понимании эти наречия представляют собой древние существительные на **-ur*; подобно индо-иранским наречиям на *-ar*, греческим на *-ar*, *-or*, они являются остатками именных форм на *-ar*, *-ar* или *-or* (стр. 120—121).

Рано и широко проявившаяся тенденция снабжать основы на **-u-* конечным *-r* привела к сокращению типа на **-u-* и расширению сферы действия распространения *r/n*. Существенно, что латинский язык в тех же целях принял для прилагательных элемент *-i-* (*βραχύς* : *brevis*; *παχύς* : *pinguis* и т. п.), тесные связи которого с *r/n* нам известны. Посредством совершенно независимого процесса между **-ur-* и **-ui-*, повидимому, заново образуется архаическое чередование *r/n*:*i*. В свою очередь, слова на **-ur-* в общем порядке переходят в более правильные типы и теряют свое характерное *-r* или *-r/n*. И здесь выравнивание действует в пользу основ на **-s-*. Благодаря связи, установленной в индоевропейском языке между **-r/n* и **-s-* окончания на **-ur* были нормализованы в **-us-* совершенно так же, как гр. **-ar* стало *-as* (стр. 57). Существительное ср. р. **seghur*, засвидетельствованное в гр. *ἐγυρ-ός*, скр. *sahur-i-*, становится в германских языках **seghus* (ср. р.): др.-в.-нем. *sigu*, гот. **sigus* (согласно вин. п. ед. ч. *sigu*). Гр. **χαπύρ*, предполагаемое на основании *χαπυρ-ός*, замещено *χαπός*; **λιγύρ* (судя по *λιγυρ-ός*) — посредством *λιγός*.

Лат. *augur* получило двойника *augus (в *augus-tus*). Вedicское наречие *mithuḥ* объясняется, следовательно, древним *mithur, исходя из производного *mithuna-* и авестийской пары *miθwara-*, *miθwapa-*. Можно даже задать себе вопрос, не отсюда ли ведут свое происхождение, хотя бы частично, индо-иранские имена на *-us-, к которым относятся прилагательные и существительные преимущественно среднего рода: скр. *tāruḥ* „горячий, жара“, *cákṣuḥ* „глаз, зрячий“, *āruḥ* „рана, раненый“ и т. д. (Уитни, § 1154); авест. *kərəduš-* „помощь“, *manuš-* „человек“, *gə-gəbuš-* „детеныш животного“ и т. д. На основании скр. *tāruṣ-* можно было бы предположить **tarur-*, опирающееся на авест. *taf-n-u*, как гр. *χαπύρ (*χαπύς*) на *χαπ-υ-ύς*. Однако в подавляющем большинстве случаев отыскать для этих слов существующие одновременно окончания -r и *-us- невозможно. Элемент *-s- мог прибавляться непосредственно к -u — ср. скр. *manu-* и *manuṣ-*; *yajū-dara-* и *yajūṣ-*; авест. *āyu-* и скр. *āyuṣ-*; лат. (in-)genu-(us) и вед. *jānuṣ-*, лат. *resu* и *resus* и т. д. — по тому же способу (рассмотренному на стр. 59), что и у существительных среднего рода на -iṣ-, восходящее к *-i-†s.

Совокупность зависимостей между -u-, r/n и -s-, выявленных нашим анализом, приводит в некоторых диалектах, особенно в греческом языке (см. также Кюни, *Rev. Phil.*, 1930, стр. 5 и сл.), к следующему:

1) к часто встречающейся связи основ на *-es- и прилагательных на -ύς: *αἵπος* : *αἰπύς*; *βάθος* : *βαθύς*; *βράδος* : *βραδύς*; *γλεῦχος* : *γλυχός*; *εὔρος* : *εὐρύς*; *πᾶχος* : *παχύς*; *πρέσβος* : *πρέσβυς* и т. д.;

2) к часто встречающейся связи основ на *-es- и прилагательных на -ρός: *ἔχθος* : *ἐχθρός*; *αἰσχος* : *αἰσχρός*; *ἔρευθος* : *ἐρευθρός*; *κῆθος* : *κηθρός*; *μήχος* : *μακρός*; *ψύχος* : *ψυχρός* и т. д. ²²

ГЛАВА III ОБРАЗОВАНИЯ на *-l-

Образования на *-l-, используемые в простых и сложных суффиксах, совпадают, повидимому, по своим функциям с образованиями на *r и на *n. Некоторые компаративисты, признавая важную роль этого плавного звука в индоевропейском словообразовании (например, Педерсен, KZ, XXXII, стр. 260), тем не менее не изучали в подробностях ни употребления этого суффикса, ни условий, при которых он чередуется с r или n. Исследователи составляли время от времени лишь краткие обзоры, но и при этом их заботило более описание форм, чем сравнительное истолкование.

Излишне напоминать, что во многих случаях l является простым дублетом r (Мейе, Ann. Ac. Fenn., XXVII, стр. 157 и сл.). Близкое родство обоих плавных звуков подтверждается многочисленными соответствиями между ними и их общими функциями: дублиеты на *-ro- или *-lo- у прилагательных, имена деятеля на *-tel/*tol в славянском и хеттском языках, названия орудий на *-tro-/*tlo- и *-dhro-/*dhlo-, чередование r/l в конце корня (типа *ster-stel: лат. stella < *stelnā, как collis < *kolnis) и т. п. При любом употреблении в системе имени l способно заменять r. Можно было поэтому ожидать, что l будет выполнять те же функции и будет наделено теми же архаическими особенностями, что и r в роли распространения или суффикса имени.

Первый пример этому дан в образовании на *-ur, индоевропейская древность которого была установлена по согласующемуся свидетельству хеттского, индо-иранского, армянского, греческого и латинского языков; в эту группу входят прилагательные или абстрактные существительные среднего рода, в особенности отглагольные производные

(стр. 60). Соответственно этим образованиям на *-ul мы встречаем в хеттском языке параллельный класс абстрактных имен на -ul, неодушевленного рода, обычно произведенных от глаголов: iṣḫiul „связь, обязательство“ (iṣḫiya- „связывать“); takšul „согласие, мир“ (takš- „устанавливать согласие“); waršul „успокоение“ (warš- „успокаивать[ся]“); waštul „проступок, грех“ (waštā- „совершать“); иногда во вторичном словопроизводстве: aššul „доброжелательство“ (aššu- „хороший“); ašandul „остановка, пребывание“ (из причастия ašant- от aš-, eš- „сидеть“); raḥḫurul „орудия для разведения огня“ (raḥḫur „огонь“). Таким образом, мы можем восстановить тот же атематический суффикс и в ряде форм других языков, где он, как правило, представлен в виде *-ulo-. Иногда такое восстановление обманчиво: гр. ἡδύλος < ἡδύς. Но *-ul(o)-, несомненно, присутствует в скр. vidur-a- „понятливый, сообразительный“, гр. εἰδύλ-ις „осведомленный“, др.-прус. weidul-is „зрачок“, ср. лит. ra-viduls; лат. tumultus, скр. tumul-am „шум, суматоха“ (Штольц — Лойман, Lat. Gramm., стр. 237); гр. ἀγκύλος „изогнутый“, ἀγκύλη „петля каната“, др.-в.-нем. angul „рыболовный крючок“ и, с -g-, в лат. angul-us; все эти примеры не связаны с какой-либо основой на -u-. Разнообразие гласных, присоединяемых к суффиксу, доказывает, что его можно установить в атематической форме, как в хеттском языке, и с тем же абстрактным значением.

Отношение, связывающее имена на *-ul- с производными на *-ulo-, имело место, вероятно, и между *-il и *-ilo- в еще неразъясненных пока латинских и греческих образованиях. Латинские прилагательные или имена деятеля rigil, tugil, uigil, очевидно, никогда не имели конечного гласного и во всех отношениях сходны с sōl, -is. Несомненно, что в их конечном -il мы найдем прототип тематического суффикса -ίλος и средство для истолкования некоторых из первообразных греческих прилагательных, принявших этот суффикс (о существительных на -ίλος-, в основном уменьшительных, см. Шантрен, La formation des noms, стр. 248 и сл.); относительно ποιήλος, не полностью соответствующего его скр. rečala- (образованному независимо), мы предположили бы *roik-il „пестрый, пестротата“; χοῖλος (< *χοφίλος) мы возвели бы к *koic-il „полюй; владина“, ср. алб. theë „глубокий“ < *koicilo- согласно

Педерсену (KZ, XXXVII, стр. 332). В противном случае -l- остается необъяснимым, так как оно не могло быть получено по аналогии с теми прилагательными, у которых вторичное -l- присоединяется к основе на -l-.

Более многочисленными фактами мы располагаем для определения индоевропейского образования на *-ēl, подкрепленного главным образом показаниями хеттского и латинского языков. Хеттский дает два ясных примера абстрактных имен этого рода: šu-ēl „связка, шнур“ (ср. лат. suō) и ħurk-ēl „смертная казнь“ от ħark- „умирать“ (Гётце, ZA, N. F., II, стр. 255, № 1). Это отодвигает в доисторию возникновение латинского типа на -ēla: quer-ēla „жалоба“, loqu-ēla „речь“*, происхождение которых не было ясным (Штольц—Лойман, Lat. Gramm., стр. 217) и которые, вероятно, представляли собой древние образования на *-ēl, перешедшие в женский род. Действительно, некоторые формы показывают иное окончание: contumēlia происходит, через *contumēlos (или -is), от *con-tum-ēl „вздутие, заносчивость, вызывающее поведение“; crūdēlis, которое, за неимением лучшего, объясняли аналогией с fidēlis (см. у Вальде—Гофмана под этим словом), есть отыменное образование от crūdus, позволяющее предполагать *crūd-ēl „жестокость, жестокий“. Напротив, вторичное -ēlis служит простым суффиксом принадлежности в patru-ēlis „двоюродный“ (patruus „принадлежащий отцу“), cardu-ēlis „щегол“ (carduus „чертополох“). Следовательно, мы не можем более рассматривать -ēla, -ēlis как латинское новообразование. Если сравнения с хеттскими именами на -ēl было бы недостаточно для того, чтобы отнести этот суффикс к индоевропейскому языку, то можно было бы обратиться к другому соответствию. Вместе с предшествующим -t- это -ēl дает в хеттском языке суффикс абстрактных имен -zēl (*-tēl): tayazēl „полет“ (от taya- „летать“), šarnikzēl „возмещение“ [от šarni(n)k- „возмещать убытки“]. Мы не имеем никаких оснований вывести латинский тип tutēla „охрана“, cautēla „осторожность“, corruptēla „порча, развращение“, sūtēla „козни“ (Стертевант, Compar. Gramm., § 166) исключительно из tūtēla,

* От глаголов querog „жалуюсь“ и loqog „говорю“.— Прим. перев.

а самое это слово из *tutor* „защищать“ (как у Штольца — Лоймана, *Lat. Gramm.*, стр. 217); мы будем расчленять их иначе: *tū-tēla* (*tueor* „наблюдать“), *cau-tēla* (*caueō* „остерегаться“) и т. д., что показывает наличие в латинском языке суффикса, не представленного более нигде, кроме хеттского. Помимо этих двух косвенных доказательств, побуждает нас восстановить **-ēl* как древний элемент и одно прямое свидетельство. В несколько ином виде, а именно с краткой гласной, **-ēl* входит в состав одного из самых старых слов индоевропейского словаря: **sāu-el* „солнце“, атематического производного от корня **sāu-* „сверкать“, обнаруживающего при переходе от языка к языку двоякое чередование, корневое и суффиксальное, в высокой степени архаического типа. Рядом с **sāuel* и, вероятно, образованное в соответствии с ним, поместится сабин. **aušel* „заря“, предполагаемое на основании сабин. *Auseli* = *Aurelii* и глоссы Гесихия *αὐκήλιος·ἔωζ ὑπὸ Τυρρητῶν* (следует читать *αὐτήλι-*), --- слово, перешедшее в этрусский язык в форме *usil* „божество дня“ * (Кречмер, *Glotta*, XIII, стр. 111; XIV, стр. 310; Блюменталь, *IF*, LIII, стр. 117 и сл.). Таким образом, мы располагаем в **sāu-el* наиболее древним примером того типа образования, который был обобщен с долгим гласным в эпоху перед отделением хеттского языка.

Параллелизм образований на *-l* и на *-r* проявляется также в флексии **-l'n*, подобной флексии **-r'n*, но гораздо менее известной. О ней явно свидетельствуют авест. *x'ar*, псевдо-родительный падеж *x'əng* (стр. 93), а также существование гот. *sauil* (ср. р.) и *sunno* (ж. р.). Она же определяет и некоторые другие противопоставления: гр. *ὑψαμβλός*, лат. *humilis*, фрак. *Σμελή*, фриг. *ζεμελός* „люди, смертные“ при скр. *kšāman*, *jman*, авест. *zəman* (см. стр. 119); др.-в.-нем. *himil* : гот. *himins*; лат. *pugil* „кулачный боец“ : *pugnus* „кулак“; скр. *peśāla* (ср. *ποιχίλος*) : *peśana-* (ср. *piśaṅga*); гр. *μεγαλο-* : лат. *magnus*; гр. *ὀμβλός*, лат. *similis* : др.-сев. *saman*²³; гр. *ὀμφαλός*, лат. *umbilicus* „пуп“ : *umbō*, *-ōnis* „выпуклость щита“; гр. *σθλος* „столб“ :

* С точки зрения работ проф. Вл. Георгиева об этрусском языке мы имеем здесь не заимствованное, а родственное слово с другой ступенью огласовки корня. — *Прим. перев.*

скр. *stihpā*. Противоположение *l п позволяет собрать эти „разбросанные члены“ раньше более богатых типов образований и систематизировать их. Будучи обнаруженной в фактах словаря, эта система находит свое подтверждение также в одной из важных именных категорий.

Действительно, в этот разряд противоположений должен войти тип прилагательных на *-lo- (типа лат. *crēdulus*), являющихся причастиями в тохарском, армянском и славянском языках и сохраняющих тесную связь с образованиями на *-по-, от которых производятся причастия страдательного залога (типа *plēnus*), начиная с индоевропейской эпохи и особенно в санскрите и славянском языке. Таким образом, чередование *l/п сохраняется в именных формах глагола путем введения с помощью *-lo- и *-по- двойственной категории, используемой в разных языках различно; надо полагать, что эта категория в индоевропейском языке сформировалась относительно поздно, так как хеттский язык ее еще не знает. Мы не встречаем суффикса *-по- в хеттском языке, а *-lo- употребляется в нем лишь для отыменных производных: *irna- : irmala-* „больной“; *tapariya- : tapariyala-* „князь“ и т. д. (Стертевант, *Compar. Gramm.*, § 172).

Из всех частных проявлений этого чередования самое важное, самое поучительное и в то же время наименее разъясненное мы находим в греческом языке в виде обширного класса прилагательных на *-αλος* и *-αλέος*. Мы располагаем их полным перечнем и точным описанием, частью благодаря Френкелю (*Griech. Denom.*, стр. 10; KZ, XLII, стр. 114), но особенно благодаря Дебруннеру (IF, XXIII, стр. 1—43, а также XXI, стр. 36 и сл.); исправления даны у Шантрена (*La formation des noms*, стр. 253 и сл.). Однако в вопросе о происхождении *-αλ-* сохраняется неясность: Бругман (MU, II, стр. 247) и Дебруннер предположили для него исходную форму *-ṛl-, которая, даже если бы она была хоть сколько-нибудь правдоподобной, совершенно исключается по соображениям, следующим ниже.

Речь идет о типе словообразования, свойственном дактилической поэзии, чуждом аттической прозе и дававшем производные экспрессивного характера, число которых быстро росло. Развивавшиеся из него категории слов со-

держат главным образом качественные прилагательные, выражающие свойства физические (холодный, теплый, сухой, влажный) или духовные (отважный, робкий, грозный, молчаливый и т. п.) (Шантрен, цит. соч., стр. 254). Именно этих значений и надо ожидать от *-εος*, употребляемого как простой суффикс или в сложной форме *-αλ-έος*. Происходит ли он из **-eio-*, из **-ei(j)o-* или из **-esio-*, все равно суффикс *-εος* (*-εϊος*) дает производные, выражающие практически те же понятия, что и *-αλεος*: прилагательные вещественные (*χρύσεος* „золотой“, *σιδήρεος* „железный“, *λίθεος* „каменный“), физических качеств (*σπερεός* „твердый“, *ἀργύρεος* „блестящий“), духовных свойств (*μέλεος* „тщетный“, *θέλεος ἀθέλεος* „volens nolens“ [Эсхил], *τέλεος* „совершенный“, *κήδεος* „дорогой“ и т. д.). Не перекрывая полностью друг друга, образования на *-αλέος* и *-εος* достаточно совпадают в употреблении, чтобы сделать очевидным тот факт, что *-εος* вступило в соединение с *-αλ-*, где оно характеризуется более четко. К тому же процесс этот был облегчен существованием небольшой группы слов, в которых *-εος* прибавлялось к основе на *-αλ*: *δαίδαλος* : *δαϊδάλεος*; *ἀμβύδαλον* : *ἀμυγδάλεος*; *ὕαλος* : *ὕαλεος* ²⁴.

Что касается главного элемента, *-αλ-*, то, согласно наблюдениям цитированных выше авторов, слова, в которых он выступает, связаны с другими формами, имеющими в своем составе *γ* или *π*. Таковы, например, *κερδαλέος* : *κερδαίνω*; *οἰδαλέος* : *οἰδαίνω*; *ἰσχυαλέος* : *ἰσχυρός*; *σμερδαλέος* : *σμερδώνος* и т. д., или *λευγαλέος* : *λυγρός*; *ἐρευθαλέος* : *ἐρυθρός*, ср. *ἐρυθαίνω*, и т. п. Однако эти авторы не вышли за пределы констатации фактов и не возвели чередований к их первоисточнику. Чтобы достичь этого, необходимо добавить к производным на *-αλ-έος* другие сложные формы на *-αλ-*, а именно *-αλ-ιμος* (гомер. *εἰδάλιμος* „прекрасной внешности“, *κυδάλιμος* „славный“, *πρυχάλιμος* „обдуманый“ и т. п.; см. список у Шантрена, цит. соч., стр. 153—154) и *-αλ-λος* (*χρύσταλλος* „лед“, беот. *ὄκταλλος*, ср. *ὀφθαλμός*). Группируя их вместе с родственными словами, мы устанавливаем два вида чередования: во-первых, между *-αλ-* и *-αρ-*; во-вторых, между *-αλ-* и *-αγ-*:

1) *-αλ-/-αρ-*:

γῆρ-αλ- : *γῆρ-αρ-* (*γῆραλέος* : *γεραίρω*, см. стр. 57),

καρχ-αλ- : *καρχ-αρ-* (*καρχαλέος* : *κάρχαρος*),

ὄτρ-αλ- : ὄτρ-ηρ- (ὄτραλέος : ὄτρηρός),
 πῆ-αλ- : πῆ-αρ- (πῆαλέος, -λός : πῆαρός),
 ὑδ-αλ- : ὑδ-αρ- (ὑδαλέος : ὑδαρός),
 θαμ-αλ- : θαμ-αρ- [θαμάλη, θάμαλις : θάμαρ(τ)];

2) -αλ-/-αν-:

ἄζ-αλ- : ἄζ-αν- (ἄζαλέος : ἄζαίνω), •
 αὐ-αλ- : αὐ-αν- (αὐαλέος : αὐαίνω),
 εἰδ-αλ- : εἰδ-αν- (εἰδάλιμος : εἰδαίνομαι),
 ἐρευθ-αλ- : ἐρευθ-αν- (ἐρευθαλέος : ἐρευθαίνω),
 ἔστ-αλ- : ἔστ-αν- (ἔσταλον : ἔπη-εταγός*),
 ἰχμ-αλ- : ἰχμ-αν- (ἰχμαλέος : ἰχμαίνω),
 καγκ-αλ- : καγκ-αν- (καγκαλέα у Гесихния : καγκαίνε: у

него же),

κερδ-αλ- : κερδ-αν- (κερδαλέος : κερδαίνω),
 κρυστ-αλ- : κρυστ-αν- (κρύσταλλος : κρυσταίνω),
 κυδ-αλ- : κυδ-αν- (κυδαλέος, -άλιμος : κυδαίνω),
 μυδ-αλ- : μυδ-αν- (μυδαλέος : μυδαίνω),
 οἰδ-αλ- : οἰδ-αν- (οἰδαλέος : οἰδάω),
 ὄπτ-αλ- : ὄπτ-αν- (ὄπταλέος : ὄπτανός),
 πῆ-αλ- : πῆ-αν- (πῆαλέος : πῆαίνω).

Отсюда видно, что -αλ- ведет себя точно так же, как и -αρ-, и является его двойником: πῆαλ- : πῆαν- ничем не отличается от πῆαρ- : πῆαν-; вследствие этого -αλ- должно было представлять собой гласный сонант и не могло быть чем-либо иным. Мы имеем дело с образованием на *-l-, параллельным образованию на *-r-, хотя и менее широко представленным, и дающим от глагольных корней производные абстрактного значения. Подобно тому как *-r- (-αρ) является нормальным отражением индоевропейского распространения *-er в греческом языке, так и *-l- (-αλ-) соответствует обычно и.-е. *-el, на пережитки которого мы указывали выше. Оба слоговые плавные чередуются с -п или с -s- в тождественных условиях. И подобно тому как основы на -αρ часто сопутствуют основам на -ος (πῆαρ : πῆος; μῆχαρ : μῆχος и т. д.), так же им сопутствуют и эквиваленты на -αλ- : ῥιγαλ-έος : ῥίγος; ἀργαλ-έος : ἄλγος; θαρσαλ-έος : θάρσος; ψευδαλ-έος : ψεῦδος; καρφαλ-έος : κάρφος и т. д. Но слу-

* При такой постановке чередования мы избавляемся от необходимости прибегать к помощи сложного слова *ἔστ-εταγός или *ἔστο-εταγός, как это делал Бругман (Буазак, стр. 264).

чается иногда, что *-ал-* соотносится не с *-ар*, а с тематическим суффиксом *-ро-* при редуцированной огласовке корня; в этом случае форма на *-п-* тоже появляется в тематическом виде, а гласный корня — в нулевой ступени: *λευγαλ-έος* : *λυγρός*; *ψευδαλ-έος* : *ψυδρός*; *χυδαλ-ιμος* : *χυδρός*; тип *ὕδαρ-ός* : *ὕδρος* повторяется в *πευχαλ-ιμος* : *πυχνός*; *ισγαλ-έος* : *ισχνός*; *σμερδαλ-έος* : *σμερδρός*; *κερχαλ-έος* : *κερχνός*. Нам известна связь между *-ερ-ο-* и существительными среднего рода на **-es-*: тип *κρουερός* : *κρός*; такую же связь мы находим и между *εἰ-ο-* и **-es-*: тип *νεφέλη* : *νέφος*. Во всех отношениях образования на **-l/p-* сходятся с образованиями на **-r/p-*. При этом число первых заметно меньше, чем вторых, что объясняется в основном как их более быстрым исчезновением, так отчасти и тем, что неразличение *r* и *l* в индо-иранской группе лишает нас некоторых примеров.

Однако можно доказать, что и в индо-иранской группе *-l-* имело в виде суффикса или распространения большую область применения, чем это кажется. Рассмотрим соответствие вед. *sararyāti* „поклоняется, почитает“ = лат. *sepelit* „хоронит (с траурными почестями)“. Оба глагола, и тот и другой, отыменные, образованы от прилагательного или существительного ср. р. **sep-el* (ср. **sāu-el*) „почитание, забота“, производного от **sep-*, вед. *sápati* „стараться, заботиться“*. Косвенным путем можно обнаружить ожидаемую ступень **-p-* и в другом глаголе, тоже отыменном: вед. *bhurarayāti* „вздрагивает, быстро движется“. Независимо от того, основано ли *-r-* в вед. *ratharyāti* „едет в колеснице“ и *ṣratharyāti* „доверяет“ на **r* или на **l*, во всяком случае мы имеем дело с производными **rathar*** (ср. *ratha-*) и **ṣrathar-* (ср. *ṣrath-*). Отношение между *ratharyāti* и *bhurarayāti* равнозначно отношению между *γεραιρω* и *παινω*.

Вне перечисленных категорий становится возможным уточнить образование некоторых неясных производных

* Шульце (KZ, XLI, стр. 335; Kl. Schr., стр. 474) сравнивает *sararyāti* : *sapati* с латыш. *smelu*, *smel't* рядом с лит. *semiù*, *sémti* „черпать“.

** У Вакернагеля—Дебруннера, III, стр. 74, *rathar-* определено как „ложная санскритальная форма“. Однако в свете той системы фактов, к которой оно отнесено нами, его исконность представляется бесспорной.

слов греческого языка. В гомер. *πάσσαλος* „гвоздь (деревянный)“ -σσ- осталось без объяснения; предполагали, по причине конечного *-jalō-, определенную связь его с *πήσσω*, чего, однако, не допускает огласовка корня. Образование *πάσσαλος* не зависело от *πήσσω*. Нужно, исходя из *rakjalō-, восстановить *raki- ввиду наличия формы на *-п-, гр. *πήγαγον*, лат. *pāgina*²⁵; противоположение *i/p аналогично: здесь соотношению между лат. *axi-* и гр. *ἄξων*, причем к обоим корням был присоединен суффикс *-l-: лат. *pālus* и *āla* *. Именно к *пакi и было добавлено -αλο- как вторичное образование, подобно тому как *χρῦσταλλος* включало в себя именную основу *χρῦστ-*, ср. лат. *crusta*. Этот же суффикс -αλο- образует и *ὑπερψαλλός* „высокомерный, спесивый“, странным образом расчлененное на *ὑπερψα-αλλο-* у Бузака (см. под этим словом), по Острофу. Корнем здесь является, очевидно, -ψi- в форме, известной нам в гр. *ψίτω* „отрасль, потомок“, ст.-слав. *внмъ* „были бы мы“, др.-перс. *biyā* „был бы он“²⁶.

Структура слова *ὀφθαλμός* и беот. *ὄκταλλος* поддается теперь анализу, который может заменить неосновательные гипотезы, упоминаемые у Прево (Rev. Phil., 1935, стр. 274). С *ὄκταλλος* нужно сопоставить скр. *ākṣi* „глаз“ (авест. *asi*, дв. ч.). Толкуя санскритскую форму как производное на *-es-, родственное ст.-слав. *око*, род. п. *оуоуе* (Мейе — Вайан, *Общеславянский язык*; русск. перев., стр. 337), мы лишаем себя главного свидетельства, с которым должны согласовываться все остальные. Основа *ok- имеет суффикс *-ei- в балтийских языках: лит. *akis*, др.-прусс. *ackis*, и суффикс *-n- в арм. *акп*, род. п. *акан* (с двойным согласным экспрессивного характера). Элемент *i-p- прибавлен в санскрите (*ākṣi*, род. п. *akṣṇāh*) к основе *akṣ-*, которая, подобно гр. *ὄκτ-αλλος*, уже была распространена, но не посредством *-s-, а посредством *-p-; действительно, скр. *akṣ-*: гр. *ὄκτ-* имеют ту же конечную фонему, что и скр. *fkṣ-ah* „медведь“, гр. *ἄρκτ-ος*. Следовательно, исторически они не имеют никакой связи с образованиями на *-es- в славянском языке. С другой стороны, на базе одного и того же корня в греческом языке были образованы две формы: *ὄκτ-αλλος* и *ὀφθ-αλ-μός*; относительно суффикса *ὀφθαλμός*

* Из *paks-lo-s и *aks-lä.-- Прим. перев.

ср. *εὐρυδ-αλ-μός* ²⁷. Различие между *εὐρ-*(*αλλος*) и *εὐρδ-*(*αλμός*) сводится к разнице между непридыхательным и придыхательным звуком: *-φδ-* представляет группу согласных индоевропейского языка, которую мы транскрибируем *kʰh и которая выступает как *φδ* в *φδίω* при скр. *kʰiñāti*. В формах этого слова экспрессивность достигается различными путями; одним из средств является придыхание в *εὐρδ-*. В заключение отметим, что употребление суффикса *-*ei-* примечательно той согласованностью, которую оно установило между греческим и латинским языками (*oculus*), хотя морфологические подробности здесь и не совпадают.

В сходстве функций *г* и *л* мы, несомненно, найдем объяснение одной особенности хеттского спряжения. В повелительном наклонении (которое вместе с изъявительным исчерпывает собой наклонения хеттского глагола) в 1 л. ед. ч. появляется различие „залогов“: *-lu* в действительном залоге, *-gu* в медиопассиве на *-г*, например: *me-nālu* „хочу сказать“, *iyalu* „хочу сделать“; *waḡaru* „хочу показаться“, *arḡaḡaru* „хочу войти“; факты приведены без объяснения у Фридриха (IF, XLIII, стр. 257—258) и у Стертеванта (Compag. Gram., § 394, 421). Индоевропейский глагол не знает ничего подобного; кроме того, сама природа этой формы доказывает ее новизну: повелительное наклонение обычно не содержит в себе „желательного“ 1 л. ед. ч. Фактически только форма переходного спряжения на *-lu* создает для нас трудности. Другая форма легко объясняется с помощью элементов, свойственных флексии на *-г*: имея в виду, что *-г* чрезвычайно характерно для этой флексии и что *-и* постоянно служит окончанием в повелительном наклонении для 3 л. ед. и мн. ч. (в действительном залоге *-tu*, *-ntu*, соответствуя индо-иран. *-tu*, *-ntu*; в медиопассиве *-aru*, *-ntaru* по аналогии с действительным залогом), окончание *-г-и* сразу становится понятным; по своему строению оно в точности согласуется с 1 л. ед. ч. настоящего времени медиопассива, отличаясь от него лишь своим *-и*, знаком функции: *(ya)ḡati* „я иду“ : *(wa)ḡaru* „чтобы я показался!“ Эта форма, соответствующая тому спряжению, внутри которого она заняла место, появилась раньше и послужила образцом для 1 л. ед. ч. на *-lu*, не имеющего исконной связи с переходным спряжением. В этом случае можно пред-

ставить себе, что -lu возникло вторично на основе параллелизма спряжений. Нужно было найти для -gu точное и, тем не менее, отличающееся от него соответствие. Характер отношений между г и l довершил остальное. Как в хеттском языке слова на -tal(l)i- (< *-tol-, ср. слав. -tel-) соответствуют именам деятеля на *-ter- других языков, так и индоевропейский язык использовал -l- для отличения действительного залога от страдательного на -г в I л. ед. ч. повелительного наклонения. И как ни своеобразна здесь роль -г- по сравнению с той, которую оно выполняет в именных образованиях, способ его использования в паре с -l- настолько напоминает именные чередования, что мы не можем не видеть здесь черты индоевропейского фонетизма.

ГЛАВА IV

ОСНОВЫ на -i- и на -u-

Рассматривая подробнее тип склонения на -i-п (скр. *ásthī, asthnáḥ*), мы видим, что окончание именительного-винительного падежа не является его единственной особенностью. Прежде всего этот тип сводится к небольшой группе случаев: в сравнении с многочисленными примерами склонения на -г-п можно привести лишь несколько редких форм, почти исключительно индийских, на -i-п. Во-вторых, если существительные среднего рода на -i- обнаруживают известное сходство с существительными среднего рода на -u- в смысле подобия этих флексий, то они расходятся в употреблении *-п- в косвенных падежах, поскольку при скр. *ásthī asthnáḥ* существительных среднего рода на *-u-п- не существует. Наконец, следует отметить, что различие существительных среднего рода и прилагательных, достаточно четкое у слов на г-п, затемняется у форм на -i- и на -u-, где одни и те же окончания характеризуют и существительные и прилагательные среднего рода. Следовательно, мы должны будем исследовать природу элемента -i-у прежде, чем изучать его роль.

Как и существительные среднего рода на *-i-, существительные среднего рода на *-u- являются действительно древними: такие слова, как *medhu „мед“ или *genu „колени“, принадлежат к самому старому фонду индоевропейского словаря и сохраняются со своим конечным гласным в наиболее консервативных, если не во всех, индоевропейских языках. Тем не менее анализ показывает неорганическую природу этого *-u- в некоторых существительных среднего рода. Так, в один ряд с *peku „скот“ принято ставить гр. *πέκος, ποχίζω*, предполагая *pek- и даже *pek-t- (ср. *γάλακ-τ-*), сближая с ним *(p)(e)kten- (гр. *κτέις*,

лат. *pecten*).²⁸— В лат. *cornu* мы можем определить благодаря скр. *сr̥n̥ga-* основу **ker-n-*, распространенную посредством *-u-. Гр. *γῆρα* „пещера“ не имеет исконного -y, как это явствует из *γῆρα* „долблю“; *τέρυ*, древнее существительное среднего рода (*τέρυς*; ἵππυ: „изнуренные лошади“ по Гесихию), соседствует с *τέρηγ*, а πῶν „стадо мелкого скота“ — с *πυρῆγ*. Особенностью латинского языка было развитие добавочной группы основ на -u-, сосуществующих с основами на -o- (Кюни, *Rev. Phil.*, 1930, стр. 5 и сл.): *seru* „сыворожка“, *ueru* „вертел“, *repu* „запасы продовольствия“, *spesu* „пещера“, *cornu* „рог“, *gelu* „мороз“, *algu* „холод“ и вторичных *ossu*, *tonitru* и т. д.²⁹ С тем большим правом можно выделить -u- в таких существительных одушевленного рода, как лат. *domus* „дом“, *gradus* „ступень“, *acus* „острие“, *impetus* „натиск“, гр. *ἀρρηξ* „сеть“, *δελφύς* „матка“, скр. *bandhú-* и т. п.³⁰, и в прилагательных, которые в подавляющем большинстве происходят от глагольных корней или от корневых имен, типа **pek-* (лат. *pex*) и **peku-* (авест. *pasu-*). Таким образом, можно думать, что даже неразлагаемые существительные среднего рода, как, например, *gonu или *medhu, происходят в конечном счете от глагольных или именных корней, распространенных посредством -u так же, как скр. *ásthi*, распространенное посредством -i (авест. *ast-*).

Однако мы ошиблись бы, полагая, что существительные среднего рода на *-i и на *-u полностью однотипны; прибавление -i в *ásthi* и -u в *рӑци* осуществлялось различно и по характеру, и по времени процесса. Между этими двумя типами имеется коренное отличие, проявляющееся различным образом. В то время как -i слова *ásthi* появляется только в именительном-винительном падеже и в тех падежах множественного числа, где окончание начинается с согласного, -u никогда не исчезает: в этом заключается противопоставление между *ásthi* : *asthán-* и *gonu : **goncen-* (*γρόνατος*); иными словами, *-en- замещает -i в существительных среднего рода на -i, но прибавляется к -u в существительных среднего

* Об основах на -u- и согласных основах в германских языках см. Мансзон, *BSL*, XXXI, 2, стр. 53 и сл.

рода на -и. Заметим далее, что в индоевропейском языке образовался суффикс *-цег/-цеп- (стр. 139), но в нем никогда не существовало суффикса *-іер/-іеп-, откуда можно заключить об отсутствии параллелизма в исходных образованиях.

Все это — лишь констатация фактов, пока еще очень формальная и к тому же при данном состоянии теории необъяснимая. В каких условиях -і- и -и- служат распространениями или суффиксами? Как распознать, является ли существительное среднего рода на -і-, -и- корневым или производным словом? Каждый такой частный вопрос затрагивает всю рассматриваемую систему в целом; теория основ на -і- и -и- подлежит полному пересмотру, прежде всего с точки зрения индоевропейского склонения.

I

Известно, что эти основы имеют в родительном-отложительном падеже единственного числа два окончания, *-e/os и *-s, и как следствие этого соответственно редуцированную или полную огласовку элемента, предшествующего окончанию: скр. *áviḥ*, род. п. *ávuah*, но *matíḥ*, род. п. *matéḥ*; *mádhu*, род. п. *mádhvah*, но *sūnūḥ*, род. п. *sūnóḥ*. Таково было положение в индоевропейском языке, которое Бругман определяет следующим образом: „В общем, повидимому, нулевая ступень корневого форманта сопровождается полной ступенью падежного форманта, а полная ступень корневого форманта — нулевой ступенью падежного“ (Grdг., II, 2, стр. 152). Взаимодействие элементов слова охарактеризовано здесь хорошо, но совершенно не объяснено; непонятно даже, что именно, основа или окончание, определяет форму другого элемента. По мнению некоторых исследователей, чередование огласовок регулируется перемещением ударения³¹ (Кречмер, KZ, XXXI, стр. 326, 356; Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 38 и 143); однако в действительности ударение лишь связано с чередованием, но не вызывает его³². Проблема останется неразрешенной до тех пор, пока мы не признаем в так называемых „основах на -і- и на -и-“ двух типов глубоко различного происхождения, которые, несмотря на некоторое смешение и взаимные переходы, исторически сохра-

няют независимость друг от друга: тип на согласные *-i, *-u, дающий баритонные* существительные среднего рода, и тип на дифтонги *-ei-, *-eu-, дающий окситонные** производные (прилагательные или существительные одушевленного рода).

Рассмотрим сначала существительные среднего рода на -u. Мы видим, что -u ведет себя в них как согласный звук; действительно, оно является не чем иным, как гласной формой звука *-u-. Основы *gou-*en*-, *dou-*en*-, равно как и формы род. п. *gou-*e os*, *dou-*e os* (гомер. γούος, δούος), имеют в качестве исходных корневые формы *gou-, *dou-, которые в конце слова или перед согласным окончанием по необходимости изменяются в *gou-, *dou-. Последние, как это свойственно согласным основам, образуют родительный падеж на *-es со всей строгостью, так что первоначальное склонение будет *médu-, род. п. *medu-és (вед. mádhu, mádhvah с ударением, ставшим неподвижным), как *reg-, *reges. Подобно всем остальным существительным среднего рода они имеют ударение на корне: скр. jānu, dāru, mádhu, rácu, vásu, řicu, trápu, tálu, гр. γού, δού, μέθυ, τέρυ, εὔ (= *ēu), πῶ, гот. faihu, filu (*félū) и т. д. Таким образом, можно полагать, что скр. krātu-, krátvah (авест. xratu-, xradwō) представляет собой древнее существительное среднего рода, перешедшее в мужской род и сохранившее баритонный именительный падеж. Переход в одушевленный род происходил, повидимому, часто, как это показывает авест. gātu- (др.-перс. gādu- возникло по аналогии с род. п. ед. ч.***), обычно мужского рода, но в Yt (V, 102) и Vd (XIII, 15) сохраняющее свой прежний средний род. Название „щеки“ тоже, по всей вероятности, восходит к существительному среднего рода на согласный — *gēu-, *gēu-és,— с одной стороны, судя по склонению на *-u-, сохраненному в -pp- гот. kinnus „челюсть“, и с другой, судя по корневому ударению,— в скр. hāpu-, гр. γέυος „челюсть“³³. Указание на ударение здесь не случайно,

* С ударением не на последнем слове слова.— *Прим. перев.*

** С ударением на последнем слове слова.— *Прим. перев.*

*** Возможно также, что *gātu- в условиях общеиранского языка перешло в *gādu, откуда им. п. gādu-, который в этом случае был бы закономерным.

поскольку очевидно, что, за исключением отдельных слов, ударение на основе устанавливается отнюдь не произвольно: оно не могло бы иметь другого места: *mádhū*, представляющее *médhū, первоначально было односложным.

Напротив, существительные одушевленного рода и прилагательные, будучи производными, имеют в качестве суффикса *-*eu-* (*-*ou-*) и несут ударение на суффиксе: *sūnú-* (м. р.), как *r̥thú-* (πλάτος); *víb̥s*, как *παῦς* (*bahú-*). Форма *-*é/ou-* суффикса обнаруживается в родительном-отложительном падеже, который неизменно оканчивается на *-*é/ou-s*: скр. *sūnóh*, лит. *sunaūs*. В то время как -*u* в *mádhū* представляет собой вокализированное *-*u-*, звук -*u-* в *sūnúh* является нулевой ступенью от *-*eu-*. Если существительное среднего рода на *-*u-* имеет производное на *-*eu-*, то соотношение между ними определяется следующим правилом: существительное среднего рода баритонно и имеет основу в полной ступени при суффиксе с нулевой огласовкой (*-*u-*); производное же окситонно и имеет основу в нулевой ступени при суффиксе с полной огласовкой (*-*eu-*). Этот принцип объясняет чередование вед. *dáru*, род.-отл. п. *dróh* (авест. *draoš*); *sānu*, род.-отл. п. *snóh*, в котором усмотрели нечто параллельное чередованию: инфинитив *étum*: абсолютив *itvā* (Вакернагель—Дебруннер, III. стр. 140). Но тогда мы ожидали бы *dáru*: *darvāh, а не *dróh*. В действительности же здесь следует исходить из двух различных основ, которые в дальнейшем смешались: первообразного существительного среднего рода на согласный, *dóru, и производного с редуцированной основой*, **dr-é/ou-*, закономерно дающего в санскрите *dru-*, род. п. *dróh* (авест. *draoš*), и сохраняющегося в производных скр. *dráyu-*, гот. *triu*, гр. *δέν-δρε(φ)-ου*, арм. *δρε(φ)-ու*³¹. Это правило подтверждается также санскритской парой *sānu* (ср. р.; *sānu) и **sn-eú-*: *snu-*, род. п. *snóh*. Оно разъясняет противопоставление между **gé/ou* (ср. р.; *jānu*, γένυ, *genu*) и **gn-eú-*: скр. *jñu-*, *jñu-*, авест. *xñu-*, *žñu-*, гр. γγύ-, гот. *kñiu*. То же отношение мы устанавливаем и в труднопроизносимой группе звуков между двумя формами, *réku (ср. р.; *rácu*) и **pk-éu-* (авест. *fšu*).

* Вопрос о корневом чередовании исследуется более полно в гл. X.

Теперь загадка лат. *plūs* *, гр. *πλεῖον* и т. д., поддается разрешению. От основы **pelə-*, **plē-* „наполнять“ произошло существительное среднего рода, засвидетельствованное в трех ступенях: **rélц-* (гот. *filu*), **róлц-* (гр. *πόλυ), **рлц-* (иран. *ragu-*, скр. **rígu-*, откуда, с ударением производного слова, *rigú*, подобно гр. *πάλυ*). Это существительное дало производное **pl-é/оц-*, от которого в свою очередь произошло существительное **ple/оц-es-* „изобилие, большое количество“: именно из **ple/оц-es-* образовалось др.-лат. *plous*, лат. *plūs* (ср. **ie/оц-es-* > *iūs*). Следовательно, *plūs* не представляет собой сравнительной степени, а обозначает лишь большое число. Действительно, основа **pléц-*, к которой оно восходит, служит также для образования гомер. *πλέος* (**pleц-o-*), им. п. мн. ч. *πλέ(ε)ες*, вин. п. *πλέ(ε)ας***, которые по происхождению не являются сравнительной степенью; эту мысль высказал, основываясь на иных доводах, Турнейзен (KZ, XXXIII, стр. 555). Однако **pleц-* вступило в соревнование с подлинной сравнительной степенью, имевшей полную форму **plē-ies-*, отраженную в скр. *prāyah*, авест. *frāyō*, а также в др.-лат. *pleores* (*Carmen Arvale*), если только принятое значение его достоверно; существовала также и редуцированная форма **plē-is-*, которая выступает в древней превосходной степени *plisima* „*plurima*“ (Фест, 222, 8). Это **plē-is-*, вероятно, дало в греческом языке наречие *плэйς, соответствующее др.-ирл. *lia* „больше“ (*plēis) и образованное подобно оск. *mais*, гот. *mins*. От *плэйς произошли вин. п. *плэй* и производные *плэйон*, ср. *плэйστος*, авест. *fraēšta-* (< **plē-is-to-*). В латинском языке *plous* взаимодействовало со сравнительной степенью *plis (в *plisima*) так, что, с одной стороны, *ploцс приобрело значение сравнительной степени, а с другой — *plis заимствовало у *plous* его дифтонгический характер, в результате чего возникло *plois, превосходная степень *plourime* (CIL, I², 9) и, с более полной ассимиляцией, *plouruma* (I², 1861), *plusima* (Варрон, VII, 27). Смешение было облегчено тем, что из *plous* и

* Объяснения, данные у Бругмана — Тумба (стр. 247), Штольца — Лоймана (стр. 296) и Эрну—Мейе (см. под словом *plūs*), недостоверны.

** Арк. *плэс*, гласный которого допускает несколько истолкований, не указывает на что-либо определенное.

*plois одинаково получилось plus; к тому же plus образовало пару с minus.

Таким образом, здесь проводится резкое разграничение между корневой основой на *-ц и производной основой на *-éц- (часто принимающей корневую огласовку существительного среднего рода). Это разграничение проводится в том самом виде, в каком оно проявляется между скр. ráṣu (ср. р.) и раṣúḥ (м. р.). В данном слове в индийском языке возобладала форма родительного-отложительного падежа от существительного среднего рода; однако авестийский язык сохраняет родительный падеж на *-e/oц-s, свойственный производным словам, так что, в соответствии с фактами индо-иранских языков, доисторическое положение восстанавливается в следующем виде: существительное ср. р. *rékц, род. п. *rekц-és (скр. ráṣu, раṣv-áh); производное *rekús, род. п. *rekéц-s (авест. pasuš, pasōi-š).

Здесь важно отметить различное поведение первообразных существительных среднего рода, у которых -w образует составную часть основы*, и производных прилагательных или существительных одушевленного рода, у которых элемент *-e/oц- имеет значение суффикса.

Помимо уже упомянутых μέθυ, δόρυ, γόνυ, греческий язык сохраняет (более или менее приспособив их к другим склонениям) еще ряд имен на *-ц-, чередующихся с производными на *-ец-. Мы уже видели, что πῶλος свидетельствует о существительном ср. р. *pólц, которое отличается от *pélц, гот. filu лишь огласовкой корня и чередуется с производным словом скр. purú-. Другим примером может служить τέρυ (ср. р.; *téry), эквивалент которого имелся в индо-иранской группе в виде *táru, судя по скр. táruṇa-, авест. tauguna-; производная форма *tr-éц- присутствует в основе тръ отыменных глаголов тръω, тръχω. Отметим также, что исходное πῶ „стадо“, *póц (ср. р.) четко противопоставляется производному *pōi-éц-, скр. pāuḥ „сторож“. Можно с уверенностью заключить, что θῆλυς, -εια, -υ есть древнее

* В более древнюю эпоху, как это показано в гл. IX, -ц в слове *rékц тоже являлось суффиксом. Однако этот факт не меняет в данном случае хода нашего рассуждения, поскольку исследуемые явления относятся к более поздней эпохе.

существительное ср. р. $\theta\eta\lambda\iota$ с ударением на корне, ставшее прилагательным, как $\rho\alpha\lambda\acute{\iota}\varsigma$, $\tau\acute{\epsilon}\rho\upsilon\varsigma$, и в сущности обозначающее „женский пол“ ($\tau\omicron$ $\theta\eta\lambda\iota$): *dhēl-éц-, им. п. dhārúh „сосуций“. Кроме того, несколько подобных пар выявится еще при анализе тематических производных (стр. 97 и сл.). Из этого ясно, что даже при наличии уже распространенной основы возникает та же система соотношений.

У основ с элементом г или л (ср. $\theta\eta\lambda\iota$) мы обнаружим тот же род и то же место ударения, что и в словах $\acute{\alpha}\varsigma\tau\iota$, $\delta\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon$ и до известной степени в хетт. ešhaḥru „слеза“ (Стертевант, *Compar. Gramm.*, стр. 143), основе на согласный типа $\gamma\acute{o}\upsilon$. Ведическая пара $\rho\acute{a}ru-$, $\rho\acute{a}rú-$, по всей вероятности, отражает *réru (ср. р.): $\rho\acute{e}rú-$; ср. с этим различие между $\acute{\varsigma}\acute{a}tru-$ и $bh\acute{i}rú-$. Будучи в общем мало продуктивным, тип на *-r-éу- получил особое развитие в литовском языке (Бругман, *Grdr.*, II, 1, стр. 385). — Образования на -иу- допускают возможность подобного же различия между вед. $d\acute{a}nu$, лат. *cornu*, гомер. $\theta\rho\eta\eta\nu\omicron\varsigma$ (* $\theta\rho\acute{\alpha}\nu\upsilon$, ср. $\theta\rho\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ и беот. $\theta\rho\acute{\alpha}\nu\upsilon\acute{\epsilon}$) и производными, из которых одни перешли в разряд существительных, другие — нет: скр. $s\acute{u}nú-$, лит. $s\acute{u}n\acute{u}s$, гр. $\upsilon\acute{\iota}\acute{o}\varsigma$; $bh\acute{a}n\acute{u}-$, $dhen\acute{u}-$, $dh\eta\varsigma\eta\acute{u}-$, $g\acute{r}dhn\acute{u}-$ и т. д. — От основ, распространенных посредством -t-, образована группа существительных среднего рода на *-tu, важная роль и древнее происхождение которой вырисовываются теперь в полной мере; действительно, эта группа состоит из старых слов (их перечень см. Бругман, *Grdr.*, II, 1, § 336): вед. $v\acute{a}stu$ ($v\acute{a}stu$), гр. $\acute{\rho}\acute{\alpha}\tau\upsilon$, конечно, консонантная основа (ср. вед. $[n\acute{a}va-]$ $v\acute{a}stva-$, крит. $\acute{\rho}\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\varsigma < *f\acute{\alpha}\tau\tau\acute{f}-\iota\omicron\varsigma$), гр. $\varphi\acute{\iota}\tau\upsilon$ „отпрыск“ (возможно сопоставление с лат. *futuō*); вед. $d\acute{a}tu$ „часть“, связанное с $j\acute{a}tu$ „целое“; лат. *artu*, *testu*. Многие ведические существительные среднего рода, принадлежавшие к этому разряду, перешли в одушевленный род: $s\acute{u}tuḥ$ (ж. р.) „беременность“ вместо * $s\acute{u}tu$ (ср. р.), ср. др.-ирл. *suth* (ср. р.) „порождение“; в $m\acute{a}ntuḥ$ (м. р.) „совет“ и „советник“ объединились, несомненно, * $m\acute{a}ntu$ „совет“ и * $m\acute{a}ntuḥ$ „советник“; $g\acute{a}ntuḥ$ „дорога“, $dh\acute{a}tuḥ$ (м. р.) „элемент“ = * $g\acute{a}ntu$, * $dh\acute{a}tu$ (ср. р.). Инфинитивы $\rho\acute{a}ktum$, $d\acute{a}tum$, $\rho\acute{a}tum$, $sth\acute{a}tum$ и т. п. имеют ударение на корне, свойственное древним консонантным существительным сред-

него рода, что подкрепляется формой *-tv-* суффикса деепричастий (*itvā́, sthítvā́, raktvā́*) и причастий долженствования (*hántva-*). Однако склонение инфинитивов *-toḥ, -tave* указывает на то, что они были включены в состав типа на **-teṭ-*. История слова *ḡmituḥ* может быть восстановлена точнее, чем это сделал Бругман; он правильно считал, что данное слово первоначально было существительным, но ошибался, полагая, что оно перешло из мужского рода в средний по образцу *ṭò ḡlōu*. Исконным было существительное ср. р. **ḡmitu* (крит. [*ḡ*]ḡmitu-εκτω), окончание которого **-ṭḡ* доказано этим *-ṭ-*, обобщенным в *ḡmitu* из старой флексии **-ṭḡ-ṣ-*. — По сравнению с этой довольно небольшой группой тип производных на **-tu-*, или, вернее, на **-teṭ-*, получил значительное распространение. Вначале он состоял из производных прилагательных, рано принявших на себя роль существительных и получивших обычное склонение на **-teṭ-* (род. п. скр. *-toḥ*, лат. *-tūs*); в греческом языке женский род был обобщен и, как следствие этого, была обобщена и форма на *-ṭṡ-*. Как и во всех именных типах, формы производные возобладали над формами корневыми. Описание новых производных от форм на **-tu* и **-teṭ-* дается на стр. 98.

Выше мы установили, что строние и склонение основ на **-u* и **-e/ou* определяются известными правилами, точность которых может быть измерена числом трудностей, разрешаемых с помощью этих правил. После относительно простых случаев, идущих первыми, следует, в порядке возрастающей трудности, изучить основы, неправомерно именуемые „основами на дифтонг“, и, в особенности, столь неясное склонение слов *paúḥ, gaúḥ* и *duáúḥ* (подробности форм этого склонения см. Вакернагель — Дебруннер, III, § 121).

Совокупность данных индоевропейских языков показывает, что склонение *paúḥ* (и *gaúḥ*) предполагает существительное ср. р. **nāu-* (типа на согласный), которое склонялось одинаково с **médhu:* род.-отл. п. **nāu-és* (гр. *ἡῤ-ός*, скр. *nāv-áh*), как **medhu-és*. В связи с переходом этого слова в одушевленный род им.-вин. п. ед. ч. **nāu* был заменен в именительном падеже формой **nāu-s* (вед. *paúḥ*, гр. *ἡῤῥ*); в винительном падеже возникло затруднение в связи с тем, что падежным окончанием для одушев-

ленного рода было исключительно -in; диалекты здесь разошлись: в одних окончание вокализировалось (гр. $\nu\tilde{\iota}[F]-\alpha$), другие распространили -am по образцу род.-отл. п. -aḥ (скр. $\text{pā}v\text{-am}$), однако правильным окончанием было бы *nām (подобно gām, duām; см. ниже), ср. дор. $\nu\tilde{\alpha}y^*$.

В отличие от paūḥ наименование „коровы, быка“ в действительности восходит к двум основам. Первоначальной формой, предшествовавшей грамматическому роду, является *g^uōu, род.-отл. п. *g^uou-ós (основа на согласный); ср. гр. $\beta\omicron\upsilon\acute{\omicron}\varsigma$, лат. bou-is. В дальнейшем им.-вин. п. *g^uōu дифференцировался, образовав им. п. одушевленного рода *g^uōu-s (скр. gāḥ, гр. $\beta\omicron\delta\varsigma$, лат. bōs с диалектным b-) и вин. п. *g^uōu-m > *g^uōm (скр. gām, авест. gām, дор. $\beta\tilde{\omega}y$, умбр. bum). На базе первичного *g^uō-ū- возникло производное *g^u-é/ou-, которое дало им. п. скр. *gūḥ, засвидетельствованное в сложении формой gu-, и косвенные падежи, вошедшие в индо-иранскую парадигму: род. п. (как и ожидалось) *g^u-ou-s (авест. gāuš, скр. gōḥ, подобно sūpōḥ), дат. п. *g^u-ou-ei (gāve, подобно sūpāve) и т. п. **. Таким образом, все становится теперь на свои места.

Третья „основа на дифтонг“, представленная в duāḥ, $\text{Ze}\delta\varsigma$, требует наиболее тщательного рассмотрения, поскольку индоевропейские корни с таким богатством производных форм встречаются редко и лишь немногие из них вызвали столь оживленную борьбу мнений (из позднейших работ см. Вакернагель, SBAW, 1918, стр. 396 и сл.; Кречмер, Glotta, XIII, стр. 108 и сл.)³⁵. Нашей задачей

* Гипотеза вторичного происхождения pāvam, $\nu\tilde{\iota}a$ уже защищалась некоторыми учеными (см. об этом у Вакернагеля—Дебруннера, III, стр. 223, где она отвергается). Возражающие против этой гипотезы ссылаются на то, что разница между gām и pāvam обусловлена наличием у paūḥ форм лишь с долгой основой. Это наблюдение в известной мере нужно учитывать, поскольку изменимость долгой основы должна была способствовать выпадению -v- в gām, duām. Однако проблема полностью меняется, если исходить из существительного среднего рода; несмотря на индоевропейский характер вишительного падежа, он становится вторичным во всех трех формах, почему дор. $\nu\tilde{\alpha}y$, пригодное у грамматиков, не должно более отвергаться.

** Курилович (PF, XI, стр. 229; приведено у Вакернагеля—Дебруннера, III, стр. 219, § 121 b a), отмечая совпадение в месте ударения, пришел к выводу о существовании древней основы на -u-. Однако этим раскрывается лишь половина реального процесса.

является не перечисление полностью всех фактов, а изучение их и определение прототипов. Вся совокупность форм основана на корне *deǵ- (скр. dé-). Путем прибавления к корню суффикса *-ц (способ осуществления этого будет исследован ниже) образуется основа *deǵц- с тематическим производным *deǵцó- (скр. devá- и т. д.). Внутри склонения эта основа обнаруживает чередование *deǵц, род.-отл. п. *diǵ-é/os. От этого родительного-отложительного падежа и последующих форм происходят гр. Δι(Ϝ)-ός, Δι(Ϝ)-ί, Δι(Ϝ)-ει, вед. div-áh, div-í, div-é и вообще формы на *diǵ- в склонении и словосложении, а также наречный род. п. лат. dius (< *diǵos), interdus. Наряду с *deǵц- существовало производное *di-é/ouǵ- со следующим склонением в ведическом языке: род.-отл. п. *di-é/ouǵ > dyóh (авест. dyaōš), dyáv-e, dyáv-i и т. д. * (dyu- в сложении двусмысленно: или от *diǵ-, или от *diǵе-). Детали этого словопроизводства восстанавливаются, когда мы исходим из двучлена *deǵц-: *diǵе- . Благодаря другой суффиксации того же корня возникла новая группа форм. „Двусложный“ корень *deǵэ-, выступая в виде *diǵе- (ср. *g^ueǵэ-: *g^uǵǵе-), образовал, с добавлением -ц-, новое существительное *diǵец, к которому восходит, в частности, название „дня“ (с обожествлением или без него). Таким путем, идя от двух состояний корня, мы приходим к объяснению двух основ *deǵц и *diǵец. Это *diǵец еще до установления грамматического рода служило одновременно и наречием и существительным: оно сохранилось в изначальном виде в лат. diū, которое относится к „неопределенному падежу“ (стр. 124), а не к местному. Склонение *diǵец после перехода его в одушевленный род было вполне нормальным: им. п. *diǵец-s (вед. dyáuh, гр. Ζεός); зват. п. *diǵец (гр. Ζεῷ, лат. Iū-piter); вин. п. *diǵе(u)m (скр. dyám, гр. Ζῆν, лат. diēm > diēs); род.-отл. п. *diǵец-é/os (лат. Diouis, Iouis); дат. п. *diǵец-eǵ (оск. Diúvǵéi) и т. д.

Таким образом, все разнообразие форм приведено теперь к своей первооснове. В дальнейшем, при изуче-

* Вопрос о том, является ли dyóh, dyávi более древним, чем diváh, diví (Вакернагель—Дебруннер, III, § 122 d, e), или наоборот, становится, таким образом, беспредметным.

нии словопроизводства, мы увидим, что взаимодействие **-ц* и **-eu* продолжается и в исторический период и порождает новые образования.

Правила, определяющие особенности типа на *-u-*, относятся также и к типу на *-i-*. И здесь мы можем исходить из родительного-отложительного падежа единственного числа и из того противоположения, которое проявляется в индийском языке между *áviḥ*, *ávuḥ* (с неподвижным тоном, вместо **ávuḥ*) и *mátiḥ*, *matéḥ*. У нас есть все основания утверждать наличие в индоевропейском языке двух классов: класса корневых имен на согласное **-i* и класса производных на **eṭ-**. Но в то время как существительные среднего рода на **-ц* исторически представлены хорошо, консонантные существительные среднего рода на **-i* почти полностью исчезли и могут быть обнаружены только в доисторических пластах языка. Сохранился, однако, хороший пример последнего типа, хотя и с изменением грамматического рода; это — наименование „овцы“: скр. *áviḥ*, гр. *ὄ(φ)ις*, лат. *ouis*. Подобно тому как род. п. скр. *mádhvaḥ* приводит нас к основе **médhṣ*, так и род. п. скр. *ávuḥ*, гр. *ὄφις* зиждется на согласной основе **oṭi*, именительный-винительный падеж от которой должен быть **oṭi*. Сравним теперь: **réku* — им.-вин. п. **réku*, род. п. **reku-ós*, и **oṭi* — *oṭi*, **oṭi-ós*.

Это **-i* не может ни исчезать, ни распространяться в **-eṭ-* внутри склонения слова **oṭi*, точно так же как **-ц* не может ни отсутствовать, ни распространяться в **-eu-* внутри склонения слов **medhṣ*, **reku*. Парадигма индийских слов *áviḥ* и *mádhṣ* не содержит ни **av-* или **ave-*, с одной стороны, ни **madh-* или **madho-* — с другой. Все детали, включая место ударения, подчеркивают исключительное сходство, объединяющее **-i* и **-ц-*, и, наоборот, глубокое различие, отделяющее **-i* от **-eṭ-*, **-ц* от **-eu-*. Поэтому мы не колеблясь примем, что **oṭi* первоначально принадлежало к неодушевленному роду, как и другие названия овцы — *ráṣu*, *πρόβατον*. Дополнительным подтвер-

* В новейшей работе об основах на *-i-* (Грэй, BSL, XXXI, 1931, стр. 34 и сл.) *agní-* и *ávi-* рассматриваются в одном плане, как и во всех предыдущих исследованиях.

ждением этого служит (см. стр. 101) прилагательное ávya- „овечий“, предполагающее *ávi, подобно тому как krávyu- предполагает krávi. Равным образом, можно считать вероятным, что и второй ведический пример данного склонения, слово aríḥ „благочестивый“, род.-отл. п. aryaḥ (Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 138, § 69 и прим.), тоже относилось ранее к среднему роду в виде *ári, aryaḥ. Между *ári и производным aríḥ существует такое же отношение, как и между vṛṣṇi и vṛṣṇiḥ. Этими примерами, на первый взгляд, и исчерпывается группа индоевропейских существительных среднего рода на *-i. Однако в действительности анализом производных на *-iо- вскрывается большое число существительных этого типа (стр. 100 и сл.). Но сейчас для нас важно установить лишь самый факт их существования и их строение*.

Окситонные производные (прилагательные или существительные одушевленного рода) образуются исключительно посредством *-ei-: род. п. ед. ч. *-ei-s в скр. matéh, оск. aeteis „partis“, лит. naktiës „noctis“. Доказательством их вторичного характера служит частый разнотип форм: от атематической основы происходят скр. giri-, авест. garī-, ст.-слав. гора, или гр. ὄρις, авест. эгэзи-, лит. eĩzilas „яичко“ (testiculus). Таким образом, суффиксация посредством *-ei- должна была в ходе дальнейшего развития смешаться со склонением существительных среднего рода на *-i. Это дает возможность понять необъяснимое иначе смешение основ на -i- и на согласный в латинском языке: именно взаимодействие между *ouī и *ou-éi- и породило сложное склонение ouis. В реконструкции, данной Штольцем—Лойманом (Lat. Gramm., стр. 256), уточнению подлежат два момента: вин. п. ед. ч. ouem, как и соответствующие формы санскрита и греческого языка, представляет собой новшество, тогда как род. п. мн. ч. ouī-um является правильным для производного на *-ei-. Число таких особенностей возросло вместе со значительным распространением типа на -i- в латинском языке. В принципе, однако, сохраняется древнее противоположение,

* Возможно, что остаток этого склонения сохранился в хеттском языке в лице единственного в своем роде существительного ср. р. udne „страна“ (ud-ne-e, ud-ni-e, ud-ni), род. п. udneyaš. В этом случае оно представляет собой древнее *udnei.

два члена которого характеризуются своими *-j(-i) и *-éi-: ср. *ókʷi (в *ókʷi-e > ōkʷe) : *oku-éi- (лит. akis); *áusi (ср. др.-в.-нем. ōri, *ausiŋo-) и *aus-éi- (лит. ausis, лат. auris) и т. д.*; — dhémj-, гр. *θέμι (откуда θέμις, см. стр. 59) : *dhem-éi-, авест. dāmi- „творец“³⁶.

Именно в подобных противопоставлениях мы и находим источник некоторых аномалий в ведическом и вообще в индо-иранском склонении.

Наименование „пути“* построено на трех различных основах: *r̥p̥th- (гат. r̥aṭhō, вед. род. п. ед. ч. patháh, гат. твор. п. мн. ч. r̥adəbīš, вед. род. п. мн. ч. pathām), *r̥p̥th-éi- (а не *r̥p̥thə-, как у Вакернагеля; вед. pathí-bhiḥ, pathí-ṣu, ср. ст.-слав. пѣть, др.-прусс. pintis) и основе с полной огласовкой, представленной в вед. r̥ánthāḥ, авест. r̥antā (им. п. ед. ч.), вед. r̥ánthām, авест. r̥antam (вин. п. ед. ч.); качество конечного гласного восстановить без специального анализа трудно (стр. 206)³⁷. Склонение sákhi- „друг“ (Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 141) образовано иначе. Здесь мы устанавливаем согласную основу с ударением на корне *sákhi, объясняющую параллельные формы вед. sákhyā, авест. haša (твор. п. ед. ч.), вед. sákhye, авест. haše (дат. п. ед. ч.); sákhyuḥ (род. п. ед. ч.) вместо sákhyah (по образцу имен родства) и формы sákhi-косвенных падежей множественного числа. Остальные формы, sákhiā, sákhiyām и др., происходят от основы sakhāy-, которую, как это уже предполагали некоторые исследователи и вопреки сомнениям, высказанным у Вакернагеля—Дебруннера (III, § 69 e, стр. 143), нужно сравнивать с типом гр. πειθ(ι)***. Согласный характер этого *-j- доказывается нами дальше. Форма на -āy- появляется также в авестийском склонении kavī- (вин. п. ед. ч. kavāyām, пишется kavaēm) и находит себе параллель на -āu- в др.-перс. dāhuāuš.

* Корни *okʷ-, *aus- имеют значение „глаз“ и „ухо“.— *Прим. перев.*

** Вопрос этот рассмотрен у Вакернагеля, KZ, IV, стр. 104 и сл. и Altind. Gramm., III, стр. 306 и сл., а также у Мейе, Indian Studies... Lanman, 1929, стр. 3—6.

*** Гр. πειθ(ι) „убеждение“ (род. п. πειθός < *bheidhóyos) принадлежит к немногочисленным основам на *-ai (чередующееся с *-ei и *-i), сохранившимся главным образом в собственных именах (λητός, *jō и др.).— *Прим. перев.*

Равным образом, мы ставим в зависимость от двух основ и индо-иранское склонение слова *gai-* (м.-ж. р.) „богатство“ (подробности см. Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 214 и сл.). Одна из них выступает в качестве основы производного на **-éi-*, т. е. **reĭ-éi-*; отсюда правильный им. п. ед. ч. **reĭ-í-s* (вед. *rauíḥ*), вин. п. ед. ч. **reĭ-í-m* (вед. *rauím*, авест. *gaēm* [= *rauím*]) и основа **reĭi-*—для тех падежей множественного числа, в которых окончание начинается с согласного (твор. п. мн. ч. *rauíbhīḥ*). В родительном-отложительном падеже единственного числа мы ожидаем **reĭ-éi-s*, которое должно было стянуться в **rēis* и тем самым нарушить порядок склонения. Производная основа **reĭ-ei-* предполагает консонантное существительное ср. р. **rēi* (подобное **óuĭ*), очень хорошо подтверждаемое соотношением **rekéu- : *réku = *reĭei- : *reĭi**. Далее, **reĭi* стягивается в **rēi*. В результате коллизии между этим **rēi* и род.-отл. п. **rēi-s* производного слова возникает склонение вед. *rāu-*, итал. *rē-*. Кроме того, переход существительного среднего рода в одушевленный род обусловил появление вин. п. ед. ч. **rēi-m*, вед. *rām*, параллельного *duām* и *gām*; в свою очередь, *rām* вторичным образом повело к установлению им. п. ед. ч. *rāḥ*. Такое истолкование облегчает нам также анализ лат. *geus* „подсудимый, ответчик“, являющегося попросту прилагательным **rēi-os* „включенный в какую-то *rēs*“**, а не родительным падежом, как это предполагает Турнейзен (IF, XIV, стр. 131).

Неправильность склонения вед. *rāti-* тоже получает удовлетворительное истолкование. В значении „хозяин“ *rāti-* дает *rāteḥ*, *rātaue*, но в значении „муж“ — *rātuḥ* (вместо **rātīaḥ*, по образцу имен родства), *rātuе* и т. д. (Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 142). Древнее **rot-* было замещено в индо-иранской группе, как и в некоторых других диалектах, основой, выступающей в виде **roti* и, следовательно, идущей по согласному склонению (*rātuе* и т. д.), с первоначальным значением „хо-

* Заменяя *geu* каким-нибудь воображаемым слогом вроде *ten*, получим пару *tenei- : tenu* в соответствии с *rekeu- : rekū*.

** Лат. *ges* имело также значение „судебное дело, тяжба“. — Прим. лев.

зьян (дома), муж" (ср. $\rho\acute{o}\tau\iota\varsigma$, $\delta\epsilon\alpha\pi\acute{o}\tau\text{-}\acute{\eta}\varsigma$, лит. *pats*); эта основа сопровождалась производной * $\rho\acute{o}\tau\text{-}\acute{e}i\text{-}$ (род.-отл. п. $\rho\acute{\alpha}\tau\eta\grave{\iota}$ и т. д.) с расширенным значением „хозяин (вообще), господин“. Распределение форм парадигмы согласуется с развитием значения; к тому же отыменный глагол $\rho\acute{\alpha}\tau\upsilon\alpha\tau\epsilon$ подтверждает первичность согласной основы * $\rho\acute{\alpha}\tau\iota\text{-}$.

Каким же, в конце концов, было индоевропейское окончание родительного-отложительного падежа и от чего зависит выбор между * $-e/os$ и * $-s$? Употребление полной или редуцированной степени окончания всегда определяется формой основы. В принципе гласные основы (исключая тематический тип) имеют * $-s$, согласные — * $-e/os$. Это положение одновременно и иллюстрируется, и разъясняется соображениями, изложенными выше. В типе на дифтонг родительный-отложительный падеж единственного числа имеет окончание * $-s$, поскольку основа оканчивается на * $-ei\text{-}$, * $-eu\text{-}$. И наоборот, в согласном корневом типе (включая основы на * $-i\text{-}$, * $-u\text{-}$) окончание принимает полную степень * $-e/os$, соединяясь с конечным согласным основы. При этом между суффиксом и окончанием существует равновесие: полная степень одного влечет за собой нулевую степень другого. Действительно, во всех случаях, будь то в словоизменении или в словопроизводстве, корень претерпевает изменение в тот момент, когда он получает прибавление: * $\rho\acute{e}d\text{:} *bd\text{-}\acute{e}/os$ (ср. гр. $\acute{\epsilon}\pi\text{-}\beta\delta\text{-}\alpha$, скр. $upa\text{-}bd\text{-}\acute{\alpha}$)³³ так же, как * $\rho\acute{e}kt\text{:} *pkt\text{-}\acute{e}n\text{-}$ (гр. $\kappa\tau\acute{\epsilon}\iota\varsigma$) или * $k\acute{e}rd\text{:} *krd\text{-}\acute{e}i\text{-}$ (лит. *širdis*). Иное здесь невозможно, поскольку при основе, сведенной к согласным, родительный-отложительный падеж должен иметь полную форму окончания: * $bd\text{-}\acute{e}/os$ в силу невозможности * $bd\text{-}s$; полная огласовка требуется благозвучием. Однако не все основы принимают это изменение: * $m\acute{e}d\eta\text{-}$ не имеет другого родительного-отложительного падежа, кроме * $m\acute{e}d\eta\text{-}\acute{e}/os$. В конечном счете, именно согласная структура корня определяет чередование гласных. И только основы на * $-r$ находятся в особом положении: $\rho\acute{\alpha}\tau\eta\text{-}$ дает в родительном-отложительном падеже единственного числа либо * $\rho\acute{\tau}r\text{-}\acute{e}/os$ (ср. гат. $f\acute{a}d\acute{r}\acute{o}i$, дат. п. ед. ч.), либо * $\rho\acute{\tau}r\text{-}s$ (ср. авест. $\rho\acute{\tau}\acute{a}r\acute{a}b\acute{y}\acute{o}$, дат. п. мн. ч.). Если парадигма выравнивалась по полной форме основы, то одна из возможностей реализовалась в одном

диалекте, другая — в другом*: *pətr-ós (гр. πατήρ) или *pətr̥s (скр. pítuh̥, ср. авест. pəgəš). Поэтому нет смысла останавливаться на вопросе (поставленном у Вакернагеля—Дебруннера, III, § 110 с, стр. 206) о том, которое из двух окончаний является первичным: оба они имели исходную точку в индоевропейском языке, хотя второе из них, с его ограниченной распространенностью, было в какой-то мере частным случаем первого.

Впрочем, правило это сталкивается, повидимому, с двумя существенными исключениями. От *dēp- „дом“ мы имеем *dēp-s в δεσπότης, гат. dāng, вед. dān, а от *suel/n- „солнце“ — *scep-s, гат. xʷəng (род. п. ед. ч.); ни древность, ни структура этих двух форм не могут быть оспорены, но обе они, будучи основами на согласный, имеют тем не менее *-s. Однако такое истолкование *denis и *scepis ни в коем случае не заслуживает того доверия, которым оно пользовалось в течение десятилетий. Из этих двух форм, объявляемых архаическим родительным падежом, одна действительно является формой родительного падежа, однако неправильной, другая же — правильной, но отнюдь не родительного падежа. Свой истинный смысл, притом совершенно другой, они обретают в системе первоначального склонения.

Наименование „солнца“ в качестве родительного падежа единственного числа имеет в Авесте форму hū, которая, как мы это уже показали (BSL, XXXIV, стр. 22 и сл.), в действительности двусложна и должна читаться hūvō (по свидетельству древних отрывков из прозы и стихотворений, в которых она встречается, особенно в Yt, X, 13). Чтобы объяснить этот родительный падеж необычного вида, мы предполагали раньше, что он произошел из первого члена сложного слова, где hvan- превратилось в h(u)va-, с написанием h(u)vō. Однако наша гипотеза недооценивала древность этой формы и, кроме того, не основывалась ни на каком реальном примере hvan- в сложении. Если же мы охватим всю совокупность падежных форм этого существительного, то придем к выводу, что форма

---

* Имеется в виду, что Гаты Авесты и более поздние ее части имеют в основе разные, хотя и близкие древнеиранские диалекты.—
Прим. перев.

h(u)vō вполне правильная. В и.-е. *sāuel элемент *-el- представляет собой суффикс, и только *sāu- получает суффиксы и окончания и, будучи распространено, сокращается в *sū-. Подобно тому как *kērd (гр. κῆρ) дает род. п. ед. ч. *krd-é/os (лат. cordis), так и *sāu должно было дать *sū-é/os, фонетически развившееся в авест. h(u)vō. С другой стороны, от *sāu- с прибавлением *-en- образовалось производное *sū-en-/sun- (гот. sunnō), параллельное *sū-el-/sul- (вед. svár, sūrah). Форма *sūens (гат. x^vəng) возникла явно из взаимодействия между производным *sūen- (авест. x^van-vant- „солнечный“) и корневым род. п. *sues (авест. huvō). Это *sūens как родительный падеж вдвойне неправильно: и своей основой *sūen- вместо *sun-, и своим окончанием *-s вместо *-e/os; если бы *sūen- внедрилось в иранское склонение, оно дало бы род.-отл. п. *hūnō, так как *suel- дает hurō. Следовательно, нам надо оставить в стороне форму x^vəng как аномальную и взамен признать первостепенную важность подлинного род. п. h(u)vō < *sū-é/os, единственного проявления основы *sāu- в ее чистом виде, без суффиксов*.

Будучи принято многими, истолкование *dems в качестве родительного падежа от *dem- приобрело силу закона³⁹. Однако, как и x^vəng, оно не выдерживает серьезной критики. Подобный родительный падеж неприемлем ни как форма словосложения (столь древнее сложное слово с родительным падежом в качестве первого элемента было бы уникальным в индоевропейском языке**), ни как независимая форма, сочетаемая с *rot-. В сложении мы ожидали бы или *dm- (гр. δά-πεδον „пол“), подобно *sm-(sa-kft), или форму основы с полной огласовкой, которая в действительности и имеется в скр. dām-pati-; считать это dām- за местный падеж недопустимо. Если бы dems было родительным падежом, согласуемым с *rot-, то оно имело бы форму *dm-é/os с нулевой огласовкой корня, появляющейся в производных гр. δμός, авест. dāmāna-, ptā-

* В этом отношении, как и во многих других, язык некоторых частей Авесты менее нормализован, чем язык Гат; род.-отл. п. xratvō, вед. kratvāh сохранен в авестийском языке при гат. xratvāuš; см. Мейе, JA, 1917, II, стр. 183 и сл.

** См. Вакернагель, Altind. Gramm., II, 1, стр. 45 и сл.; специально о dām-pati-, pātir dān — там же, стр. 249; III, стр. 243 и сл.

па-, и т. д. Это — не пустая догадка, поскольку авестийский язык имеет местн. п. ед. ч. ha-dəmpōi, т. е. иран. *dm-ai, откуда выводится род. п. авест. *dəmō, иран. *dmah, и.е. *dm-é/os, ср. zəmpō от zam- „земля“ и zəmpō от zuam- „зима“. Таким образом, нам вполне ясна теперь неправильность допускаемой формы *dems как формы родительного падежа; даже без привлечения сюда теоретических соображений достаточно взять для сравнения скр. kšám-, род. п. kšmáh (jmáh, gmáh), с его гораздо более трудной для анализа структурой, чтобы убедиться, что единственно возможным родительным падежом от dam- было бы *dmáh. После того как мы отбросили предположение о родительном падеже, нам открывается единственный путь: объяснить *dems как дублет на *-s от *dem, аналогичный *deks (гот. taihswa, ирл. dess, лат. dexter), рядом с *dek-, или *mēns (лат. mēnsis, ирл. mí, арм. amis), рядом с *mēn. Это *-s имеет свою полную ступень в суффиксальном *-es-: *deks и *dek-es- (лат. decus); *mēns и *mēn-es (лит. mēnes-io, род. п. ед. ч.). Действительно, наряду с *dems мы находим ожидаемую форму на *-es- в лат. domes-ticus. Поскольку у нас не было доказательства предполагать наличие суффикса *-es- при основе *dom, в domesticus видели подражание слову rústicus (*roestikos) или же предполагали *domestis по образцу agrestis, с последующим уподоблением слову rústicus*; между тем эти сложные построения можно существенно упростить, исходя непосредственно из *domestis. Уже из корневой огласовки domes- следует, что здесь произошло выравнивание по domus; примерно то же мы видим в opus (*epos) — по образцу ops или в opus (*enos) — по образцу корневого имени *op-. Восстанавливая первичное *demes-, мы вновь приходим к правильному соответствию в структуре производных: *mēns: *mēn-es-, *deks: *dek-es- и, значит, *dems: *dem-es-. Истолкование *dems как корневого имени, получившего суффикс *-s, согласуется, следовательно, с уже известной нам системой. Равным образом, соположению (или словосложению) *dems pot- мы находим параллели в лице древних индо-иранских и греческих образований: авест. afš. čidra-, awž-dāta- с первым эле-

* Эрну—Мейе, стр. 270, внизу, и Вальде—Гофман, стр. 370, внизу.

ментом *ab-s „вода“, от которого формой на *-es- является *ab-ah- (пишется avah-; Бартоломе, Altiranisches Wörterbuch, стр. 178), ср. вед. ámbhas-; в скр. mandhātár- первый элемент — *manz-, и.-е. *men-s; известно также, что гр. ὀσ-φραϊνομαι представляет *od-s наряду с *od-es- (в лат. odor); сходного вида форма, какова бы ни была ее этимология, представлена в βλάσ-φημος и, возможно, также в χέρ-τομος, если принять *хёрс-тоμος (Бругман, IF, XV, стр. 97). Отсюда следует, что *dems не имеет ничего общего с родительным падежом. Индоевропейское выражение сохранено в гр. δῆσ-πότης, гат. dāng rati- и вед. *dám (*dems) rāti, ограниченным dām rati- (Вакернагель — Дебруннер, III, стр. 244); порядок его составляющих был искусственно изменен поэтами в rātir dan (только в I и X мандалах)*.

Ничто более не противоречит теперь принципу, изложенному на стр. 91, относительно окончания родительного-отложительного падежа единственного числа: *-es — для согласных основ, *-s — для гласных.

Мы намеренно воздержались от обсуждения хеттских парадигм для основ на -i- и на -u-, чтобы не прибавить к лингвистическим трудностям двусмысленности, присущей слоговому письму. Однако, сопоставляя с нашими выводами своеобразные факты хеттского языка, мы увидим, что последние хорошо согласуются с ними. Главные черты двух склонений в том виде, как мы их восстановили в индоевропейском языке, сохраняются и в хеттском, где основы на -u- и -i- распределяются по двум типам **: -u- и -āu-, -i- и -āi-.

Среди хеттских основ на -u- наряду с различными прилагательными и с существительными одушевленного рода имеются и существительные среднего рода, например genu „колени“ или aššu „благо, добро“ (*osu, ср. гр. εῖ < *ēu), относящиеся в индоевропейском языке к согласному склонению. Действительно, парадигма предполагает основу на -w-: им. п. genu, aššu, род. п. aššuwaš (= aswas), дат. п. aššui (= aswi), т. е. точное соответствие скр.

* Мандала — одно из десяти традиционных подразделений Ригведы. — Прим. перев.

** Парадигмы см. Стертевант, Compar. Gram., § 204—207.

ра̄си, ра̄сва̄һ, с той лишь оговоркой, что в дательном падеже нормальным окончанием является -i, а не *-ei. В типе на -i- налицо есть даже сосуществование прилагательных или существительных одушевленного рода наряду с такими существительными среднего рода, как wal̄hi „род жертвенного возлияния“. Склонение слов этого типа согласуется с парадигмой индоевропейских согласных основ на *-i-: им. п. wal̄hi, род. п. tuzziyaš (= tuzy-as), дат. п. pakki (< *naky-i) * в соответствии с скр. *ávi, avyáḥ (стр. 87). Согласные склонения на *-i- и *-u- продолжали, следовательно, существовать в хеттском языке и даже расширились в сторону прилагательных и существительных одушевленного рода.

Вторая разновидность слов того же типа имеет более смешанный характер. Она содержит, с одной стороны, прилагательные на -iš (например, šurpiš, parkwiš „чистый“, šalliš „большой“, mekkiš „большой, многочисленный“) и на -uš (itāluš „плохой“, aššuš „хороший“, tašuš „сильный“), а с другой стороны, содержит существительные на -āi-: zaḥḥāiš „битва“, lingāiš „клятва“, и на -āu-: ḥarnāuš „ложе для родов“ (единственный пример). Можно думать, что эти имена на -āi- и на -āu- соответствуют: одно — типу гр. πείθω, другое — типу др.-перс. dahyāuš (Стертевант, Compar. Gramm., стр. 168, § 191 b, c). Однако это не решает вопроса о тех прилагательных с -iš и -uš в именительном падеже, которые в родительном единственного числа следуют соответственно склонению на -ayaš (-aš) и -awaš. Повидимому, данная категория является развитием категории индоевропейских производных на *-ei-, *-eu- (*-oi-, *-ou-).

Во-первых, в основах на -i- именительному падежу ед. ч. šurpiš отвечает род. п. šurrayaš, который, если учитывать написание šu-ur-ra-ya-aš, не может представлять *šurraiš, но указывает на аналогическое распространение основ на -i- посредством -aš; эта частность имеет меньшее значение, чем слог -aī перед окончанием (= скр. -e-ḥ):

* Хеттские примеры грамматических форм приводятся в лингвистической литературе только в том случае, если данная форма засвидетельствована в текстах. Однако ввиду ограниченного объема этих текстов редко бывает, чтобы была засвидетельствована вся парадигма одного и того же слова.— *Прим. перев.*

šuprayaš, šallayaš, вин. п. мн. ч. šuppa[y]uš, šalla[y]uš, основы на дифтонг, противопоставляются tuzz(i)yaš, ħalk(i)yaš, вин. п. мн. ч. tuzz(i)yuš, ħalk(i)yuš, основам на согласный*.

Во-вторых, в основах на -u- склонение всегда имеет огласовку -aw- в элементе перед окончанием: род. п. ašša(u)waš, дат. п. ašša(u)wi, им. п. мн. ч. ašša(u)weš и т. д., и противостоит склонению kutruwaš, -i, -eš с той же закономерностью, как и у индоевропейских основ на *-u- и на *-e/ou-.

Подтверждение этого взгляда дается нами ниже, на фактах словопроизводства (стр. 98). В отношении же флексии здесь достаточно отметить, что двоякое склонение aššu- не является неправильным: с одной стороны, мы имеем существительное ср. р. aššu с основой на *-u-, подобной гр. πῶλο, гот. filu (стр. 81), род. п. ašš(u)waš; с другой — производное aššuš (ср. гр. πῶλος), род. п. ašša(u)waš, с основой на дифтонг. Единственное отличие от индоевропейского родительного-отложительного падежа на *-é/ouс (скр. supóh, лат. uictus и т. д.) состоит в том, что полная ступень окончания -aš, повидимому, была обобщена, — возможно, с целью избежать смешения между закономерно ожидаемым родительным падежом *aššauš и именительным с долгим суффиксом типа ħarnāuš.

II

Принципы образования форм, выведенные из склонения, определяют в каждом из рассмотренных типов также и характер словопроизводства. Подобно тому как основы различаются по элементам *-u- и *-e/ou- или *-i- и *-e/oi-, так и их производные, полученные посредством простой тематизации**, будут соответственно иметь основы на *-uo- и *-e/ouo-, на *-iо- и *-e/oiо-. Подтверждение этому

* Наше толкование существенно расходится со взглядами Зомера (Aḥḥiyavā-Urkunden, стр. 356—357) относительно состава хеттского склонения на -i-. Примеры выпадения -y- между гласными см. у Фридриха, Staatsverträge, II, стр. 30.

** Образование производных основ путем прибавления тематического гласного (e/o, ā) к согласной основе (корневой или производной). — Прим. перев.

мы находим непосредственно в хеттском языке: aššu (основа на *-ц-) : aššuwā(i)-, aššuwatar; kutru- : kutruwā(i)-, kutruwatar; однако idālu- (основа на *eu-) : idālawā(h)-, idālawatar; šargu- : šargawatar; — nakki (основа на *-i-) : nakkiya(h)-, nakkiyatar; но šuppi- (основа на *-ei-) : šuppa-yaḥēšk-. Это противоположение, постоянно соблюдаемое в древних производных словах, должно быть проверено на материале главнейших языков.

Если мы возьмем тип на -и-, то станет очевидно, что первичные производные на *-цo- и *-ецo- происходят от основы на *-ц- и на *-e/ou-. Отношение производного слова к первичному имени определяется простым прибавлением *-o-, что позволяет нам разобраться в той путанице, которую создает беспорядочное перечисление суффиксов *-цo-, *-ицo-, *-ецo- у Бругмана (Grdr., § 123 и сл.). Мы уже видели выше (стр. 85 и сл.), что *deiц дает *deiцo-. Подобным же образом от *g^ui-ц получается *g^uiцo- (скр. jīvāh, лат. uīnos); ср. *āiц (вед. āyu) : *āiцo- (лат. aeuum); *iсц (вед. *iṣu > iṣuh, м.-ж. р.) : *iсцo- (гр. ἰός); *dé/orц (гр. δέρον) : *derцo- (ст.-слав. дрѣво, лит. dervà) или *drцo- [>dr(u)цo-, ст.-слав. дрѣвл] и т. д. Одновременно *-цo- и *-ецo- мы имеем в *solц : *solцo- [sárvaḥ, ὄλ(φ)ός] и *s^ol-ец- в лат. salu-t : *salecos (saluus). Ср. также производные *uidh-éц- (скр. vidhúh) : *uidh-ецo-(-ā-), скр. vidhāvā, лат. uidua, ст.-слав. вѣдова и т. д.; *gn-éц- (скр. jñu-, стр. 81) : *gnéцo- (гот. kniu); *dr-éц- (скр. dru-, стр. 81) : *dréцo- (гот. triu). Установив принцип, нетрудно объяснить прочие примеры.

От существительных на *-тц- и *-тец- (стр. 83 и сл.) производные соответственно будут на *-тцo- и *-тецo- (перечень см. Бругман, Grdr., II, 1, § 338 и сл.). Состояние и употребление первичных основ позволяют отчасти предвидеть распределение их тематических производных в индоиранских и греческом языках. В то время как греческий язык знает лишь *-тец- (>-τῶ-), индоиранские языки в именной системе глагола (инфинитив, герундий) имеют рядом имена на *-тц-, дающие прилагательные на *-тцo- (скр. kártva- „подлежащий выполнению“), и позднейшие производные на *-тэц-, дающие прилагательные на *-тец-iцo- (скр. kartavyá-, с таким же значением). Следовательно, мы не должны удивляться тому, что в санскрите со-

существуют производные на -tva- и -tavuá-, в то время как в послегомеровском греческом языке преобладает -τέ(φ)ος. Отметим, между прочим, что производные на -tva- и -τέος, вполне естественно, были отглагольными прилагательными; такое значение их потенциально заключалось в глагольном по преимуществу характере существительных на *-tu- или *-теу-. Известно, что санскрит образовал из основ на -tu- важную категорию инфинитивов подобно балтийским, славянским, латинскому (супины) и кельтским языкам (-d < *-tu-). В греческом языке значение абстрактных имен на -тῦ- тоже было связано с глагольностью; они обнаруживают перед нами самый процесс, а не его результат, и очень близки к инфинитивам: οὐ γὰρ... παύσασθαι οἴμαι... μηστός „не думаю, что они перестанут свататься“ (β 198)*; αἶ χέν τις σε... ὀφθαλμοῦ εἶρηται ἀεικέλιον ἀλωτῦ „если кто-нибудь спрашивает тебя, как постигло тебя ослепление“ (ι 502); ὄτρυντον ποτιδέμενος „ожидающий увещевания“ (Γ 234); γραπτὸς ἀλεείνων „стремясь не оцарапаться“ (ω 229); οὐκ ἔπιθα φρονεῖντες οὐδὲ ἐλεητῦ „не имея в душе ни богобоязненности, ни сострадания (= долженствования проявлять жалость)“ (ξ 83); μηδὲ βοητὸς ἔστω „и чтобы не было крику!“ (α 369) и т. д. Производное на -τέος выражает то же глагольное понятие, но в страдательном значении: δατέος обозначает приблизительно „который подлечит действию (или намерению, или обязательству) передачи“, откуда „который должен быть отдан“; таково же отношение hántva- „подлежащий смерти“ к hántum**. Глагольный характер *-tu- наложил столь сильный отпечаток на эти производные, что сообщил им значение страдательных причастий будущего времени или форм долженствования. Таким образом, обобщение прилагательных на *-τέу-ος в греческом языке можно сравнить с обобщением абстрактных имен на *-тῦ-. Однако греческий язык, подобно индо-иранским, уже в доисторическую эпоху распорядился своими *-tu- и *-тῦ-; на базе старой соглас-

* Для нумерации книг „Илиады“ приняты прописные буквы греческого алфавита, для „Одиссеи“ — строчные.— *Прим. перев.*

** Суффикс -τέος у Лагеркранца (ldg. Prädikativ, стр. 3 и сл.) был совершенно неправдоподобным образом сопоставлен с лат. -turus, через *-teusos, и истолкован вместе с -turiō посредством скр. túsyati „доволен“.

ной основы ῥάστϜ (* uástu-) правильно образуются прилагательные * uástu- (вед. °vastva-), * uástu-i- [крит. ῥαστ(ῥ)ις]; форма $(ῥ)αστῆις$ аналогична прилагательным, произведенным от основы на * -téu- . Противоположение крит. * ῥαστ(ῥ)ις и гр. * ῥαστῆις точно воспроизводит противоположение скр. kῑtv-ya- и kar-tav-ya- .

Истолкование суффиксов * -(i)io- и * -eio- вытекает из тех же принципов. Не различая среди имен на -i- образования на * -i- и на * -ei- , компаративисты смешивали * -io- и * -eio- . Как следствие этого появлялись такие формулы: „В сущности -eio- и -(i)io- являются лишь старыми аблативными вариантами, и поскольку -(i)io- выступает в качестве распространения i- формантом -o- , постольку одновременно это дает -eio- “ (Бругман, Grdr., II, 1, § 122, стр. 188). По мнению того же языковеда, если индийский язык имеет исключительно -u-aya- (hiraṇyáya- : hiraṇya- ; gavyáya- : gávya-), то причина этого — в фонетической невозможности * hiraṇijá- , * gavijá- . Рассуждение это порочно из-за неточного определения исходной основы: * -io- образовано не от -i- , а от согласного * -i- . Говоря о происхождении древнейших производных на * -io- , * -iio- , следует исходить из первичных или вторичных основ на * -i- .

Образование на -io- (простейшим примером которого служит относительное местоимение * iós по отношению к * i-) получило такое развитие, что оно может быть произведено от любой основы. Однако исходная точка обнаруживается именно в тех основах, где мы установили (стр. 87) конечное * -i- . Так, существительное * óui- правильно дает скр. áyu- „овечий“; скр. * ári- > áru- ; vῑṣṇi > vῑṣṇ(i)ya- . Прилагательное ἄλιος „соляной“ восходит к * sáli- , гр. * τὸ ἄλι , ср. ἄλι- в сложении; лат. apium — к * api- , нормализованному в apis ; скр. gávya — к * gávi- , скр. * gávi , подобно * ávi (> áviḥ); скр. áru — к * ári- , скр. * ári , ср. др.-перс. arī- и скиф. Ἄρι „вода“ (неправильно переведенное посредством ῥῆ у Геродота, IV, 59); скр. kravya- , др.-прусс. krawian , лит. kraūjas „кровь“ восходят к * kreui- , скр. * kravi- (но kravís- , стр. 56); скр. díva- , гр. δῖος , лат. dīus — к * diui- (см. * diu- , стр. 85 и сл.); гр. ἰχρῖον — к * ixri- , подобно тому как ἰσχῖον — к ixḥi или χαρδία — к * xárdi- . Таким

образом, мы имеем теперь доказательство, что **-i* является таким же распространением, как и **-ц*. Именно это **-i* следует признать в наречных формах так называемого „местного падежа“ на **-i*, которые в действительности являются существительными среднего рода на **-i*, застывшими в форме именительного-винительного падежа и допускающими самые различные синтаксические применения (стр. 126). Прилагательное **médhios* предполагает не „местный падеж“ (Бругман, Grdr., II, стр. 187), а существительное **médhj-* (**τὸ μέθι*); **álios* — существительное **alī-*, лат. *ali-ter*; *ἤϊος* „рассветный“⁴⁰ (см. у Бузака под этим словом) < **ausj-*, гр. *ἡϊ-καυός* [вторично **(a)-usri-*, скр. *usriya-*, гр. *αὔριον*]; **nécios* < **néci-*. Судя по дублету скр. *āsyām* от *ās-* „рот“, последнее имело распространение **āsī-*, как **ók^u-* „глаз“ (ср. вед. *ánika-*) и **ók^u i-* (гр. *ὄκτῃ*). Одного лишь анализа склонения достаточно, чтобы возвести вед. *rāti-* „супруг“ (дат. п. *rātuē*, род.-отл. п. *rātuḥ*) к согласной основе **rotj-*, что подтверждается прилагательным (*jās*)*patya-*. Как согласные мы рассматривали и основы *kavi-* и *sakhi-* (стр. 89); и действительно, производными от них являются *kavya-* и *sakhya-*. Словоизменение и словообразование подтверждают друг друга.

Производные на **-ejo-* происходят от имен на **-ej-* и представляют собой их тематическое использование; именно к форме на **-ej-*, и только к ней, возводится всякое древнее слово на **-ejo-**. Однако здесь следует избегать возможной путаницы. Суффикс **-ej-* служит для образования производных прилагательных, у которых именительный-винительный падеж единственного числа среднего рода имеет окончание **-i*; это *-i* следует отличать от того же звука у корневых имен среднего рода на *-i-* (типа **óci*). Ударения в ведическом и греческом языках помогают в этом. Можно, например, быть уверенным в том, что лат. *ignis* восходит к основе на **-ej-*, судя по ударению вед. *agnih*. И действительно, **ign-éi-* дает прилагательное **ignej-os* (*igneus*). Из этого следует, что *ignis* и родственные ему формы восходят, через посредствующее производное на **-ej-*, к исчезнувшему

* Мы сознательно оставляем в стороне группу **tri*, **trejes*, чему посвящаем отдельное исследование.

существительному на согласный; данный вывод подкрепляется разнобоем в корневой огласовке между вед. *agnīh*, лат. *ignis*, ст.-слав. *огнь*, лит. *ugnīs*, латыш. *uguns*. В принципе каждая основа на *-eǵ- соотносится с исходной основой на *-ǵ- (ср. *ouǵi : *ouǵ-éi-) точно так же, как каждая основа на *-éu- предполагает исходную основу на *-u- (ср. *réku : *rek-éu-). Вот почему рядом с **ók^uǵi*- (им. п. дв. ч. *ὄσσε*, ср. *ὄσσεμα*) мы имеем **ók^u-éi*- (лит. *akis*). Рассматривая слово *αἴθερος*, мы видим теперь, что корневая основа **áǵg-* (гр. *αἴξ*) получила дублет *áǵǵi- (гр. *αἴγγι), выступающий в сложном слове *αἴγγι-βροτος*, противостоящем слову *αἰ-πόλος*; от *áǵǵi- образовано производное *áǵg-éi-, откуда *αἴθε(ι)ρος* с ударением, характерным для *αἴξ* *. Субстантивированное прилагательное *ἄρρητον* (вместо *ἄρρέον- как *ὄστέον*) отражает *orǵ-éǵi-, которое, в свою очередь, предполагает *órǵi-, гр. *ὄρρι, ср. р. (ср. *ὄρριος*), что мы и имеем на самом деле с переходом в одушевленный род, в *ὄρρις* (M 218), распространенное в дальнейшем посредством *-īθ-*, *-īχ-*; интонация слова *órri перешла к *ἄρρητον*. От корня **dhroh-* (ср. *θρόμβος* „сгусток“) греческий язык образовал существительное *dhrohǵi-, обнаруживаемое в *τρόφι*, и производное *dhrohéǵi-, давшее *τροφίς, ср. р. *τροφί. Позднее эти два типа смешались; сохранилось лишь прилагательное ср. р. *τρόφι*, с интонацией первичной основы, в гомер. *τρόφι χῶμα* „большая волна“ (A 307): *τρόφι* (ср. р.) и прилагательное *τροφί относятся друг к другу, как *πόλυ (ср. р.) и прилагательное *πολύς*, ср. р. *πολύ*. От **alb-* мы располагаем лишь существительным среднего рода на *-ǵi* в *álbǵi-, гр. *ἄλιφι*, без соответствующего производного *albhéǵi-.

Пестрота группы греческих слов на *-is* зависит от того, что в нее вошел путем перехода в одушевленный род ряд старых существительных среднего рода на *-i*, типа *ἵσχι*. Действительно, *κλύεις* ** основано на *κλόvi, исходя из пропорции *ἵσχιον* : *ἵσχι/κλόvιον* : *κλόvi. Следовательно, индоевропейская форма восходит к ср. р. **k'lobi*

* Как правило, в греческих словах на *-is* место ударения приходится восстанавливать, что лишает нас возможности распознать истинную природу формы.

** Об отношении между *κλύεις* и лат. *clūpis* см. у Вальде — Гофмана под этим словом.

(= *k'lóunĭ-), судя по др.-сев. hlaun (ср. р.) и по корневому ударению у скр. *ḡrónih* (перешло в ж. р.); наряду с ними мы находим *k'lóunĕi-, лит. *šlaunĭs* „бедро, ляжка“. Это распространяется также на некоторые другие слова: *χόρις* „клоп“ возводится к *χόρι, ср. *χόριον* „кориандр“ (опять как *ισχύον* : *ἰσχυ*), ср. средний род слова *χάρφειρ*, *ἀχαρί* (Гесихий) „моль, тля“; — каково бы ни было доисторическое взаимоотношение между *ῥορις* и *ἔχρις**, оба они имеют то же ударение, что и скр. *áhih*, в противоположность лит. *angĭs* „змея“, и трудно удержаться от предположения, что греческие и санскритские существительные (другие — неясны) имеют основу на *-ĭ- первичного существительного среднего рода. Из абстрактных имен *σπάνις* „редкость“, очевидно, происходит от *ἐπάνι, судя по прилагательному *σπάνιος* „редкий“. В связи с тем, что все имена на -ις являются баритонными, их род можно восстанавливать только с проверкой первичного ударения в индийских соответствиях. Поэтому мы ничего не скажем об *ῥρχις* „testiculus“, *πόρις* „отрасль, порождение“ или *μῆγις* „гнев“, *ῥβρις* „высокомерие“, из которых первые не имеют прямых соответствий в санскрите, а вторые не имеют надежной этимологии. Прилагательное *τρόφις*(ς) (см. выше) позволяет рассматривать *στρόφις* „хитрец“ (Аристофан) либо как существительное ср. р. *στρόφι, ср. *στρόφιον*, либо как производное *στρόφης (**strobhĕi-*); *τρόπις* „киль, днище“ по своему смыслу, скорее всего, существительное среднего рода, а *τρόχις* „бегун, вестник“ (Эсхил, Прометей, 941), повидимому, производное. Санскрит тоже не свободен от этих неясностей: нельзя сказать, не зная места ударения, представляет ли *gīrih* (из словаря) „мышь“ и.-е. **gálĭ-* или **gələj-*, в то время как гр. *γαλέ(ι)η* „ласка (животное)“ определенно связано с производным **gələj-*. В целом, некоторые факты лексики, за отсутствием решающих свидетельств, могут оставаться неясными; однако различие между двумя типами образования проявляется всякий раз, когда мы располагаем определенными соответствиями.

Этот принцип распределения подтверждается несколькими старыми латинскими словами, до сих пор не полу-

* Оба слова означают „змея“. — Прим. перев.

чившими еще правильной оценки. Форму *lacte*, встречающуюся наряду с *lac*, вопреки утверждениям Штольца — Лоймана (Lat. Gramm., стр. 172 и 259), не следует считать образованной по аналогии с *mare*; тем не менее, *mare* дает ключ к пониманию формы *lacte*. Основа **már-* (ср. род. п. мн. ч. *marum*) дала производное ср. р. **márij-*, им.-вин. п. *marj, лат. *mare*, др.-в.-нем. *mari*, *meri* (ср. р.); **mórij-* мы находим в ст.-слав. морь, др.-ирл. *muir* и, возможно, в скр. *maruádā* „берег моря“, а **mor-éi-* — в гот. *marei* (ж. р.). Та же закономерность объясняет и форму *lacte*. От корневого имени *(g)lact (лат. *lac*) были образованы *(g)laktj-, лат. *lakti > *lacte* и прилагательное *lakt-éj- в *lacteus*. Легко видеть, что *hordeum*, *ghǫzdej-om произошло из существительного ср. р. *horde (*ghǫzdi-), в свою очередь образованного от *hor (*ghǫzd-), ср. др.-в.-нем. *gersta* „ячмень“. Другое название хлебов, *bhars (лат. *far*), распространено в *bhárzi-, им.-вин. п. *bhárzi, лат. *farre, откуда тематическое производное *bharz-éj-o, лат. *farreus*, умбр. *farsio*. Тождество строения и способа образования выступит гораздо отчетливее, если сопоставить формы:

*lakt (lac)	*lakti (lacte)	*lakt-éj- (lacteus)
*bhárs (far)	*bhárzi (*farre)	*bharz-éj- (farreus)
*ghǫzd (*hor)	*ghǫzdi (*horde)	*ghǫzd-éj- (hordeum)

Таково происхождение многочисленных прилагательных на *-eus*. Некоторые формы, где *-eus* кажется образованным по аналогии, могут на самом деле быть правильными: название „золота“ *aus- в древнепрусском языке звучит *ausis*, вин. п. *ausin*. Нет ничего невероятного, что *aureus* отражает *ausi при *ausom; в этом случае соединительный гласный в *auri-fex* был бы исконным. Однако, поскольку *-i-* сложного слова может в равной мере восходить и к **-o-*, данный пример не является решающим доказательством. Как бы то ни было, *lacteus*, *farreus* и *hordeum* оказались достаточными для специализации *-eus* как суффикса, образующего вещественные прилагательные. Что касается *meus* (*mejos), ст.-слав. мои (*mojos), то нам нет необходимости объяснять их из дательного или местного падежа *mei, *moi, употребляемого в качестве притяжательной формы, вроде гомер. μητέρα μοι (Бругман, Grdr., II, 1, стр. 164; Зоммер, Handb.², стр. 413). Хеттская притяжа-

тельная энклитика -miš (attaš-miš „мой отец“), выступающая в Арзавских текстах в несклоняемом виде -mi „меня (род. п.), мой“, дает нам именительный падеж единственного числа от некоей основы *m-e/oi-, имеющей в качестве правильных производных *mejos, *mojos. Хеттская фонетика не позволяет возводить -mi- непосредственно к *moi, как это делает Стертевант (Compar. Gramm., § 233).

В свете этих фактов легче определить характер -i в вед. hārdi, ásthi и его отношение к hřdayam, ὄστῆον. Общепринятая доктрина основывается на таких неопределенных тезисах: „Вероятно, ...au уже в ведическом hřdayam находится в связи с i слова hřd-i“ (И. Шмидт, Pluralbild., стр. 250).—„Это i (ákṣi, ásthi и т. д.) было, вероятно, первоначально приставным элементом (или падежным суффиксом?), ограниченным сферой именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода, как в hārdi“ (Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 305). В действительности же, природа этого -i с полной ясностью выявляется с того момента, когда мы устанавливаем истинное соотношение между ásthi и ὄστῆον. Различие в месте тона указывает, что ásthi есть правильный именительный-винительный падеж существительного среднего рода на согласный, *ósthi-, имеющего в качестве нормального производного *ost(h)éi-, гр. ὄστ-ῆ(у)-ον, хетт. ḥast-ai „кость“. Название „сердца“, *ghěrd или *kěrd, предполагает форму ср. р. *ghěrdi- (вед. hārdi) или *kěrdi- (арм. sirt) и производное *ghřdėi-, *křdėi- в вед. hřd-au-am (тон по аналогии с hārdi, вместо *hřdájam), авест. zəřədaem (= zřd-au-am), лит. širdis, ср. гр. καρδία, ст.-слав. срѣдце, хетт. kardi- и т. д. Гласный -i в ákṣi (стр. 73) восходит к *-i; ему соответствует суффикс *-éi- производного лит. akis (от нераспространенной основы *ok-). Следовательно, ásthi. hārdi (и аналогично vāri) определяются по отношению к авест. ast-, zəřəd- совершенно так же, как лат. lacte к lac(t). Далее, мы находим существительное ср. р. *nókti- в скр. nákti- и производное *noktéi- в лит. naktis*; существительное ср. р. *salī- в лат. sale, гр. ἄλι- и произ-

* И. Шмидт (Pluralbild., стр. 254), правильно отмечая, что nákti- предполагает существительное среднего рода, не смог, однако, определить образования в лит. naktis. Равным образом, эти два типа смешиваются и у Хирта (IF, XXXII, стр. 267 и сл.).

водное *saléi- в ст.-слав. соль, латыш. sāls (основа на -i-, ср. латыш. širds и лит. širdis). Ведическое существительное ср. р. dádhi „кислое молоко“, отражающее *dádhi-, не имеет каких-либо производных на *-éi-; единственное известное соответствие, др.-перс. dadan, относится к *dádhi- так же, как скр. asthán- к ásthi или как ст.-слав. сланъ, гр. ἄλα- к гр. ἄλι-. Хотя вед. sákthi стоит совершенно изолированно, не приходится сомневаться в том, что оно тоже является древним существительным среднего рода на *-i-. Различие между скр. áv-i-a и hfd-au-a бросает яркий свет на различие конечных *-i и *-ei- у их архетипов.

Не будучи столь прозрачными, как имена на *-и (типа γόνυ), имена на *-i играли не менее важную роль в индоевропейском языке. Установлено, что основа на *-i (> i) нередко образуется здесь от корневого имени, дублируя его без видимой разницы в значении; этим именно и следует объяснять формы мнимого „местного падежа“ на -i, сосуществующие с формами без окончания, особенно у основ на согласный: áhan и áhani, ragút и pépurti и т. п. Поскольку же они употребляются одинаково, некоторые исследователи в этом -i видели частицу (Вакернагель — Дебруннер, III, § 16 с, прим., стр. 43). Но понятием местного падежа злоупотребляли и в морфологии, и в синтаксисе. В дальнейшем изложении будет показано (стр. 119—120 и сл.), что формы „местного падежа“ типа скр. áhar, áhan или áhani являются наречными формами еще несклоняемой основы и тождественны самому имени. Для простоты здесь можно говорить о „наречном винительном падеже“, имея, однако, в виду, что речь тут идет о функции, предшествующей установлению падежной системы. На этой стадии никакой разницы между áhar „день“ и áhan „днем“ нет. Следовательно, ragút есть существительное, pépurti тоже; их взаимоотношение воспроизводит отношение между авест. ast- и вед. ásthi. Таким образом, мы помещаем в один ряд гомер. ἦρι (откуда ἦριος), сохранившееся в качестве наречия, и авест. auag „день“, так же как и πρωί (стр. 128)*. Равным образом, ἄρτι (откуда ἄρτιος)

* Автор хочет сказать этим, что и πρωί < *pṛōw-i и ἦρι < *ejer-i являются древними существительными среднего рода в „неопределенном падеже“ в той же мере, как и их исходные формы *pṛōṃ и *ejer.— Прим. перев.

представляет собой *árti- рядом с *art-éi- (лат. ars, artis). Уже Бругман (Grdr., II, 2, стр. 708) ставил вопрос о том, не являются ли гр. *πέρρσι*, *ἄρτι*, *ῥρι* существительными среднего рода в винительном падеже, подобно *ἄ-μισθί*, скр. *píkusa-karṇi* „подвески к серьгам“. Если такое объяснение допускается для *ῥρι*, то его нужно принять и для *ἄhani*, отбросив тем самым понятие местного падежа. После этого становится понятно, что лат. *aetas*, *aeternus* происходят от существительного *aiçi, употребляемого как наречие (ср. лат. *diū*) в гот. *aiw*, ахейск. *aifī (беот., аркад., лесб. *a!* и т. д.). Примеров таких образований на *-i- собрано уже достаточно для того, чтобы считать существительными формы *ἄρτι*, *ῥρι*, *πέρρσι*, сходные с *medhi, предположенным нами для объяснения формы *medhjos. Однако нам кажется, что именно употребление этих форм в качестве наречий повлияло на позднейшее становление местного падежа, обусловив тенденцию характеризовать его конечным *-i. Нужно подчеркнуть только древность именных форм, сохранных в этих греческих наречиях, и относительно поздний характер местного падежа в собственном смысле этого слова.

Формы на -i имеют одну своеобразную особенность, заключающуюся в том, что в индо-иранских и греческом языках они заменяют собой формы на *-ro- в первой части сложных слов; это происходит по хорошо известному правилу, сформулированному Каланом и Вакернагелем*: авест. *dərəzra-* : *dərəzi-taka*; скр. *çvitrá-* : *çvity-añs-*; гр. гомер. *κυδρός* : *κυδι-άνειρα*. Однако, упоминая часто об этом факте, его редко пытаются объяснить. Как следует понимать *dərəzi-*, *çviti-*, *κυδι-*? Шульце дает на это ответ, ценный, по крайней мере, своей определенностью: „Именно тем, что существительные преобладают в качестве первых членов сложения, и объясняется открытый Каланом — Вакернагелем закон, согласно которому прилагательные на -ρο- в словосложении замещаются формами на -i-: *κυδρός* : *κυδι-άνειρα*, *ἀργός* (исходная форма *ἀργρός) : *ἀργιχέ-ραυος*, *λάθρα* : *λαθιχήδης* и т. д. О том, что это -i- пред-

* Калан, KZ, XXXI, стр. 267; XXXII, стр. 292; Вакернагель, *Vermischte Beiträge*, стр. 8 и сл., и *Altind. Gramm.*, II, 1, стр. 59 и сл. См. также Бругман, *Grdr.*, II, 1, стр. 78.

ставляет собой последний звук основы существительного и, по всей вероятности, находится в тесной связи с основами на г/п, можно заключить уже из того, что оно появляется перед суффиксами прилагательных: *φαίδιμος*, *κῦδιμος* (*φαίδριος*, *κῦδριος*) и т. д.* Но хотя некоторые исследователи и пытались (примерно таким же образом) объяснить *ἄλιμος* как ласкательное от *ἄλιμῆδων* (см. у Шантрена, *La formation des noms*, стр. 441), все же лучше не смешивать проблему сложных слов с вопросом о суффиксе *-ιμο-*. Что касается *κῦδι-ἀνεира*, то понять, почему *κῦδι-* должно быть существительным только на том основании, что именно существительные чаще всего появляются на месте первого члена сложения,— трудно. Здесь недостаточно ссылки на общую тенденцию словосложения; надо еще подробно обосновать замещение прилагательного *κῦδριος* существительным. Что же тогда означают *κῦδιἀνεира*, *ἀργιχέραυρος*? Если взять эти сложные слова в том виде, как они засвидетельствованы, то бросается в глаза, что *κῦδι-*, *ἀργι-* есть не что иное, как прилагательные, подставленные вместо прилагательных *κῦδριος*, *ἀργι(ρ)ός*; нужно поместить *κῦδιἀνεира*, *ἀργιχέραυρος*, *λαδικήδης* в один ряд с бахуврихи*** *ὠκίπτερος*, скр. *ugrābāhu-* „мощнорукий“. Тогда станет очевидным, что *κῦδι-*, *ἀργι-*, *λαδι-* принадлежат к группе таких прилагательных на *-ις* (*-ei-), как *ἦις*, *τρόχις*, *στρόφις*, *τρόφι* (стр. 102 и сл.), *ἴδρις*, *εἶνις**** и т. д. Употребление прилагательных на *-ις* в качестве первого члена сложения не покажется странным, если мы вспомним, что то же образование появляется и во второй половине сложных слов: скр. *pratiṣṭhīḥ*, гр. *ἀναλις*, лат. *pro-clūis*. Следовательно, речь здесь идет об одном и том же образовании на *-ei-, употребительном и в начале и в конце сложных слов и имеющем тенденцию стать формой, свой-

* Шульце, KZ, XLII, 1909, стр. 124, № 2 = KI. Schr., стр. 79. Эту идею выдвигал также Хирт (IF, XXXII, стр. 284), но не разбирая подробно данные явления и не давая ясного толкования существа дела.

** Бахуврихи — термин санскритских грамматиков; обозначает сложное существительное, употребленное в роли прилагательного.— *Прим. перев.*

*** Все эти прилагательные должны бы быть окситонными; перемещение ударения произошло под влиянием абстрактных существительных (стр. 101 и сл.).

ственной преимущественно словосложению. В этой функции образование на **-ei-* замещает не только прилагательные на **-ro-*, но и другие прилагательные: авест. *bəgəzi^o* : *bəgəzant*, *tači^o* : *taxma-*, *darši-* : скр. *dhr̥ṣṇú-* (Вакернагель, *Altind. Gramm.*, II, 1, стр. 60). Причина такого предпочтения зависит, вероятно, от самой природы суффиксов: **-ei-* заменяет собой те суффиксы с окончанием на согласный, которые на месте первого члена сложения создавали бы скопление согласных. Однако не исключено, что ощущение морфологической связи между *i* и *r/p* способствовало обобщению *-i-* вместо **-ro-*. Во всяком случае, из этого следует, что первичные прилагательные на **-ei-*, от которых не только в греческом, но даже в индо-иранских языках сохранились лишь жалкие остатки, в доисторическую эпоху составляли значительную группу.

От сложных слов типа слов с *κῶδι-*, где первым членом является прилагательное, нужно отличать другой вид сложных слов, начинающихся с существительного среднего рода на *-i-*; к ним относятся как раз те, которые не были использованы Шульце. По своей форме существительные среднего рода и прилагательные на *-i-* в начале сложных слов неизбежно должны были смешиваться; однако существительные могут быть распознаны прежде всего по своему значению, а затем по отсутствию зависимости от формы на *-r-*. Очевидно, что в словах *ἀλιμέδων*, *ῥένης*, *ῥόρυρος* и т. п. *ἀλι-* представляет собой существительное (ср. лат. *sale* и примеры на стр. 106); древние сложные слова с *ῥῶτι-* (вытесненным в общем формой *ῥῶτος*) имели в основе существительное среднего рода на **-i-* (определенное нами раньше на стр. 34 и 105); авест. *asti*. *aōjah-* „сила костей, физическая сила“ содержит в себе *asti* (ср. р.), вед. *ásthi*; галл. *Mori-dūnom* (кимр. *Myrddin*) дает нам древнюю форму **mori-*, к которой восходит ирландское существительное ср. р. *muir* „море“, ср. лат. *mare*; гр. *θεμι-πλεχτος*, *θεμι-εχότος* (Пиндар), вероятно, имеет отношение к существительному ср. р. **θέμι* (стр. 59). Большого числа примеров привести мы не можем, так как для определения качества гласного, который сам по себе имеет двоякий смысл, необходимо располагать существительным среднего рода на **-i-*, а таких существи-

тельных осталось мало. Все же словосложение дает нам частичное доказательство того, что они были.

Разглядеть доисторию суффикса *-tí- за массой позднейших фактов трудно, поскольку после общеиндоевропейской эпохи этот словообразовательный форматив получил широкое распространение (особенно на конце сложных слов *). Он употреблялся почти исключительно для выражения отвлеченных понятий. Производные на *-tu- (стр. 98 и сл.), как и вообще формы на -i- и на -u-, имели двойное происхождение; тем удивительнее, что после распространения -t- встречается только *-eí- и нет *-i-. Правда, наряду с многочисленными абстрактными существительными на *-tési- (скр. *tih*) обнаруживаются и некоторые следы *-ti-. Греческая интонация не оказывает нам здесь никакой помощи, поскольку слова этого типа в греческом языке, как правило, баритонны. Даже место ударения в древнеиндийском языке ни на что не указывает (Бругман, *Grdr.*, II, 1, § 319); его место определяется восприятием слова то как корневого, то как производного. По мере усложнения суффикса определение его первоначальной структуры неизбежно становится все труднее. И все же нельзя сказать, что пути его становления совсем неопределимы.

Возьмем сначала такое имя, как *nókti-, древнее существительное среднего рода (стр. 105 и 109), давшее производное *noktéi- женского рода. В эпоху, когда это существительное приняло такую форму, -t- (вначале, вероятно, суффиксальное) принадлежало уже к корню. Кроме того, как это предположил еще Бругман (*Grdr.*, II, 1, § 327), наречные формы *táti* „столько, столь многочисленный“, *káti*, авест. *čaiti* „сколько? сколь многочисленный?“, лат. *tot*, *quot* (ср. *tot-idem*) являются древними существительными среднего рода в именительном-винительном падеже единственного числа. Здесь мы имеем баритонные существительные ср. р. *tóti-, *k^uóti-, образующие пару с окситонными производными существи-

* Вакернагель, *SBAW*, 1918, стр. 380 и сл., и Мейе, *BSL*, XXV, стр. 123 и сл.

тельными ср. р. *dekm̄téi- (скр. daṣatīḥ), *penk^u-téi- (скр. pañktīḥ) и т. д. На этом основании можно установить наличие небольшой группы существительных, в которых согласное -i- присоединилось к распространению -t- или -d- (ср. daṣāt, гр. δεκάς). Из этих существительных среднего рода на *-ti- возникли прилагательные на *-tjo- (исследованные у Шульце, Kl. Schr., стр. 69 и сл.*: гот. piþjis, скр. pītya-, amātya-, лит. swēčias, гр. ἐπίσσα, и наречия ἐπίσσω, πρόσσω, εἶσω, ἔξω. Прилагательное *suétjos < *suétjī (ср. р.) оказалось, следовательно, в одном ряду с *médhjos < *médhjī- (ср. р.) (стр. 101). Тип существительных среднего рода на *-ti- был реальным фактом индоевропейского языка и имел — в виде наречных производных — большое число представителей.

То же, повидимому, имело место и у производных от глагольных корней, хотя следов от них почти не сохранилось. Среди греческих форм на -σις, -τις слово μάγτις (м.-ж. р.) „колдун, колдунья“ занимает особое место, поскольку оно имеет значение имени деятеля. Однако это значение, не позволяющее относить слово к абстрактным именам, вероятно, было вторичным; иначе нельзя понять μαγτιπέλος, μαγτιπολεῖν (в трагедиях). Судя по αἰπέλος, δικασπέλος, сложные слова на -πέλος обязательно содержали в первой части название существ или вещей, которые служили объектом занятия: αἰ-πέλος „занимающийся козами“, δικασ-πέλος „занимающийся правосудием“; аналогично у слов на -κόλος, ср. βου-κόλος „пастух быков“, θεη-κόλος „жрец“. Следовательно, μαγτι-πέλος „занимающийся колдовством“ предполагает абстрактное существительное μαγτι- „колдовство“. Сохранение формы μαγτι- лишь в словосложении не позволяет определить, было ли это имя женского рода (μάγτις) или среднего (*μάγτι). Однако было бы удивительно, если бы абстрактное существительное ж. р. *ἡ μάγτις „колдовство“ стало непосредственно именем м. р. ὁ μάγτις „колдун“, поскольку форма мужского рода древнее, чем соответственная форма ж. р. ἡ μάγτις „колдунья“. Удобнее, следовательно, предположить *τὸ μάγτι, в пользу которого говорит также гомеровское собственное имя Μάγτις; ср. ἄλις : *ἄλι (ср. р.)

* Ломан, IF, LI, стр. 319 и сл.

(стр. 101 и 109), *ἄντιος* : *ἀντί* и т. п. Примечательно, что Мантий имел сына Полифида, „лучшего из колдунов“ (*μάντιν ἄριστον*, о 252), и что сын Полифида, Феоклимен, был тоже колдуном (*μάντις*, о 225). Таким образом, с имени *Μάντιος* снимается „подозрение“ в приспособлении к народной этимологии. Если же мы примем *μάντι, то сложное слово *μαντι-(πόλος)* сравнивается с *ἀλι-(πόρφυρος)*, а само существительное ср. р. *μάντι будет или типа *θέμι (стр. 59 и 109), или типа имен на *-и, перешедших в склонение на -иς, как *κλόνις* и др. (стр. 102—103).

Итак, можно поставить себе вопрос (не требующий, в сущности, ответа), не было ли превращение многочисленных индийских абстрактных имен на -ti- в баритонные слова результатом взаимовлияния существительных среднего рода на *-ti- и производных на *-téj-.

Эти соображения относительно использования существительных среднего рода на *-i- открывают путь к исследованию сравнительной степени на *-jes- (*-is-). Известно, что это образование представляло собой, скорее, своего рода интенсификацию, чем сравнительную степень в собственном смысле слова (Мейе, *Introd.*⁷, стр. 270—271), и что первоначально оно не было связано с „положительной степенью“; все выглядит так, как если бы *-jes- присоединялось прямо к корню, ср. гр. *φέριστος*, *ἐχθίω*, лат. *melior*, и т. п. С другой стороны, производное на *-jes- часто обнаруживает тесную связь с существительным среднего рода на *-es- и соответственным прилагательным (Бругман, *Grdr.*, II, 1, стр. 552), ср. *κάλιον* : *κάλος*; *κερδίω* : *κέρδος*; скр. *vāhiṣṭha-* : *vāhas-*; *téjiṣṭha-* : *téjas-* и т. д. Истолкование суффикса *-jes- должно объяснить эти черты.

Строение сравнительной степени на *-tero- дает нам ценное указание на этот счет: лат. *dexter*, гр. *ὀρέστερος* образованы не от корня, а от именной основы *deks, *ὀρεξ-*. Эта деталь важна в том смысле, что она изменяет наш подход к составному суффиксу *-jes-: несомненно, здесь следует исходить из существительного на *-i-, получающего вторичный суффикс *-es-. Скр. *návyas-* расчленяется на **návī-as-*, авест. *mazyah-* на **mazī-ah-*, причем основа

среднего рода на -i-, согласно правилу, является баритонной. Повидимому, прибавление *-es- к существительному среднего рода сообщало возникшему прилагательному особое значение по сравнению с простой тематизацией. Из *néci- (им.-вин. п. *néci) „новизна“ получается и обычное прилагательное *neúio- „новый“, и более выразительное производное *néúies- „обладающий (особой) новизной, особенно новый“. Таково было значение, из которого развилась сравнительная степень. Правда, в обычных производных на *-es- суффикс не имеет четко выраженного значения. Но тут уместно вспомнить, что идея противопоставления двух объектов, характерная для суффикса *-tero-, вовсе не дана в образованиях на *-ег- или *-ter- (какими мы их знаем); эти суффиксы имеют прежде всего дифференцирующее значение и определяются отложительным падежом сравниваемого объекта. К тому же никакой необходимости в существовании сравнительной степени и не было. Хеттский*, армянский и тохарский языки лишены данной категории; сравнение в этих трех языках выражается положительной степенью с последующим отложительным падежом: „он большой, если считать от (= по сравнению с) X“. Следовательно, причину возникновения „сравнительной степени“ следует искать просто в потребности особого обозначения**. Оно осуществлялось путем употребления двух основных суффиксов *-tero- и *-es-; оба они прибавлялись к существительным, отличаясь друг от друга тем, что первый выражал сравнительную степень в строгом смысле слова, а второй обозначал интенсификацию. Как мы уже отмечали, второе образование имеет сходство с существительными на *-es-: ἐχθίων, ἔχθιστος и ἔχθος. Действительно, если ἐχθίων представляет собой по существу *ἔχθυ-es (т. е. *ἔχθι-σ-) с прибавлением *-ep-, тогда понятно, что существительное *ἔχθι соотносится с ἔχθος, а не с прилагательным ἐχθρός. Если μήριστος связано с μήριος, то объясняется это его происхождением от формы *μήρι, равнозначной существительному μήριος. Вполне вероятно, что ощущение при-

* За исключением единственного следа в прилагательном katteraš „низший (в тяжбе)“ от katta „внизу“.

** Предметов или лиц как носителей данного свойства.— Прим. перев.

сутствующей основы на *-i является причиной возникновения формы на *-i-ies-, гр. ῥῆϊω, καλλῆϊω, где *-ies- было выделено, чтобы распространить корень, вновь получивший суффикс *-i. Что касается типа на *-iēs-, то его истоки следует искать в „двусложных“ корнях⁴¹: vāgī-yas-, как vāgīman-; tāgīyas-, как pra-tarītār- (Бругман, Grdr., II, 1, стр. 551).

С точки зрения формы, тот же анализ приложим и к образованию на *-цес-, состоящему из *-es-, присоединенного к основе на *-ц-. Однако здесь встает вопрос о значении данного суффикса, поскольку в дальнейшем это образование стало причастием совершенного вида действительного залога⁴². К решению этого вопроса мы приступим позднее, когда будем исследовать глагольное употребление рассмотренных здесь элементов в системе имени. Но уже и теперь ясно, что суффиксы или распространения *-i- и *-ц-, *-eі- и *-ец-, употребление и составные формы которых мы попытались описать,— это те же самые суффиксы и распространения, что и при образовании основ настоящего времени на *-i- и *-це-, на *-eіе- и *-ец-. Метод, примененный нами для анализа именных категорий, будет приложен и к глагольным категориям; наши теперешние выводы получают при этом испытании ту точность, которая только и может служить их полным подтверждением. Так и должно быть, потому что имя и глагол состоят из одних и тех же элементов.

Доказано, что элементы -i- и -u- ведут себя как согласные в существительных среднего рода и как гласные в производных словах. В этом они сходны; однако в их употреблении имеются и существенные различия: *-i- может прибавляться к форме именительного-винительного падежа существительного среднего рода в качестве распространения, не влияя на остальные падежи (скр. ásthī, hārdī и т. д.), а также служить суффиксом; *-ц- представляет собой только суффикс, который как таковой и присоединяется к основе, сохраняясь во всем склонении (γόυυ, γούυβς)⁴³. Вот почему мы располагаем типом на *i/n, но не имеем типа на *u/n. С другой стороны, отметим, что чередование *gónц- : *gnéц- позволяет выделить *-ц- (*-eu-); из этого следует, что название „колена“, по

всей вероятности, связано с корнем *gep- (такое предположение мы найдем уже у Мейе—Эрну; см. слово gepu, конец словарной статьи) так же, как *róiц- : *pléu- (гр. πλόις) образовано от *pel- „наполнять“; *dóгц- : *dréu-, вероятно, происходит от *der- „окопать, сдирать“ (*dóгц- — „окопленное дерево“), а *рэкц- — от *рек- „стричь, состригать“ (*рэкц- — „животное, дающее руно“). Такая же возможность анализа открывается и для некоторых других слов, но ими лучше заняться уже в процессе исследования структуры корней, особенно „двусложных“.

ГЛАВА V

ВОПРОС О МЕСТНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Проблема местного падежа единственного числа на первый взгляд неразрешима; трудность ее заключается во множественности форм, встречающихся в этом падеже. Мы находим здесь сразу несколько окончаний: нулевое, -i, -r и -n, причем ни одно из них не связано с другим и не обусловлено морфологически. При такой неопределенности следует прежде всего заняться самими окончаниями и в первую очередь рассмотреть те из них, которые известны в других условиях: нам нужно попытаться выяснить отношение между формами местного падежа на -r или -n и существительными среднего рода на -r или -n.

Бартоломе (ВВ, XV, стр. 14—43) составил полезный перечень индо-иранских форм местного падежа, принадлежащих к этому разряду,—перечень, который требует лишь небольшой доработки для полного завершения.

Примеры с -r:

авест. zəmar „в земле“, выводимое из zəmar-güz-;

авест. išarə „тотчас“, ср. išarə . štā-;

авест. hanarə „без“ (< *sen-, лат. sine), ср. вед. sanu-
tar, sanitur;

скр. vanar „в лесу“, ср. vanar-gū-, vanar-ṣāda;

скр. vasar „весной“ в vasar-hā; ср. авест. vaṅri (= vahri),
скр. usrī;

скр. āhar „днем“ в ahar-divi, ahar ahar;

скр. sasvar „тайно“ (откуда sasvartā), авест. haṅuḥarə-
stātəm (= hahvar);

скр. punar „опять“;

скр. *sabhar „мгновенно“, исходя из sabar-dhuk (?);
сближение с гр. ἄραρ весьма сомнительно;

скр. *míhur*, ср. *míhu* и *míhukam*;
 скр. *sanitur* „в стороне“, *sanutar*, *sanitar*, ср. приведенное выше авест. *hanarə*, а также стр. 63;

Примеры с п:

скр. *jmán*, *kṣāmán* „в земле“;
 скр. *áhan* „днем“, ср. *áhani*, авест. *asni*;
 скр. *udán* „в воде“, ср. *udnáḥ*, *udabhiḥ* и т. д.;
 скр. *patan* „на лету“, ср. *pataṅga-* „летучий“;
 скр. *āsán* „во рту“ и *āsáni*; ср. авест. *asnaē-ča*;
 скр. *ṣīrśán* „на голове“, ср. *ṣīrśnáḥ*;
 скр. *hemán* „зимой“, ср. *hemantá-*;
 скр. *akśán* „в глазу“, ср. *akṣnáḥ*.

У основ на -г местный падеж может быть тоже на -г: вед. *svár* (= *súvar*) „на солнце“, *údhar* „на вымени“, авест. *zafarə* „в пасти“ (Vd, III, 32).

Хотя общее понимание этих форм и должно быть пересмотрено, но они, по крайней мере, засвидетельствованы фактически. Бартоломе добавляет к ним ряд других форм, восстанавливаемых по своим производным; таким путем он находит местн. п. *xšaraḥ „ночью“ в авест. *°xšarara-*; местн. п. *vatsar „в году“ в скр. *vatsará-*; местн. п. *asthan „в кости“ в *asthanvant-*; местн. п. *vasan „весной“ в *vasantá-*, и т. д. Уже Педерсен (KZ, XXXII, стр. 263 и сл.) указал на произвольность этих построений. Коренная ошибка Бартоломе полностью раскрывается в заключительной части его статьи: по его мнению, именно возможность образовать от одной и той же основы местный падеж на -г и на -п привела к возникновению сложной флексии на **r/n*. Он составил себе неверное представление и о природе конечного звука, и о происхождении флексии: восстанавливать флексию, исходя из местного падежа, значит изменять соотношение фактов на обратное и принимать следствие за причину. Там, где эти формы местного падежа действительно выступают как таковые, они представляют собой специализацию более широкого употребления; местный падеж является лишь одним из значений данной формы, причем отнюдь не самым древним. Именно это и следует установить с самого начала, прежде чем расширять рамки исследования,

присоединяя к приведенным формам местного падежа некоторые родственные образования других языков. Решение проблемы связано с доказательством, носящим морфологический характер.

Известно, что и в других языках наречия дают примеры конечного -г (Бругман, Grdr., II, 2, стр. 735 и сл.): гр. *ύχτωρ*; лат. *cūr*; лит. *kuī* „где“, *visuī* „везде“; арм. *ur* „где?“, *andr* „там“; гот. *hvar* „где?“, *jainar* „там“, *aljar* „в другом месте“; скр. *kār-hi*, *tār-hi*, *amūr-hi*; авест. *abitar (ср. скр. *abhitaḥ*) „около, вне“ в прилагательном *aiwitara-*, и т. д.* Здесь необходимо отметить некоторые греческие наречия на -αρ, -ωρ, к которым не было проявлено достаточного интереса: не только *ύχτωρ* „ночью“ и его противоположность *ἤμαρ*, но также *ἕως καὶ ὕπαρ* „во сне и наяву“; *ἄψαρ* „сразу после“, *εἰθαρ* „немедленно“, *ἱχтар* „вблизи“; ср. еще лит. *dabaĩ* „теперь“; возможно, лат. *noctur в *nocturnus*, ср. гр. *ύχτωρ*; хетт. *iwar* „как, наподобие“ (Фридрих, ZA, 1925, стр. 28); такое же образование можно предположить и в лат. *instar*, которое обычно считается субстантивированным инфинитивом **instār(e)* (Шмальц — Гофман, стр. 496) и которое лучше объясняется как наречие на -г с тем же употреблением, что и хетт. *iwar*.

Сюда же мы помещаем греческие наречия на -α, например *σίγα* „молча“, *λίπα* „жирно“ и т. п., до сих пор еще не объясненные. Бругман и Тумб (Griech. Gramm., § 296, 2, стр. 294) выражают сомнение лишь относительно истолкования их как окончания винительного падежа. Дебруннер (IF, XXI, стр. 41) вслед за Бругманом (Morph. Untersuch., II, стр. 228) осторожно предполагает, что -α образовалось из *-η, но не высказывается относительно происхождения и падежного значения сонанта. Мы должны, разумеется, возводить это -α к *-η, согласно твердо установленной связи между наречиями на -α и производными на -η: *πίχα* : *πιχῆος*; *λίπα* : *λιπαῖον*, *λιπαρός*; *λίγα* : *λιγαῖον*, ср. *λιγυρός*; *χάρτα* : *χαρταῖεν*, ср. *χρατερός*; *σίγα* : *σιγαῖον*. Следовательно, эти наречия включаются в систему форм на *г/п. Кроме того, зависимость между суффиксами *-г/п- и *-у- (отмеченная на стр. 60) обу-

* Местный падеж авест. *dvare* „у двери“ (Vd, III, 29) весьма сомнителен; см. Meïe, MSL, XXII, стр. 229.

словливает присутствие наречий на *-α* рядом с прилагательными на *-υ*: *λίγα* : *λίγυς*; *κάρτα* : **κάρτυς*, ср. *καρτόνυ*: *τάχα* : *ταχύς*; *ὄχλα* : *ὄχλυς*; *θαμά* : **θαμύς*, ср. Гомер. мн. ч. *θαμέες*. При таких сопоставлениях природа **-η* определяется теперь уже без труда: **-η* здесь — нормальная ступень чередования с **-γ*, образующая наречия, подобные *εἴθαρ* „тотчас“. Подобно тому как в наречиях на **-γ*, *-αρ* греческий язык имеет соответствие индо-иранским формам на **-eg* (авест. *zəpaγ*), так и в наречиях на **-η*, *-α* он имеет соответствие индо-иранским формам на **-en* (скр. *jmán*). Если бы различие фонетического развития этих окончаний в греческом языке не затемнило первоначальной их близости, то сродство между *ἄφαρ* „тотчас“ и *λίπα* „жирно“, которое столь ясно проявляется в ведических дублетах *āhaγ* и *āhaη*, было бы давно обнаружено: именно таковы две возможности нормального употребления слов на **γ/η* в качестве наречий; греческий язык использует и ту, и другую. Сверх того, суффикс **-γ* может появляться в греческом языке то в ступени *e*, то в нулевой ступени: этим *ἦμαρ* отличается от *ἦμέρα* (стр 51). Сходную картину мы наблюдаем и в отношении **-η*, так как **-η* слова *λίπα* представляет собой не что иное, как гласную форму окончания **-en*, наличного в *αἰέν*⁴⁴ (ср. ст.-слав. камен-е). Параллелизм этих двух типов продолжается в двойном образовании, получаемом от каждого из них: **-γ* (*-αρ*) : **-eg-* (*-εγ-*); **-η* (*-α*) : **-en-* (*-εη-*).

И внутри греческого языка, и за его пределами образования, уже несходные в историческую эпоху, генетически оказываются глубоко связанными с тем типом суффиксации и с той системой чередований, которые характеризуют наиболее древние группы индоевропейских имен.

Проблема местного падежа получает совершенно иное освещение. Из установленной нами зависимости между этими образованиями* следует, что вопрос о „местном падеже“ является искусственным; по существу, о местном падеже в собственном смысле слова нет и речи. Роль этого падежа в индоевропейском языке была невероятно преувеличена исследователями: из нескольких слу-

* Имеются в виду образования на **γ/η* и **-eg-/en-*, с одной стороны, и формы местного падежа — с другой.— *Прим. перев.*

чаев наречного употребления (в особенности индо-иранских) было создано такое представление о местном падеже, которое далеко выводило его за свойственные ему пределы. Особенно пострадал от этого излишнего расширения — против чего обоснованно выступал в связи с вопросом об окончании *-i* уже Мейе (BSL, XXXII, стр. 188) — инфинитив. Фактическое употребление этого падежа в текстах никоим образом не соответствует той необъятности функций, которую ему приписывают для доисторической эпохи. Греческие наречия на *-ар* (*-ωρ*), *-а* приводят нас к иному истолкованию их, существенному также и для индо-иранских фактов. Очевидно, что эти наречия на *-ар* представляют собой формы именительного-винительного падежа в наречном употреблении: *νύκτωρ* „ночью“ того же типа, что и *ἡμάρ* „днем“, с той только разницей, что второе слово склоняется, тогда как первое сведено к одному падежу, как *ἄλχαρ*; наречие *ἡμάρ* „днем“ имеет ту же форму, что и существительное *τὸ ἡμάρ* „день“. В выражении *ὄναρ καὶ ὕπαρ* „во сне и наяву“ мы явно имеем два именительных-винительных падежа. Наречие *ἴχταρ* „вблизи“ сравнивается с лат. *īcō*; следовательно, это древнее существительное среднего рода, означающее нечто вроде „столкновение, трение“, затем, в качестве наречия, „в соприкосновении“. То же и *εἰθάρ* „тотчас“, которое (если только, как это кажется, оно было родственно *ἰθύς* „прямо, немедленно“) имело вначале значение, близкое к „прямой путь, непосредственный путь“. Далее, как форму винительного падежа в функции наречия нужно рассматривать и мнимый „местный падеж“ на *-аг* в индо-иранских языках, имеющий здесь аналогичное положение: между вед. *svár* „солнце“ и *svár* „на солнце“, между авест. *zafarə* „пасть“ и *zafarə* „в пасти“ мы имеем не совпадение, а формальное тождество. Хетт. *lammar* „мгновение“ и *lammar* „тотчас же“ также являются одной и той же формой. В греческом языке мы могли бы иметь наречие *ὄθαρ* „на лоне, на груди“, подобно вед. *ūdhar* „на лоне, на груди“, поскольку вед. *ūdhar* и гр. *ὄθαρ* „вымя, грудь, лоно“ соответствуют друг другу в именном употреблении⁴⁵. Следовательно, лат. *posturnus* основано не на наречии *noctur, а на существительном, так как греческое наречие *νύκτωρ* „ночью“

представляет собой лишь особую функцию существительного *tò yóxtwρ, устранившегося из языка в качестве названия „ночи“. Ничто не препятствовало бы греческому языку обладать и наречием *ūdωρ „в воде“ (подобно *yóxtwρ*), поскольку ведический язык имеет *vásar* „весной“ при гр. *tò éar* „весна“. Более того, вед. *s(ú)var* „солнце“ служит не только формой именительного-винительного падежа, но также родительного, местного и, возможно даже, дательного (Вакернагель—Дебруннер, III, стр. 314); авест. *karšvarə* имеет значение родительного-отложительного падежа (Yt, X, 67), *dasvarə*—дательного (Y, LXVIII, 2).

Это объяснение следует распространить и на мнимые индо-иранские „местные падежи“ на -ap. Зная, что, подобно формам на -ar, они являются остатками флексии на **r/p*, можно ожидать такого положения—и оно действительно существует,—что от одной и той же основы образуются то формы на -r, то формы на -p, распределяясь между индийским и иранским, или же обе они сосуществуют внутри одной группы языков; так, мы имеем одновременно в одинаковой функции вед. *ānar* и *ānap*, авест. *xšaraṅ* и *xšarap*, или же авест. *spāvarə* при вед. *spāvan-*. При этом как в типе слов на -r, так и в типе слов на -p не следует отличать именительный-винительный падеж от „местного“. Это единая форма, которая, смотря по обстоятельствам, находит себе то или другое применение. В окончательном выборе между окончаниями -r и -p, определяющими тип склонения (а мы видим, что этот выбор не был завершён ещё даже к началу ведической и авестийской традиции), решение зависело от особенностей развития каждого из языков. Но сохранный оказывалась не только самая форма на -r или -p, но также и способность в равной мере использовать её и как наречие, и как существительное среднего рода. Поэтому мы не будем удивляться сосуществованию вед. *ānar* и *ānap* „днем“ в наречной функции, подобно тому как нас не удивляет и сосуществование авест. *xšaraṅ-* и *xšarap-* „ночь“ в функции именной. Можно установить, что авест. *zətarə* и вед. *jmāp* „на земле“ являются в действительности существительными в именительном-винительном падеже и что их различие попросту отражает такое же различие между авест. *spāvar-* и вед. *spāvan-* „жила, нерв“.

Можно также считать естественным, что древнее существительное ср. р. *hemán* употреблялось в значении „зимой“, поскольку *udap-* „вода“ означает также „в воде“ и поскольку греческое существительное ср. р. *ἡμᾶρ* „день“ означает также „днем“. Здесь критика рассуждений Бартоломе (стр. 117) является наиболее обоснованной. Так как „местный падеж“ оказывается в действительности именительным-винительным, то нет никакого смысла разыскивать формы „местного падежа“ в производных словах, подобно тому как это делал Бартоломе: авест. *nahtar, предполагаемое на основании *naxtourušu* (Vd, VII, 79), вполне соответствует *ὕχτωρ*, но, как и *ὕχτωρ*, оно представляет собой прежде всего существительное среднего рода. Из вед. *hemantá-* „зима“ мы извлекаем не „местный падеж“ *hemán*, а основу именительного-винительного падежа существительного среднего рода; и так всюду.

Наиболее плодотворной оказывается эта точка зрения для греческого языка. Мы отождествили с индо-иранскими формами на *-an* греческие наречия на *-ᾶ* (стр. 118) лишь из фонетических соображений и только на основании тех слов, которые родственны этим наречиям. Но поскольку индо-иранские формы на *-an* были истолкованы нами как древние существительные среднего рода, то, следовательно, и наречия на *-ᾶ*, восходящие к **-n*, должны равным образом представлять собой существительные среднего рода, застывшие в наречной функции. Именно это и вытекает из небольшого ряда примеров, часть которых до сих пор еще сохраняет свое именное значение. Сюда относятся: *τὸ ἄλειφα* „мастика, благовонная мазь“ (мн. ч. *ἄλειφατα*); *λίπα*, наречие, в действительности являющееся существительным среднего рода; часто встречающееся *λίπ' ἐλαίφ*, которое объясняется выражением *λίπ(α)ἐλαίου* „оливковое масло“, позднее ставшим слитным; *σάφα*, которое остается еще существительным в Δ 404: *μη̄ φεΐδε' ἐπιστάμενος σάφα φεΐεῖν* „да не лжет знающий правду“, так как *ἐπίσταμαι* не употребляется без дополнения; *σκέπα* „убежище, приют“ (наряду со *σκέπας*), представляющее собой у Гесиода (ор. 531) винительный падеж единственного числа; *τρίχα*, являющееся существительным в *τρίχα υἰχτὸς ἔτη* (μ 312), так же как *δίχα*, что следует из *δίχα*

πῆξ γυχτός τὸ μεσονύχτιον у Гесихия.— ψάφα· κνέφας и ἀκρόκνεφα· πρὸς ὄρθρον у Гесихия даны как существительные в именительном падеже;— так же и σχίδα· σχίδος σινδόνας, πῆγμα; эквиваленты последнего слова показывают, что оно не было винительным падежом женского рода от корневой основы на -δ-;— даже в таком наречном употреблении, как θαμά (в O 470): θαμά θρόσκοντας οἰστός „тучей летящие стрелы“, мы распознаем отвлеченное существительное τὸ θαμά „большое число, множество“, синтаксически выступавшее в качестве приложения, подобно ὄναρ „наяву“ или ἀρχήν „вначале“;— будучи наречием, слово χάρτα сохраняет, тем не менее, следы своего отыменного происхождения в часто встречающемся у Геродота выражении (καί) τὸ χάρτα „особенно, прежде всего“;— таким образом, чутье языка не обманывало Платона, когда он явно искусственно, но знаменательным образом употребил σφόδρα в качестве существительного („Пир“, 210 В): τὸ σφόδρα τοῦτο χαλάσαι „нужно умерить неистовство (этой любви)“. Следовательно, отыменное происхождение наречий на -ᾶ может считаться установленным*. Вместе с тем мы убеждаемся и в том, что формы на *-η, к которым восходят глаголы на -αίνω,— те же самые, что и сохраняемые в греческих формах на -α; так, *λίπ-η, от которого образовано λιπαίνω (*λιπη-уō), представлено в λίπα; *λίγ-η формы λιγαίνω — в λίγα и т. д.

Ниже мы увидим, с какой строгостью устанавливается параллелизм индо-иранских и греческих фактов; при этом соответствие касается не только форм, но и их использования:

1) Так как и λιπαρός и λιπαίνω указывают на *λίπαρ, то мы располагаем теперь дублетами существительных — на *-γ (гр. -αρ) и на *-η (гр. -α), например:

ἄλειφαρ : ἄλιφα
 *χάρταρ : χάρτα
 *λίπαρ : λίπα и т. д.,

* Марекранц (Indogermanisches Prädikativ, Uppsala, 1933, стр. 16) тоже рассматривал наречия на -α как существительные; однако он видел в них множественное число среднего рода, что, как нам кажется, исключено, поскольку этому противоречит и употребление этих форм, и их соотношение с формами на -αρ.

т. е. здесь налицо эквивалент индо-иранских дублетов на *-er (-ar) и на *-en (-an):

вед. áhar- : áhan-
авест. xšapar- : xšaran- и т. п.

2) Подобно индо-иранским существительным на -ar (типа авест. zətaṛə „в земле“) греческие существительные на -ar (-ωρ) (типа ἄρ, ὑχτωρ) также могут служить наречиями.

3) Греческие образования на -a (типа χάρτα) также бывают наречиями, как и чередующиеся формы на -an (типа вед. udan). В индоевропейском языке строение этой именной категории было столь устойчивым, что особенности, присущие развитию каждого из диалектов, могли лишь видоизменить ее, но не разрушить.

Таким образом, выясняется, что предметом спора, начатого по поводу данных окончаний, была мнимая проблема. В противовес ей возникает новая проблема — о синтаксическом значении этих форм. В них нельзя больше видеть „местный падеж“. Если для упрощения их и приходится вводить в классическую схему склонения, то называть их нужно формами именительного-винительного падежа, не скрывая, однако, того, что это определение остается узким и основывается исключительно на внешних признаках. Здесь мы соприкасаемся с той эпохой языка, когда склонение существительного среднего рода полностью еще не установилось ни в части выражения числа, ни в части падежа. Гомер употребляет ὑχτας τε καὶ ἦμαρ так же, как и ὑχτας τε καὶ ἦματα, показывая тем самым, что одна и та же форма существительного среднего рода служит для обоих чисел (Вакернагель, Glotta, II, стр. 3). Гр. ἦμαρ выступает также в значении множественного числа в гомер. ἐννῆμαρ „девять дней“, ἑξῆμαρ „шесть дней“, πρῶσῆμαρ „сколько дней“. Здесь существует только одна форма, способная либо сопровождать глагол как подлежащее или дополнение, либо примыкать к глаголу в качестве временного или пространственного определения; она выступает в зависимости от предложения или как имя, или как наречие. От своей первоначальной неопределенности эта форма и в дальнейшем сохраняет достаточную гибкость для того, чтобы

приспособляться к выражению самых различных отношений. Особое положение существительных среднего рода состоит в том, что у них один падеж — мы обозначаем его „неопределенным падежом“ — в известной мере принимает на себя целую совокупность синтаксических функций. Так называемые „несклоняемые“ формы — просто пережиток этого периода*.

К этой же эпохе относятся и окончания *-er, *-en вместе с их более сложными формами (*-ser или *-sen, -цег или *-цеп и т. д.), не имевшие, впрочем, падежных аффиксов в собственном смысле слова. Прежнее соотношение между *r и *n сменилось положением, при котором в одном и том же языке *-er или *-en стали безразлично употребляться в разных словах, а порой даже оба одновременно; равным образом, можно было выбирать между согласной или гласной формой этих суффиксов: греческий язык употребляет -ар- или -ερ-, -а- или -εу-. В свете такого истолкования находят свое объяснение и окончания инфинитивов на -εу, -μεу, *-εεу (или *-φεу); у них нет и никогда не было грамматических аффиксов, если не считать возможного прибавления элемента -αι, который не имел падежной функции (см. стр. 161—162). Они тоже не являются „местным падежом“, представляя собой особый падеж, только что описанный нами. В самом деле, эти инфинитивы не принадлежат к какому-либо определенному падежу, они выступают либо в качестве подлежащих, либо в качестве дополнений; они могут зависеть от глагола или от имени; короче говоря, они годны для самых разнообразных применений, характеризующих именные или наречные формы на *-er и *-en. За исключением несходства огласовки, тип ἄλε:ρα и тип ἔχεу равнозначны; однако второй из них сохранился только благодаря своей связи с глаголом. Таким образом, бесполезно предполагать вторичное или аналогическое происхождение дорийских и аркадских инфинитивов на *-εу: ἀγαγέу, διαικέу, ἔχεу, особенно если исходить из форм на -ηу, безусловно, не являющихся древними (Гюнтер, IF, XXXII, стр. 383); речь

* В отношении свойств существительных среднего рода сошлемся пока на Вакернагеля, Vorles., стр. 217; Хаверса, Glotta, XIII, стр. 171 и сл., с оговорками Лёфстедта, Syntactica, II, стр. 19 и сл., и Лагеркранца, Indogermanisches Prädikativ, Uppsala, 1933.

здесь идет об исконном способе словообразования, приложимом в принципе к любому глагольному корню. В то время как ступень *-er в наречной функции сохранялась довольно долго, от *-en остались лишь следы, не имеющие в себе уже ничего отыменного (кроме тех случаев, когда они получали, как это было в индо-иранских языках, окончание дательного падежа -e).

Остается рассмотреть формы местного падежа единственного числа типа гр. *χμαί* „на земле, наземь“, о происхождении которых не было высказано какого-либо окончательного мнения. Объяснять их посредством индоевропейского окончания *-ai, которое, собственно говоря, принадлежало дательному падежу, нельзя, как бы широко ни воспроизводилось (Бругман—Тумб, стр. 265) это объяснение; оно вдвойне невозможно, поскольку достоверные формы дательного падежа в индоевропейском языке имели *-ei или *-i (Мейе, BSL, XXXII, стр. 188; Бенвенист, Studi Baltici, IV, стр. 72 и сл.), а доказательство, извлекаемое из инфинитивов на -ai посредством уравнения *ἴδμεναι* = вед. *vidmāne*, не выдерживает критики (стр. 160). Это не только наше мнение: некоторые другие исследователи тоже признают недостаточность этой теории; например, П. Кречмер (Glotta, XXV, 1934, стр. 248) осторожно предполагает, что древний местный падеж ед. ч. **χαι* превратился в *χμαί* по аналогии с *χαταί*, *παχαί* *. На наш взгляд между этими формами есть связь, но иного рода; она может быть уточнена из грамматического контекста, в котором появляется тип *χμαί*.

Если формы так называемого „местного падежа“ на -r или -n представляют собой застывший вид основы, распространенной посредством *-r или *-n и пригодной — по желанию — и для именного и для наречного употребления, то в таком случае они могут иметь наряду с *-r или *-n третий элемент чередования, а именно *-i. Мы неоднократно отмечали сходство в употреблении, сближающее и заставляющее взаимодействовать распространения *-r, *-n, *-i (стр. 76 и сл.). Здесь мы имеем как раз один из данных случаев: в окончании слова *χμαί* представлено именно это *-i, но только -i, а не -ai. Мы

* Дублетные (эпические) формы к *χατά*, *παρά*. — Прим. перев.

будем исходить из *χαμά на основании χαμῶζε „наземь“, χαμῶθεν „с земли“; окончание же -α: могло иметь два количества: -ᾱi- и -ᾱi- (Бругман—Тумб, стр. 266 и прим. 1).

-i слова χαμαί является элементом, чередующимся с -p- и -y- по схеме, раскрываемой тремя формами: τάλαρος : τάλανος : ταλαί-πωρος* и предполагаемой также наречиями типа πάλαι „в древности, раньше“. Так выясняется самостоятельность формы χαμαί. В дальнейшем она входит в один из известных типов; это явствует из того, что чередование α:η, обнаруживаемое в μαι-φόνος : μη-φόνος—'Αλθαι-μένης : 'Αλθη-μένης (Френкель, Glotta, XX, 1931, стр. 93), повторяется в χαμαί : χαμη-λός „находящийся на земле, низкий“.

При таких условиях χαμαί не содержит в себе ничего, кроме окончания местного падежа *-i (единственного числа согласных основ), которое является индоевропейским распространением. В историческую эпоху формы на *-i в каждом языке действительно представляют собой местный падеж, но по происхождению это варианты „неопределенного падежа“, известного нам по таким существительным среднего рода, как ἦμαρ или скр. áhan. Иначе говоря, подобно тому как формы на -ag или -ap в индо-иранской группе (по существу не имевшие окончания как такового) взяли на себя функцию местного падежа, точно так же и формы на -i (типа скр. ásthi), равно не имея окончания и выполняя ту же роль, что -ag или -ap, оказались принятыми за местный падеж. Вследствие этого -i выделилось в качестве приметы местного падежа. Следовательно, в формах местного падежа типа *цesri „весной“, авест. vahri, ср. гр. ἦρι, в действительности имело место вторичное добавление -i к основе на *-ag. Доказательством этого является именуемая „местным падежом“ форма *dékai. Речь идет об имени, обозначающем „правая сторона“ или „направо“ и образованном путем распространения на *-i именного корня *deks-, который выступает в лат. dex-ter (см. у Мейе—Эрну под этим словом), гот. taihs-wa и в санскритском деномина-

* Все три слова связаны с глагольным корнем τᾱ- „переносить“ и означают „корзина (букв.: переносимое)“, „несчастный (букв.: переносящий)“ и „переносящий горе“ (ср. φορῆσαι ἰσοπῆσαι, Гесихий).—
Прим. перев.

тиве *dákṣati* „является полезным“. Подобно *deksi были образованы и формы: *anti (хетт. *ḥanti*, скр. *ánti*, гр. *ἀντί*, и т. д.), *rgōci (гр. *ῥῳτί*); вторичным способом — *per-ut-i (гр. *πέρουσι*, *πέρουτι*) наряду с *per-ut „предыдущий год“, которое сохраняется в скр. *rag-út*. Словообразование посредством *-*i*o-, т. е. образование тематических производных от основы на *-*i*, является не отнаречным, а просто отыменным: *πρωῖος* „утренний“ от *πρωῖ* „утро“, засвидетельствованного в τὸ πρῶν, *πρωῖ τῆς ἡμέρας* (Геродот); *δεξιός* „относящийся к правой стороне“, откуда „ловкий, благоприятный“, и т. д. Хеттский язык употребляет *ḥanti* в значении „впереди, во главе“ подобно гр. *ἀντί*, но он пользуется в том же смысле и им. п. *ḥanza* (*ḥant-s). Следовательно, весьма вероятно, как это предполагал уже Бругман, что *medhios восходит к и.-е. *medhi „середина“ и „в середине“; так же и *vāpaḡa-* „обезьяна“ происходит от *vapaḡ „лес“, а не образовано от местного падежа „в лесу“.

Итак, то, что называется „местным падежом“, относится в действительности (как и многие случаи именительного-винительного падежа) к „неопределенному падежу“, имевшему в индоевропейском языке форму, совпадающую с основой среднего рода*. Такой пример, как скр. *rag-út*, показывает, что в данной функции могла употребляться основа любого вида. Но особенно заметна эта свобода употребления у основ на *-*r*, *-*n* и *-*i*. Позднее основы, распространенные посредством *-*i*, все чаще стали применяться в качестве наречий, образовав первый ряд „местных падежей“; это привело к тому, что из них было извлечено окончание -*i*, постепенно превращавшееся в определителя места и времени. Стоит только посмотреть, с какой непоследовательностью это окончание -*i* появляется в „местном падеже“ индо-иранских согласных основ, и мы сразу увидим, что оно не стало еще падежным окончанием и сохранило кое-что от своих первоначальных свойств распространения корня.

* Хирт (IF, XVII, стр. 42 и сл.; XXXII, стр. 267 и сл.) считает, что местный падеж первоначально не имел окончания и совпадал с неопределенным падежом, тогда как мы отрицаем всякое самостоятельное существование местного падежа, видя в нем лишь одну из функций неопределенного падежа.

СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ СУФФИКСОВ на r/n

1. Образование на *-ser/-sen

Хеттский язык наиболее ясно показывает категорию абстрактных существительных среднего рода на *-ser/-sor/-sn- и дает базу для изучения запутанных фактов других языков. В этом языке данный суффикс представлен довольно большим числом имен на -šar, род. п. -šnaš, обычно произведенных от глагольных основ на -ā(i)-; при этом произошло обобщение конечного -eš(š)ar, так что оно оказалось способным, — по крайней мере, внешне — присоединяться и к существительным. Следующие примеры дают понятие о формах, представленных в хеттском языке: alwanzeššar „колдовство, порча“ (alwanzaḫ- „околдовать“), ḫanneššar „суд, тяжба“ (ḫannāi- „судить“), ḫatreššar „предписание“ (ḫatrāi- „писать“), ḫūlaleššar „связка“ (ḫūlaliya- „обвивать“), išḫuweššar „струя, прилив, изобилие“ (išḫuwāi- „бросать, распространять“), karpēššar „совокупность“ (karp- „быть законченным“), parḫeššar „поспешность“ (parḫ- „погонять, гнаться“), palḫeššar „величина“ (от *palḫ- „быть большим, простираться“, и.-е. *pelə-; ср. palḫi „большой“ и palḫatar или palḫašti „величина“), parkeššar „высота“ (от *park- „быть высоким“, и.-е. *bhrgh-; ср. parku- „высокий“, арм. barjr, и pargatar, parkašti „высота“), takšeššar „соглашение“ (takš- „соглашаться“), tarupeššar „собрание, скопление“ (tarupāi- „собирать воедино“), tethēššar „гром“ (tethāi- „греть“), ureššar „отправка“ (urpāi- „посылать“) и т. д. Из менее ясных форм приведем tunakeššar, слово религиозного характера, еще не вполне ясное по значению, соответствующее хеттскому иероглифическому tunakalaš, точное значение которого также не установлено (П. Мериджи, WZKM, XLI, стр. 32 и сл., видит в нем название служителя культа); во всяком случае, судя по тигу образования, несходимо расчленив tunak-eššar, tu-

nak-alaš, чем обесцениваются различные индоевропейские этимологии, предложенные на основании других анализов и спорных толкований (Фридрих, ZA, N. F., VIII, 1934, стр. 194).

На первый взгляд, это образование не имеет никаких соответствий в других языках. Стертевант (Comrag. Gramm., § 160, стр. 151) рассматривает его как развившееся в самом хеттском языке путем присоединения -г к глагольным основам на -eš- и применения полученного суффикса по аналогии. Некоторые факты действительно объясняются широким применением этого суффикса (стр. 132). Однако мы должны отбросить мысль о случайном происхождении и чисто хеттском развитии этого образования, поскольку следы его обнаруживаются во многих других языках, где оно омертвело. Подобно тому как *ter/-tn-, *цег/-un- отражаются главным образом в производных на *tno-, *t(o)no- (стр. 133), *uno- (стр. 139), так и *ser/-sor представлено, в первую очередь, тематическими формами на *-sno-: скр. kṛtsnā- „целый, весь“ из *kṛt- (ср. гр. κράτος) + sna-; tik-ṣna- „острый“, ср. téjas-, tigra-; mṛt-snā- „пыль“, ср. mradati, гр. ἀμαλδύω „разрушать“; лат. arānea < *arak-sn-, гр. ἀραχμή „паук“ < *arak-snā, ср. гр. ἄρχις „нить“; лат. cēna, др.-лат. cesnās (Фест), оск. kersnu „обед“, и т. д. < *kert-snā; лат. penna, др.-лат. pesnas (Фест) < *pet-snā, несмотря на трудность фонетического объяснения (Штольц — Лойман, Lat. Gramm., стр. 161); гр. πάχυη „иней“ из *pāk-snā; гр. λάχυη „шерсть“ из *wlak-snā; гот. (ana-)būsns „заповедь“, др.-сакс. an-būsni (мн. ч. ж. р.) „заповеди“, ср. гот. -biudan; отглагольные абстрактные имена на -snā балтийских языков: др.-прусс. waisnā „познание“ < *wait-snā и werp-snā „прощение“, и т. п.; ср. также ст.-слав. пѣсь при пѣти. Этот суффикс образует всюду либо абстрактные имена, как в хеттском языке, либо имена деятеля, образованные от абстрактных слов (*arak-snā „прядильница“ происходит, вероятно, от абстрактного имени на *ser/-sor, -sn-, обозначающего „действие прядения, нить“), либо прилагательные, равным образом происходящие от абстрактных имен (скр. tikṣnā- свидетельствует, несомненно, о существительном на *ser/sor „оттачивание, острота“). Положение здесь представляется точно таким же, как и у производных на *ter/-ten-, среди

которых насчитывается несколько абстрактных имен и некоторое число производных прилагательных; таково, например, противопоставление лат. *i-ter* и индо-иранских прилагательных на *-(a)pa-*. Роль этих весьма древних образований почти одинакова.

В рамки данной схемы хорошо укладывается и один ведический именной тип — инфинитив на *-sani*, образуемый от корней: *bhūṣāni* (*bhū-*), *neṣāni* (*nī-*), или от основ настоящего времени: *tarīṣāni* (*tr-*), *grīṣāni* (*gr-*), *stṛnīṣāni* (*stṛ-*) (Дельбрюк, *Altind. Synt.*, стр. 416). Он продолжает собой внутри системы глагола развитие типа имен действия, исчезнувшего в других языках; только хеттский язык сохраняет его в живом употреблении в виде абстрактных существительных на *-sar/-śnaš*. Рядом с хетт. *-šar*, точно соответствуя ему, стоит ведический инфинитив на *-san-i*, подобно тому как рядом с хетт. *-tar* стоит древнеперсидский инфинитив на *-tan-aiy*. В этих двух случаях, как и в некоторых других (стр. 144—145), сохранилась только форма на *-n-*, однако в такой функции, которая отчетливо связывается с более древним употреблением, подтверждаемым хеттскими фактами. Вероятно, к этому же виду имен действия относится и греческий инфинитив на *-εἶν* из *-εεῦ* (*ἔχειν* из **seghe-sen*). Правда, **-цеп* здесь не исключено, но соответствие ведическим формам увеличивает вероятность **-sen*. Как бы то ни было, даже принимая **-цеп*, как в типе кипр. *δωφευαἰ* (стр. 143—144), можно быть уверенным, что греческий язык образовал свои инфинитивы действительного залога из того вида абстрактных имен, который характеризовался суффиксом *-г/п* и производился от тематических исходных форм (о природе см. стр. 160). Произошли ли греческие инфинитивы на *-εἶν* из **-sen* или из **-цеп*, они в обоих случаях не представляют трудностей для объяснения.

Нам ясна отправная точка для возникновения этого суффикса: скр. *vakṣāna(-i-)*, *sakṣāna-* показывают, что производная форма образовалась от основы, распространенной посредством *-s-*: *vak-ṣ-* (ср. гр. *αὐξάνω*), так же как **leuk-*, распространенное посредством *-s-*, дало в лат. *lupa* подобие суффикса **-snā*. В хеттских *ašessar* „собрание, население“ (*ašes-* „устанавливать“), *kanešsar* „милость, приятность“ (*kanes-* „находить удовольствие в“) одинаково

возможны и *-ar* и *-šar*. Вед. *gr̥nīšāni* опиралось на I л. ед. ч. *gr̥nīšé*. Однако из этих несущественных частных случаев нельзя делать вывод о независимом возникновении этой категории в каждом языке: она всюду подчинена единому принципу чередования, полностью сохранившемуся лишь в хеттском языке. Невозможно дать объяснение лат. *sēna* из **kert-snā*, оставаясь в пределах италийских фактов; нельзя объяснить инфинитив на *-e:u* с помощью одного лишь греческого материала. Членение **-ser* (**-sen*) на **-s-er* уводит нас в эпоху, не только предшествующую выделению диалектов, но являющуюся древней даже для самого индоевропейского языка.

2. Образование на **-ter/-ten*

Многочисленный класс хеттских существительных среднего рода на *-r/n* содержит группу глагольных абстрактных имен на *-tar*, род. п. **-tnaš > -nnaš**, обычно связанных с корнями непереходного или медиального значения: *ḫuisatar*, *ḫuišuwatar* „жизнь“ (*ḫuiš-* „жить“, *ḫuišuwāi-* „быть в живых“); *aggatar* „смерть“ (*ak-* „умирать“); *alwanzatar* „волшебство, колдовство“ (*alwanzaḫ-* „околдовывать“); *ḫalluwātar* „гнев“ (*ḫalluwāi-* „ссориться“); *išpiyatar* „сытость“ (*išpiya-* „насыщаться“); *kutruwātar* „свидетельство“ (*kutruwāi-* „давать показание“); *maniyahatar* „управление“ (*maniyah-* „управлять“); *zankilatar* „искупление, наказание“ (*zankila-* „наказывать“) и т. д. Мог быть использован этот суффикс и для образования вторичных производных от прилагательных или от существительных: *antuḫšatar* „человечество, население“ (*antuḫša-* „человек“); *ḫattugatar* „страх“ (*ḫattuga-* „ужасный“); *irmalatar* „болезнь“ (*irmala-* „больной“); *maršatar* „злодеяние“ (*marša-* „плохой“); *šardiyatar* „помощь“ (*šardiya-* „помощь, оказывающий помощь“); **wetandatar*, дат.-местн. п.

* Стертевант приводит две двусложные формы, в которых *-tnaš* сохранено (Сопраг. Грамм., стр. 150): *ḫuitar* „животное“, род. п. *ḫuitnaš* (этимология неизвестна), и *utar* „слово, речь“, род. п. *utanaš*, которое, если оно происходит от и.-е. **ued-*, имеет не *-tar*, а *-ar*. Относительно сохранения *-tn-* см. Теннер, *Kleinasiatiscbe Forschungen*, I, стр. 391.

wetantanni „годовой промежуток времени“ (wetant- „год“) и т. д. Если верить Стертеванту (Compar. Gramm., § 156), то это образование свойственно только хеттскому языку и не имеет точного соответствия в других; Стертевант находит возможным сравнивать его только с именами на *-dhrō-, которые в действительности должны получить совершенно иное истолкование (стр. 233 и сл.). Другие языки сохраняют заметные следы суффиксов, соответствующих хетт. -šar, -šnaš, -war, -unaš; вместе с тем в них сохраняются и кое-какие параллели к -tar, -pnaš. Впрочем, образования эти редки и по большей части построены на ступени -n.

Первым доказательством этого служит лат. iter, *itinis (itineris), т. е. i-ter/n-, которое обнаруживается в хетт. itar „ходьба“ или „дорога“ и в тохар. utār, ставшем именем женского рода подобно многим наименованиям „дороги“. Рядом с лат. *itinis мы поместили бы оск. eituns, если оно обозначает „itōnes“ (Вандриес, BSL, XXV, стр. 44 и сл.). Здесь налицо неопровержимое сходство и в строении слова, и в значении имени действия. Можно сослаться также на лат. glū-ten, glū-tin-is „клей“ с общением носового звука.

Наибольшее развитие получил этот словообразовательный тип с помощью суффикса *-tn-, *-ten-, чередовавшегося с *-ter в единственном оставшемся латинском слове этой группы iter. Подобного же рода отношение связывает лат. tonitrus с скр. tanayitnu-, хотя основы их и не вполне одинаковы. Благодаря соответствию между iter и типом на -tar, широко представленным в хеттском языке, можно восстановить в виде *-ter/-tn- (-ten-) первоначальную суффиксацию небольшой группы индо-иранских глагольных абстрактных имен на *-tna-: скр. суаи-tnā- „потрясение“ (как прилагательное: „возбуждающий, стимулирующий“), авест. šуао-θпа- „действие“, от скр. суав-, авест. šуав- „приводить в движение“; скр. rā-tna- „дар“ (rā- „давать“); авест. °karə-θпа- „исполнение“ в arəθō . karəθпа- „место выполнения религиозного долга“ (kar- „делать“). В иранском языке существовало, повидимому, значительное количество существительных этого типа, если, как это мы пытались установить в другой работе („Les infinitifs avestiques“, стр. 106), они дали

начало пехлевийским абстрактным именам на -išn. То же строение мы видим и в слове со значением „передняя часть руки от локтя до кисти“, образование которого становится теперь ясным: скр. aratni-, авест. arəθna-, frāθni-, др.-перс. arāšni-. Скр. āṇi- „часть ноги по обе стороны от колена“ < *ōlni-, наряду с арм. oġn, род. п. oġin „спинной позвонок“ < *olen-, сближается с гр. ὀλήν, ὀλέυη „локоть, передняя часть руки“; исходя из этого, мы восстанавливаем *ōl-en- от основы *ōl(e)- „гнуть, сгибать“, представленный в скр. alaka- „локон“. Отсюда индоиранское производное *āra-tna(-i-), перешедшее в женский род; оно свидетельствует о древней паре *āra-tar : *āra-tn- „сгиб, кривизна“.

С помощью рассматриваемых суффиксов одинаково легко образовывались и существительные среднего рода, и прилагательные; в силу этого -tana- стало — главным образом в санскрите — продуктивным средством словообразования (особенно от наречных форм). О том, что первоначальным здесь было еще чередование *-tar/-tn-, можно, по нашему мнению, заключить из следующего сравнения: авест. aiwitarā- предполагает наречие *abitar „кругом“, скр. abhitāḥ (стр. 118); с другой стороны, авест. pairiθnəm „кругом“ предполагает прилагательное *pariθna-. Сблизив *(abi)-tar с *(pari-)θna-, мы тем самым сведем к известному нам типу всю группу вторичных санскритских прилагательных на -tna- (после гласного), -tana- (после согласного), приводимых у Уитни (2-е изд., § 1245, g, h) и Рену (Grammaire sanscrite, § 205): nūtna-, nūtana- „нынешний“, pratnā- „древний“, sanātna- „длительный“, çvāstana- „завтрашний“, hyastana- „вчерашний“ и т. д. Довольно большое количество индоевропейских наречий, образованных из существительных среднего рода на r/n (стр. 118), давало ту возможность словопроизводства, которую индоиранские языки использовали в настоящем случае.

В рамках этого образования с полной ясностью определяется характер древнеперсидской падежной формы инфинитива на -tanaiy (дат. п.): čar-tanaiy „делать“, kan-tanaiy „рыть“, θas-tanaiy „говорить“, nipiš-tanaiy „писать“. Этот инфинитив продолжает собой тип имен действия на *-tan-, вышедший из употребления и сохранившийся только в тематических производных на *-tna-. Вследствие чрезвычай-

но консервативного характера инфинитива в древнеперсидском языке сохранился в древнем виде тот класс имен, которые в Авесте мы находим обычно с суффиксом *-tana-*; однако некоторые пережиточные формы свидетельствуют, что тип на *-tan-* удерживался равным образом и в авестийском языке со своим двойным значением имени действия и прилагательного: от *šay-* „обитать“ имеется прилагательное **šaē-tan-* в *aiwi.šōiṇni* (Vd, III, 24) и абстрактное существительное **šaē-tan-* в *aiwi.xsoiṇne* (Vd, II, 25).

Сомнение, которое могло бы оставаться относительно истолкования персидского инфинитива на *-tanaīu* с помощью древнего суффикса **-ter/-ten-*, исчезнет, если мы поставим его в связь с одним образованием, которое, будучи само инфинитивом, имеет суффикс **-ter*; это образование при сближении с персидской формой разъясняет ее и в свою очередь разъясняется ею. Мы имеем в виду загадочное ведическое образование на *-tari*, относительно которого мнения исследователей сильно расходятся: *dhartāri* от *dhar-* „держать“, *etāri* от *i-* „идти“, *vaktāri* от *vak-* „говорить“ и т. д. (Вакернагель — Дебруннер, III, § 107 с, стр. 205, с библиографией). В них видели формы именительного-винительного падежа единственного числа от существительных среднего рода, формы именительного падежа единственного числа мужского рода и формы местного падежа от инфинитивов. Анализ деталей употребления мы оставим исследователям Вед, но что касается того примера, который Уитни (§ 970 i и 979) приводит как наиболее надежный, *vidhartāri*, то его нельзя, повидимому, считать чем-либо иным, как только инфинитивом; см. „Ригведу“: (IX, 47, 4) *svayām kavir vidhartāri viprāya rāt-pam ichati* „мудрец желает сам отдать сокровища певцу“; (VIII, 70, 2) *yāsya dvitā vidhartāri hāstāya vājraḥ prāti dhāyi* „в руке, в которую еще в давнее время была помещена молния, чтобы он держал ее“, и, возможно, также (V, 9, 5) *yād im āha tritō divu ūpa dhmāteva dhāmati çīçite dhinātāri yathā* „когда Трита в небе дует на него (Агни) подобно плавильщику, точит (его), как бы (желая) расплавить (его)“. Во всяком случае, в первых двух выдержках *vidhartāri* ясно выступает в роли инфинитива. Двусмысленность других примеров — там, где она зависит не

от неясности синтаксиса,— несомненно, обусловлена архаизмом типа, вышедшего из употребления, если не считать нескольких древних формул, а также ошибочным пониманием данной формы как связанной с окончанием *-tar*. Отсюда некоторые случаи, встречающиеся в „Ригведе“ (II, 23, 17 или IX, 86, 42), где *-tári* получает значение именительного падежа единственного числа соответственно мужского и среднего рода. Что касается конечного *-i*, обнаруживающего ту особенность, что в стихе оно регулярно оказывается долгим — даже там, где оно пишется как краткое (Вакернагель, *Altind. Gramm.*, I, стр. 311; III, стр. 205; Арнольд, *Vedic Meter*, стр. 112), — то этим самым исключается его отождествление с *-i* местного падежа единственного числа, не подверженным удлинению; наоборот, синтаксически* оно трактуется одинаково с конечным слогом императива на *-dhi*, *-hi*, который может считаться за долгий**. Поскольку же последний представляет собой прежнюю частицу, *-ī* в *dhartári* тоже следует рассматривать как добавочный элемент (ниже мы приведем и другие доводы в обоснование этого; стр. 162).

Таким образом, ведический язык дополняет данные авестийского, показывая именно ту ступень *-r* имен действия на *-tar*, которую нужно было ожидать на основании персидских инфинитивов на *-tan-*. Следовательно, вед. *dhar-tár-ī* и др.-перс. *kan-tan-aiu* соответствуют хеттскому типу на *-tar*, **-tnaš*; их параллелизм восходит к индоевропейской эпохе. И только в огласовке проявляется различие между хетт. *-tn-* и индо-иран. *-tan-*. Впрочем, хеттский язык тоже образовал инфинитив при помощи падежных форм на *-(a)tar*; это — медиопассивный инфинитив на *-anna*, *-pani* (Стертевант, *Compar. Gramm.*, § 158), расположение элементов которого имеет вторичный характер.

Двоякая специализация суффикса *-tna-*, *-tana-* в индоиранских прилагательных (прилагательные общего вида и

* Строго говоря, это явление не синтаксиса, а фонетики словосочетаний (из области так называемых сандхи, т. е. изменений конечного звука предшествующего слова во взаимодействии с начальным звуком последующего слова, иногда тоже претерпевающим изменение).— *Прим. перев.*

** По вопросу о долгих гласных окончаниях ведического языка следует прежде всего обратиться к работе Готье, *Fin de mot*, стр. 184 и сл.

отнаречные прилагательные, обозначающие время) осуществляется и в других языковых областях: довольно часто в латинском языке — *diūtinus*, *crāstinus*, *prīstinus* и т. д., и в литовском — *dabartinas* „нынешний“ (Лескин, *Die Bildung der Nomina im Litauischen*, стр. 407 и сл.); с другой стороны, этот суффикс используется для образования прилагательных принадлежности или состояния, а также существительных женского рода: $\theta\epsilon\pi\tau\alpha\upsilon\omicron\varsigma \cdot \acute{\alpha}\pi\tau\acute{o}\mu\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$ = лит. *dėktinas* „подлежащий сожжению“; $\pi\lambda\epsilon\chi\tau\acute{\alpha}\nu\eta$ „завиток, щупалец“; $\beta\omicron\tau\acute{\alpha}\nu\eta$ „корм, трава“; $\acute{\alpha}\rho\tau\acute{\alpha}\nu\eta$ „силок“. У нас нет оснований ни для того, чтобы связывать слова на $-\acute{\alpha}\nu\eta$ с прилагательными на $-\tau\omicron\varsigma$ (Шантрен, *La formation des noms*, стр. 199 и сл.), ни для того, чтобы отделять их от прилагательных на $-\tau\alpha\upsilon\omicron\varsigma$, лат. $-\tinus$, как это делает Бругман (цит. соч., стр. 269 и 285). Исторически это два разных класса, но происхождение их связано с одним и тем же суффиксом. Удивительно, что Бругман допускал „смещение“ в литовском языке двух рядов прилагательных на $-\tinas$, которые фактически не отличались внешне друг от друга; по существу же они были тождественными с самого начала. Отметим, что литовский язык создал при помощи $-\tinas$ прилагательные, обозначающие процесс и образующие своего рода инфинитив, в виде наречной формы на $-ai$. Бругман приводит $\acute{a}\check{s} \check{c}\acute{o}n\check{b}\check{u}tina\check{i} \check{i}\check{s}i \check{t}ais\check{y}\check{s}i\check{u}$ „я устроюсь (так, чтобы) остаться здесь“ (цит. соч., стр. 269). Глагольное прилагательное на $-\tinas$, в действительности являющееся именем действия, связано с глаголом той же, хотя и менее строгой, связью, которая существует между индо-иранскими инфинитивами и именами на $-tar$, $-tan-$.

Здесь мы имеем тонкий переход к совершенно иному роду производных. Логика рассуждения требует, чтобы мы исследовали, не относится ли именной тип на $*-ter$, $*-tro-$ к тому же классу, что и выше. Если, с одной стороны, суффикс $*-ter$, $*-ten-$ способен образовывать одновременно и существительные, и прилагательные, и если, с другой стороны, прилагательные на $*-t(e)no-$ действительно с ним связаны, то, повидимому, сюда же следует присоединить и имена деятеля на $*-ter$, и названия орудий на $*-tro-$. Справедливо, что особое значение этих производ-

ных, на первый взгляд, препятствует этому. Однако более внимательное рассмотрение сопоставляемых значений позволяет их совместить. Обращаясь к древнейшим примерам, мы увидим, что ни различие между атематической формой имен деятеля и тематической формой названий орудий, ни даже определение „имени деятеля“ и „названия орудия“ не соблюдаются во всей строгости. Существуют „названия орудий“ на *-τήρ*, например *λαμπτήρ* „факел“ (Френкель, IF, XXXII, стр. 107), и существительные на *-τρον*, например *δοκίτρον* „доля, порция“, не являющиеся названиями орудий.

В своем первичном значении слова на **-ter* были просто прилагательными, выражающими совершение непереходного действия: *praetor* (**prai-itor*) — „идуший во главе (войск)“; гр. *βατήρ* переводится глоссой *βαίνω* как простое причастие; скр. *gántar* — „идуший, приходящий“; *sthātār* — „тот, кто стоит неподвижно, не шевелится“; *bod-dhar* — „тот, кто ясно понимает“; гр. *λαμπτήρ*, по всей вероятности, означало вначале „освещающий“, и относилось к тому же разряду слов, что и причастие *φάεθω* „сияющий, сверкающий“⁴⁶, как *ἴστωρ* „знающий“. Речь идет, следовательно, о прилагательном, образуемом от непереходных глаголов. А мы уже видели (стр. 132), что хеттские существительные среднего рода на *-tar*, *-tn-* образуются от корней непереходного или медиального значения. Связь эта уточняется следующим примером: от **i-* мы получаем одновременно и существительное ср. р. **i-te/or* „действие ходьбы“ (лат. *iter*), и прилагательное **i-te/or* „тот, кто идет“ (лат. *-itor*). Значение, устанавливаемое для **-ter*, позволяет лучше уточнить то значение, которое закреплено за **-tro-*; определение его как „названия орудия“ слишком узко для первых примеров. Превращение основы из корневой в тематическую приводило к индвидуализации понятия, становившегося активным, когда слово было мужского рода, пассивным, когда слово было среднего рода. Так, гр. *ιατήρ* „врачующий“ : *ιατρός* „врачеватель“; скр. *dātar* „дающий“ : *dātram* „отданная вещь, дар“; **δοκίτηρ* „распределяющий“ : *δοκίτρος* „тот, кто распределяет“ : *δοκίτρον* „распределенная вещь, доля“. Авест. *aodra-* означает „обутая вещь (обувь)“, подобно тому как *vastra-* — „одетая вещь (одежда)“. Следовательно, здесь

имеются две возможности: *-ter — существительное среднего рода и *-ter — прилагательное; *-tro — существительное среднего рода и *-tro — прилагательное, совершенно так же, как *-ten — существительное среднего рода и *-ten — прилагательное; *-tno — существительное среднего рода и *-tno — прилагательное. Таким образом, продуктивная группа имен на *-ter-, *-tro- является разновидностью типа с суффиксом *-ter/-ten; она очень рано стала независимой словообразовательной группой и получила в большей части диалектов значительное развитие.

3. Образование на *-цег/-цен и *-тег/-теп

В хеттском языке есть также группа существительных среднего рода на *-цаг, распределяющихся по двум различным функциям: глагольное имя на -war, род. п. -waš, служащее инфинитивом (о нем см. стр. 148—149), и образование на -war, род. п. -upaš, на рассмотрении которого мы здесь и остановимся. Последнее образование представлено всего лишь двумя примерами, имеющими, однако, ясное склонение: ašawar „огороженное место, загон для зверей“, дат. п. ašauni, отл. п. ašaunaz, и partawar, вероятно, „гнездо“, твор. п. partaunit. Повидимому, оба слова имеют глагольное происхождение: ašawar от aš- „устраивать“, partawar от partā-, смысл которого, пожалуй, неясен. Особенности склонения этих слов, в котором в косвенных падежах возникает редуцированная ступень суффикса (-war : -un), являются постоянными для подобных окончаний: -tar, *-tnaš, -šar, -šnaš.

Будучи явно менее продуктивным, чем параллельные суффиксы -tar и -šar, суффикс -war, однако, так же как и они, представляет собой индоевропейский тип, остатки которого наблюдаются либо непосредственно, либо в виде производных от него в некоторых языках. Наиболее ясные доказательства существования этого типа дают авестийский и греческий языки; они обнаруживаются в соответствии форм, несколько примеров которых отметил Швицер, хотя и не дал им объяснения (KZ, XLVI, 1914, стр. 165 и сл.). Авестийский язык может образовывать от глагольных корней абстрактные производные на -war или -vap, или же и на -var и на -vap одновременно (ср. xšapar- и

хšarap-). Особенно показательно название „жилы“ или „сухожилия“, широко представленное в разных языках; чередование суффикса в этом слове восстанавливается при сравнении авест. *spā-var-* и вед. *spāvan-*. Однако индийский язык знал, за пределами классического языка, еще образование на *-r-*, сходное с авест. *spāvar-*; к нему восходит слово языка пали *paṅāru-*, пракритск. *ṛhāru* и непальск. *paṅar* (Тернер, *Nepali Dictionary*, см. под этим словом). Основа, распространенная посредством **-цег-*, получала при тематизации нулевую огласовку, принимая в итоге вид **spē-цго-* в гр. *υεῖρον*, лат. *peruus*, тохар. В. *šṅaura* (стр. 142). Такое же построение мы находим и в авестийском языке: *sah-var-/van-* (пишется *sax^var, -n-*) от *sah-*; *ṭan(g)-var/van-* от *ṭang-*; *karš-var/van-* от *karš-*; **miθwar/n-*, подтверждаемое производными *miθwara-*, *miθwana*, равно как и скр. *mithuna-*. Кроме того, к этому же ряду, несомненно, относятся и *vazdvar-*, *dasvar-*, хотя они и не имеют соответственных форм на *-n-*; суффиксом в них является *-var*, а из таких суффиксов ни один не существует самостоятельно. С другой стороны, др.-перс. *ni-štā-van* „указ“ (от *ni-štā-*), засвидетельствованное арамейским заимствованием, имеет вид абстрактного существительного того же словообразовательного типа. В части слов, унаследованных от индоевропейской эпохи в неизменном виде, санскрит дает, помимо уже приведенного *spāvan-*, еще одно ценное свидетельство — ведическое пракритизованное *kévaṭa-* (**kévṛta-*) „яма“, в котором наличие тематического гласного не препятствует распознаванию исходного **kai-цг-t*, типа *yákṛt*. Параллельно **kai-цг-* греческий язык дает **kai-цг-t* в форме мн. ч. *καίματα ὀρύματα* „ямы“ по Гесихию⁴⁷.

Наконец, греческий язык сохраняет группу существительных среднего рода на **-цег-/цеп-*, почти все — из гомеровских текстов:

ἄληαρ, мн. ч. *ἄληατα* „мука“ < **alē-цг*; тематическая форма в гр. *ἄλευρον*, арм. *alewr* „мука“.

δέλεαρ, *-ατος* „западня, силки“ < **dele-цг*, мн. ч. *δέλευρα* (**dele-цг-o-*), Афиней, VII, 287 с; атематическая основа в гомер. *δεῖλαρ* < **del-цг*; ср. различие между *δέλ-ος* и *δέλε-τρον*.

εἶδαρ, *-ατος* „пища“ < **ed-цг*; ср. скр. *vy-ad-vará-* „пожирющий“.

εἶλαρ „укрытие, кров“, εἶλαρ·βροθήθεια у Гесихия < *uel-ur.
 κάρηαρ (Антимах), гомер. род. п. καρήατος, мн. ч. καρήατα „голова, верхушка“; распространение на -φαρ, -φατος
 ионийского κάρη (другое, чрезмерно сложное объяснение
 у Бузака см. под κάρηα).

ὄνειαρ, -ατος „выгода“ < *opē-ur, ср. ὀνίνημι; относительно
 ὄνη(φαρ) ср. ἄλη(φαρ).

πεῖραρ, -ατος „конец“ < *per-ur; ср. περαίνω (ἀ-πολυ-) πείρων,
 скр. pārvan-.

πίαρ „жир“ < *rī-ur; ср. πῖων, ж. р. πείρα, πιαίνω, скр.
 rīvan-, ж. р. rīvanī-; от *rī-, ср. πῖμελή.

Эти восемь примеров не исчерпывают данной слово-
 образовательной группы, которая, несомненно, была го-
 раздо продуктивнее. Ее следы обнаруживаются в темати-
 ческих формах и в отыменных глаголах: πέτευρον (πέταυρον)
 „насест“ предполагает *petē-ur, как ἄλευρον : ἄλη(φ)αρ, δέλε-
 υρα : δέλε(φ)αρ или νεῦρον : авест. snāvar-; наст. вр. ἐλάυνω, при
 ἐλάω, основано на производном *ἐλαυν-, образованном от
 *ἐλα-φαρ; κεραυνός „молния“ также возводится, вероятно,
 к *хера-φαρ; если -ц- не является корневым в гомер. ἐλεάιρω,
 при ἐλεεινός, ἐλεινός, то рядом с ἐλεος мы имеем *эле-φαρ;
 гомер. γαστήρ νεαίρη „нижняя часть живота“ основано на
 *νεί-φαρ „нижняя часть“, ср. νεί(φ)ός; гомер. λε(φ)αίνω „вы-
 равнивать, сглаживать“ и λευρός „ровный, гладкий“ сви-
 детельствуют о *лэ-φαρ; существительное ж. р. πρῶρα „нос
 (корабля)“ отражает *прωφαира и, следовательно, *прῶφαρ*
 „передняя часть“; неясное πλευρόν, πλευρά „бок, сторона“
 есть в действительности *пле-φр-р- и происходит от *плэ-
 фар,— вероятно, из *rel- „вытягивать, расширять“ (πλατός
 и т. д.), соответственно семантической связи между лат.
 lātus „бок“ и lātus „широкий“, которая является весьма
 правдоподобной. Напротив, *χρηφαρ, которое, казалось бы,
 устанавливается арк. χρηατα (Швицер, KZ, XLVI, стр. 166),
 недостоверно: Сольмсен и Френкель (Inscr. gr., стр. 4)
 читают τα χρηα τα...

Если предыдущие формы свидетельствуют о развитии
 в рамках греческого языка, то два последующих примера
 показывают, что этот тип производных имел хождение

* Такое объяснение давал уже Сольмсен, Beiträge zur griechischen
 Wortforschung, I, стр. 187 и сл.

даже за пределами хеттского, греческого и индо-иранских языков. На основе гомер. *ἄρουρα* (*ἄρο-φρα) „пахотная земля“ мы восстанавливаем абстрактное существительное *аго-цг „пахота“ или „результат вспашки“. За вычетом тематического гласного, это слово является прототипом ср.-ирл. *arbar*, род. п. *arbann* „хлеб на корню“, происходящего от *аг-цг, род. п. *аг-цен-ос (Педерсен, *Vergl. Gramm.*, I, стр. 63), и должно, собственно, означать „продукт пахоты“. В то же время элемент *-цг*-родственных форм, лат. *agrum*, кимр. *erw*, показывает нам, каким образом возникает суффикс **-цен*/**-цен-*. С другой стороны, сопоставляя гр. *σταυρός* „кол“ с лат. *staurāre*, др.-сев. *staurr* „столб“, скр. *sthā-varā-* „стоящий, стойкий“, мы извлекаем из этих сопоставлений существительное ср. п. **st(h)ā-uer-*, **st(h)ā-ur-*, образованное от основы на **-цг*-, выступающей в ст.-слав. *стави*, лит. *stovà* „пребывание, остановка“. Указывая на древность данного суффикса, эти факты вместе с тем раскрывают перед нами процесс его образования. Однако в подавляющем большинстве случаев связь с распространением **-цг*- (там, где она существует) затемнена, и мы имеем дело с суффиксом **-цен-*.

Прежде чем переходить к дальнейшему, нужно еще раз подчеркнуть то постоянство, с каким в древних производных присоединение тематического гласного влечет за собой нулевую ступень огласовки суффикса:

- авест. *snā-var* : гр. *νε-ῶρ-ου*
 авест. *miθ-war : скр. *mith-un-a-*
 гр. *ἀλή-(φ)αρ* : *ἄλε-υρ-ου*
 гр. *δέλε-(φ)αρ* : *δέλε-υρ-α*
 гр. **ἄρο-(φ)αο* : *ἄρο-υρ-α*
 гр. *πετε-φαρ : *πέτε-υρ-ου*
 хетт. *aša-war* : *aša-un-aš* (род. п.)
 хетт. *parta-war* : *parta-un-et* (твор. п.)

Впрочем, может существовать и своего рода механическая суффиксация, при которой **-о*-присоединяется прямо к **-ценг* и **-цен*; это позволяет объяснить древним

* Сохранилось только в образованиях *instaurāre*, *restaurāre*.—Прим. *перев.*

образованием на *-var/-van* санскритские существительные и прилагательные на *-vara-* и *-vana-*. Доказательство этому мы уже имели в авестийском дублете *mīdvaṇa-*, *mīdvara-* „спаренный“ (стр. 140). К этой же категории относятся скр. *īṣ-vaṛá-* „господин, владыка“, *adh-vaṛá-* „праздничная сходка“, *it-vaṛá-* „путник“, *vy-ad-vaṛá-* „грызун“, *ṣāk-vaṛá-* „могущественный“, *kár-vaṛa-* (ср. р.) „действие“; *ur-váṛī* (ж. р.) „пакля“, *saí-vaṇá-* „воинственный“, *vaḡ-vaṇá-* „болтливый“, *vaḡ-vaṇí-* „шум, звуки“ и т. д.

Отсюда ведут свое начало индо-иранские образования на *-van*, к которым относятся несколько существительных среднего рода и множество прилагательных. Связь между типом чередования **-цег/*-цеп* и образованиями на *-van* проявляется в обоих разрядах слов, о которых идет речь. Относительно существительных среднего рода достаточно вспомнить, что скр. *rárvan* „узел“ соответствует гр. *πέτραρ⁴⁸*, *snávan-* соответствует авест. *snāvar-*, а *dhánvan-* „лук“ — авест. *ḍanvar-* (с чередованием *dh- : th-*; стр. 45). У прилагательных тоже бывает чередование, поскольку женский род от форм на *-van* будет *-varī*: *yájvan-* „приносящий жертву“ : *yajvarī-*; ⁰*jítvan-* „покоряющий“ : ⁰*jítvarī* и т. д. (Уитни, § 1171 b); вторично *ṛtávan-*, ж. р. *ṛtávarī-*, *svadhávan-*, ж. р. *svadhávarī-*. Подобная картина наблюдается и в авестийском языке: ⁰*taurvan-*, ж. р. ⁰*taurvairī*; *ašāvan-*, ж. р. *ašāvairī-* (ср. *ṛtávan-*, *-varī-*). Здесь мы встречаемся с чередованием того же вида, что и в скр. *ŕ̥van-* : *ŕ̥varī-*, гр. *πίον*, *πίσιρα* „жирный, тучный“. Так как за суффиксом следует примета женского рода **-ī/уэ* (а не тематический гласный), то **-цег/-цеп* не редуцируется до нулевой ступени. Правильность соответствий подтверждает древний характер этого явления.

Теперь мы имеем все предпосылки для того, чтобы объяснить некоторые типы инфинитивов. Обычно кипр. *δῶφευαι* * приравнивают к вед. *dāvāne*. Из их сравнения видно, что в обоих случаях имело место употребление **-цеп-*, но оно происходило независимым путем; окончания здесь совпадают лишь внешне, в действительности же и то, и другое явилось результатом вторичного развития,

* Соответствует атт. *δῶφαι*, инфинитиву аориста от *δῶφαι*. — Прим. перев.

которое можно проследить для каждого языка. В греческом языке $\delta\sigma\phi\epsilon\upsilon\alpha\iota$ неотделимо от $\delta\sigma\phi\upsilon\alpha\iota$; существовали две формы суффикса, $\delta\sigma\text{-}\phi\epsilon\upsilon\text{-}$ и $\delta\sigma\text{-}\phi\upsilon\text{-}$, в чем обнаруживается известная свобода образования, плохо согласующаяся с предположением о слове, унаследованном из индоевропейской эпохи. Кроме того, параллелизм $\text{-}\epsilon\upsilon\text{: -}\epsilon\upsilon\alpha\iota$, $\text{-}\mu\epsilon\upsilon\text{: -}\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$, $\text{*}\text{-}\sigma\epsilon\upsilon\text{: -}\sigma\epsilon\upsilon\alpha\iota$ делает весьма вероятным, что $\text{-}\phi\epsilon\upsilon\alpha\iota$ дублировало форму без окончания, $\text{*}\text{-}\phi\epsilon\upsilon$; последняя, возможно, скрывается в каком-либо из инфинитивов на $\text{-}\epsilon\iota\upsilon$. Правда, фонетическая неопределенность окончания $\text{-}\epsilon\iota\upsilon$ не позволяет нам непосредственно доказать это, но, к счастью, этот пробел восполняется хеттским языком, который обладает такими супинами на -wan , как $\text{e}\check{s}\text{-wan}$ ($\text{e}\check{s}$ - „сидиться, сидеть“), $\text{tar}\check{h}\text{-wan}$ ($\text{tar}\check{h}$ - „быть сильным“ и т. д.; Стертевант, *Compar. Gramm.*, § 161 a, стр. 154),— супинами, безусловно связанными с именами действия на -war и представляющими собой не дательный падеж без суффикса (Стертевант, *цит. соч.*, § 161 b), а „неопределенный падеж“, исследованный выше в связи с местным падежом (стр. 123 и сл.). Таким образом, мы имеем основание видеть в $\text{-}\phi\epsilon\upsilon\alpha\iota$ суффикс $\text{*}\text{-}\phi\epsilon\upsilon$, распространенный посредством $\text{-}\alpha\iota$ по аналогии. Что же касается ведического языка, то в нем тоже имело место развитие исходной формы, но уже другим путем. В то время как в греческом языке инфинитив уже отличался от имени своей неизменяемостью и особым окончанием, в ведическом он еще сохранял свое родство с именем. Форма на $\text{*}\text{-van}$, которая, несомненно, соответствовала хетт. -wan и гр. $\text{*}\text{-}\phi\epsilon\upsilon$, имела функцию „неопределенного падежа“ и была способна стать инфинитивом при имени, глаголе или при целом предложении; войдя в систему именного склонения, эта форма получила наиболее обычное окончание инфинитивов, т. е. -e , присущее дательному падежу единственного числа атематических основ: инфинитив $\text{d}\check{a}\check{v}\acute{a}\check{n}\epsilon$ есть попросту дательный падеж от $\text{d}\check{a}\check{v}\acute{a}\check{n}$ - (ср. р.) „отдача“, подобного $\text{bhugv}\acute{a}\check{n}$ - „возбуждение“, $\text{turv}\acute{a}\check{n}$ - „преодоление“. В этих глагольных именах на $\text{*}\text{-}\check{c}\epsilon\check{g}/\text{*}\text{-}\check{c}\epsilon\check{p}$ мы имеем дело со сравнительно недавней нормализацией типа; по своему употреблению он остается до известной степени вне правильной флексии. Процесс нормализации завершился в истории каждого языка независимым путем.

Та же система чередований распространяется и на одну словообразовательную группу, остающуюся изолированной; речь идет об индо-иранских прилагательных на -tvana-, гр. -τῶν-, -τῶν̄ (Бругман, Grdr., II, стр. 283, и Шантрен, La formation des noms, стр. 210). Бругман уже сравнивал их с авест. mīθwana- : скр. mithunā- в смысле взаимоотношения суффиксов. После изучения типа на *-цег-/*-цен (-un-) мы можем действовать уже с большей уверенностью. Прилагательные на -tvana-, -τῶν-* обозначают обладание каким-либо качеством и, в сущности, представляют собой тематические производные от абстрактных существительных на *-ivan-, т. е. от абстрактных имен на -van, образованных от корня с распространением *-t-. Этот случай мы как раз и находим в авест. ā-staθwana-, ср. stut-, вед. stūt-. Хотя в греческом языке эта возможность определять формы, послужившие моделью, и отсутствует, можно, однако, не сомневаться в том, что отправную точку в общеиндоевропейском языке для данного образования следует искать в производных на *-цег-/*-цен-, среди которых ступень *-цен- явно преобладала.

Если бы мы опирались исключительно на показания хеттского языка, нам нелегко было бы установить, каковы были в доисторическую эпоху взаимоотношения суффиксов *-цег-/*-цен- и *-тег-/*-теп-. Стертевант (Compar. Gram., § 110 и 161) рассматривает хеттские формы на -war как простые варианты форм на -war, в принципе ограниченные положением после -u-. Представляется возможным, что, действительно, процесс диссимиляции, изменивший *-u-w- в *-u-m-, послужил причиной возникновения некоторых хеттских форм на *-m-. Но уже в общеиндоевропейском языке оба эти суффикса были вполне самостоятельными, оставаясь, впрочем, весьма близкими друг к другу вплоть до самых поздних своих производных. Поэтому мы будем считать *-тег-/*-теп- отдельным суффиксом, не отмечая тех моментов, которые связывают его с *-цег-/*-цен-.

Если брать факты хеттского языка такими, как они засвидетельствованы (с той лишь оговоркой, что в слоговой клинописи часто происходит взаимная замена -m- и -w-), то мы будем располагать несколькими примерами суффикса

* Относительно -σ- см. Швицер, Griech. Gram., стр. 272 §.

-(u)nar, образующего отглагольные абстрактные имена: arpunar „принесение“, tarnunar „оставление“ (tarnā-), warnunar „сжигание“ (warnu-), которым соответствуют в их именной функции некоторые греческие абстрактные существительные на *-nr: λῶ-μαρ „пятно“ (наряду с гомер. ἰῶμα, -ατος), при λῶμαίω; μῶ-μαρ „насмешка, порицание“. Оба эти существительные, особенно первое, засвидетельствованы поздно; однако у них есть, несомненно, древний прототип в лице τέχμαρ с его дублетом τέχμων „цель, знак“, ср. τέχμαίρω, τέχμαρσις и т. д.; какова бы ни была их этимология, мы имеем здесь корень tex-.

По примеру *-цег-/*-цеп- следует ожидать рядом с *-тег- форму *-теп-; действительно, мы располагаем подобной формой в виде богатейшего класса прилагательных и имен деятеля на *-теп-, индо-иран. -тап-, гр. -μηϋ-, -μωϋ и существительных среднего рода на *-теп-, индо-иран. -тап-, гр. -μα, лат. -теп и т. д. В ходе развития вторая из чередующихся форм решительно возобладала над первой: если бы не было слабых следов от *-тег- в хеттском и греческом языках и если бы мы не знали того постоянства, с которым выступают параллельно образования на *r и *n, мы ничего не знали бы о том, что *-теп чередуется с *-тег. Однако это несомненный факт, поскольку мы находим чередования скр. ас-тага- „каменный“ (ср. др.-сев. hamaгг „каменный молот“) и скр. ас-тап, авест. as-тап „свод“; ср. также гр. ἄχμων, лит. akmuō, ašmuō⁴⁹ и т. д.; скр. ад-тага- „пожирающий“: ádman- „пища“ и с -l-: sidh-malá- „прокаженный“: sidman- „проказа“. Отмеченное нами общее преобладание форм с -п- над формами с -г- проявилось также в соотношении между *-тег и *-теп в пользу второго. Устранение *-тег имело еще одну причину: в то время как образования на *-ег и *-тер могли давать производные на *-го- и *-тро-, при аналогичных *-по- и *-тно-, трудно представить себе, чтобы *-тег- дало формы на -рго-. Если бы последние существовали, то они быстро ассимилировались бы в *-тно-. Только такие формы на *-тно- и существуют в действительности.

Мы показываем далее (стр. 149—150), что *-тно-, из которого образовался суффикс так называемого „медиального“ причастия, первоначально имело связь с именами на *-теп-. В работе, которая ограничена областью морфологии,

мы не будем касаться семантической стороны этого вопроса. Полезнее будет, переходя к именным формам глагола, отметить, что греческий инфинитив на *-μεν, -μεναι* находит здесь свое настоящее место — на равном основании с индо-иранским инфинитивом на **-manai*. Впрочем, оговорка, сделанная относительно *δῶφεναι* = *dāvāne*, применима и к окончаниям названных выше форм: и в греческом, и в индо-иранских языках речь идет о **-men* в чистом виде, распространенном соответственно посредством *-αι* и посредством окончания дательного падежа единственного числа.

Общей для **-men* и для **-cent* чертой является их способность образовывать прилагательные на **-ment* и **-cent*, в которых *-t-* играет роль вторичного суффикса. Суффикс **-ment* мы находим только в индо-иранской группе, где он образует, преимущественно от основ на *-u-*, производные со значением обладания: скр. *mādhmant-*, авест. *mādhmant-* „богатый медом“; скр. *gomant-*, авест. *gaomant-* „богатый коровами“; скр. *agnimant* „обладающий огнем“, и т. п. Наоборот, **-cent-* был столь же продуктивен и в греческом языке: рядом с скр. *amavant-*, *vāstravant-*, *udāvant-*, авест. *astvant-*, *drāgvant-*, *ašavant-* и т. д. мы имеем гр. *χαριεις, δευδρήεις*, затем многочисленные формы на *-εις* по типу основ на *-o-*. В этом параллельном образовании есть одна особенность, поучительная с точки зрения происхождения форм. Она состоит в ясной связи между **-cent-* и **-ces-* (Бругман, *Grdr.*, II, 1, § 356): именительный падеж единственного числа мужского рода в авестийском языке был на *-vā* < **-vās* наряду с *-vas* (*-vans*): *amavā* и *θwāvās*; звательный падеж единственного числа — авест. *-ō*, вед. *-as*: скр. *ānavaś*, авест. *drvō*. Такая особенность будет понятной, если вспомнить, как часто образования на *-s-* появлялись рядом с древними именами на *-г/п* (скр. *ōjas*: авест. *aoga*; гр. *ὄδος* и *ὄδωρ*, и т. д.). Это обстоятельство служит новым подтверждением первоначальной связи индо-иран. *-van* с флексией на *-г/п-*.

Если мы поставим теперь вопрос о происхождении **-cer/*-cep* и **-mer/*-men*, то у нас сразу же должно возникнуть предположение, что **-er/*-ep-* было соединено с распространениями **-ц-* и **-п-*.

1. Прежде всего рассмотрим такую характерную форму, как вед. *dāvāne*, кипр. *δῶφευαί*. Для удобства мы рассуждали так, как если бы суффикс представлял собой *-van-*, *-φευ-*. В пределах фактов одного языка это могло удовлетворять нас. Однако, углубляясь в доисторическую эпоху, мы сталкиваемся с иным положением: здесь к **dō-*присоединяется корневой суффикс **-ц-*, хорошо известный по авест. (гат.) *dāvoī*, др.-лат. *duam*, *duim*, *purdouitu* „porricito“, лит. *dovanà* „дар“, кипр. желат. накл. *δῶφευαί* и т. д. Давний спор относительно разложения *δῶφευαί* на *δῶ-φευαί* или *δῶφ-ευαί*, который оставался бесплодным, пока его участники ограничивались сферой греческого языка и санскрита, разрешается без труда в доисторической перспективе. Следует отвергнуть не какое-нибудь одно из двух толкований, а мнимую необходимость выбора между ними: каждое из них справедливо для определенного периода.

Возможность образовать суффикс **-цег/*-цег* путем присоединения **-er/*-en* к корню, распространенному посредством *-ц-*, представилась, конечно, более чем в одном случае: скр. *sthāvarā-* „стоящий, стойкий“ содержит *-vara-* (стр. 142), но связывается в доистории с основой **sthā-ц-*, засвидетельствованной в лат. *staurāre*, гр. *σταυρῶς*, ст.-слав. *стлвити*, скр. *sthūpā-*; и.-е. **ag-цег-* „продукт пахоты, возделанная земля“ восходит к **ag-ц-*, ср. лат. *agrom* „пашня“, и т. д. Общеиндоевропейский язык использовал эту возможность шире, чем это кажется; об этом говорит одно образование, исследование которого мы откладывали до сих пор: хеттский инфинитив на *-war*. Между этим инфинитивом и абстрактными именами на *-war* обнаруживается различие, на первый взгляд сбивающее с толку: инфинитив на *-war* имеет в родительном падеже *-waš* и тем самым не участвует в склонении на **r/n*, из чего сразу же следует, что данный инфинитив создан на хеттской почве. Трудность, порожденная этим расхождением в склонении двух типов на *-war*, разрешается, если исходить из родительного падежа отглагольного имени. Окончание *-waš* — именно то, какое нормально должна получить в этом падеже хеттская основа на *-u* или *-w*; род. п. ед. ч. *tiyawaš*, имени, образованного от корня *tiya-* „помешать“, предполагает основу **tiya-w-*; а это

значит, что им.-вин. п. *tiyawaŋ* заимствовал свое -ar вторичным образом от многочисленных абстрактных имен и существительных среднего рода, которым присуще данное окончание. Следовательно, эти инфинитивы имеют в качестве основы только корень, распространенный посредством -w-; присоединение этого элемента, казавшееся случайным и относимое к фактам словаря, выступает здесь в виде настоящего словообразовательного процесса. Необходимо принимать его во внимание как в общей теории распространений, так и при исследовании некоторых существительных среднего рода на -u (стр. 114—115).

2. Для объяснения суффикса *-mer/*-men, который нужно считать самостоятельным уже для общиндоевропейского периода, мы прибегнем, как и в предыдущем случае, к помощи суффикса или распространения *-m-, известного в лат. *tremō*. Однако доказательство останется несколько неубедительным, если оно не объяснит того своеобразия, которым отличаются образования на *-men- от других прилагательных и абстрактных имен. Еще раньше было установлено (BSL, XXXIV, стр. 5 и сл.), что слова с этим суффиксом относятся к сфере субъекта и обозначают действие, в котором участвует данное лицо, состояние, в котором это лицо находится, процесс, с которым оно связано; эти слова обнаруживают особое свойство хорошо выражать понятия „медиального“ характера. Не случайно поэтому, что присоединение тематического гласного к основам на *-men-, образующим прилагательные, дало в итоге суффикс *-mno- тех причастий, которые впоследствии стали медиапассивными. В связи с этим интересно отметить тот факт, что суффикс *-em-, в видовом отношении несущий оттенок дуративности, присоединяется к корням нейтрального непереходного значения: скр. *bhramati* „волноваться“; лат. *tremō*, *dormiō*, *premo* „быть давящим“; гр. *βαίω*, *ἕδραμαι*, *κρέμαται*, *ὑρέμιζω*; вот почему понятие „возвратности“ в производных на *-m- закрепляется и даже усиливается. Тохарский язык благодаря трем глаголам: *ṣam-* „сидеть, садиться“, *luam-*, *lam-* „лежать, ложиться“ (ср. скр. *layate* „он опускается, ложится“), *stam-* „стоять, вставать“ (MSL, XIX, стр. 160) помогает постичь, каким путем и посредством каких глаголов вводится это значение. Три важнейших глагола

состояния в тохарском языке усилены суффиксом *-en-: сравнивая с тохар. stam- образования мужского или среднего рода гр. στῆμων, лат. stāmen, скр. sthāman-, гот. stoma, лит. stomiū, мы поймём ту лёгкость, с какой суффикс *-men-, *-mən- нашёл себе место среди именных производных от корней, распространённых таким способом. Ср. также хетт. tarṣā(i)- „устанавливать границы, назначать“, от *ter-m-, и абстрактные имена на *-en-, лат. ter-m-en, гр. τέρ-μ-α.

ГЛАВА VII

ПЕРЕЖИТКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА В ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВАХ

Иногда забывают, что, кроме *τέχμαρ* и *τέχμωρ*, у нас есть еще третья форма, *τέχμηρίων*; не объясняемая первыми двумя, она предполагает существительное ср. р. *τέχμηρ. Группа *τέχμαρ*, *τέχμηρ, *τέχμωρ*, с тремя степенями огласовки суффикса, имеет большое значение: в скрытом виде в ней заключен тот принцип чередования, который воспроизводится в некоторых других образованиях и, будучи соединен с изменением ударения, определяет собой параллельные ряды существительных и прилагательных.

В простейшем случае суффикс *-ep- дает существительные среднего рода на *-η типа *ἀλειφα* (стр. 123). Ступени *-o- в греческом языке соответствуют довольно многочисленные слова на -ωυ (Шантрен, *La formation des noms*, стр. 159). Не считая *χθών* „земля“, *χίωυ* „снег“, представляющих собой основы на -m-, и слов без этимологии, вроде *κέχυρωυ* „просо“, *σιγών* „челюсть“, *σχαδών* „личинка, сот“, *γείτωυ* „сосед“ и т. п., мы имеем прежде всего ряд прилагательных (частью субстантивированных) на -ωυ: *ἀηδών* „соловей“, *εἰχών* „изображение“, *ἀρηγών* „помощник“, *τρογών* „горлица“, *σταγών* „капля“, *ἀλαζών* „хвостун“. Равным образом, сюда же должны быть отнесены и *τέχτωυ* „строитель“, скр. *tákṣan-*, несмотря на корневое ударение, восходящее к корневому имени **tékr-*; ср. *gāj-* и *gājan-*. Что касается *ἄξωυ* „ось“ и *κίωυ* „столб“, то они как по интонации, так и по значению образуют особую категорию, в которой было бы напрасно искать даже малейшие признаки „одушевленности“. Атематическое название „оси“ *áks было тематизовано в санскрите, *ákṣaḥ*, и распространено посредством *-on- в греческом языке: *ἄξων*; у нас есть все основания полагать, что по сравнению с произ-

водным *aks-éi- (лат. axis, лит. asis) ákṣah и ážow представляют собой вторичное видоизменение корневого существительного среднего рода. О том же свидетельствует и место ударения в гр. *κίω*, единственным соответствием которого является арм. *siun* „колонна“; похоже на то, что здесь следует исходить из *kīs-. Судя по этим двум словам, -ω было использовано в качестве распространения баритонных корневых существительных, отличных от окситонных прилагательных. Переходя к огласовке -е-, отметим, что интонация архаического слова *ἄρση*, *ἄρρη*, эол. *ἔρση* „самец“, совпадает с интонацией скр. *vřšan* и что при гр. *ἄδη* „железа“ (м.-ж. р.; вероятно, вместо *ἄδη) латинский язык имеет существительное ср. р. *in-guen*. Наоборот, прилагательное *τέρη* „нежный, хрупкий“ заимствовало свою интонацию от древнего существительного ср. р. *τέρ* (стр. 77, 82).

Это различие выигрывает в ясности, когда мы переходим к более сложным и лучше представленным суффиксам. В образовании на *-men-/*-mon- имеются одновременно и существительные среднего рода, и прилагательные, причем нулевая ступень остается свойственной существительным среднего рода на *-mṛ: гр. *τέρμα* „предел, граница“ является параллелью к *τέρμαρ* в соответствии с чередованием *-mṛ/*-mṛ. Но параллелизм идет и дальше и закрепляется дифференцированием значения. Известно, что с огласовкой *-о- этот суффикс дает большой ряд прилагательных (имен деятеля), производных от глагольных корней и имеющих ударение на суффиксе или заимствующих его место у глагола: *ἡγεμόν* „вождь (предводительствующий)“, *κηδεμόν* „попечитель (заботящийся)“, *θηλαμόν* „сосунок (сосущий)“, *γυμόν* „знаток (знающий)“, *κλημόν* „стойкий, смелый“, *μυμόν* „помнящий“, *ἰδομόν* „знающий, опытный“, *λογμόν* „рассудительный“ и т. д. Однако мы рассмотрим отдельно группу имен на -μόν, которые, как правило, имеют в род. п. -ῶνος и обозначают предметы, части тела и местности (чаще всего эти имена не связаны с глаголами): *τέρμων* не отличается от *τέρμα*;— Шантрен (цит. соч., стр. 171) с полным основанием замечает, что в *θημόν* „куча“ (ср. *θημα*) „выбор «одушевленного» суффикса объяснить не легко“; *κεῖθμων* „тайник“ равнозначно *κεῖθμα*;— *ἄκμων*, скр. *áspan*-, связывается

с древним названием (неодушевленного рода) „камня“ (стр. 29, 146); — *τελάρῳ* „перевязь“ представляет собой название орудия (ср. *ἀσπίς*, стр. 138—139), а *πλεῖμῳ* „легкие“ — название части тела, отношение которого к лат. *pulmō* выяснено недостаточно. Во всех этих словах мы имеем лишь видоизмененные остатки типа существительных среднего рода на *-μῳ*, чередующееся с *-μα* при тех же условиях, при каких *-μῳ* чередуется с *-μαρ*. С помощью суффикса *-μῳ* первоначально образовывались слова ясно выраженного среднего рода; это видно из гр. *στῆμῳ* „ткацкая основа“ (наряду со *στῆμα*), имеющего в качестве соответствия (или перевода) латинское существительное ср. р. *stāmen*. Одна деталь показывает, что два значения *-μῳ* могут даже сосуществовать в производных от некоторых корней: из одного эсхилловского фрагмента мы знаем название орудия *ἀγρέμῳ* „копье, рогатина“, в то время как Гесихий приводит *ἀγρέμῳ ὑθρευτής* „охотник“, имя деятеля.

Способность образовывать одновременно существительные среднего рода и прилагательные подтверждается и формой на **-e-* того же суффикса (в обоих вариантах окончания *-r* и *-n*). Мы видим, что *τέχμηριῶν* восходит к существительному ср. р. **τέχμηρις*; но *-ηρι-* дает также, с тематизацией, и большое число прилагательных: *ἀνθηρός* „цветущий, юный“, *ὄσπρηρός* „быстрый“, *αἰφρηρός* „внезапный“, *μαχθηρός* „жалкий“, *ὀίνηρός* „винный“ и т. д. В небольшой группе слов на *-μη* (список см. у Шантрена, цит. соч., стр. 147) мы тоже различаем, с одной стороны, прилагательное или типичное имя деятеля *παιμήν* „пастух“, а с другой — *ὄμην* „плева“, восходящее, судя по скр. *suīman-* „связка, связь“, к **ὄμην* и представляющее собой вид абстрактного имени. От *λεῖμῳ* „мокрый луг“ к *λεμήν* „гавань“ переход, вероятно, был следующий: „сырость, болото, стоячие воды“. Наоборот, *ἀῶτήν* „дуновение ветра“ сюда не относится, поскольку оно было образовано по *ἄῶτή**.

Возьмем, наконец, прилагательные и имена деятеля на **-tor-*, имеющие в индийском языке ударение или на

* Форма женского рода, встречающаяся в эпосе, является более древней.— *Прим. перев.*

основе, или на суффиксе (Бругман, Grdr., II, 1, стр. 331), в греческом же — исключительно корневое ударение. Если даже Бругман (IF, XIX, стр. 212 и сл.) и ошибался, предполагая, что $\mu\acute{\eta}\tau\omega\rho$, $-\omega\rho\rho\varsigma$ „опытный советник“ было ранее существительным среднего рода („совет“, см. Френкель, Griech. Nom. ag., I, стр. 15), то вполне вероятно, что $-\chi\rho\acute{\iota}\tau\omega\rho$ принадлежало к классу $\tau\acute{\epsilon}\chi\mu\omega\rho$, $\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}\lambda\delta\omega\rho$ (Френкель, IF, XLII, стр. 114). Повидимому, существительное среднего рода можно предполагать в $\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$ „лодыжка“, хотя у нас нет полной уверенности в этом, поскольку этимология этого слова неясна. Во всяком случае, существование имен среднего рода с суффиксом $-\omega\rho$ вполне установлено.

Таким образом, можно считать доказанным, что греческий язык — особенно ценный архаизмом форм и сохранением качества гласного и интонации — имеет типы существительных среднего рода и прилагательных, образуемых параллельно с помощью одних и тех же суффиксов и в принципе отличающихся лишь местом ударения. Но эта система была очень рано нарушена; ударение было унифицировано, и формы одушевленного рода вытеснили или поглотили существительные среднего рода. Однако в том доисторическом состоянии, в которое позволяют нам проникнуть пережиточные элементы языка, обнаруживается замечательная симметрия, определяющая двоякое использование форм на $-r-$ и на $-n-$. И этот результат не должен нас удивлять. В конечном счете, мы просто приходим к установлению для производных на $-r-$ и $-n-$ той самой противопоставленности, которая хорошо известна для производных на $-s-$, т. е. противопоставленности скр. $\acute{a}ras-$ „дело“ : $ar\acute{a}s-$ „побуждающий“, гр. $\psi\epsilon\acute{\delta}\delta\omicron\varsigma$ „ложь“ : $\psi\epsilon\acute{\delta}\delta\acute{\eta}\varsigma$ „лжец“. Тем самым мы, с одной стороны, распространяем принцип классификации на такие образования, к каким он раньше не прилагался, а с другой — делаем вывод, что не следует торопиться с зачислением в разряд „одушевленных“ всех тех имен, которые исторически выступают в мужском или женском роде. Только в процессе самостоятельного развития отдельных языков, т. е. сравнительно поздно, значительная часть „одушевленных“ имен (если не большинство их) приобрела закрепленный за ними грамматический род.

Среди образований на -s- мы находим в греческом языке новый пример. Наряду с *-es-/*-os- встречается долгая ступень *-ēs-/*-ōs-, представленная типом на -ῶς (лат. -ōs, -or, скр. -ās-). Сюда, в частности, относятся: ἡώς „утренняя заря“ (лат. aurōra, скр. ušāh; Вакернагель—Дёбруннер, III, стр. 281 и сл.), αἰδώς „стыд“, ἰδρώς „пот“ (Шантрен, La formation des noms, стр. 422—423) — три окситонных слова одушевленного рода, значение и интонацию которых подтверждает скр. ušāh. И наоборот, сюда не относятся γέλως „смех“ и ἔρως „любовь“, образование которых было понято совершенно превратно. Мужской род этих слов послужил причиной недоразумения, которого легко было бы избежать, приняв во внимание следующие три обстоятельства: во-первых γέλως и ἔρως баритонны и имеют корневую огласовку -e-, как у существительных среднего рода; во-вторых, их склонение не установилось: наряду с сигматическим склонением у Гомера встречается тематическое, эолийского происхождения (Бехтель, Griech. Dial., I, стр. 52); γέλως, γέλωφ, γέλων, ἔρως, ἔρωφ, ἔρων, а также — довольно рано — формы на зубной: γέλωτος, ἔρωτος; наоборот, окситонные существительные ἡώς, αἰδώς удерживают сигматическое склонение без исключений; ἰδρώς у Гомера — тоже только сигматическое образование, и лишь позднее оно заимствует распространение на -τ-; в-третьих, производные от γέλως и ἔρως восходят к основе на -ας: γελαστός, ἔραστός, γελαστής, ἔραστής. Более того, глаголы γελᾶω, ἔρᾶω (гомер. ἐράομαι) образованы явно по *γέλας и *ἔρας. Поэтому мы считаем доказанным, что γέλως и ἔρως прежде были существительными среднего рода, точнее, существительными среднего рода на -ας типа τείλας (стр. 55—56); ср. дор. σελάωνᾱ и γελᾶωνᾱ, эол. σελάωνᾱ и ἔραωνᾱς. Если мы примем это, то дублиеты *ἔρας : ἔρως, *γέλας : γέλως могут легко объясняться чередованием вида τέχμαρ : τέχμωρ, *ἀπῆ : ἀπῆρ (гомер. ἦμαρ) : *ἀπῆρ (арм. awr). Связь между -ας : -ως и -αρ : -ωρ тем более несомненна, что -ας, в действительности, представляет собой видоизменение -αρ (стр. 56). Таким образом, нам становится понятной теперь причина — до сих пор неизвестная (см. Бругман—Тумб, стр. 244) — перехода этих слов в склонение на зубной согласный: поскольку в типе на -ας оказались слова со склонением на -τ-, эта особенность была

перенесена и в тип на -ως, так что γέλως, γέλωτος выступило как параллель к τέρας, τέρατος. После возникновения формы γέλως это повлекло за собой гомер. γελῶντες наподобие ἰδρῶς: ἰδρῶω*. При этом тип склонения на -τ- пополнился новыми словами: ἰδρῶς, ἰδρῶτος, а также ζῶς, ζῶτης. Благодаря более отчетливому окончанию -ως, γέλως и ἔρως вытеснили *γέλας и *ἔρας; в соседстве с ἴως, αἰδῶς они проявили тенденцию к переходу в одушевленный род, так что ἔρως развилось даже в мифологический образ. Поразительно, насколько история слова ἔρως сходна с историей лат. uerus. Греческий бог Ἔρως и римская богиня Venus являются отвлеченными понятиями, превращенными в „живые силы“ ** 50.

Здесь, следовательно, мы имеем новое доказательство того, что один и тот же суффикс образует и баритонные существительные среднего рода, и окситонные имена одушевленного рода. Кроме того, мы видим, что к типу на -ωρ относятся и формы, скрытые под видом образований на -ως, что непредвиденным образом расширяет его границы.

Рассмотрим еще один случай двойного использования суффиксального элемента, относящийся к другой области. Уже в общиндоевропейском языке составное окончание *-nt-, *-ent-/*-ont- служило для образования прилагательных и, в более специальном употреблении (от глагольных основ), для образования „причастий“. Категория „причастия“ как таковая имеет, несомненно, меньшую древность, чем это кажется, и границы ее не столь строго определены. В хеттском языке форма отглагольного прилагательного на -anza (= *-ont-s, им. п. ед. ч.) действительно выступает в роли „причастия“, с той, однако, любопытной особенностью, что его направленность противоположна направленности глагольного корня: если глагол переходный, то причастие имеет пассивное значение, и наоборот. Естественно, что причастия на -anza в боль-

* Трудно сказать, свидетельствует ли ῥέγῳ о формах *ῥέγῳς или *ῥέγῳς (ср. ῥίγες), или же оно образовано просто по аналогии с ἰδρῶω.

** И. Шмидт (Pluralbild., стр. 386) как будто правильно определил первоначальный род ἔρως, γέλως, но принял их за собирательные имена на *-ες.

шинстве своем являются пассивными (ad-, ed- „есть“; adant- „съеденный“). Это предполагает довольно свободное отношение между глаголом и отглагольным прилагательным и изменяет наше чрезмерно строгое представление о начальной фазе развития причастия, основанное на фактах других языков.

Другая особенность хеттской формы еще более подчеркивает ее неустойчивый характер: с помощью вторичного -ant мог быть образован дублет от любого прилагательного без изменения его смысла: irnala- и irnalant- „больной“, daššu- и daššuwant- „сильный“, dapiya- и dapiyant- „целый“ и т. д. Чтобы такое обобщение по аналогии могло произойти, суффикс должен был иметь не слишком четко выраженное значение. Следовательно, его нужно рассматривать только как суффикс, образующий отглагольные прилагательные, иногда вторичные прилагательные.

Но -ant- играет в хеттском языке и другую роль, совершенно несходную с первой; с его помощью от именных основ образуются собирательные имена: udnē „страна“— udneyant- „население“; tuzzi— tuzziyant- „армия“; ešhar (основа на r/n)— ešhanant- „кровь, преступное дело“; ḥamešḥ— ḥamešḥant- „весна“; wet— wetant- „год“ и т. п. (Фридрих, Staatsverträge, I, стр. 85; Стертевант, Compar. Gramm., § 171, с весьма туманным объяснением). Здесь не может быть и речи о той функции, какую -ant- выполняет у прилагательных; существенным тут является другой момент: производное на -ant от именной основы имеет значение абстрактного или собирательного имени, почти как франц. journée, année по отношению к jour, an. Кроме того, в хеттском языке нам известно и еще одно название времени года, не имеющее, однако, корневой формы: gemant-, kimant- „зима“, очевидно, сравнимое с скр. hemantá- „зима“, ср. vasantá- „весна“. Таким образом, хеттский и санскритский суффиксы находятся в связи с распространением основ *gheim- „зима“, *ces- „весна“, *cet- „год“ и т. п. посредством r/n, ср. *χαιμέριος*, *ἔαρ*. Сохраненный в атематической форме в хеттском языке, этот суффикс был распространен посредством -a- в санскрите; в германской группе мы встречаем его в названии „вечера“ *ēponto- (др.-в.-нем. *ābend*, др.-сакс.

aband) в соединении с каким-то неясным для нас корнем*.

Абстрактно-собирательное значение, которое суффикс *-ent-/*-ont- придал этим существительным, не является ни случайным, ни позднейшим, так как если в хеттском языке и в санскрите этот суффикс и служил только для словообразования, то в лувийском языке он получил грамматическую функцию. Множественное число лувийских существительных имеет примету -ant- (им. п. -anza-; Форрер, ZDMG, N. F., I, стр. 220 и сл.); уже Зоммер (Ahhijavā-Urkunden, стр. 304) ставил вопрос, не является ли эта форма множественного числа родственной хеттским собирательным именам на -nt-. Речь идет явно об одном и том же элементе, используемом весьма близкими друг другу способами. Но это сходство не ограничивается лувийско-хеттской группой: сюда же присоединяется и важнейшее из образований множественного числа имен в тохарском языке, а именно множественное число существительных среднего рода на -ntu. „Чаще, чем все до сих пор рассмотренные образования множественного числа, встречаются эти формы на -ntu... Подавляющее большинство доступных проверке случаев показывает, что данный тип множественного числа принадлежит к категории существительных среднего рода“ (Зиг — Зиглинг — Шульце, Tochar. Gramm., § 137, стр. 95). Таким образом, эта тохарская форма множественного числа не только перестает быть одинокой, но и дает в наши руки решающее свидетельство, которое объясняет нам и смысл суффикса и его распространенность: суффикс *-nt- служил для образования абстрактных и собирательных имен как раз потому, что он был средством образования существительных среднего рода. Одушевленный род хеттских собирательных имен или санскритских слов hemantāḥ, vasantāḥ представляет, следовательно, более позднюю стадию. Можно было заранее предположить, что образование абстрактных имен в таком языке, как хеттский или лувийский, где еще нет женского рода, скорее будет от-

* О названиях „вечера“ и, в частности, об арм. gişer, ст.-слав. *вечерь* и т. д., см. объяснения (часто смелые) у Петерссона, Heterokliese, стр. 232 и сл., и Шефтеловича, ZII, VI, 1928, стр. 123 и сл.

несено к среднему, чем к одушевленному роду. Доказательство этого дает нам тохарский язык.

Таким образом, оказывается, что суффикс *-ent-/*-ont-, в свою очередь, как и большинство других суффиксов, способен создавать два вида производных: существительные среднего рода и прилагательные. Исследование существительных среднего рода было трудным как из-за скудости свидетельств, так и потому, что доступные изучению примеры сильно изменились, например тип скр. *hemantá-*. Но так как существование имен среднего рода на -nt- непосредственно подтверждается тохарскими данными, то мы вправе заключить, что индоевропейское употребление *-ent-/*-ont- вполне соответствует употреблению *-en-/*-on-, *-men- и т. д. Поскольку же с помощью *-en-, *-men- образуются и существительные среднего рода, и прилагательные, а, с другой стороны, прибавление -t- не изменяет их употребления (ср. лат. -men, -mentum), можно предвидеть, что существительные среднего рода на *-nt(o)- будут существовать рядом с прилагательными на *-nt(o)- (типа лат. *sciendus*). Это и произошло в действительности.

Превращение абстрактно-собирательного *-nt- в показатель множественного числа в лувийском и тохарском языках любопытным образом напоминает судьбу *-es-, которое тоже было суффиксом прилагательных и абстрактных имен, а в немецком языке дало множественное число на -er. Из других параллелей мы можем вспомнить еще развитие иранских абстрактных имен на -šwa- и -tā-, в конечном счете давших осетинское и согдийское множественное число на -t, а также собирательные формы и формы множественного числа на -ag в кельтских и армянском языках (Педерсен, KZ, XXXIX, стр. 477 и сл.; Vergl. Gramm., II, стр. 51), восходящие, вероятно, к абстрактным именам на -r-.

ГЛАВА VIII

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ ИНФИНИТИВА

1. Греческие и ведические инфинитивы

Исследование инфинитивов на *-en- наряду с прочими следствиями влечет за собой повторную постановку вопроса об окончании -α! у греческого типа на -εγα!, -μεγα!. Давно известно, что по своему употреблению -εγα!, -μεγα! ничем не отличаются от -εγ, -μεγ. Между тем стало обычным устанавливать два различных окончания: -εγ для местного падежа и -εγα! для дательного; этот вывод символизирован избитым сопоставлением кипр. δῶφεγα! — вед. dāvāne (из последних работ см. Стертевант, Transactions of the American Philological Association, LXII, 1931, стр. 18 и сл.). Однако δῶφεγα! и dāvāne имеют различное происхождение; первая форма является простым вариантом *δῶφεγ, вторая же получила окончание дательного падежа, как и большинство индийских отглагольных имен, за которыми закрепились функция инфинитива. Между греческой и индийской формой нет ничего общего, кроме использования образования на *-en-, а это общая черта многих языков, совсем не обусловленная каким-то особым родством. Более того, предположение о „дательном падеже“ на -εγα! обосновано ничуть не лучше, чем предположение о „местном падеже“ на -εγ. Мы уже видели, что окончание *-en- обозначает „неопределенный падеж“, который синтаксически может в некоторых случаях совпадать с историческим местным падежом, но с таким же успехом выполняет роль и еще нескольких падежей (стр. 121). Что же касается дательного падежа, то как раз инфинитив и является тем единственным примером, на основании которого — с явной логической ошибкой — дательному падежу приписывается окончание *-aj, тогда как наиболее достоверные факты противоречат этому. В отношении дательного падежа все данные диалектов, сохраняющих индоевропейскую огла-

совку, свидетельствуют об окончании *-ei или *-i: кипр. Διφετ-φίλος, оск. tfeí, sífeí, paterei, др.-прус. mennei, tebei, sebei, дат. п. инфинитива на -twei, ст.-слав. каменн, съновн, хетт. дат. п. на -i, и т. д. * Двусмысленность индоиран. -e не позволяет считать его доказательством существования и.-е. *-aí, которое может быть гарантировано только греческими данными. Можно, конечно, удовольствоваться бездоказательным утверждением, будто индоевропейское склонение содержало в себе два вида дательного или местного падежа — один на *-ei, другой на *-aí, — но возможность толкования гр. -αι как падежного окончания исключена.

Поскольку все другие пути закрыты, остается лишь один способ объяснить гр. -αι — предположить, что это был подвижной и независимый элемент. Уже Мейе высказывал мнение, что -αι могло быть частицей (BSL, XXXII, стр. 192—193). Только это предположение и могло бы оправдать ту свободу, какую греческий язык обнаруживает в употреблении -εῦ или -εῦαι с тождественными функциями; нужно лишь обосновать эту точку зрения, подведя сравнительную базу под то, что является пока лишь допущением. Прежде всего призовем себе на помощь убедительный анализ, которому Турнейзен (Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure, стр. 225) подверг ведический инфинитив на -tavái, типа étavái (с двойным ударением). Здесь мы имеем дело с соположением -tave и частицы vái, так что étavái восходит к *áitavai vái. Этот анализ можно продолжить и, в свою очередь, разложить vái на части. Инфинитив на -tavái часто сопровождается частицей u (= -tavā u). Будем считать, что vái состоит из u + частица *ai, а в последовательности -tavā u мы находим удвоение звука u. Таким образом, в индийском языке мы обнаруживаем постпозитивное *aí, которое соединяется с формой инфинитива тем же способом, что и гр. -αι. С другой стороны, в литовском языке известно постпозитивное -aĩ, прибавляемое к именительному падежу единственного числа местоимений tasaĩ, šisaĩ, toksaĩ, tataĩ

* О дательном падеже единственного числа у основ на -i- и, в частности, о балтийских и славянских инфинитивах на -iĩ < -tēĩ см. Эндзелин, Lettische Grammatik, § 712 и сл., и Станг, Die Sprache des litauischen Katechismus von Mažvydas, 1929, стр. 114 и 137—138.

и т. д. Это -aī находит себе соответствие в частице -a (*-ai) армянских анафорических sa, da, na < *so-ay, *do-ay, *no-ay (Мейе, Esquisse, стр. 62, § 56). Трудно решить, следует ли присоединить сюда же греческую оптативную частицу aī (обычно aī γάρ, aī γάρ δή). Как бы то ни было, толкование конечного -aī как частицы находит подтверждение в ведическом, армянском и литовском языках. Данный элемент служил для усиления либо местоимений с указательным значением, либо инфинитивов с увещательным значением; с этим можно сравнить употребление лат. -dum в quī-dum и age-dum, гр. ἄγε δή. Кроме того, элемент -ī ведических форм на -tārī можно было бы объяснить как слабую ступень той же частицы. Выше было показано (стр. 134—135), что в этом образовании оказалось, с одной стороны, несколько имен, употребляемых как существительные, с другой — имена, бесспорно имевшие значение инфинитива. Это были формы, чередовавшиеся с -tan- персидских инфинитивов и сохранявшие ступень *-er при -eu в греческом языке. Конечное -ī хорошо объясняется как усилительная частица; оно не может быть падежным окончанием еще и потому, что это несовместимо с его долготой. Таким образом, частица *aī имела дублет *ī, тоже присоединявшийся к инфинитиву.

Если это истолкование -aī верно, то оно влияет и на оценку инфинитивов типа гр. δεῖξαι. Те инфинитивы, с которыми мы до сих пор встречались, состояли из имени, распространенного на *-er или *-en. Мы знаем, однако, что они могли быть образованы или непосредственно от корня: скр. dṛṣé, bhuvé, авест. rōi, лат. agī, или же от корня, распространенного посредством *-s-: скр. jīśé, гр. γράφαί, δεῖξαι. В последнем случае инфинитив не имел никакой связи с „аористом“, хотя в греческом языке он и был включен в систему сигматического аориста*. Сами по себе основы *ag или *deiks не были ни именными, ни глагольными и могли выступать в том или ином качестве в соответствии с фактическим употреблением и полученными окончаниями: при именном употреблении мы имеем

* О вторичном характере индоевропейского сигматического аориста см. Мейе, Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure, стр. 79 и сл.

отглагольное имя, могущее образовать инфинитив; при глагольном — форму, обычно приобретающую вид чистой основы, без суффиксов и окончаний, т. е. повелительное наклонение. Поскольку же частица *ai, несомненно, имела просто увещательное значение, ее можно было свободно присоединять к основе в обеих функциях. В силу этого такая форма, как *deiks-ai, наверное должна была служить безразлично и инфинитивом, и повелительным наклонением. Именно это мы находим в греческом языке, где δεῖξαι является одновременно и повелительным наклонением*, и инфинитивом. Было бы ошибкой утверждать первичность какой-либо из этих функций по отношению к другой; обе они в скрытом виде были включены в структуру формы. В корневых или образованных от основ на *-s- „инфинитивах“ мы имеем, так сказать, двусторонние формы, и эта изначальная двузначность имеет в основе не только недифференцированную природу корня, но и „нейтральный“ характер конечного *-ai, которое, будучи частицей, не затрагивало ни одной из двух возможностей употребления, присущих каждой корневой основе. Только при этом условии двойственность употребления становится понятной. Если бы *-ai представляло собой падежное окончание, то значение императива было бы необъяснимым.

Именно в этом состоит до сих пор никем не найденное (см. Вакернагель, Vorles. ², I, стр. 266) решение проблемы инфинитива в функции повелительного наклонения, что имеет место в индо-иранском и греческом языках. Это двойное — именное и глагольное — употребление, возможность которого была заложена в корневых формах, распространилось на формы с суффиксами *-en, *-men и т. д., т. е. на собственно именные формы. В силу этого инфинитив вообще приобрел свойство дублировать повелительное наклонение. Мы знаем, как далеко заходит это свойство и с каким постоянством любой греческий или индо-иранский инфинитив берет на себя роль императива.

* Вторично стало оно повелительным наклонением среднего залога путем присоединения конечного -αι и медиальных окончаний. Кроме того, соотношение, установившееся между δεῖξαι и εἰδειξαι, дано χεῖαι по образцу εἴχεαι и другие аористические инфинитивы того же типа.

Так, гомеровский инфинитив во многих случаях служит для выражения приказа или запрещения (Хентце, ВВ, XXVII, стр. 106 и сл.); инфинитив на *-sáni* функционирует в качестве императива (Дельбрюк, *Altind. Synt.*, стр. 216, и Ольденберг, *Noten*, II, стр. 237). Многочисленные и ясно выраженные примеры подобного употребления дают также и индо-иранские формы инфинитива на **-dhyāi* (см. наши *Infinitifs avestiques*, стр. 98). По своим синтаксическим особенностям ведический инфинитив на *-tavái*, *tavá* и оказывается родственным императиву, так как частица и выделяет в качестве относительно независимого тот член предложения, за которым она следует, ставя его в связь или противопоставляя контексту. Примечательно, что, стремясь восстановить древнейшие особенности употребления этого инфинитива, Турнейзен (*Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure*, стр. 226) использовал синтаксически независимую форму со значением, весьма близким к повелительному наклонению: *apó yahvīr asrjat sártavá* и „освободил он (неутомимую) воду; пусть же она течет“ (RV, V, 29, 2); *tám te hinvanti, tám u te mṛjanty adhvaryaṁvo, vṛṣabha, pátavá* и „его (сому) посылаем тебе и пусть Адхварья очистит тебя, о Телец! Выпить тебе придется!“ (III, 46, 5). Наконец, *ná* придает инфинитиву запретительную функцию (Дельбрюк, *Altind. Synt.*, стр. 415).

Таким образом, мы связываем это развитие с неопределенной природой корневой формы, которая в одном случае могла давать имя (>инфинитив), в другом — выражать глагольную идею в виде императива. Не будет излишне смелым, если мы попытаемся найти в этой древней двойственности объяснение той загадочной основе, от которой были образованы италийское будущее время и имперфект на *-b-*. По всей вероятности, латинское и ирландское будущее время на *-b-* возникло раньше италийского имперфекта на *-bam*, так же как формы будущего времени на *-ē-*, *-iē-* третьего и четвертого спряжений (*agēs, capiēs*) послужили образцом для соответствующих имперфектов *agēbam, capiēbam* (Штольц — Лойман, *Lat. Gramm.*, § 238 а). Некоторые исследователи придерживались прямо противоположного мнения. Однако признание первичности *-bam* или же *-bō* ничего не изменяет в вопросе об основе. Ясно лишь одно: нельзя объяснять

amātō из *amāsi bō или *amāns bō. Единственное, что заслуживает рассмотрения,— это гипотеза о своего рода инфинитиве amā, calē, audī, сопряженном с личной формой глагола *-bhū-. Такая точка зрения, подсказанная с разных сторон, становится еще более правдоподобной, если ее связать с изложенными выше соображениями. Корневая основа amā, calē, audī может быть, с одной стороны, принята за имя, и тогда она будет исходной для образования инфинитива, а с другой— за глагольную форму, и тогда она неизбежно станет повелительным наклонением.

Отнюдь не случайно основы в формах будущего времени amā-bō, calē-bō, audī-bō тождественны императивам amā, calē, audī; в единственном исключении, dā-bō (ср. dā-re) при повелительном наклонении dā, различие в количестве гласного обусловлено удлинением последнего в односложном ударяемом слове; вначале императив имел форму *dā (Зоммер, *Handb.* ², стр. 123, 539; Эрну, *Morph. hist.* ², стр. 292). Таким образом, природа исходной основы определяется с большой точностью*.

Аналогичный процесс обнаруживается и в славянском имперфекте дѣлахъ, где изменяемый элемент -ахъ- прибавляется к основе инфинитива дѣла- (Мейе — Вайан, *Le slave commun* ⁶, стр. 272) и означает примерно „я имел делать“. Правда, в славянском языке всякая связь между инфинитивом и повелительным наклонением исчезла вследствие того, что индоевропейское повелительное наклонение было заменено желательным; тем не менее структура славянского имперфекта настолько напоминает структуру латинского имперфекта, что невольно возникает предположение об одинаковом способе образования обеих форм.

Как известно, так же было образовано и прошедшее время германских слабых глаголов (гот. *salto-da*, 1 л. мн. ч. *salto-dedum*) и, возможно также, армянский имперфект типа *berei* (Мейе, *Esquisse*, стр. 95).

* Относительно аналогичного употребления императива-инфинитива в турецком и арабском языках см. Шпитцер, *BSL*, XXXV, 1934, стр. 84 и сл., и Капар, *Annales de l'Institut d'études orientales de l'Université d'Alger*, I, 1934—1935, стр. 9 и сл.

2. Латинский герундив

Нам предстоит затронуть здесь проблему герундива и происхождения итальянских форм на *-ndo-. Мы не будем входить в чрезвычайно сложные детали латинского употребления форм, которые, возможно, разъяснятся при обсуждении этого вопроса. Последующее изложение имеет целью прежде всего охарактеризовать существо спора, уточнить некоторые определения и на основе строгого описания найти элементы решения.

Современное состояние вопроса — возможно, самого спорного в латинской морфологии* — сводится к констатации нашего незнания. Мы не знаем ни того, откуда произошли итальянские формы на *-ndo-, ни того, что появилось раньше, „герундий“ или „герундив“, ни того, какое значение этого образования следует рассматривать как исконное. По общему мнению, первоначальная функция причастия на -ndus- заключалась в выражении активного или пассивного глагольного понятия без временного оттенка и идеи долженствования: *secundus* „следующий“, *origundus* „ведущий свой род (от)“, *rotundus* „круглый“ и т. д. Откуда же появились употребление в качестве страдательного причастия и представление о будущем времени или о долженствовании? Каково отношение между этим причастием и герундием, дающим просто склонение инфинитива? Те, кто исходит из простого отглагольного прилагательного (*secundus*), вынуждены прибегать к уловкам, чтобы приспособить к этому исходному положению понятие долженствования; те, кто считает первичным второе значение, должны регистрировать *secundus*, *origundus* и т. п. как необъяснимые отклонения; те же, наконец, кто хочет придерживаться фактов, довольствуются раздельным определением обоих видов употребления, не возводя их к единству.

* Наиболее существенные библиографические данные по этому вопросу можно найти у Штольца — Лоймана (Lat. Gramm., стр. 226 и сл.) и Шмальца — Гофмана (стр. 594 и сл.). Идея сравнения -ndus с -ád- в *μηνάς, βοτάνας* (Мейе, BSL, XXXIV, стр. 3; Шантрен, La formation des noms, стр. 350) положена в основу статьи Ж. Лебретона, MSL, XI, стр. 154 и сл. — Малоубедительное разложение *-ndo- на *-ent + do- без исследования значений см. Грэй, BSL, XXXV, 1934, стр. 76 и сл.

Такая неясность будет сохраняться до тех пор, пока не будет сформулировано исчерпывающее определение прилагательного на *-ndus*. Определение, данное Бреалем: „прилагательное, выражающее первоначально лишь идею действия, безразлично — активного или пассивного“, — неточно. Мы выразимся иначе: роль прилагательного на *-ndus* состоит в том, чтобы включать предшествующее имя в сферу глагольного действия как такового; оно указывает на то, что существительное есть предмет или место происходящего действия. Перейдя к рассмотрению примеров различных типов, мы увидим, что глагольное понятие выдвигается на первый план.

Res lætanda буквально значит „вещь, зависящая от факта веселья“, „вещь, связанная с фактом веселья“, следовательно, „вещь, заключающая в себе веселье“. *Opus perficiendum* означает „работу, в понятие которой входит представление о ее завершении“, „работу, предполагающую завершенность“; *historia legenda* — „рассказ, зависящий от понятия чтения, подлежащий действию чтения > для чтения“; *iūs iurandum* — „священная формула, предполагающая действие ритуального произнесения: формула для ритуального провозглашения > клятва“; *res non contemnenda* — „вещь, не связанная с фактом чьего-либо презрения > не подлежащая презрению“. В качестве сказуемого с *esse*: *delenda est Carthago* означает „Карфаген есть (город), предназначенный действию уничтожения“, „город, по отношению к которому поставлен вопрос о разрушении“, откуда „должен быть разрушен“. То же в качестве сказуемого в более сложных оборотах: *quae utenda uasa semper uicini rogant* (Плавт, *Aul.*, 96) вовсе не означает „посуда, которую соседи все время заимствуют, чтобы пользоваться ею“, как переводит Риман (*Synt.*⁷, стр. 520). Для какой же другой цели им просить посуду? Если грамматическим дополнением к *rogant* является *uasa*, то логическим дополнением служит глагольное понятие, заключенное в *utenda*: „они просят посуду, поскольку она подлежит действию использования“, т. е. „они просят разрешения на использование (τὸ χρῆσθαι) посуды“. Соответственно *dare utenda uasa* — „согласиться на использование (= действие, право использовать) посуды“. Только при этом условии можно понять

употребление *dare (rogare) aliquid utendum* в смысле „ссужать, заимствовать“. — *Dare liberos educandos* переводится: „доверять воспитание детей“, буквально „доверять детей в части, касающейся действия воспитания“; *oppidum diripiendum militibus concedere* — „разрешить солдатам грабеж (= право грабежа) города“, буквально „уступить город в качестве подлежащего действию (= праву) разграбления“; *praesesse rebus gerendis* — „председательствовать при ведении дел“, буквально „в делах, поскольку таковые подлежат ведению“; *tempus legendæ historiæ* — „время рассказа, подлежащего действию чтения“.

Из этих примеров с полной очевидностью явствует, что распространение прилагательного на *-ndus* было вызвано той же причиной, которая благоприятствовала столь широкому употреблению оборота *post urbem captam*: склонностью к пассивным конструкциям. Но отсюда следует также — и это еще важнее, — что прилагательное на *-ndus* делает пассивным отглагольное имя, тогда как прилагательное на *-tus* делает пассивным значение корня. Такая фраза, как *ante conditam condendam urbem*, лучше всего иллюстрирует это различие: *ante conditam urbem* „до построенного Рима“ равнозначно „до основания (*conditio*) Рима“, но *ante urbem condendam* „до Рима, подлежащего основанию (связанного с основанием)“ предполагает отглагольное имя, обозначающее процесс основания как таковой, т. е. инфинитив. Такое подчеркивание в прилагательном самого процесса облегчало и, так сказать, делало неизбежным развитие в нем понятия будущего времени, намерения или долженствования: отглагольное имя „съедение“ образует прилагательное, обозначающее, собственно, „связанный со съедением, подвергаемый съедению, предназначенный действию съедения“; *edendus* в данном случае обозначает „то, что будет съедено, что должно быть съедено, чему свойственно быть съеденным“ и т. д. Контекст, смотря по обстоятельствам, уточняет модальность значения. Единственное определение, которое может быть принято и с которым согласуются все оттенки, звучит так: прилагательное на *-ndus* выражает зависимость по отношению к отглагольному существительному.

Таково основное понятие, содержащееся в этом прилагательном. Идея „долженствования“ является лишь

одним из видов этого состояния зависимости по отношению к отглагольному имени, которое органически выражается прилагательным на *-ndus*. Мы настаиваем на этом определении, которое не только охватывает всю совокупность оттенков употребления данного прилагательного в роли „страдательного причастия будущего времени“, но в той же степени является пригодным и для так называемых „медиальных причастий“, типа *secundus*, *voluendus*, *oriundus*. Можно утверждать, что если проблема форм на **-ndo-* до сих пор не поддавалась разрешению, то это объясняется исключительно ошибочной оценкой значения прилагательных типа *secundus*. Неверно, будто эти прилагательные представляли собой простые причастия от глаголов среднего залога, отличаясь тем самым от страдательных причастий, вроде *amandus*, *scribendus*. Напротив, особенности их употребления подтверждают всеобщую применимость определения, данного выше.

Oriundus не равнозначно *ortus*. Между этими двумя прилагательными существует различие, о котором римляне имели ясное представление и которое отчетливо выражается в следующей фразе Тита Ливия: „*Hippocrates et Epicydes nati Carthagine, sed oriundi ab Syracusis exsule auo*“ (XXIV, 6). Мы обнаруживаем между *natus* и *oriundus* то же различие, которое разделяет французские „*né*“ и „*natif*“ (нем. „*geboren*“ и „*gebürtig*“). Литтре приводит прекрасное определение, данное Лаво: „*Natif* предполагает постоянное местожительство родителей, которое не обязательно должно быть местом рождения. Тот, кто благодаря случайности родился в той или иной местности, считается рожденным (*né*) там; тот же, кто родился в какой-либо местности, потому что отец и мать его постоянно живут там, считается происходящим (*natif*) из этой местности“. *Oriundus* переводится словом „*natif*“. Но разве *oriundus ab Athenis* в силу самого факта проживания его отца и матери именно там не был предназначен к тому, чтобы именно в Афинах появиться на свет. Местожительство его родителей в Афинах предопределяет для него в известной мере долженствование родиться в этом городе. Так, *oriundus* „подлежащий рождению“ объединяется с *delendus* „подлежащий разру-

шению“, с той лишь оговоркой, что первое происходит от непереходного, а второе — от переходного глагола. Это уточнение вносит полную ясность в стих Лукреция (II, 991): „caelesti sumus omnes semine *oriundi*“; поэт прибавляет: „omnibus ille idem pater est“. Действительно, небесное происхождение живых существ представляется не случайным; все проистекает от неба и возвращается туда, чтобы снова прийти на землю (ср. II, 999—1001); так формулирует Лукреций учение о происхождении всякой жизни. Следовательно, наше рождение вовсе не случайно. Поскольку отец вселенной пребывает на небе, все живое должно происходить от неба; судьба наша была, есть и будет в том, чтобы породиться небесным семенем: „*oriundi* sumus“; мы, так сказать, по происхождению дети неба. И когда Энний восклицает: „o pater, o genitor, o sanguen dis oriundum“, он употребляет *oriundum* в его подлинном значении, т. е. Ромул, показанный им как божество, должен был породить божественных детей.

Чтобы определить точный смысл *uoluendus*, обратимся к Вергилию, который отнюдь не безразлично употребляет *uoluens* и *uoluendus*, говоря о месяцах или о годах: „certe hinc Romanos olim *uoluentibus annis*, | hinc fore ductores“ (Aen., I, 234) „отсюда со временем пойдут вожжи римлян, когда истекнут годы“; ср.: „*triginta magnos uoluendis mensibus orbes imperio explebit*“ (I, 269—270) „он наполнит своею властью тридцать великих лет с течением месяцев“, т. е. „благодаря тому, что месяцы подвержены течению“*. Здесь не простое обстоятельство времени, как в *uolentibus annis*; в данном случае неотвратимое и правильное течение месяцев есть условие исполнения тридцати лет. Такое же толкование применимо и к *uoluenda dies en ultro attulit* (Aen., IX, 7) „(то, чего боги не осмелились тебе предложить), вот что течение дней тебе предлагает“ — день, поскольку он подвержен течению. У Энния (Ann., 386) в *clamor uoluendus per aethera uagit* оттенок в значении прилагательного, на первой взгляд несущест-

* Возможно и другое толкование этого места „Энеиды“. Ср. перевод В. Я. Брюсова: „Тридцать великих кругов, отмеченных лун оборотом, властью своею наполнит“. — Прим. перев.

венный, уточняется сходством употребления: крик звучит через пространство, по которому он, выражаясь образно, должен „катиться“, когда его как бы „бросают“ к небу.

Rotundus (*rutundus*, у Нония Марцелла 60, 8), вероятно, связано с глагольным корнем *retī (др.-ирл. *rethim*), подобным *labī*; в этом случае *rota* было бы именем действия от *retī; романские формы предполагают *retundus в соответствии с ирландской формой; *rotundus* своим -о-обязано влиянию *rota* (см. у Мейе — Эрну под словом *rota*). Особое значение прилагательного различается еще у Цицерона (*Nat. Deor.*, II, 19): *ex utraque re et mundi uolubilitas... et stellarum rotundi ambitus cognoscuntur*. Выражение *rotundi ambitus* стоит в одном ряду с абстрактным именем *uolubilitas*; *ambitus rotundus* есть „движение, подчиненное действию кругообразования (= направляемое по круговому пути)“. Вполне естественно, что вещь, отвечающая этому определению, будет „круглой“.

Двоякий смысл *secundus* имеет такое же происхождение. Известно, что *secundus* в значении „благоприятный“ связано с абсолютным употреблением *sequi* в смысле „пройти легко, не встретить сопротивления“. *Secundum flumen* означает, следовательно, „река, подверженная действию следования (своему естественному течению)*“. Метафорически, *secundae res* — „обстоятельства, в которых проявляется факт везения“, откуда „благополучие, счастье“. У Цезаря (*BG.*, VII, 58) *secundo flumine iter facere coepit* означает буквально „трогается в путь с рекой, направленной по своему природному пути (= вдоль реки)“; *secundo amni* — „по течению реки“, и т. д. — Переходя к значению „второй“, следует отметить, что *secundus*, а не *sequens* служит порядковым числительным к *duo*. *Sequenti die* и *secundo die* не одно и то же. День, называемый *sequens*, употребляется в единственном смысле: наступать позже (любой другой день), тогда как *dies*

* *Secundum* стало затем предлогом, так что *secundum flumen* значит „по течению реки“ и далее (переносно): *secundum naturam* „сообразно природе“, *secundum causam postram* „в пользу нашего дела“ и т. п. — Прим. перев.

secundus — это день, отмеченный фактом (или необходимостью) следования за предыдущим; на первом плане здесь отглагольное имя (τὸ ἑπεσθαί). Этот день неотвратимо следует за тем днем, который взят в качестве отправной точки. Положение *dies secundus* твердо установлено в исчислении; поэтому *secundus* является порядковым числительным между *primus* и *tertius*. Мы видим, что *secundus* представляет собой прилагательное от глагольного имени: „зависящий от (принадлежащий к) действия следования“ на том же основании, что и другие прилагательные на *-ndus*, образованные от переходных глаголов. Легко понять, что „действие следования“ выдвигается на первый план там, где речь идет о выражении положения предмета по отношению к предыдущему, — а в этом как раз и состоит функция порядкового числительного⁵¹.

У Варрона (L. L., VI, 3, 54) *senescendus* неправильно истолковано посредством *senescens*: *sæclum dictum a sene, quod longissimum spatium senescendorum hominum id putant*. Смысл этого предложения в том, что старость человека не может длиться свыше столетия; *spatium senescendorum hominum* переводится: „отрезок времени, который могут пройти люди, подверженные действию старения“. — Тот же автор (Августин, *Civ. dei*, XXII, 28) пишет: „...esse in renascendis hominibus quam appellant παλιγγενεσίαν Græci“. Речь здесь идет не о случайном возвращении к жизни, но о законе, который обуславливает второе рождение людей; *renascendus* означает „предназначенный действию (= долженствованию) возрождения“.

Условия, при которых появляется единственный пример *labundus*, заставляют сомневаться в его подлинности с точки зрения соответствия нормам употребления. Акций (у Нония Марцелла, X, 4; в издании Линдсея, III, стр. 811) пишет: *hac ubi curuo litore latratu | unda sub undis labunda sonit*. Поэт искал созвучия (*lab*)unda с *unda* и *undis* и выбрал данную форму скорее по ее звучанию, чем по смыслу. Хотя *labunda* само по себе и может быть объяснено наподобие *uoluendus* (вода подвержена скольжению), правильнее все же видеть здесь искусственное употребление. Во всяком случае, и в этом примере нет ничего противоречащего истолкованию предыдущих.

Нужно учесть еще сложные слова на *-bundus* (весьма вероятно, *bhūondos от **bhū-*), содержащие идею предрасположения или долженствования быть таким-то: *moribundus* „предназначенный к тому, чтобы (долженствующий) быть мертвым“. В другой работе (BSL, XXXIV, стр. 186) нами были приведены доводы в пользу того, что образование на *-cundus* во второй части сложения содержит причастие от **kū-* „увеличиваться, шириться“, параллельное *-bundus*. И здесь понятие о наклонности к чему-нибудь (*ira-cundus*, *fā-cundus*, *fē-cundus*) связано с внутренним содержанием глагольной идеи.

Прилагательные, образованные от отложительных или непереходных глаголов, в совокупности обнаруживают то же значение, какое присуще прилагательным, генетически связанным с переходными глаголами. Следует, однако, заметить, что *secundus*, *oriundus*, *uoluendus*, *rotundus* вместе со словами на *-bundus* и на *-cundus* образуют явно более архаическую группу, чем причастия типа *amandus*. Благодаря самому факту большей древности *rotundus* и *secundus* оказываются выключенными из глагольной системы и ограниченными ролью простых прилагательных; составные слова на *-bundus* и *-cundus* также восходят к древнейшим слоям языка. Здесь мы имеем первые примеры образования на *-ndus*. Надо полагать, что истоками этого образования являются отложительные глаголы непереходного значения, вроде *otior*, *sequor*, *retor (стр. 171), возможно, *labor*, а затем оно распространилось и на переходные отложительные глаголы (*utor*). Параллельно и в силу общности значения глаголы из активной группы, допускаящие непереходное употребление (*uoluō*), облегчали обобщение значения *-ndus* в действительном залоге всех спряжений.

Итак, во всех случаях своего употребления прилагательные на *-ndus* представляют собой единое образование. Роль суффикса **-ndo-* состоит в том, чтобы создавать прилагательное к отглагольному имени. Различие между *secundus* и *repetundus* зависит исключительно от природы глагола и неодинаковой древности прилагательного, а не от различия функций.

Теперь мы можем продолжить наш анализ. Будучи прилагательными от отглагольных имен, производные на

-ndus определяются как прилагательные принадлежности. Думается, что рассмотренных примеров достаточно для того, чтобы сделать этот факт несомненным. Так как понятие принадлежности выражается или прилагательным, или родительным падежом, то для обозначения зависимости от отглагольного имени можно использовать либо производное прилагательное (герундив), либо непосредственно родительный падеж отглагольного имени (герундий). Иными словами, у нас нет больше оснований приписывать первичность либо прилагательному на -ndus, либо герундию и затем разыскивать способ, с помощью которого одно из них могло породить другое. „Герундив“ и „герундий“ были в одно и то же время образованы от отглагольного имени и теоретически выполняли одинаковую роль: *uir occidendus* „человек, зависящий от действия убийства“ равнозначно **ἀνὴρ τοῦ φονεύειν*; *urbs condenda* — **πόλις τοῦ κτίζειν*. Правда, мы знаем, что родительный падеж герундия имеет в латинском языке весьма ограниченное употребление и что ему могут предшествовать лишь абстрактные существительные — *coria*, *potestas*, *locus* и т. п. (Шмальц—Гофман, стр. 597, § 178, I A). Но если исходить, как это делаем мы, из глаголов среднего залога, то ничто не препятствует допустить, что *uir oriundus* в доисторический период имело смысловой эквивалент *uir oriundi **ἀνὴρ τοῦ γερονύειν*“; несомненно, что именно такая возможность внушила Плавту создание искусственной формы от переходного глагола *edundi exercitus* (Сарт., 153), буквально „армия съедания, принадлежащая съеданию“ (= роль которой — съедать). Равным образом, если с глаголом среднего залога *fabulari* можно сказать: *sermone* (вин. п. мн. ч.) *fabulandi* (Рцен., 34) „разговоры, принадлежащие к действию ведения (их)“ (= разговоры для ведения), то в том же смысле можно было употребить и *sermo fabulandus. И все же различие между переходным и непереходным значениями в отглагольном имени, допускаям оба эти значения, было не очень устойчивым. Можно думать, что латинский язык и — насколько это известно — вообще италийские языки утратили эту двойственность начиная с того момента, когда оказалось возможным получать от любого глагола прилагательное на -ndus и когда у переходных глаголов

установилось различие между пассивным „герундивом“ и активным „герундием“. В противоположность этому кельтские языки могли употреблять при одушевленном подлежащем родительный падеж инфинитива в примененной функции, как, например, в др.-ирл. *fer dénma bairgine* „человек для делания хлеба“*, причем этот оборот, повидимому, не был свойством глаголов с медиальным значением.

В подтверждение идеи об одновременном происхождении прилагательного на *-ndus* и герундия от отглагольного имени привлечем параллельные факты индо-иранских и греческого языков. Выше (стр. 98—99) мы настаивали на определенно глагольном значении абстрактных имен на **-tu-*. Весьма интересно, что прилагательные, производные от этих абстрактных имен, именно благодаря подчеркиванию глагольного характера имени и в силу выдвигания на первый план понятия о процессе, развились в страдательные причастия будущего времени или в прилагательные долженствования: скр. *hántu-* „действие убивания“: *hántva-* „occidendus“; гр. *γραπτός* : *γραπτέος*; *φραστός* : *φραστέος*. В санскрите же абстрактные имена на **-tu-* дают отглагольные существительные (род. п. *-toḥ*, дат. п. *-tave*, вин. п. *-tum*), представляющие собой инфинитивы. Однотипное развитие породило, с одной стороны, скр. *hántva-* : *hántoḥ*, *hántum*, с другой — лат. *delendus* : *delendi*, *delendum*. Сходным образом в немецком языке, в обороте, соответствующем герундиву: „eine *zu erzählende* Geschichte“, прилагательное вторично образовано от инфинитива *zu erzählen*; в армянском языке *bereli* „долженствующий быть принесенным“ является прилагательным на **-iḡo-* от инфинитива *berel*. Таким образом, образование на *-ndus* находит отныне себе место среди целого ряда примеров аналогичного развития, теряя свой исключительный характер и становясь частью эволюции, отправная точка которой всегда содержится в отглагольном имени.

Теперь мы подошли к рассмотрению самой формы суффикса **-ndo-*, с помощью которого устанавливаются склонение и словопроизводство отглагольного имени. Судя

---

* Об этой конструкции см. у Вандриеса (MSL, XVI, стр. 247), который тоже приходит, хотя и иным путем, к мысли (стр. 255) об общем происхождении герундия и прилагательных на *-ndus*.

по параллелизму *-ent-, *-ont- и *-endo-, *-ondo-, данные суффиксы должны быть расчленены на *-e/on-t- и *-e/on-do-. В обоих причастиях мы имеем производное на *-en-, распространенное соответственно посредством *-t- и *-do-. Это италийское *-do- отождествляется с суффиксом умбр. *kalersu, kaleřuf*, лат. *callidus* и латинских прилагательных на -(i)duš, производных от непереходных глаголов: *tepidus, placidus, acidus* и т. д. Вспомнив теперь, что древнейшие отглагольные прилагательные на -ndus связаны с глаголами среднего залога и непереходными глаголами (стр. 173), мы поймем, что *uoluendus* и *tepidus* объединяются общим для них значением состояния; разница только в том, что *tepidus* образовано прямо от корня, тогда как *uoluendus* восходит к производному на *-en-; первое из них просто выражает глагольное понятие, второе же подчеркивает субстантивированный характер глагольного понятия. На более поздней стадии это различие иллюстрируется отношением между *timidus* и *timendus*.

В итоге после выделения *-do- из суффикса -ndus остается глагольная основа, распространенная посредством *-en-/*-on-, т. е. образование, равнозначное известному в греческом языке в виде инфинитива на -εν. Способность образовывать производные на *-en- от именных или глагольных основ так же подтверждается в латинском языке, как и в индо-иранских, греческом или германских (инфинитивы на *-оно-). Однако в общем формы производных на *-en-, когда с их помощью образуется склонение корневого имени, оказывают на это имя воздействие: возникает тенденция придавать корневому имени в именительном-винительном падеже особое окончание, противопоставляющее его формам на *-en-; вот почему *-er избирается часто в качестве отличительного признака именительного-винительного падежа. Так, например, первоначальное отношение *ud : *ud-en- усилено в *ud-er : *ud-en-. Абстрактное имя этого типа нам известно в *i-ter/ten-*. Применяя это положение к италийским отглагольным именам, мы приходим к объяснению наряду с герундием на *-en- медиопассивных инфинитивов на -ier*. Так

---

* Другие гипотезы см. Зоммер, *Handb.* 2, стр. 594, и Штольц--Лойман, *Lat. Gram.*, стр. 328.

же находим мы суффикс *-er и в (неправильном при любом ином понимании) инфинитиве *fīerī*, который в древнелатинском языке имел активное окончание: *fīere*. Колебание между *fīerī* и *fīere*, понятное у глагола с таким значением, со всей очевидностью указывает на отглагольное имя **fīer*, нормализованное впоследствии посредством -ere, -erī (*fīere*:*fīerem* по аналогии с *agere*:*agerem*), причем в данном случае -er содержит *r, а не *s. Такое отглагольное имя непереходного значения, как **fī-er*, теоретически способно было дать производное **fī-e/on-dos*, поскольку первые отглагольные прилагательные на -ndus происходили как раз от глаголов среднего залога. Непереходность *fīō*, с одной стороны, и звуковое совпадение суффикса *-er с медиопассивным глагольным окончанием на -r — с другой, имели общим результатом то, что **fī-er* „действие становления“ стало осознаваться как специфически медиальное или непереходное. По этой причине конечное -er, как самая выразительная примета медиопассива, было перенесено в инфинитивы, уже содержащие элемент -ī: *loquī* > *loquier*; *dīcī* > *dīcier*; *ferrī* > *ferrier*. По аналогии с этим инфинитивы на -rī, восходящее к **-sei**, получили такое же окончание: *suspīcārī* > *suspīcārier*; *uidērī* > *uidērier*; *opperīrī* > *opperīrier*. Эта гипотеза охватывает, повидимому, всю совокупность фактов и приемлемым образом связывает их с образованием на *-ndo-. Теоретическая модель **fī-er*:**fī-en-* „становление“ в точности согласуется с н.-е. **ūdh-er*:**ūdh-en-* „вздутие, припухлость“ (> „вымя“), лат. *ūber*, или с **i-ter*:**i-ten-* „хождение“, лат. *iter*, *itin(er)is*.

---

* *raκαrī* в надписи из Дуэноса слишком ненадежно, чтобы предполагать древнее r.

ГЛАВА IX

ОЧЕРК ТЕОРИИ КОРНЯ

Все рассмотренные нами ряды фактов последовательно и с разных сторон приводят нас к признанию структурного сходства между существительными среднего рода и прилагательными, а также закономерных чередований между ними. В свою очередь, эти именные формы, восстановленные в их древнейшем состоянии, раскрывают принципы, из которых, после того как мы их определим, сопоставим и сгруппируем, образуется теория индоевропейского корня.

То, чему до сих пор нас учили по вопросу о природе и разновидностях корня, в действительности представляет собой разнохарактерную смесь эмпирических понятий, предварительных допущений, архаических и поздних форм, а в целом — путаницу, в которой невозможно разобраться. В трудах по этому вопросу мы найдем односложные (*-bher-) и двусложные (*g^ueiǵ-) корни; корни двухбуквенные (*dō-), трехбуквенные (*per-), четырехбуквенные (*leuk-), пятибуквенные (*sneiǵ^uh-); корни с простым гласным (*men-) и с дифтонгом (*reiǵ-); с начальным гласным (*ar-) и с конечным (*rō-); с долгой огласовкой (*sēd-) и с нулевой (*dhək-)⁵²; с долгим дифтонгом (*srēiǵ-) и с кратким (*bheudh-), с суффиксом, с распространением и т. д.

Тщетной была бы попытка обосновать или даже полностью перечислить все типы корня, приписываемые индоевропейскому языку. Многословие рассуждений выдавало неопределенность теории. Нельзя добиться восстановления индоевропейского состояния ни путем нагромождения различных индоевропейских форм одной из глагольных основ, ни путем перенесения в доисторию какой-либо частной черты исторически засвидетельствованного языка. Нужно попытаться отыскать путем широких сопоставлений

исходную систему в ее простейшем виде и затем посмотреть, какие закономерности изменяют соотношение ее элементов. Именно к этому мы и будем стремиться. Поскольку существо проблемы заключается в определении структуры форм, мы не будем, как правило, останавливаться на вопросах „значимости“, „вида“ и т. п. Если определение корня, к которому мы придем, окажется пригодным, то понятия „значимости“ и „вида“ корня получат морфологическое обоснование, которого у них пока еще нет; только тогда изучение этих вопросов снова станет своевременным.

Мы постоянно будем применять термины „суффикс“ и „распространение“, хотя один и тот же элемент может быть и тем и другим. Мы отличаем суффикс от распространения чисто формально: суффикс характеризуется своей чередующейся формой (-et-/-t-, -en-/-n-, -ek-/-k- и т. д.); распространение же, не имея чередования, состоит из одного согласного (-t-, -n-, -k- и т. д.). Это различие, будучи чрезвычайно важным, заменит собой понятие „определителя корня“ („Wurzeldeterminativ“), применявшееся весьма непродуктивно.

Предпосылкой всех индоевропейских реконструкций явилось гениальное открытие Ф. Соссюром консонантного характера фонемы э. Признанная и развитая дальше Мёллером, Педерсеном и Кюни, эта теория может считаться сегодня твердо установленной благодаря пронизательности Куриловича, сумевшего распознать в хеттском ḫ две из трех разновидностей и.-е. э *.

Мы полагаем, следовательно, известным и принятым, что е, а, о (не являющееся аблаутным вариантом е) и ē, ā, ō отражают е с предшествующим или последующим ḫ в одной из его трех форм, а именно: $\text{ḫ}_1 + e = e$; $\text{ḫ}_2 + e = a$, $\text{ḫ}_3 + e = o$; $e + \text{ḫ}_1 = \bar{e}$, $e + \text{ḫ}_2 = \bar{a}$, $e + \text{ḫ}_3 = \bar{o}$. Эти три разновидности э оставили след в хеттском языке. Курилович нашел его для ḫ_2 и ḫ_3 , дающих хетт. ḫ : ср. $\text{ḫanti} = \text{гр. } \alpha\upsilon\tau\acute{\iota}$; $\text{ḫaštai} = \text{гр. } \delta\alpha\tau\acute{\epsilon}\sigma\upsilon$. Но ḫ_1 тоже представлено в хеттском

* Курилович, *Symbolae Rozwadowski*, I, 1927, стр. 95—104. Мы воспользовались этой статьей, приняв, однако, не все ее положения. Впрочем, Курилович и не касается проблемы корня, составляющей главный предмет следующих ниже страниц⁵³.

языке: в то время как перед гласным оно исчезает, перед согласным в начале слова дает а : * $\text{a}_1\text{es-}$ > $\text{e}\check{\text{s}}\text{-(zi)}$ „он есть“ : * $\text{a}_1\text{s-(onti)}$ > $\text{a}\check{\text{s}}\text{-(anzi)}$ „они суть“ ; * $\text{a}_1\text{ep-}$ > ep-(zi) „он берет“ : * $\text{a}_1\text{p-}$ > ap-(anzi) „они берут“ ; * $\text{a}_1\text{ed-}$ > ed- „есть, съедать“ : * $\text{a}_1\text{d-}$ > ad-(anzi) „они едят“ ; ср. azzik < * ad-sk- < * $\text{a}_1\text{d-sk-}$ „объедаться“.

Таким путем становится возможным восстановить индоевропейские корневые основы в их истинном виде, разлагая начальные и конечные гласные: * ed- возводится к * $\text{a}_2\text{ed-}$, ср. * sed- ; * ag- к * $\text{a}_2\text{eg-}$, ср. * teg- ; * ok- к * $\text{a}_3\text{ek-}$, ср. * sek- ; * dhē- к * $\text{dhēa}_1\text{-}$, ср. * dher- ; * bhā- к * $\text{bhe}\check{\text{a}}_2\text{-}$, ср. * bher- ; * rō- к * $\text{re}\check{\text{a}}_3\text{-}$, ср. * pet- . Таково то единственное символическое изображение, которое соответствует фонетическому составу корня. Это значит, что нам надлежит установить принципиальное различие между двумя видами индоевропейских долгих гласных: одни из них возникают при доисторическом стяжении * e с разновидностями * a , другие являются следствием аблаута⁵¹. Первые имеют чисто фонетическую природу; у вторых — морфологическое значение. Для корня * rō- „пить“ в такой же мере невозможно чередование с * rā- или с * rē- , как для * bher- невозможно чередование с * bhed- или с * bhes- , потому что * rō- восходит к * $\text{re}\check{\text{a}}_3\text{-}$, тогда как * rā- и * rē- возводятся к * $\text{re}\check{\text{a}}_2\text{-}$ и * $\text{re}\check{\text{a}}_1\text{-}$. Напротив, * dōk- имеет долгое $\bar{o}$, чередующееся с * o/e . Фонема a ведет себя во всех отношениях как сонант в его гласной или консонантной форме. В морфологии она играет точно такую же роль, что и $\bar{i}$, $\bar{u}$, $\bar{r}$, $\bar{n}$ и т. д., и может служить либо распространением (a), либо суффиксом ($-\text{ea}/-\text{a}$).

Теперь, когда установлена истинная природа звука a и его функции, мы располагаем средством для правильной оценки класса „двусложных“ корней (set)*. Так принято именовать корни, оканчивающиеся на $\bar{a}$, $\bar{e}$, $\bar{o}$, которые чередуются с a : тип * $\text{ter}\bar{a}/\text{trē-}$, * $\text{g}^{\text{h}}\text{e}\bar{a}/\text{g}^{\text{h}}\bar{e}$ и т. п. С описательной точки зрения, это определение точно. Ошибка состоит в допущении наличия здесь особого вида корней; неправильно и то, что ради этого мнимого исключения создаются без оснований к этому новые категории.

* Set — распространенное в санскритоведении и компаративистике условное обозначение „двусложных“ корней. — Прим. перев.

Корней, которые были бы „двусложными“, нет, поскольку всякий корень может стать таковым. Разобрав в одной из предыдущих глав (стр. 78 и сл.) чередование *dēiц- : dīéц-, *dérц- : dréц-, мы тем самым сформулировали принцип, определяющий корневые чередования. Элемент *-ц-/*-ец- является суффиксальным. Он присоединяется к корню таким образом, что ударяемой полной ступени корня соответствует нулевая ступень суффикса, и наоборот. Поэтому корень *dér- с суффиксом *-ц-/ец- может выступать в двух видах: *dér-ц- : *dr-éц-. От корня *deǵ- имеем *dēǵ-ц- : *dǵ-éц-. Фактически все корни подчиняются этому принципу. Противоположение лит. *peršù* и лат. *precō* можно объяснить, исходя из корня *per- с заднеязычным суффиксом, по схеме: I *pér-k- : II *pr-ék-. Соответствие гр. *φέρων* — *ρίζω* предполагает суффикс *-g-/eg-, присоединенный к корню *цег- так, что I *цér-g- (*φέρων*) противостоит II *цr-ég- (*ρίζω*). Суффиксальное чередование *-ц-/ец-, *-k-/ек-, *-g-/eg- в точности воспроизводится в *э/ē, поскольку ē разлагается на *еэ. Мнимая характеристика „двусложных“ корней в действительности представляет собой такой же суффикс, как и все предыдущие. В *g^ueǵ- : *g^uǵe- нужно выделить суффикс *-э₁-/еэ₁- и установить *g^uéǵ-э₁- : *g^uǵǵ-ээ₁-, что во всех отношениях сравнимо с *g^héǵ-m- (скр. *hém-an-*) : *g^hǵǵ-эм- (лат. *hiems*). Следовательно, „двусложные“ корни представляют собой обычные корни, но снабженные суффиксом. Приводимая ниже таблица убедительно показывает, что „двусложный“ корень ведет себя так же, как и любой другой корень с суффиксом. Состояние „ударяемая полная ступень корня + нулевая ступень суффикса“ мы будем называть основой I, а состояние „нулевая ступень корня + ударяемая полная ступень суффикса“ — основой II.

ОСНОВА I

ОСНОВА II

*цér-g- (гр. <i>φέρων</i>)	: *цr-ég- (гр. <i>ρίζω</i>)
*pér-k- (лит. <i>peršù</i>)	: *pr-ék- (лат. <i>prec-</i>)
*sér-ц- (лат. <i>seru</i>)	: *sr-éц- (скр. <i>sráv-</i>)
*sén-ц- (ср. др.-в.-нем. <i>senawa</i>)	: *sn-éц- (гр. <i>νεῦρον</i>)
*tér-m- (гр. <i>τέρμα</i>)	: *tr-ém- (др.-исл. <i>þrómr</i>)
*tér-э ₁ - (ср. гр. <i>τέρετρον</i>)	: *tr-ээ ₁ - (гр. <i>τήρω</i>)

*tér-ə₂- (хетт. tarḥ-)	: *tr-éə₂- (лат. -trāre, trans)
*pél-ə₂- (хетт. palḥ-)	: *pl-éə₂- (лат. planus)
*gén-ə₁ (гр. γενε-)	: *gn-éə₁- (гр. γενη-)
*gén-ə₃ (лит. žén-klas)	: *gn-éə₃ (ст.-слав. знати*)
*tér-ū- (скр. taru-tā)	: *tr-éū- (гот. -þriutan)
*g ^u ér-bh- (скр. gārbh-aḥ)	: *g ^u r-ébh- (гр. βρέφας)
*uér-s- (скр. varṣ-a-)	: *ur-és- (др.-ирл. frass)
*ə₂ér-k- (хетт. ḥark- „иметь“)	: *ə₂r-ék- (лит. rak-)
*ə₂ér-g- (хетт. ḥark-, гр. ἀργ-)	: *ə₂r-ég- (скр. raj-atām)
*ə́əц-d- (авест. aoda- „источ- ник“)	: *əц-éd (арм. get, ср. гот. watō)
*ə́én-bh- (скр. āmbha-)	: *ə́n-ébh- (гр. ἄεφας)
*pét-r- (скр. pátra-)	: *pt-ér- (гр. πτερών)

Таким образом, то, что именуется „двусложным корнем“, представляет собой состояние, в котором может находиться любой корень и в котором фактически и находится бóльшая часть их, когда они получают суффикс. Следовательно, всякий корень допускает суффиксацию. Открытие „двусложных корней“ оказалось частичным предвидением постоянного свойства всех корней, плодом правильной, но неполной интуиции. Ф. Соссюр был прав, полагая, что *g^uje- является формой, чередующейся с „*g^uejə-“, но он ошибался, считая, что мы имеем здесь дело с особой разновидностью корней, и допуская корневой характер -ə/-ē-. Традиционное написание *g^uejə-, *terə- должно быть, следовательно, заменено написанием *g^uej-ə₁-, *ter-ə₁-; корень здесь не четырехбуквенный, а трехбуквенный, и элемент ə не является ни постоянным, ни характерным для корня: это такой же суффикс, как и любой другой. Все своеобразие „двусложных“ корней исчезает в общей системе, где каждый корень может иметь „второй слог“ в виде суффикса**.

* Слав. а восходит здесь к и.-е. ō. — *Прим. перев.*

** Сведущий читатель заметит всю глубину расхождения между нашими взглядами и взглядами Хирта, выраженными в его книге „Ablaut“; символом последних служат такие восстановления, как „pelā“ (стр. 47). Хирт до такой степени оказался пленником идеи двусложности корней, что дошел до предположения, будто односложных основ вообще не было (см. конец § 65). В системе Хирта сохраняется все разнообразие корней, поскольку объяснить его эта система не может; мы же приходим к единой и устойчивой схеме, основанной на односложности корня (см. ниже).

Повидимому, труднее всего установить это противоположение в корнях с начальным гласным, точнее, в корнях, начинающихся с *э*, поскольку в основе II (корень в нулевой степени) *э* перед согласным должно выпадать. К счастью, греческий язык выступает здесь с чрезвычайно ценным подтверждением: в состоянии II корня наши три разновидности *э* сохраняются перед согласным в виде трех „протетических“ гласных *ε*, *α*, *ο*, тогда как в других диалектах от них не осталось никакого следа⁵⁵.

ОСНОВА I

ОСНОВА II

* <i>э</i> ₁ ép-ц- (арм. inn)	:	* <i>э</i> ₁ n-éц- (гр. ἐν(ν)έφα; скр. náva)
* <i>э</i> ₁ ép-k- (ср. гр. ἔγκος)	:	* <i>э</i> ₁ n-ék- (гр. ἐνεκ-)
* <i>э</i> ₂ éц-g- (лат. aug-)	:	* <i>э</i> ₂ ц-ég- (гр. ἀφέζω; скр. vákṣ-)
* <i>э</i> ₂ él-g- (гр. ἄλγος)	:	* <i>э</i> ₂ l-ég- (гр. ἀλέγω; др.-исл. lákr)
* <i>э</i> ₂ él-k- (гр. ἄλκ-)	:	* <i>э</i> ₂ l-ék- (гр. ἀλέξω; скр. rak(ṣ)-)
* <i>э</i> ₃ ér-g- (гр. ἔργον)	:	* <i>э</i> ₃ r-ég- (гр. ἔργω; лат. reg-)
* <i>э</i> ₃ él-k- (гр. ἔλκ-)	:	* <i>э</i> ₃ l-ék- (гр. ἔλεξω)
* <i>э</i> ₃ én-й- (—)	:	* <i>э</i> ₃ n-éj- (гр. ἔνει-δος, арм. anicanem)

Следовательно, „протетический гласный“ греческого и армянского языков имеет, по крайней мере отчасти, морфологическое обоснование — отражение начального предсогласного *э* в состоянии II корня, имеющего суффикс.

Индоевропейская глагольная основа характеризуется сосуществованием состояний I и II, а мы уже видели, что каждый корень может получить суффикс. К этому нужно теперь добавить: корень может получить только один суффикс. В глагольной основе может содержаться один суффикс и одно распространение, но не два суффикса и не суффикс с двумя распространениями. Пусть дан корень *цег- и суффикс -g-: имеем I *цér-g-, II *цг-ég-; возможно и образование с распространением -ц- или -й-: II *цг-ég-ц-, *цг-ég-й-. Однако глагольных основ цг-ег-ец, цг-ег-ей- не существовало⁵⁶. От корня *der- с суффиксом -k- получаем I *dér-k-, II dr-ék- и с распространением -s-: *dreks- (скр. drakṣ-), но ни в коем случае не *drekes-. От *per образуется I *pér-k-, II *pr-ék- и *pr-ék-s- (скр. prákṣ-), но отнюдь не *pr-ek-es-.

Другими словами, при образовании глагольной основы корень в состоянии II допускает сверх суффикса лишь один добавочный элемент. Если к корню прибавлены два элемента, один из них неизбежно будет иметь полную огласовку (суффикс), другой — нулевую (распространение). Таким образом, допускается **pr-ék-s-*, но не **pr-k-s-* и не **pr-ék-es-*. Это значит, что, во-первых, из двух или трех морфологических элементов, следующих друг за другом, только один может получить полную огласовку; во-вторых, двух элементов в нулевой ступени, прибавленных к корню, быть не может. В состоянии II, при нулевой огласовке корня, суффикс имеет полную ступень: **pr-ék-*; если присоединяется новый элемент, то он будет в нулевой ступени и тем самым окажется распространением: **pr-ék-s-*.

Что же получается в состоянии I? Полная ступень огласовки корня обуславливает нулевую огласовку суффикса: **prék-k-*; прибавить же к нему второй элемент нельзя ни в нулевой ступени (т. е. в виде распространения), поскольку два последовательных элемента с нулевой огласовкой внутри одного морфологического ряда невозможны, ни в полной ступени (т. е. в виде суффикса), потому что из трех элементов лишь один может получить полную огласовку, а она уже есть у корня. Из этого вытекает, что основа в состоянии I не допускает распространения; она может иметь его только в состоянии II. У корня **per-* с суффиксом *-k-* единственно возможным состоянием I будет **per-k-* (лит. *peršù*); ни *per-ek-*, ни *per-k-s-* не существуют, но II *pr-ék-* допускает **pr-ék-s-* (скр. *prákš-*). Корень **pel-* „наполнять“ дает I **pel-ə₁-* : II **pl-eə₁-* (лат. *plē-*). Глагольная основа I *pel-ə₁-dh-* невозможна, но II **pl-éə₁-dh-* засвидетельствовано в гр. *πλήθ-ω*. Корень **dej-* „сиять“ имеет суффикс *-t-*: I **déj-t-* : II **dj-éu-*; прибавление к корню распространения *-t-* возможно только в состоянии II: **dj-éu-t-*, вед. *dyót-ate*; форма же *dej-t-* исключается*.

* Эти закономерности действуют исключительно у глагольных основ. Далее мы покажем, что именн. основы характеризуются как раз вторым распространением, прибавленным к основе, уже получившей суффикс и первое распространение.

Различие между основами I и II определяется, таким образом, не только соответствующим состоянием корня и суффикса, но также невозможностью для основы I и возможностью для основы II получить распространение. Этот принцип имеет следствием, что корень, допускающий только распространения, в действительности является основой II. Исходя из того, что *plē- (по исключении вторичных суффиксов) имеет только распространение, -dh- (πλήθ-θ-), -r- (πλήρ-ρ-) и т. п., можно признать в нем основу II *pl-éа, и восстановить основу *pél-э₁-, что и подтверждается сравнением. Равным образом, *plek- (лат. du-plex, im-plexō) оказывается основой II, поскольку здесь имеется только распространение (plex-t-ō), суффиксов же нет. Поэтому от корня *pel- (гр. πῆλος, лат. -plus) мы принимаем II *pl-ék- и, далее, I *pél-k-. Таким образом, для того, чтобы определить корень, нужно или располагать двумя основами, или восстановить отсутствующую основу по засвидетельствованной. Мы видим, как было бы ошибочно возводить гр. πῆλοϋ к „корню“ *plek-, в то время как сформулированный выше принцип позволяет, если бы даже не было -plus, -πῆλος, установить подлинную сущность plek- как глагольной основы II.

Пользуясь этим принципом, мы найдем, что множество так называемых „корней“ являются в действительности основами II вне зависимости от того, сохранилось ли здесь только это состояние II, или же от того, что у существующей основы I нет больше видимой связи с основой II. В результате обнаруживаются мнимые корни, кажущиеся дублеты или просто неясности. Ниже мы даем целый список таких примеров начиная с самых простых.

Тот факт, что при *pek- „нанести ущерб, погубить“ мы находим распространения на -i- (скр. pácy-a-), -s- (тохар. paks-, лат. поха) и -t- (гр. πέχ-τ-αρ), но ни одного суффикса, показывает, что эта основа уже содержит суффикс *-ek- и что сам корень представлен начальным п-, т. е. *эп-. Полагая здесь налицо основу II *эп-ék-, мы выводим отсюда основу I *эép-k-. Это рассуждение приводит нас к верному решению, поскольку *эép-k- (в действительности, *э₂ép-k-) оказывается представленным в хетт. ḫenk-an „немишуемая смерть“, кельт. *ank- (др.-ирл.

ёс, кимр. *angeu* „смерть“, гр. **ank-* (*ἀν-αγκη-ή*)*. Все элементы структуры (ступень огласовки, качество гласного, ударение) содержатся и согласуются в двучлене I **э₂ép-k-* : II **э₂n-ék-*, в основе которого лежит корень **э₂en-*. На этом примере выясняется одновременно как критерий для определения состояния корня (I или II), так и метод для восстановления незасвидетельствованной основы (или для отождествления еще нераспознанной). — Если основа **целр-*, содержащаяся в гр. (*Ϝ*)*έλω*, лат. *uolur-*, представляет собой состояние I, то это заставляет нас ожидать состояние II *ц₁-ёр, которое мы и находим фактически в лат. *ler-ös*, *ler-idus*. Наоборот, гр. *λή-* (= *Ϝλή-*) предполагает II **ц₁-éа₁-* и I **ц₁é₁-а₁-*, т. е. суффиксацию корня **цел-* „хотеть“ с помощью *-а₁*. — Исходя из гр. *αῦρα*, примем I **э₂éц-а₁-* : II **э₂ц-éа₁-* (= **ц₁е-*), откуда скр. *vā-ti* и т. д. Начальное *э₂*-основы II **э₂цéа₁-* оставило след в хетт. *ḫuwant* „ветер, буря“ (причастие от **ḫwā-* = скр. *vā-*), а также в „протетическом гласном“ гр. *ἄφτη-μι*. К этому же корню **э₂éц-* мы отнесем и наименование „птицы“, воспринимавшейся то ли как „воздушная“, то ли как „быстрая“: существительное ср. р. **э₂éц-й-* > лат. *auī > *auis*, прилагательное **э₂ц-éй-* > скр. *viḥ*, род. п. *véḥ*.

Рассмотрим теперь подробнее некоторые основы II, считавшиеся корнями, с целью восстановить их первоначальный вид. Очевидно, что дор. *λαῦρος*, лат. *lāpa*, восходя к **ц₁лā-* < **ц₁-éа₂-*, предполагают I **ц₁é₁-а₂-* и, следовательно, корень **цел-* „свертывать“, имеющий еще несколько суффиксов (ср. *uol-u-ō* и т. д.). — Мнимый „корень“ **ц₁ék^u-* (из вед. *vivakti*, лат. *uōx*) представляет собой основу II **эц-ék^u-* и предполагает I **ээц-k^u-*, которое действительно существует в авест. *aok-* „говорить“; невыясненным остается только качество *-а₂*. — Другим мнимым корнем является **dek-* „получать, принимать“, гр. *δέχ-ομαι*, лат. *dec-et*; речь здесь идет о II **эд-ék-*, откуда I **ээд-k-*, удостоверяемое авест. *aḍka-*, скр. *átka-* „покрыв, доспехи“ и подтверждаемое хетт. *ḫaik-* „закрывать, покрывать“; таким образом, первоначальное значение его было „запирать“.

* Курилович (*Symbolae Rozwadowski*, I, стр. 101) первый сделал это сопоставление и отметил сближение *ḫweš-* „жить“ с *vāsati*; однако он предположил здесь корни **ank-* и **а-ц-с-*, с чем мы не можем согласиться.

потом „содержать, получать“. Корень имел форму $*\mathfrak{a}_2\acute{e}d-$ или $*\mathfrak{a}_3\acute{e}d-$. — Лат. *plac-t-ō* „ударять“ заставляет предполагать II $*pl-\acute{e}k-$, в силу чего I $*p\acute{e}l-k-$ приводит нас к корню $*pel-$, известному с другим суффиксом в *pel-lō* „приводить в движение“, собственно „толкать“. — Давно известно, что скр. *drávate*, *drámate* и гр. $\delta\iota-\delta\rho\acute{\alpha}-\tau\chi\omega$ происходят от общего корня $*der-$ „бежать“. Здесь мы устанавливаем: I $*d\acute{e}r-\mathfrak{u}-$: II $*dr-\acute{e}\mathfrak{u}-$ (скр. *dráv-*); I $*d\acute{e}r-m-$: II $*dr-\acute{e}m-$ (скр. *drám-*); I $*d\acute{e}r-\mathfrak{a}_2-$: II $*dr-\acute{e}\mathfrak{a}_2-$ (гр. $\delta\rho\acute{\alpha}-$). Аналогично этому три параллельные основы глагола „идти“, $*g^u\epsilon m-$, $*g^u\acute{a}-$ и $*g^u\mathfrak{u}-$ (скр. *agrégū-*, *puḡo-gavá-*), являются основами II корня $*\mathfrak{a}eg^u-$ (природа $\mathfrak{a}$ - неопределима за отсутствием форм), а именно: I $*\mathfrak{a}ég^u-m-$: II $*\mathfrak{a}g^u-\acute{e}m-$ (= $*g^u\acute{e}m-$); I $*\mathfrak{a}ég^u-\mathfrak{a}_2-$: II $*\mathfrak{a}g^u-\acute{e}\mathfrak{a}_2-$ (= $*g^u\acute{a}$); I $*\mathfrak{a}ég^u-\mathfrak{u}-$: II $*\mathfrak{a}g^u-\acute{e}\mathfrak{u}-$ (= $*g^u\acute{u}$). Отметим, что II $*\mathfrak{a}g^u-\acute{e}\mathfrak{a}_2-$ (= $*g^u\acute{a}$) находится в том же отношении к корню $*\mathfrak{a}ég^u-$, как II $*\mathfrak{a}_1\acute{i}-\acute{e}\mathfrak{a}_2-$ (= $\acute{i}\acute{a}$) к корню $*\mathfrak{a}_1\acute{e}\acute{i}-$ (= $e\acute{i}$) „идти“ или II $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\acute{e}\mathfrak{a}_2-$ (= $sn\acute{a}$) „плавать“ к $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\acute{e}\mathfrak{u}-$ (I $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\mathfrak{u}-$), корню, имеющему также суффикс $-\mathfrak{u}-$ в I $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\mathfrak{u}-$: II $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\acute{e}\mathfrak{u}-$. — Глагол „говорить“, ст.-слав. *рѣкъ*, тохар. *rek-*, представляет собой II $*\mathfrak{a}_2r-\acute{e}k-$, соответственно I $*\mathfrak{a}_2\acute{e}r-k-$, лат. *arg-essō*, скр. *ark-*, корень $*\mathfrak{a}_2er-$. — Отчетливо выделяется корень $*\mathfrak{a}_2e\mathfrak{u}-$ „останавливаться где-либо, находить пристанище“ с суффиксом $-s-$ в I $*\mathfrak{a}_2e\mathfrak{u}-s-$, гомер. $\acute{\alpha}\epsilon\tau\tau\alpha$, в удвоенной основе $\acute{i}-\acute{\alpha}\acute{\omega}$ ($*\mathfrak{a}_2i-\acute{e}\mathfrak{u}-$), и в II $*\mathfrak{a}_2\mathfrak{u}-\acute{e}s-$, хетт. *ḫweš-* „жить“ (см. сноску на стр. 186). — Корень $*\mathfrak{a}_1e\mathfrak{u}-$ „ткать“ (скр. *ó-tum*) с суффиксом $-bh-$ присутствует в I $*\mathfrak{a}_1e\mathfrak{u}-bh-$, гр. $\beta\rho-\acute{\alpha}\acute{\omega}$, и в II $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\acute{e}bh-$, др.-в.-нем. *weban*. — Корень $*\mathfrak{a}_1e\mathfrak{u}-d-$ с $-d-$ „течь, литься“ наличествует в I $*\mathfrak{a}_1e\mathfrak{u}-d-$ (ср. $\acute{u}d-\omega\rho$) и в II $*\mathfrak{a}_1\mathfrak{u}-\acute{e}d-$ (ср. гот. *watō*). — Обычно корень „спать“ представляют в виде $*\mathfrak{a}_2er-$; в действительности же это II $*\mathfrak{a}_2\mathfrak{u}-\acute{e}r-$, откуда I $*\mathfrak{a}_2e\mathfrak{u}-r-$, выступающее с нулевой огласовкой в производном $\acute{u}p-\mathfrak{u}\mathfrak{z}$. Речь, следовательно, идет о корне $*\mathfrak{a}_2e\mathfrak{u}-$; с суффиксом $-d-$ он, действительно, обнаруживается в состоянии I в гр. $\acute{\alpha}\acute{\omega}-\delta-\omega$ „спать“. — В гр. $\acute{\alpha}\mu\acute{e}\lambda\omega$ начальное $\acute{\alpha}$ - фонетически обусловлено, а $-\acute{\gamma}$ - служит распространением: $\acute{\alpha}\mu\acute{e}\lambda\gamma-$ отражает II $*\mathfrak{a}_2m-\acute{e}l-g-$, построенное наподобие $*\mathfrak{a}_2\mathfrak{u}-\acute{e}l-g-$ (скр. *svarga-*); основой является II $*\mathfrak{a}_2m-\acute{e}l-$, I $*\mathfrak{a}_2\acute{e}m-l-$ от корня $*\mathfrak{a}_2\acute{e}m-$ (= $*am-$) „собирать жидкость“, что подтверждается гр. $\acute{\alpha}\mu\eta$ „ведро“, скр. *am-atram* „сосуд“. — Омонимический корень $*\mathfrak{a}_2em-$ „жать“, гр. $\acute{\alpha}\mu\eta$, $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\omega$ „жать“, сохранен в

хетт. *ham-(ešha-)* „лето“ (= „время жатвы“; относительно образования на *ešha-* см. Стертевант, *Compar. Gramm.*, § 176). При помощи суффикса *-t-* получаем I **ə₂ém-t-* и II **ə₂m-ét-*, которое объясняет лат. *met-ō* „жать“. --- Отношение между авест. *āyu-* и *yu-* „вечность“ приводится к норме посредством корня **ə₂éi-* (= **ai-*), дающего с *-ц-* основы I **ə₂éi-ц-* (ср. гр. *αἰών*) и II **ə₂i-éц-* (авест. *yu-*). Основа I **ə₂éi-ц-* с удлинением, свойственным корневым именам, правильным образом дает индо-иран. *āyu-*. — Лат. *pūbō* восходит к **sneubh-*, равносильному II **sp-éц-(th-)* (распространение *-th-*), I **sén-ц-*. Последнее представляет собой не что иное, как корень **sen-(ц-)* „связывать, ткать“, основа II от которого (**sp-éц-*) отражена в лат. *peō*, ср. гр. *υῆρον*, и т. д. Первоначальное значение „связывать“ и „ткать“ позволяет лучше понять настоящий смысл **sneubh-* „покрываться покрывалом“ (намек на брачное покрывало). С семантической стороны ср. гр. *ὑφαίνω* „ткать“ и вед. *inbháti*, *imbhāti* „покрывать (сетью)“; см. также у Мерингера (IF, XVII, стр. 142). — Лат. *speciō* тоже свидетельствует об основе II **spek-*, к которой присоединяются лишь распространения **spek-t-* (*spectō*), **spek-i-* (*speci-ō*, *speci-ēs*), **spek-ц-* (*specu*). Исходя из II **sp-ék-*, восстановим I **sép-k-* от корня **ser-*, скр. *sápati* „почитать, выказывать уважение“; понятия „почитание“ и „созерцание“ нередко связываются между собой, ср. франц. *égard* и *regard*, англ. *regard* „почитание“ и т. д. — Такое же положение обнаруживается и с корнем **pek-* „варить, печь“, распространенном посредством *-i-*, *-t-*, *-s-* в **pek^ui-* (скр. *rásu-ate*, гр. *πέσσω*), **pék^ut-* (гр. *πέπτω*), **pék^u-s-* (скр. *pakṣ-*). Здесь мы имеем дело с основной II **p-ek^u-* < **ə₂p-ék^u-*, откуда переходим к I **ə₃ér-k^u-*, позволяющему объяснить гр. *ὑπτός* „вареный, жареный“. Точнее, I **ə₃ér-k^u-* в нулевой степени с последующим **-to-* дает **ə₃p^uk^utó-* > *ὑπ(π)τός*; II **ə₂p^uk^uto-* > иран. **rixta-*, перс. *rixtan*, в котором *u* по-своему указывает на слоговое *p-*.

Отсюда можно сделать любопытный вывод относительно происхождения **st(h)ā-* (не принимающего никаких суффиксов) и вместе с тем дать объяснение индийскому придыхательному звуку. С удивительной интуицией Соссюр заметил, что придыхание в *prthú-* происходит из *ə* между *t* и *u* (*Recueil des travaux scientifiques*, стр. 603), точнее (скажем) — из *ə₂*. Если же принять основу II

*st-éə₂-, то мы получим I *sét-ə₂-, т. е. такое положение, при котором послесогласное ə₂ должно было оставить в индийском языке такой же след, что и в ṛṭhú-: глухой придыхательный. Этот придыхательный по аналогии перешел в основу II sthā- (*st-éə₂- = гр. στᾶ-). Таким образом, мы приходим к корню *set-. В данном анализе мы опираемся на параллелизм между st(h)ā- и stak- в индо-иранской и других группах. „Корень“ *stek- „быть твердым, неподвижным, жестким“ уже был признан родственным форме *sthā- (Вальде—Покорный, II, стр. 611, которые, однако, ошибаются, принимая *stāk- и видя в нем „распространенное“ sthā-): ср. авест. staxta-, staxra- „твердый, крепкий“, умбр. stakaz „statutus“. Следовательно, мы имеем здесь два параллельных способа суффиксации — на -ə₂- и на -k-: I *sét-ə₂- : II *st-éə₂- (= *stā-); I *sét-k- : II *st-ék- (индо-иран. stak-). Вполне естественно, что придыхание, наличное в скр. sthā-, не появляется в stāk-. Что касается удвоения основы II в *si-stā-, то оно следует типу гр. *δι-δυᾶ- (διζημαι), *si-slā- (ἰλησι).

Это беглое перечисление (которое можно было бы продолжить и далее) позволяет сделать некоторые выводы. Четырехбуквенные корни типа *ṛgek-, *sṛer-, *melg- следует рассматривать как основы II трехбуквенных корней с суффиксами. Доказательством этого служит правильное чередование корневых и суффиксальных элементов с точки зрения огласовки и ударения. Далее, установлено наличие большого разнообразия аффиксов: переднеязычные, зубные, заднеязычные, сонанты, причем все фонемы способны выступать в роли суффиксов или распространений. Наконец, можно сделать еще один вывод: соотношение „полная ступень : нулевая ступень“ означает, что -t- есть нулевая ступень от -et-, но не от -to-; -u- — от -eu-, но не от -uo-, и т. д. Так, принято считать, что в корне, дающем название „воды“ (гр. ὕδωρ), полной ступенью является *ṛed-, нулевой ступенью — *ud-; или в корне „ткать“, соответственно, *ṛebh- : *ubh-. В действительности же мы имеем как раз обратное: в I *ṛéu-d (авест. aoda-), *ṛéu-bh- корень имеет полную ступень; в II *(ə)ṛéd-, *(ə)ṛébh- он имеет нулевую ступень. Членение основы на корень и суффикс позволяет восстановить подлинное соотношение ступеней огласовки.

Если до сих пор мы рассматривали преимущественно корни в состоянии II, то отнюдь не для того, чтобы преуменьшить значение состояния I, а чтобы лучше очертить его роль. Нам предстоит теперь разобраться в строении обильно представленного типа четырехбуквенных корневых основ с внутренним дифтонгом: **ceid-*, **lejk^u-*, **bheudh-*, которые обычно считаются корнями. Можно было бы поверить этому — даже после установленного нами различия между состоянием I и II, — поскольку эти корневые основы не принимают вида, обнаруживающего в них суффикс. На фоне различия между **ceig-* и **ceg-*, где чередование дает возможность выделить суффикс, корень **lejk^u-* выглядит неподвижным, но это — иллюзия: хотя чередование состояний и не бросается в глаза, тем не менее оно существует. Дальнейшее исследование приводит нас к установлению того, что **lejk^u-*, **bheudh-* имеют суффикс *-k^u-*, *-dh-* и являются в силу этого основами I от корней **lej-*, **bheu-*, основа II которых обнаруживается в настоящем времени с носовым инфиксом.

Согласно распространенному мнению, инфикс имел вид **-pe-/*-p-*, и в индоевропейскую эпоху с его помощью были образованы формы настоящего времени на **-peu-/пу-*, **-pā-/пэ-*. Возможно, есть известное удобство в том, чтобы, описывая хеттский, индо-иранский или греческий глагол, говорить о формах настоящего времени на **-peu-* или на **-pā-*. Но, с точки зрения индоевропейского языка, это такое же неточное обозначение, как и термин „двусложные корни“. Другими словами, приняв это обозначение, мы должны будем признать также индоевропейские формы настоящего времени на **-nek^u-*, **-nebh-*, **-ned-* и т. п. По существу же здесь надо определить инфикс *-p-* как распространение, а не как аффикс, установив, что он не содержит в себе никакого гласного, так же как „аористное“ *-s-*. Инфиксация осуществляется исключительно при помощи одного *-p-*; в формах настоящего времени на **-peu-*, **-pā-* мы, в действительности, имеем *-p-* с последующими корневыми суффиксами *-eu-*, *-ā-*. Некоторые компаративисты уже отмечали, что формы настоящего времени на *-peu-* соответствуют формам на *-eu-* (ср. скр. *jīvati* : *jīnóti*), а формы настоящего времени на *-pā-* — формам на *-ā-* (*ḍāmu-udī* : *ḍrā-*). Развивая дальше это замечание, было бы логич-

ным признать, что ни $-ā-$, ни $-eç-$ не входят в состав инфикса, представляющего собой чистое $-n-$. Предположение о вставном $*-nē-$ искажило всю картину*.

Исходя из индо-иранских языков, устойчиво сохраняющих первоначальное чередование, мы устанавливаем, что в любой форме настоящего времени с инфиксом носовой звук вставляется исключительно в основу II между корнем и суффиксом. При I $*çér-ç-$ (ср. оск. *ueru* „дверь, ворота“) основа II будет $*çr-éç-$ и, с инфиксацией, $*çr-n-éç-$ (скр. *vr̥ṇóti*). Ввиду того что корень в основе II имеет нулевую ступень огласовки и оканчивается на согласный, этот корневой согласный должен выступить в роли гласного, когда он отделен от суффикса вставным $-n-$: $*çr-éç-$: $*çr-n-éç-$. Значит, настоящее время с инфиксом всегда образуется по схеме: корень с нулевой огласовкой + n + суффикс с полной огласовкой + окончания. Само по себе определение: „корень в нулевой ступени + суффикс в полной ступени“ предполагает основу II. И наоборот, если мы исходим из формы настоящего времени с инфиксом, то достаточно выделить носовой звук и поставить согласный на место гласного сонанта, заканчивающего собой корень, и мы получим основу II, а затем основу I и корень: $*çr-n-éç-$ < II $*çr-éç-$ < I $*çér-ç-$ < $*çer-$. Правило это полностью подтверждается во всех древних индо-иранских формах настоящего времени, принадлежащих к такому типу; важнейшие примеры данного типа собраны в приводимой таблице**:

* К несчастью, именно Ф. Соссюр (*Recueil des travaux scientifiques*, стр. 224) первый дал эту неточную и столь уязвимую формулу: „слог $-nā-$ вставляется между двумя последними элементами редуцированного корня“.

** Не определив, так же как и его предшественники, отношения между основами I и II, Хирт не сумел дать правильный анализ механизма инфиксации, хотя и заметил, что инфиксом является $-n-$ без прибавления гласного. Механизм этот он описывает так (*Idg. Gramm.*, IV, стр. 204): „Мы должны... принять, что в индоевропейском языке к некоторым основам присоединялся носовой звук и что потом к этим формам прибавлялись неясные для нас определители. Так, например, мы имеем основу *ster-* „распространять“, превратившуюся в *ster-n-*. С присоединением определителей $-ā-$ и $-n-$ возникли *sternā* и *sternēç-*“. Эта упрощенческая концепция искажает все факты: во-первых, $-ā-$, $-eç-$ не определители, а суффиксы; во-вторых, $-n-$ не прибавляется к корню, а вставляется в основу; в-третьих, инфиксация

ОСНОВА I	ОСНОВА II	НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ С ИНФИКСОМ
* <i>úr-μ-</i>	* <i>ur-éμ-</i>	* <i>ur-n-éμ- (vr̥nóti)</i>
* <i>kér-μ-</i>	* <i>kr-éμ-</i>	* <i>kr-n-éμ- (kr̥nóti)</i>
* <i>g^uéi-μ-</i>	* <i>g^ui-éμ-</i>	* <i>g^ui-n-éμ- (jinóti)</i>
* <i>ə₁ér-μ-</i>	* <i>ə₁r-éμ-</i>	* <i>ə₁r-n-éμ- (r̥nóti)</i>
* <i>ə₂éi-μ-</i>	* <i>ə₂i-éμ-</i>	* <i>ə₂i-n-éμ- (inóti)*</i>
* <i>gén-ə₁-</i>	* <i>gn-éə₁-</i>	* <i>gn-n-éə₁- (*jānāti)**</i>
* <i>pél-ə₁-</i>	* <i>pl-éə₁-</i>	* <i>pl-n-éə₁- (pr̥nāti)</i>
* <i>péμ-ə₁-</i>	* <i>pu-éə₁-</i>	* <i>pu-n-éə₁- (punāti)</i>
* <i>ə₁éμ-bh-</i>	* <i>ə₁μ-ébh-</i>	* <i>ə₁μ-n-ébh- (unāpti)</i>
* <i>péi-s-</i>	* <i>pi-és-</i>	* <i>pi-n-és- (pināṣti)</i>
* <i>iéμ-g-</i>	* <i>iμ-ég-</i>	* <i>iμ-n-ég- (yunākti)</i>
* <i>bhén-g-</i>	* <i>bhn-ég-</i>	* <i>bhn-n-ég- (bhanākti)</i>
* <i>ə₃ér-g-</i>	* <i>ə₃r-ég-</i>	* <i>ə₃r-n-ég- (*r̥n-ākti)***</i>
* <i>ə₁én-g^u-</i>	* <i>ə₁n-ég^u-</i>	* <i>ə₁n-n-ég^u- (anākti)****</i>
* <i>léj-k^u-</i>	* <i>li-ék^u-</i>	* <i>li-n-ék^u- (rinākti)</i>
* <i>bhéj-d-</i>	* <i>bhi-éd-</i>	* <i>bhi-n-éd- (bhināti)</i>
* <i>ə₁éμ-d-</i>	* <i>ə₁μ-éd-</i>	* <i>ə₁μ-n-éd- (unāti)</i>
* <i>u^éi-d-</i>	* <i>ui-éd-</i>	* <i>ui-n-éd- (авест. vinasti)</i>

В хеттском языке мы находим такое же состояние, но из-за сложности графики не сразу можно разглядеть его подлинный вид. На первый взгляд, инфиксом является -*nin-*, и Стертевант (Сопраг. Грамм., стр. 233—234), приняв его за действительно двойной носовой звук, затруднился дать ему объяснение. Речь идет о противопоставлении инфикса -*ni-* в 3 л. ед. ч. инфиксу -*nin-* в 3 л. мн. ч., в точности соответствующем противоположению скр. *yunākti*, *yunjānti*. От *ḥark-* „погибать“ мы имеем в

этого -*n-*, несомненно, возникает позднее, а не предшествует суффиксации с помощью *ā*, *eu*; в-четвертых, формы *sterā*, *sternē μ* с полной оглаской и корня, и суффикса совершенно немислимы.

* Доказательством начального *ə₂-* служит гр. *αἴνομα*.

** Засвидетельствованные формы, скр. *jānāti*, авест. *zāna-*, заимствовали огласовку у **jāta-*.

*** Перешло в тематическую форму *r̥jānti*; ср. лит. -*režti*; основа II **ə₃rég-* в *óré γ ω*.

**** Только таким путем и выявляется связь между лат. *unguō* (**ə₁on-g^u-*) и вед. *anākti*. Присутствие носового инфикса в *anākti* никем еще обнаружено не было: оно просто отрицалось (Мейе — Эрну, см. под *unguō*).

хеттском языке 3 л. ед. ч. ḥar-ni-ik-zi, 3 л. мн. ч. прош. вр. har-ni-in-ki-ir; от ištark- „болеть“: 3 л. ед. ч. ištarni-ik-zi-, 3 л. мн. ч. iš-tar-ni-in-kán-zi; от ḥwek- „околдовывать“: 3 л. ед. ч. ḥu-u-ni-ik-zi, прич. ḥu-u-ni-in-kán-za; от *šark- „сохраниться в целости“: 3 л. ед. ч. šar-ni-ik-zi-, 3 л. мн. ч. šar-ni-in-kán-zi, и т. д. Согласно установленному принципу, хетт. *šark- (какова бы ни была истинная природа заднеязычного) представляет собой I *šér-k-, откуда II *sr-ék-, с инфиксом *sṛ-n-ék-. Именно этой форме и равняется хетт. 3 л. ед. ч. šarnikzi, где -ar- = -r- и -ik- = -ek- (часто встречающееся обозначение е с помощью i). Следовательно, šarneki = *sṛ-n-ék-ti, параллельному скр. vṛṇákti. Во множественном числе, где окончание начинается с гласного, мы ожидаем *sṛ-ñ-k-ónti; однако скопление согласных плохо поддается выражению средствами слогового письма, где согласные должны перемежаться гласными. Нужно было придать заднеязычному носовому звуку ñ слоговое значение; для этого применили написание -nin-, искусственное, но не такое уж плохое. Следовательно, šar-ni-in-kan-zi = *sṛ-ñ-k-ónti, параллельному скр. vṛṇjánti. Теперь нетрудно восстановить формы от ḥark- < *ə́ér-g-, исходя из др.-ирл. orgaim „бить, убивать“ (Кюни, *Revue hittite et asianique*, II, стр. 205): I *ə́ér-g-, II *ə́r-ég-, настоящее время с инфиксом *ə́r-n-ég-, 3 л. ед. ч. *ə́r-n-ék-ti = хетт. ḥarnikzi, 3 л. мн. ч. *ə́r-ñ-g-ónti = хетт. ḥarninkanzi. Что касается форм настоящего времени на -nu-, то они во всем сравнимы с индоевропейскими. Об этом можно судить по *ə́er- (хетт. ar-): 3 л. ед. ч. *ə́r-n-é-ú-ti > скр. ṛnóti, хетт. arnuzi; 3 л. мн. ч. *ə́r-n-ú-ónti > скр. ṛnvánti, хетт. arnwanzi (пишется ar-nu-an-zi, ar-nu-wa-an-zi). Соответствие данных хеттского языка с индо-иранскими окончательно удостоверяет данный способ инфиксации, строго соблюдавшийся в индоевропейском языке и в принципе прилагавшийся только к корням с конечным сонантом. — Как это часто случается, процесс вышел за свои первоначальные границы и в некоторых случаях захватил корни с конечным „чистым“ согласным. Так, dabh- „обманывать“ в авестийском языке имеет наст. вр. dābānao- = db-n-a-ú-, в котором b стало до известной степени гласным; в скр. dabhnóti полная огласовка корня была восстановлена для благозвучия.

Некоторые отклонения еще больше подчеркивают строгость системы. Вед. *kriṇāti* „приобретать“ не согласуется с гр. *πρία(σθαί)* и не имеет закономерной нулевой ступени корня **kṛiṇā-*. В действительности же это вторичное образование от именной основы **kʷri-* (ср. лит. *kriēpas* „выкуп за невесту“) с распространением *-n-, т. е. отыменный глагол **kʷrin-ā-*. Нужно расчленять *kriṇ-āti*, др.-ирл. *scenim* и исключить эти формы из числа форм настоящего времени с инфиксом. Греческий язык имеет другое распространение: **kʷriiā-*, отыменный глагол *πρία-μαι*.

Известно, что форма, принятая суффиксом в 3 л. мн. ч. перед гласным, довольно рано была обобщена во всем спряжении: скр. *vindānti* > 3 л. ед. ч. *vindāti* (тогда как авестийский язык имеет еще *vinasti* < *vinad-ti). Это именно то состояние, какое мы находим в латинских формах настоящего времени с инфиксом: *iungō*, *gumpō*, или в греческом языке в *πυθ-*, *λιπ-*, *τύχ-* и т. д. С этой оговоркой можно сказать, что латинский и греческий языки сохраняют основу II в инфиксированном виде. Но они имеют также и основу I в форме настоящего времени в греческом языке (*λείπω*, *τεύχω*) и в форме перфекта с огласовкой *ο* и медиальными окончаниями в латинском языке: *tūdi*, *fūgī*, *fūdi*, *liquī*, *uīdi*, представляющие собой I *toṷ-d-əj, *bhoṷ-g-əj, *ghoṷ-d-əj, *loj-kʷ-əj, *ṷoj-d-əj. Отношение между основами I и II в латинских формах выражается своеобразно: в то время как основа I от *tundō*, **teu-d-*, сохраняется в перфекте *tūd-ī*, основа I от *rangō* отражена в *rāg-* < **réə₂-g-* при основе II **rə₂-ég-* > **rə₂-n-eg-*/**rə₂-n-g-o-* > *rangō*. Равным образом и *tangō*: I **téə₂-g-* (= *tāg-*), II **tə₂-ég-*, и т. д.

Завершив исследование древних и более новых форм настоящего времени с инфиксом, мы убедились в том, что четырехбуквенные корни с внутренним дифтонгом, типа **lejkʷ-*, **ṷeid-*, **teṷd-*, **reṷd-*, являются основами I трехбуквенных корней **lej-*, **ṷei-*, **teṷ-*, **reṷ-*, основа II которых (с полной огласовкой суффикса) обнаруживается в настоящем времени с носовым инфиксом.

Отдельно следует остановиться на корнях с начальной группой *s*+согласный, четырехбуквенного или пятибуквенного состава. Во всех ясных примерах мы имеем дело

либо с (распространенной) основой II от корня с начальным свистящим, либо с приставочным s-.

Мы видели уже при анализе основы глагола „спать“ (стр. 187), что *sцer- возводится к I *seц-p- : II *sц-er- от корня *seц, который с зубным суффиксом дает также *seц-d- (гр. εἶλω). Омонимичный корень *seц- „шуметь“ послужил базой для II *sцén- (скр. svánati, лат. sonus) и II *sцér- (скр. sváratī, лат. susurrus). От корня *sek- „резать“ произведены многочисленные формы с начальным *sk-, являющиеся по отношению к нему основами II с распространением: *sk-éц-t-, *sk-éц-d-, *sk-éц-d- и т. д. Примечательно, что в тех примерах, где группа s-+согласный представляет собой корень с суффиксом, свистящий звук никогда не отсутствует. Такая форма, как вед. rá-çyati, является исключительной, причем ей противостоит в самом же ведическом языке форма sраç- (лат. spres-) в виде основы II *sp-ek- с установленным s-.

Напротив, в многочисленных случаях, когда начальная группа предполагает *(s)k-, *(s)t-, *(s)p- и т. п. с нестойким свистящим, дело касается, в общем, префиксации, и можно полагать, что корень начинается согласным без предшествующего s-.

В санскрите с несомненностью выявляется ряд корней и слов, имеющих неэтимологическое s (Вакернагель, Altind. Gram., I, стр. 265). Например, в формах *(s)ker- „отрезать“, где s- часто отсутствует, разнообразные признаки указывают на то, что корнем в действительности является *ker-: ср. I *kér-t- (скр. kártati) : II *kr-ét-, с инфиксом *kr-n-ét-/*kr-n-tó- (скр. kṛntāti); I *kér-bh- (ср.-ирл. serb „острый“) : II *kr-ébh- (лат. scrobis); I *kér-ĭ- (гр. κέρρω, лит. skiriù) : II *kr-éĭ-+ -n- (гр. κέρω, лат. cernō) и т. д. В *(s)teц- „ударять“ корнем является только *teц-; формы с суффиксами: I *téц-g- (скр. tójati) : II *tц-ég-, с носовым инфиксом *tu-n-ég- (скр. tunākti); I *téц-d- (гот. stautan) : II *tц-éd-, с носовым инфиксом *tu-n-éd- (скр. tundāte), и т. п. Независимо от наличия или отсутствия связи с корнем „простираť“ * наименование „звезды“ не имеет корневого свистящего, ср. скр. tāra-⁵⁷. Точно так же не

* И.с. *ster-, ср. лат. sternō, рус. сторона, скр. stṛnōti, гот. staujan. — Прим. перев.

принадлежит свистящий к корню ни в $^*(s)mer-$ „думать, вспоминать“ : скр. $smáratī$ при лат. $memor$, ни в $^*(s)pen-$ „плести, ткать“ : гот. $spinnan$ при лит. $pinù$. Даже у $^*sper-$ (гр. $\sigma\pi\acute{\epsilon}\rho\omega$) среди суффиксальных основ оказываются формы без $s-$: I $^*sper-g-$, II $^*spr-ég-$ (ср. скр. $sphūrjati$), но ст.-слав. $ис-прѣгнѣти$, $вѣс-прѣгнѣти$.

Таким образом, можно считать доказанным, что в тех случаях, когда возможен точный анализ, исчезновение начального свистящего указывает на то, что он не принадлежит к корню. Мы не можем пока сказать, какую функцию выполняла префиксация с помощью $s-$: функцию усиления? различения омонимических корней? настоящей префиксации? Во всяком случае, тот факт, что $s-$ не составляет неотъемлемой части корня, исключает вероятность многочисленных четырехбуквенных корней, в действительности представляющих собой трехбуквенные с приставочным $s-$.

При всех анализах глагольных суффиксальных форм мы оперировали только двумя основами (I и II), в которых чередуются полная и нулевая огласовки корня и суффикса. Надо решительно отказаться от представления, будто глагольная основа может содержать два элемента в нулевой ступени. Конечно, если ограничиваться внешней стороной явлений, то может показаться, что существуют основы $^*bhū-$, $^*gñ-$, $^*pl-$; однако эти формы имеют иное происхождение и не должны ставиться в один ряд с основами $^*rél-ə-$: $^*pl-éə-$ и т. п.

Следует принять как доказанный факт, что, во-первых, нулевая ступень глагольной основы (корень и суффикс) зависит исключительно от присоединения двух распространений; во-вторых, всякое прибавление к глагольной основе более одного распространения служит признаком именного образования. А поэтому корневые основы с двойной нулевой ступенью непременно содержат два распространения (или больше) и неизменно дают именные формы. Эти закономерности, особенно вторая, вытекают из невозможности * прибавлять к корню больше одного суффикса и одного распространения одновременно (стр. 183). Действительно, можно практически убедиться в том, что формы с нуле-

* Только для первичных глагольных основ. — Прим. перев.

вой огласовкой и корня, и суффикса не встречаются вне именных образований. В тех случаях, когда они служат основами настоящего времени, это носит вторичный характер, причем соответствующие формы принадлежат к отыменному типу.

Из I *g^hei-ə₁- с двойным распространением -ц + о- получаем *g^hiəcō- > скр. jīvāh, лат. uīuos; из *g^hén-ə₁- + т + о- > *g^hətō- — скр. jāta-, лат. gnā-; из *bheц-ə₁- + т + о- > *bhuətō- — скр. bhūtá-; из *pel-ə₁- + п + о- > *p^həpō- — скр. pūrṇāh. Выделение основ bhц-, g^h̄- противоречит действительности; существует только *g^h̄to-, *bhūtej-, поскольку именно добавление двух распространений обуславливает переход *gen-ə- в *g^hə-. Значит, формы с двойной нулевой огласовкой представляют собой не особое состояние корня, а лишь фонетическую редукцию корня, получившего суффиксы. Можно дать обзор всех подобных случаев; при этом нам встретятся исключительно именные формы: скр. gīrṇāh, bhūtīh, jīvāh, çūrah; гр. τράγῆς, κριτῆς; авест. zaurva-, xūra-; лат. pūrus, factus; гот. knops и т. д. Из этого следует, что такие формы настоящего времени, как лат. uīuō, являются отыменными (в данном случае от uīuus) и что скр. jūrvaṭi „стареть“ восходит к *jūrva- = авест. zaurva- „старость“ (*gh̄wo-) и т. п. Все древние формы настоящего времени у этого типа имеют отыменное происхождение.

Замечания, сделанные на стр. 85—86 о происхождении именных производных группы *deicōs, могут теперь найти свое место в рамках общей картины строения основ. Пусть дан корень *dej-. Вначале имеем с суффиксом *-ə₁-/-eə₁-: I *déj-ə₁- : II *d^hi-éə₁- (= скр. dyā-), и с двойным распространением -t-о- (или -t-ej-): *d^hiə₁-t-éj- > скр. dīti- и *d^hiə₁-t-ó- > dītá-. Если этими двумя распространениями являются -ц + о-, то мы приходим к *d^hiə₁cō- > *d^hiūcō- (скр. dīvāh, гр. δῖος, лат. dīus), образованному, следовательно, независимо от *deicōs, несмотря на происхождение от одного и того же корня. Формы настоящего времени нед. dīvuati, ст.-слав. дивѣ являются, таким образом, отыменными. — Этот корень принимал также суффикс *-ц/*-eц-: I *dej-ц- (именное производное *deicōs), II *d^hi-éц-, давшее с удлинением гласного в корневом имени *d^hiēц- (скр. dyāh, гр. Ζεῶς и т. д.). Прибавление одного распростра-

нения, -t-, не влияло на полноту корневой огласовки: *d̥jeц-t- есть исходная основа для вед. dyótate; но вместе со вторым распространением появляется нулевая огласовка корня: dyu-m-pá- и т. д.*

Согласно этому принципу, можно принять, что формы настоящего времени с нулевой огласовкой образованы от имен. Не входя в подробности этого развития (оставляемые нами в стороне до исследования глагола), будем считать впредь, что тип. скр. tudáti, duháti, s̥jāti (Рену, *Mélanges J. Vendryes*, стр. 309 и сл.), авест. mərəzaiti, hərəzaiti, обязательно восходит или к тематическим именам, или к причастиям: скр. bṛhánt : bṛhāti, гр. γράφω : γράφω. С одной стороны, значение этих форм настоящего времени хорошо объясняется, если исходить из именной основы, выражающей без каких бы то ни было видовых оттенков глагольную идею в ее чистом и простейшем виде; с другой — причастие с его нулевой огласовкой имеет правильное строение, определяемое природой распространений: I *gér-bh-, II *gr-ébh-; с добавлением *-én-t- получаем *gr̥bh-én-t-, гр. γράφω (вместо *γράφω). Наст. вр. vídhyati следует оценивать по отношению к I *u̇éj-dh-, II *u̇j-édh-; доказательство того, что оно восходит к имени, дано в лат. (dī-)uidia. Другой класс отыменных форм настоящего времени составляют интенсивы-итеративы на *-sk- (= s+k-), именные формы которых известны: скр. p̥scchā-, icchā-, гр. βραχή, др.-ирл. uisce и др. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Недостаточно сказать, что корни и основы настоящего времени, достоверно относящиеся к состоянию I, имеют огласовку e/o-. К этому нужно добавить, что корневой гласный краток по природе. Указанное правило имеет в виду так называемые корни с долгим дифтонгом *rōj- (*rī-) „пить“, *rō(i)- „надзирать, присматривать“, *dhē(i)- „кормить грудью“ и т. п., каковыми их и считают после работ Шульце (KZ, XXVII, стр. 420 = Kl. Schr., стр. 49 и сл.; см. также у Хирта, *Ablaut*, стр. 33). Конструиро-

* Простота этой схемы, в которую все формы укладываются соответственно их происхождению, составляет полную противоположность тем чисто фонетическим реконструкциям, произвольным и сложным, какие собраны у Вальде—Гофмана относительно группы deǵ- (см. под deus, diēs, diū и т. п.).

вание таких корней, как и многих других, представляет собой не что иное, как перенос в индоевропейскую эпоху исторических форм отдельных диалектов. Но одного лишь сопоставления скр. *rāti*, *rītāh*, лат. *rōtus*, гр. *πίω* недостаточно для реконструкции и.-е. **rōi-*, **rī-*. Нужно произвести еще методический анализ этих форм, точно разграничив корень, суффиксы и распространения.

В индоевропейском языке корень со значением „пить“ имел форму **rē₃-* (= **rō-*), откуда корневое наст. вр. **rē₃-ti*, скр. *rāti*, и редуцированное наст. вр. **rī-rē₃-e-ti* > скр. *rībati*, и т. д.; здесь *-b-*, вероятно, отражает *-p-*, озвонченное согласным *-ə-*. С суффиксом **-i-/*-ej-* мы получим I **rē₃-i-* : II **rē₃-éj-*. От основы I были образованы сначала каузатив, скр. *rāu-āyati*, а затем различные именные производные с двойным распространением: **rē₃-i-t-o* стало **rē₃⁰-i-t-o-* (посредством *ə₃⁰* обозначаем слоговое *ə₃* в положении зияния перед *i*), ассимилировавшееся в **rī-i-tō-* > скр. *rītāh*; точно так же **rē₃⁰-i-p-o-* > **rī-i-p-o-* > гр. *πίωυ*. Отсюда греческое наст. вр. *πίω* и, вообще, новая основа **rī-*, ст.-слав. *пити* и т. д. — Омонимический корень „присматривать (за скотом)“ **rē₃-* тоже принимает суффикс **-i-*. С распространением **-i-* форма примет вид **rē₃-i-u* = **rōiu* > гр. *πῶῦ*. Но если в процессе именного развития основа **rōi-* оказывается перед согласным, то конечное *-i-* вокализуется и, соответственно, предшествующее *-ō-* по необходимости сокращается: наряду с **rōiu* получаем **rō-i-mēn* > гр. *ποιμήν*. Наоборот, в более древнем состоянии языка условия оказываются совершенно иными. Если **rē₃-i-* непосредственно получает двойное именное распространение *-i-r-* (превращающееся в **-i-er-* или **-i-r-*), то корень сводится к нулевой ступени, а *ə* становится слоговым: **rē₃⁰-i-r-* > **rī-i-r-* > **rī-ir-* (гр. *πίαρ*). Фактически мы связываем гр. *πίαρ*, скр. *rīvan-* и т. д. с корнем слова *πῶῦ*. Нужно заметить, что этот корень в первую очередь означает „пастьбу овец“: гомер. *πῶῦ* есть „стадо овец (букв.: овечья часть стада)“ в отличие от *ἀγέλη* „коровье стадо“; *ποιμήν* обозначает „(овечий) пастух“ (**berbicarius*), а *ποιμνη* — „овечье стадо“; ср. арм. *hoviv* „пастух“ < **o*u*i-rā-*. Следовательно, *πί(ρ)αρ* есть специфический продукт от *πῶῦ* „бараний жир, животное сало“;

что касается смысловой связи, то здесь нужно вспомнить еще скр. *gávu-*, арм. *kogí* „коровье масло“ при *gaiḥ*.— Третьим примером является группа, в которую входит гр. *στᾱῦρ* (*στᾱυαρ), происшедшее от **sét-ə₂-* : **st-éə₂-*. Первое распространение *-i-* ничего не изменяет в огласовке: **stéə₂i-* > авест. *stāy-*. Второе же, *-o-* (*-ā-*), вызывает его редукцию: **stə₂⁰-i-ā-* > скр. *stíyā-*, откуда *styāyate*. С *-m-* в качестве второго распространения мы имеем **stə₂⁰-i-m-* > **sti-im-* > скр. *stím-*, ср. *stímāḥ*, *vi-ṣtímín-* и т. д. Подобным же образом можно восстановить гр. *στῖρ-* или лат. *stír-*, причем обе формы именного происхождения.— Возьмем еще корень „сосать, кормить грудью“: **dhéə₁-* = скр. *dhā-*, гр. *διγι(σ)ατ*), исходная основа вторичных производных *dhātrī-*, гр. *διγιλ(ς)*, лат. *fē-mīna* и т. п. С *i* (скр. *dhāy-*) при двух других распространениях, *-t-o-*: **dhə₁⁰-i-t-o-* > **dhi-i-tó-*, скр. *dhītāḥ*, ср. лат. *filius*. Однако в дальнейшем основа **dhéə₁-i-* = **dhēi-* (скр. *dhāy-*), если за ней следовало образование на согласный, превращалась в **dhēi-*; таким путем возникло **dhejnu-*, скр. *dhenú-*, авест. *daēnu-*.

Как это можно было предвидеть, корневые основы с долгим дифтонгом на *-u-* подчиняются тому же принципу. В названии „солнца“ корневая основа **sāu-* возводится к **séə₂-u-*, с приращением **-l-o-*, давшему **sə₂⁰-u-l-o-* > **su-u-lo-* > **sūló-*, скр. *sūrāḥ*.— Наименование „огня“ мы производим от корня **reə₂-* с суффиксом *-u-*: I **réə₂-u-*, огласовка которого не изменяется от прибавления распространения *-r-*, дает **réə₂-u-r-* > *réə₂ur, хетт. *raḥḥur*. После выпадения интервокального *-ə₂-* получается стяженная форма *rūr, гр. *πῦρ*. Этот анализ целиком исключает столь часто производимое сближение гр. *πῦρ* и лат. *pūrus*. Корень лат. *pūrus* отражает и.-е. I **reu-ə₁-* : II **ru-éə₁-*, ср. состояние с инфиксом **ru-n-éə₁-*, скр. *rupāti* (стр. 192). Нет ничего общего между корнем **reə₂-* гр. *πῦρ* и корнем **reu-* лат. *pūrus*.— Равным образом уничтожается и соответствие, установленное между гр. *δαίω*, *δύη* и скр. *dupóti* на основе странного корня *dāu*, *dəu*, *dī duu* (Бузак, см. под рубрикой *δαίω*). Инфиксальное наст. вр. скр. *dupóti* „гореть, огорчать“ предполагает основу II **du-éu-* и, следовательно, I **déu-u-*, от корня **deu-*, выступающего в *dīvāḥ* „пожар“, *do-man* „мученье“, гр. *δύη* „мученье“. Но

$\text{d}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}$ свидетельствует о суффиксации на -э: $*\text{d}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{-}\text{a} \rightarrow *^{\text{h}}\text{d}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{-}\text{n}^{\text{h}} \rightarrow *^{\text{h}}\text{d}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{-}\text{n}^{\text{h}}\text{-}\text{a} \rightarrow \text{d}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}$. Совершенно другого происхождения основа $*\text{da}^{\text{h}}$ гр. $\delta\alpha\iota\omega$, $\delta\alpha\iota\varsigma$ и т. д.; здесь мы имеем дело с $*\text{d}^{\text{h}}\text{a}_2\text{-}\text{u}^{\text{h}}$, в нулевой ступени $*\text{d}^{\text{h}}\text{a}_2\text{-}\text{u}^{\text{h}}$, гр. $\delta\alpha\text{-}$. Сопоставление гр. $\delta\alpha(\text{f})\omega$ с скр. $\text{d}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}$ еще менее обосновано, чем сближение хетт. $\text{ra}^{\text{h}}\text{h}^{\text{h}}$ с лат. $\text{r}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{s}$.

По сравнению с мнимыми корнями, которые в действительности представляют собой глагольные основы, мы находим очень мало подлинно корневых форм настоящего времени. Однако этих форм все же достаточно для того, чтобы с их помощью выделить настоящие корни, например: $*\text{a}_1\text{es-}$ „быть“, $*\text{sek}^{\text{h}}$ „следовать“, sek^{h} „говорить“, $*\text{ter-}$ „греть“, $*\text{bher-}$ „нести“, $*\text{ten-}$ „вытягивать“, $*\text{men-}$ „думать“, $*\text{med-}$ „измерять“, $*\text{segh-}$ „держать“, $*\text{g}^{\text{h}}\text{hen-}$ „бить“ и т. д., причем все они действительно корни, и форма их постоянна. Разумеется, ничто не мешает им принимать суффикс: $*\text{sek}^{\text{h}}$ „говорить“ дает I $*\text{sek}^{\text{h}}\text{-t-}$ (лат. in-sec-t-iones) : II $*\text{sk}^{\text{h}}\text{-}\text{et-}$ (др.-ирл. $\text{sc}^{\text{h}}\text{el}$, кимп. $\text{chwedl} < *^{\text{h}}\text{sk}^{\text{h}}\text{-et-lo-}$). Даже $*\text{a}_1\text{es-}$ „быть“ служит для образования I $*\text{a}_1\text{es-}\text{u}^{\text{h}}$ (хетт. $\text{a}^{\text{h}}\text{s}^{\text{h}}\text{u-}$, гр. $*\text{e}^{\text{h}}\text{u} > \text{e}^{\text{h}}\text{u}$) и II $*\text{a}_1\text{s-}\text{e}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}$ (скр. $\text{s}^{\text{h}}\text{u-}$, гр. $\text{u}^{\text{h}}\text{-}\text{r}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{s}$); I $*\text{a}_1\text{es-}\text{dh-}$ (скр. $\text{e}^{\text{h}}\text{dhate}$, гр. $\text{e}^{\text{h}}\text{th-}\lambda\text{u}^{\text{h}}\text{s}$) : II $*\text{a}_1\text{s-}\text{e}^{\text{h}}\text{dh-}$ (скр. sadh-).

Вскрытые последовательным анализом структурные черты складываются в единое и устойчивое определение индоевропейского корня и его видов:

1. Индоевропейский корень является односложным, трехбуквенным, состоящим из основного e между двумя различными согласными.

2. В постоянной схеме: согласный + e + согласный согласные могут следовать в любом порядке, лишь бы они были разными; исключается только сочетание глухого со звонким придыхательным.

3. От корня образуются с помощью суффикса две чередующиеся основы: I — ударяемый корень с полной огласовкой + суффикс в нулевой ступени; II корень в нулевой ступени + ударяемый суффикс с полной огласовкой.

4. К суффиксу может присоединяться только одно распространение, либо добавляемое после суффикса к основе I, либо вставляемое между корневым элементом и суффиксом в основе II (инфиксация).

5. Если к основе, уже содержащей суффикс и распространение, прибавляется еще одно распространение или суффикс, то в результате обязательно получается именная основа.

Эти принципы, завершая предшествующее рассмотрение вопроса, не требуют подробных комментариев. Мы видим, что кажущаяся двусложность некоторых корней указывает просто на суффиксацию. Но корень не только односложен: он в то же время является трехбуквенным. Это определение следует понимать буквально и фонетически, причем вовсе не в том смысле, в каком его употребляют семитологи, чтобы охарактеризовать исключительно согласную структуру корня. Мы полагаем трехбуквенными не только **men-*, **ret-*, **g^hhedh-*, **ə₁es-*, но также и **lej-*, **bheц-* с расчленением дифтонгов на два элемента. Соответственно этому исключаются: корни с долгим гласным или с гласным, отличным от е (о); корни с начальным или конечным гласным; корни с двумя одинаковыми согласными (*per-*, *pet-* и т. п.); корни с глухим и звонким придыхательным*. Третье и четвертое правила дают общую базу для глагольных и именных основ, не различая их; пятое правило дает средство их различения, приложимое ко всем древним формам; оно показывает, что область именных форм гораздо шире, чем область глагольных: индоевропейский язык располагал богатой гаммой возможностей образования имени — начиная от самого корня (= корневое имя) вплоть до самых различных образований с помощью суффиксов и распространений. Что же касается глагольных основ, то их образование было ограничено узкими пределами и допускало самое большее один суффикс и одно распространение. Это различие реально выражалось в переходе в нулевую ступень суффиксированной основы с двумя распространениями. Следовательно, пятое правило может быть сформулировано так: глагольных основ в нулевой ступени не существует. Наконец, эти правила требуют, по меньшей мере, двух глагольных основ в различных состояниях, для того чтобы корень мог быть определен наверняка. Если этого усло-

* Эта особенность была подмечена еще Ф. Соссюром. См. у Мейе, *Intro.*, стр. 174.

вия нет, реконструкция получается ненадежной. Нельзя, например, сказать, является ли в изолированной основе *tekp- (скр. takṣ-, гр. τέχτ-) элемент *p — к тому же еще фонетически плохо определенный — суффиксом или распространением; форма корня остается поэтому неясной.

Итак, проблема „распространений корня“ определяется тем различием, какое мы провели между „суффиксом“ и „распространением“. Попутно определяется функция „тематического гласного“ e/o. Вопреки общепринятому мнению, этот гласный ведет себя во всех отношениях как распространение. У него нет полной ступени, и он никогда не является корневым суффиксом; последнее — не случайность: иначе и быть не может, поскольку -e/o-, будучи суффиксом основы I, должно было бы в основе II иметь вид -ee- или -oo-. Кроме того, известно, что тематизация глагольных форм происходит на сравнительно поздней ступени развития индоевропейского языка. Первоначальная функция этого распространения заключалась в том, чтобы образовывать с его помощью производные от корневых существительных среднего рода, например в *pēd: *pedó- (скр. padám). Это функция дифференциации и знак принадлежности, подчеркиваемые ударением. Отсюда следует, что пара τόμος : τμής однородна только с виду; надо полагать, что в исходной системе противоположение корневого имени производному имело вид *tóm : *tomó-. Поэтому тип гр. τόμος появился безусловно позднее, чем τμής, и под влиянием последнего. В слове τμής распространение -o- является морфемой; в τόμος оно представляет собой добавочный элемент без самостоятельного значения.

До предела, указанного пятым правилом, основа сама по себе не имеет ни именного, ни глагольного характера. Возникает вопрос, какова же настоящая природа глагольных окончаний и отличались ли они — при всей их древности и специфичности — от элементов, характеризовавших имя как таковое? Здесь мы не сможем даже бегло рассмотреть эту серьезную проблему; тем не менее полезно расставить вехи для будущего исследователя, отметив ряд совпадений.

1. Глагольные окончания не содержат в себе ни одного элемента, не представленного в суффиксах.

2. Определенный параллелизм форм между причастием наст. вр. *-e/ont- и 3 л. мн. ч. *-ont(i); между гр. -μευοι или -μευοι и лат. 2 л. мн. ч. -mini; между существительными среднего рода на -r и неличной формой 3 л. ед. ч. на-r был отмечен уже давно, равно как и сходство между звательным падежом и повелительным наклонением.

3. Чередование *-m и *-em в окончаниях типа *bher-m (скр. bhag-m-[i]) и *bher-em (скр. [a]-bhag-am) воспроизводит чередование в суффиксах между глагольными основами I *(ter-)m- и II *(tr-)em-.

4. 1 л. мн. ч. действительного залога с первичными окончаниями, гр. εἰμές (дор.), ἐσμέν, во всех отношениях соответствует такому существительному среднего рода, как αἰέξ, αἰέν, что показывают их прототипы *a₁es-m-és, *a₁es-m-ép (εἰμές, ἐσμέν) и *a₂ei-ц-és, *a₂ei-ц-ép (αἰέξ, αἰέν), имеющие одинаковую корневую огласовку, одинаковую ступень суффикса, одинаковое окончание, одинаковое место ударения.

5. Элемент -dh-, появляющийся в медиопассивных окончаниях множественного числа (скр. dhve, -dhvam, гр. -σῆε), тождествен суффиксу -dh- (стр. 227).

6. Перфектное -ц- в plēц-(ī), gnōц-(ī), скр. (ja)jñai выступает в качестве распространения основы II: *plē-ц- сопоставимо с *plē-dh- (гр. πλῆθ-), *gnō-ц- с *gnō-r- и т. д.; глагольный характер формы определяется окончаниями, а в санскрите — удвоением.

Из всех предложенных теорий, касающихся глагола и глагольных окончаний, теория Хирта (IF, XVII, стр. 36 и сл.), которая приводит к выводу об их именном происхождении, лучше всего согласуется с нашими предварительными замечаниями и с теми общими принципами, которые их обусловили*.

* Это относится к основному положению. Что касается доводов Хирта и затрагиваемых им частности, то мы оставляем за собой право оценить их по-своему.

ГЛАВА X

СТРОЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ОТЫМЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

В индоевропейском языке возникшие из общего корня глагольные и именные основы различались лишь с третьего добавочного элемента, с которого начиналась область исключительно именного словообразования. Иллюстрации к этому положению были приведены выше (стр. 195—196); здесь мы дадим еще несколько дополнительных подтверждений.

Такое прилагательное, как скр. *r̥thú-*, восходит к корню **rei-* „растягивать“, имеющему суффикс -э- в хетт. *ralḫatar* „ширина“. С помощью суффикса -t- мы получаем от данного корня основы I **rél-t-*, II **pl-ét-*. К основе II прибавляется распространение -э₂- и затем суффикс -éц-, что влечет за собой нулевую огласовку основы: **r̥l̥tə₂éц-* > скр. *r̥thúh*, гр. *πλατός*. Как установил Ф. Соссюр (стр. 188—189), индийское придыхание при t отражает э (=э₂). Подобное строение может быть только у именного образования; взятый нами пример служит подтверждением этого.— На основании *κράς* и родственных ему слов предполагается корень **ker-* с суффиксом -ц-: I **kér-ц-*, II **kr-éц-*. Возможно, что основа II, распространенная посредством -э-, сохранена в гр. *κράξ* (употребляемом в качестве множественного числа). Она получила второе распространение -s- в гр. *κράς*, скр. *kraviṣ-*. Неоднородность последней формы обнаруживается в полной огласовке корня вместо нулевой, которую мы находим фактически в **kr̥cə-го-* (-to-, -то- и т. д.) > **kr̥cəго-*, скр. *krūrá-*, авест. *xrūra-*, *xrūta-*, *xrūta-*, лат. *crūdus* и т. п. Относительно группы лат. *crucor*, ст.-слав. *кръвь* и т. д. см. ниже.— Наименование „головы“ производится от корня **ker-*; с суффиксом -э₂-: I **ker-э₂-*; прибавив к **kerэ₂-* распространение -ц-, имеем гр. *κερα(ς)-ός*. С распространением -s- получаем **kérэ₂-s-*, гр. *κέρας*, а от основы II — **kréэ₂-s-*, лат. **crās-ron-* (*crābrō*), гр. *κράνιον*

(**xr̥ās-y-*). С добавлением еще одного элемента, *-en-*, возникает **k̥r̥əs-én-* > **k̥r̥sénp-*, скр. *çiršán-*, гр. *xr̥āα(τος)*: судя по всему, в соответствии с этим *çiršán-* было создано скр. *çiráh-*, не согласующееся с гр. *xéρας*, чем только и может быть объяснен вокализм формы *çiráh-*. Авест. *sarah-* не обязательно соответствует последней и может в такой же мере представлять *kérə₂s, как гр. *xéρας*. Повидимому, в греческом языке *kérə₂s (*xéρας*) послужило отправной точкой для нового образования на *-по-: **k̥r̥-əs-по-* > **xárə₂no-* > *xárηya*, и на *-η: *xárə₂sa > *xárā, превратившееся в *xárη* по аналогии с *xárηya*. Что касается *xár* (**xar̥s*), то оно появилось, вероятно, вместо *ker-s с огласовкой формы **k̥r̥-ós* (*xar̥ós*).— Чтобы объяснить весьма запутанное наименование „пути“, предполагают корень **rep-* с суффиксом *-t-*: отсюда **ron-t(i)*, **r̥ŋ-t-ei-* (гр. *πότος*, лат. *rops*, ст.-слав. *пъть*, др.-прус. *pintis*). Приходится допустить, что в индоиранской группе к основе с полной огласовкой был необычным образом присоединен суффикс *-e₂-, тоже в полной ступени: *ronté₂-*, авест. *rantā-*, скр. *ránthā-* (с *-h-* из косвенных падежей); род.-отл. п. ед. ч. **r̥ŋtə₂és* > авест. *рад̥ō*, в котором *-ə₂-* сделало придыхательным предшествующий взрывной. Повидимому, **rat(h)ā-* и **ranth-*, взаимодействуя, дали такую неправильную форму, как вед. *ránt-hāḥ*, род. п. *rathāḥ*.

Другими словами, использование основ I и II для именного словообразования представляет собой обычное явление. Такое существительное среднего рода, как *réku, свидетельствует об основе I **rék-ŋ-*, которой соответствует II **rk-éŋ-* (авест. *fšu-*). Поскольку наряду с *-ŋ-* выступают еще некоторые суффиксы, например I **rék-t-* (лат. *pecten*, *pectus*): II **rk-ét-* (ср. гр. *πτεῖς*); I **rék-s-* (скр. *rakṣ-*): II **rk-és-* (авест. *fšah-*; см. Бэйли, BSOS, VII, стр. 275), можно в результате этих сопоставлений сказать, что корнем здесь является **rek-* (ср. гр. *πέχω*, *πρόξ*) и что *réku принадлежит к типу *rélu (гот. *filu*). Наоборот, в таком существительном среднего рода, как *médhu, членение на **médh-ŋ-*, сколь бы правдоподобным оно ни выглядело, ни на что не указывает, так как его невозможно подкрепить ни веским доказательством того, что *-ŋ-* является суффиксальным, ни установлением существования корня **médh-*. По тем же причинам не поддается анализу и слово, обозна-

чающее „кость“: корневая основа * $\text{э}_3\text{ést}(h)$ - = $\text{óst}(h)$ - не имеет чередующейся формы. Известные нам производные, полученные распространением на $-i$ - (скр. ásthi), $-n$ (asthn-áh) или $-s$ [лат. $\text{oss} < *ost(h)-s$] с вторичным противоположением между * $\text{óst}hi$ - и * $\text{ost}(h)-éj$ - (скр. ásthi : гр. ὀστῆον), ничего не меняют в неизменном и несводимом к какому-либо корню характере данного существительного среднего рода. Тем более не распознается никакой корень в * $\text{э}_3\text{еци}$ - (лат. ouis) и в * $\text{нэк}^u\text{-t}$ - „ночь“ (хетт. nekuz „ночью“, * $\text{nek}^u\text{-s}$), хотя $-i$ - и является, несомненно, добавочным элементом: мы объясняем придыхательный согласный в гр. νύχα , πάυυυχis и т. д. с помощью * $-э$ -, т. е. здесь налицо два параллельных образования * $\text{нэк}^u\text{-t}$ - и * $\text{нэк}^u\text{-э}$ -; ср. с * $\text{сэк}^u\text{-t}$ - (лат. sector) и * $\text{сэк}^u\text{-э}$ - (вед. $\text{sák}h\text{-ā}$). С тем большим основанием нам приходится отказаться от анализа гр. $\text{γάλα}(κτ)$, γάλαρος , лат. lac , прототип которых мы не можем восстановить с достоверностью. Таким образом, к именам, корень которых определить невозможно, относятся те, для которых мы не находим чередующейся формы корневой основы; иногда они могут получать суффикс с чередованием: * $-ц$ -/ $-ец$ -, * $-i$ -/ $-ei$ - и т. п., что позволяет включить их в систему противопоставлений между существительными среднего рода и производными.

В своей простейшей форме имя равняется корню, что дает так называемые „корневые имена“. Однако сформулированная нами теория корня меняет оценку некоторых из этих имен; так, например, * рег - в действительности является основой II * $\text{э}_3\text{рег}$ - (стр. 183) в именном употреблении; лат. pix , гр. πίφα (вин. п. ед. ч.), т. е. * $\text{sneig}^u\text{-h}$ -, представляет собой II * $\text{sn-éj-g}^u\text{-h}$ - и, значит, I * сén-i - от корня * сен -, с распространением * $-g^u\text{-h}$ -; подобным же образом скр. $\text{duai}h$ — это основа II * дiэц - с суффиксом $-ц$ -. Только исследование всей совокупности форм позволит в каждом отдельном случае решить, имеем ли мы дело с подлинным корневым именем или с основой, принимаемой за имя. Нет ни малейшего сомнения в том, что подлинные корневые имена столь же редки, как и настоящие корневые глаголы.

Учитывая это, отметим теперь, что древнейшие основы (корень + суффикс), употребляемые в качестве имен, имеют долгую огласовку: * рег -, * дiэц - * kērd -, * ōk^u -, * uōk^u -.

и т. д. Долгий аблаутный гласный этих корневых основ следует тщательно отличать от долгого, полученного стяжением, в *rāx* (*ре₂k-). Разумеется, этот принцип приложим лишь к поддающимся анализу именам: невозможно определить характер долгого гласного в **bhru-*, **mūs-*, гр. ἄδδς, *xrī*, скр. *ās-* (лат. *ōs*). У имен данного вида с установлением склонения возникает принципиальная противоположность между долгой огласовкой сильных падежей и редуцированной огласовкой слабых падежей* (ср. **rōd-*: **ped-*). Однако часто, если не в большинстве случаев, это различие уступает место обобщению какой-либо одной огласовки во всем склонении; так, в латинском языке мы имеем, с одной стороны, *rēx*, *rēgis*; *lēx*, *lēgis*; *uōx*, *uōcis*; *lūx*, *lūcis*; с другой — *nīx*, *nīuis*; *dīx, *dīcis*; *pīx*, *pīcis*; *dux*, *ducis*; вместо древнего **krēd-*: *krdés* было обобщено **krd-*: *krdés* (лат. *cor*, *cordis*) и т. д. Для получения производных от этих имен наиболее употребительным способом было присоединение к ним элемента *-en-. Возможно, что читатель, знакомясь с предыдущей главой, обратил внимание на то, что *-en- никогда не выступает как суффикс основы. Индоевропейского настоящего времени на *-en- нет. В качестве распространения этот назализованный элемент играет исключительно роль инфикса. Действительно, вне круга глагольных основ элемент *-en- оказывается обладающим специальной функцией как средство именного словопроизводства.

Именные образования с суффиксом *-en- настолько хорошо известны, что мы ограничимся здесь лишь простым упоминанием о них. К тому же, некоторые из них были предметом исследования в предыдущих главах, особенно образования с распространениями (*-en-t-, *-en-g-, *-en-do- и т. д.). Единственное, что остается установить, — это двоякое применение данного суффикса в словообразовании: во-первых, он служит для образования производных падежных форм (родительного-отложительного падежа единственного числа и родительного падежа множествен-

* „Сильными“ падежами обычно считаются именительный и винительный падежи единственного числа, именительный, звательный и винительный двойственного и именительный множественного; прочие считаются „слабыми“ (иногда среди них различаются „средние“ и „слабые“ — с е'о и нулевой огласовкой).— *Прим. пера.*

ного) путем присоединения его к основе перед окончанием: *asth-n-áh*, *krátu-n-ām*; во-вторых, с помощью суффиксов „движения“ он дает производные женского рода по типу скр. *rátih̄* : *rát-n-ī*, гр. *πίσις* : *πίτις**. Эту двоякую функцию мы сводим воедино: элемент -n- в род. п. *asthnáh* и в ж. р. *rátñī* оказывается одним и тем же. Родительный падеж и женский род являются частными случаями общего понятия принадлежности, выражаемого прилагательным: это значит, что родительный падеж на *-en- и женский род на *-en- представляют собой разновидности прилагательного на *-en-, уточняемые окончаниями**.

Суффикс *-en-/*-n- получил широкое применение в именном словообразовании, базирующемся на двух основах. Приступая к исследованию этого вопроса, мы должны прежде всего установить закономерности, позволяющие привести в систему древнейшие именные категории, с тем, чтобы в этой системе определить место производных на *-en-, *-er- и т. д.

Рассматривая первичное состояние индоевропейского языка, к которому нас приводит теория корня, мы находим две системы именных производных, связанных с двумя типами корневых основ. Исходный двучлен представлен такими противоположениями: I **dér-ɥ-* : II **dr-éɥ-*; I **pél-ɥ-* : II **pl-éɥ-*; I **rék-ɥ-* : II **rk-éɥ-*; I **kér-d-* : II **kr-éd-* (скр. *çrad-*) и т. п.

Рассмотрим последовательно каждую из двух основ вместе с теми изменениями, которые приносятся в них добавлением словообразовательного элемента.

Основа I. Имена, образованные от основы I, часто имеют долгую огласовку *ē* (*ō*), но встречается также и краткое *ě* (*ō*):
 **dér-ɥ-* > **dōru-* (индо-иран. *dāru-*, хетт. *tāru*, гр. *δῶρου*);
 **gén-ɥ-* > **gēnu-* (скр. *jānu-*, хетт. *kenu*, гр. *γῶνυ*);
 **ə₂éi-ɥ-* > **ə₂ēiɥ-* (индо-иран. *āyu-*);

* О развитии этого типа в греческом языке см. Шантрен, *La formation des noms*, стр. 107 и сл. Из недавних работ см. Шарпантье, *Monde oriental*, XXVI, 1932, стр. 163 и сл. (относительно форм ж. р. скр. *rālikñī*, *āsikñī*).

** Эта точка зрения примыкает к тому, что было сказано по поводу -ī- (примета прилагательных женского рода и родительного падежа) у Ломана, *Genus und Sexus*, стр. 67 и сл.

*sén-ŭ- > *sēnu-, *sōnu- (скр. sānu);

*pél-ŭ- > *pélŭ- (гот. filu, гр. *πόλυ);

*tér-ŭ- > *térŭ- (гр. τέρυ);

*pék-ŭ- > *pékŭ- (индо-иран. ráçu, лат. pescu).

Эти имена с присоединением *-es- или *-en- образуют либо родительный-отложительный падеж единственного числа, либо производные, также способные давать этот падеж, как это имеет место в греческом языке. Суффикс прибавляется к корневой основе, тождественной форме именительного-винительного падежа; корневой гласный краток. С *-e/os-: *dóru- : *dorués (гр. δουρός); *gónŭ- : gonŭés (гр. γωνός); *pékŭ- : *pekués (скр. पक्षवह) и т. д. С *-en-: *dóru- : *doruén- (ср. гр. δουράτος); *gónŭ- : *gonuén- (ср. гр. γούνατος); с *-er-: *ghej-m- : *gheimer- (гр. γη-χήμερος); *bhen-dh- : *bhendher- (гр. πενθερός) и т. д. В греческом языке вновь полученная основа на -n- образует базу склонения во множественном числе, но это новшество не затрагивает системы, отправной точкой которой служит основа I.

Основа II. Производные имена *dr-éŭ-, *pk-éŭ-, *gn-éŭ-, *sp-éŭ- появляются то в сложении, то в виде самостоятельных слов, то, наконец, в качестве форм слабых падежей, объединяемых внутри склонения с основами I, дающими сильные падежи; например, скр. sānu, род.-отл. п. spóh, dāru, род.-отл. п. dróh (стр. 80). С точки зрения индоевропейского языка, это независимая основа, могущая, как и первая, присоединять к себе словообразовательные элементы.

Если к таким именам прибавляется *-es-, *-en- или какой-либо другой элемент, то суффикс основы переходит в нулевую ступень, в которой еще раньше находился корень, а добавочный элемент получает полную огласовку:

I *dér-ŭ- : *dr-éŭ- > *dr-ŭ-és (гр. δρυός, род. п.); *dr-ŭ-én- (авест. drvan-).

I *kér-ŭ- : *kr-éŭ- > *kr-ŭ-ér- (ср. гр. κρυρός); *kr-ŭ-én- (лат. cruen-tus); *kr-ŭ-és (ср. гр. κρυός).

I *g'ér-ŭ- : *g'r-éŭ- > *g'r-ŭ-és (авест. zrū = zrvō, род. п. ед. ч.); *g'r-ŭ-én- (авест. zrvan-).

I *bhér-ŭ- : *bhr-éŭ- > *bhr-ŭ-én- (ср. скр. bhurván-).

I *pék-t- : *pk-ét- > *pk-t-én- (гр. πταις).

I *kér-d- : *kr-éd- > *kr-d-éj- (ср. лит. širdis с j).

I **ǝu-d-* **ǝu-éd-* > **ǝu-d-én-* (скр. *udán-*); **ǝu-d-ér-* (ср. *ῥῥῶρ*).

I **ker-t-* : II **kr-ét-* > **kṛ-t-ér-* (гр. *κράτερ-ός*), **kṛ-t-és-* (гр. *κρά-τος*) *.

Образованные по этому типу производные способны, в свою очередь, давать новые формы склонения или словообразовательные формы. Весь процесс повторяется здесь заново: имя целиком переходит в нулевую ступень, и к нему прибавляется новый суффикс с полной огласовкой:

**dr-ǝ-en-* > *dr-u-n-es (вед. *drúnāḥ*, род. п. ед. ч.).

**bhr-ǝ-en-* > **bhr-u-n-en-* (герм. **brunen-*).

**g'r-ǝ-en-* > **g'r-u-n-ei* (авест. *zrunē*, дат. п. ед. ч.).

**ǝu-d-en-* > *ǝu-d-n-es (скр. *udnāḥ*, род. п. ед. ч.).

Случается даже (впрочем, чрезвычайно редко, если не считать германских языков), что к этой цепи производных присоединяется четвертое звено; при этом все, предшествующее новому элементу, сводится к нулевой ступени:

**bhr-u-n-en-* > *bhr-u-n-n-en (гот. *brunna*).

Все это образует единую систему, части которой находятся в тесной связи и взаимодействуют друг с другом. Но наряду с этим способом словообразования существует еще один прием образования существительных среднего рода от основы II с помощью *-r* или *-n*. Он состоит в удлинении корневого гласного основы II, распространенной посредством *-r* или *-n*.

Строение имен типа гр. *ῥῥῶρ* было предварительно определено нами на стр. 50 и далее; теперь мы внесем в этот вопрос полную ясность. Мы уже указывали, не входя в подробности, что типы (различаемые И. Шмидтом) на *-r* (гр. *ῥῥῶρ*) и на *-en* (лат. *über*) являются лишь диалектными вариантами одного типа на *-r*, сохраненного в *ǝēsr (лат. *uēr*); при этом только *-r* или *-n* можно считать окончанием этих индоевропейских существительных среднего рода. Фактически речь идет о том же диалектном расхождении в трактовке окончаний, которое отразилось на судьбе конечного **-m* в именительном-винитель-

* Замечания Я. Фриска (Zur indoiran. u. griech. Nominalbildung, стр. 69 и сл.) относительно позднего происхождения *κράτερός*, *κρέρός* не обоснованы.

ном падеже среднего рода или винительном падеже мужского. В индо-иранских и латинском языках это *-m приняло вид *-em; в греческом языке *-m вохализовалось в *-m̄. Подобным же образом *-g дает индо-иран. и лат. *-eg, но гр. *ḡ. Следовательно, различие между гр. (ῶδ)-αρ и лат. (ūb)-er параллельно различию, существующему между гр. (πόδ)-α и лат. (ped)-em. Оно не связано с расхождением, отделяющим авест. (yāk)ar от скр. (yák)ḡt; здесь редукция *-eg в *-ḡ явно обусловлена прибавлением -t. Поэтому конечное *-ḡ в лат. iesug (femur) нельзя сравнивать непосредственно с окончанием гр. ἴπαρ; лат. iesug предполагает окончание *-ḡt, подобное тому, которое мы имеем в скр. yákḡt. Сходство между лат. -ur и гр. -αρ есть результат развития разными путями, но в одном направлении.

Прозрачный пример такого образования дает корень *э₁éц-, от которого произведены I *э₁éц-s- : II *э₁ц-és. Основа II *э₁ц-és- послужила базой для существительного ср. р. *(э₁)цés-r, сохраненного в своем первоначальном виде в лат. uer; далее, с окончаниями *-er и *-ḡ, различающимися в индо-иранском и греческом языках, получаем *vāsar- (ср. скр. vāsarā- и иран. *vāhar-, засвидетельствованное с количественной перестановкой в перс. bahār) и гр. εἶαρ* (*цésḡ). В других случаях латинский язык разделяет индо-иранскую трактовку *-er. Той же закономерностью объясняются и казавшиеся до сих пор темными формы гр. ὄυμα, скр. pātan- и т. п. Нужно исходить из корня *э₁ep- с суффиксом -m-. Состояние I, распространенное посредством *-ep-, будет *э₁ép-m-ep- (ст.-слав. имл) или *э₁óp-m-ep-, наподобие *gón-ц-ep- (гр. γούνατος); отсюда гр. *όυμα > ὄυμα (или ὄυμα) со вставным -o- (-o-). Состояние II *э₁пеп- с корневым удлинением и добавлением -п даст *(э₁)пēmn, индо-иран. pātan-, хетт. lātan- (с диссимиляцией), лат. pōten и т. д.

В том случае, когда образованное таким способом существительное (основа II с корневым удлинением и добавлением *-g или *-n) получает второе распространение, корневой гласный сокращается. Вот почему авест. yākar

* Ионийско-эолийская форма, соответствующая аттическому εἶαρ. -
Прим. перев.

противостоит скр. *yǎkŕ-t*, лат. *iēsur(t)*; авест. *snāvar* — форме **snēuŕ-o-* (гр. *υεῦρον*); хетт. *ēšhar* „кровь“ — скр. *āsrg*; **uēsŕ* (лат. *uēr*) — форме **uēsērā-* (лит. *vasarà*); хетт. *wātar* „вода“ — своему род. п. *wetenaš*.

Установив, что существительные среднего рода, принадлежащие к этому разряду, образуются от основы II, — а факты не оставляют места никакому сомнению на этот счет, ср. еще **bher-u-* (лат. *ferueō*) и **bhr-ēu-ŕ* (гр. *φρέαρ*), — мы не затруднимся истолковать теперь загадочное существительное, обозначавшее „печень“, **lĭēk^u*. Здесь мы имеем дело просто с субстантивацией основы II **lĭēk^u*, следовательно, с основой I **léi-k^u* „оставлять“. Вспомним (сравнив с этим лат. *exha* „внутренности“ < **ex-secta*, *prosecta*, умбр. *pruseçia*), что внутренности, и особенно печень, являются „отделенными частями“, предназначенными для культовых целей, — и мы поймем, что печень могла обозначаться как „оставленный (богам) орган“, который „оставляют в стороне“ при разрубании жертвы на части. Если бы нам потребовалось еще одно доказательство того, что **léi-k^u* имеет чередующуюся основу **lĭ-ék^u*, то мы нашли бы его в инфиксальном наст. вр. **lĭ-n-ék^u* (скр. *tinákti*; см. стр. 192). В свою очередь, совокупность этих форм, распределенная между двумя основами, достаточна для того, чтобы доказать, что корень представлял собой исключительно **lei-*. Все это согласуется с теорией корня.

Следующий ниже перечень, иллюстрируя только что сформулированные закономерности, покажет строгую правильность образования существительных на **-ŕ* или на **-n*:

ОСНОВА I	ОСНОВА II	СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ СРЕДНЕГО РОДА
<i>*ə₁éu-s-</i>	<i>*ə₁u-és-</i>	<i>*ə₁uēsŕ</i> (лат. <i>uēr</i>)
<i>*sén-u-</i>	<i>*sn-éu-</i>	<i>*snēuŕ</i> (авест. <i>snāvar</i>)
<i>*léi-k^u</i>	<i>*lĭ-ék^u</i>	<i>*lĭēk^u</i> ŕ (гр. <i>ἵπαρ</i>)
<i>*bhér-u-</i>	<i>*bhr-éu-</i>	<i>*bhrēuŕ</i> (гр. <i>φρέαρ</i>)
<i>*ə₂él-u-</i>	<i>*ə₂l-éu-</i>	<i>*ə₂lēuŕ</i> (гр. <i>ἄλ(φ)αρ</i>)
<i>*əu-d-</i>	<i>*əu-éd-</i>	<i>*əuēdr</i> (хетт. <i>wātar</i>)
<i>*pél-u-</i>	<i>*pl-éu-</i>	<i>*plēuŕ</i> (ср. гр. <i>πλεῦρον</i>)
<i>*ə₁én-m-</i>	<i>*ə₁n-ém-</i>	<i>*ə₁nēmⁿ</i> (скр. <i>pāman-</i>)

Двоякая форма *-r (-er и -r) обнаруживается не только в различных диалектах, как мы это недавно показали, но и внутри самого греческого языка, где наряду с *-r (-ar) существительных среднего рода некоторые классы производных сохраняют *-r.

Прежде всего, от основы I образуются производные с двойным распространением -r-о- при нулевой огласовке корня; форма на -r продолжает свое существование в „тематическом“ виде: I * $\acute{\epsilon}\epsilon\zeta$ -d- > * $\acute{\epsilon}\iota$ -d-r- $\acute{\omicron}$ -, гр. $\acute{\upsilon}\delta\rho\acute{\omicron}\varsigma$; I * $\acute{\epsilon}\pi$ -bh- > * $\acute{\epsilon}\pi$ bh-r- $\acute{\omicron}$ -, гр. $\acute{\alpha}\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$, скр. abhrá- (а также $\acute{\upsilon}\mu\beta\rho\acute{\omicron}\varsigma$, лат. imber, с механическим* распространением имени, представленного в скр. ámbha-); I *dhem-bh- > *dhm̄bh-r-о-, гр. $\tau\acute{\alpha}\rho\rho\acute{\omicron}\varsigma$; I *кец-d- > *kud-r- $\acute{\omicron}$ -, гр. $\chi\upsilon\delta\rho\acute{\omicron}\varsigma$; I *pej-k- > *pik-r- $\acute{\omicron}$ -, гр. $\pi\iota\chi\rho\acute{\omicron}\varsigma$, и т. д.

В образованиях от основы II это *-r сохраняется как таковое в греческом языке там, где оно подкреплено последующим -о-; ср. $\pi\lambda\epsilon\ddot{\upsilon}\rho\omicron\upsilon$, $\gamma\epsilon\ddot{\upsilon}\rho\omicron\upsilon$, $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\upsilon\rho\omicron\upsilon$ с сокращением корневого гласного. Иным способом создавались новые производные на -er-(or), у которых полная огласовка суффикса влекла за собой нулевую ступень корневой основы. Вот почему при * $\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\delta r$ (* $\acute{\epsilon}\zeta\acute{\omicron}\delta r$), отраженном в хетт. wātar, греческий язык обнаруживает * $\acute{\epsilon}\iota\upsilon$ - $\acute{\omicron}$ r в $\acute{\upsilon}\delta\omega\rho$ (согласно правилу, данному на стр. 189); в лице же *-er-, *-ep- и т. д. мы вновь встречаемся с категорией, уже нашедшей себе место. Благодаря сосуществованию окончаний на -ar (*-r) и -er при одних и тех же корнях оказывается возможной взаимозаменяемость конечных -ar $\acute{\omicron}\varsigma$ и -er $\acute{\omicron}\varsigma$, которую Дебруннер (IF, XXI, стр. 32) считал необъяснимой. По существу речь здесь идет о производных, вторично образованных от независимо друг от друга возникших имен с конечными *-ar или *-er, как это показывает огласовка форм $\chi\acute{\iota}\mu\alpha\rho\acute{\omicron}\varsigma$ и $\chi\acute{\iota}\mu\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$. Когда же ощущение двух первоначальных основ и заключенных в них возможностей исчезло, двойственность формы была возведена в принцип; производные стали создаваться безразлично с конечными -ar $\acute{\omicron}\varsigma$ или -er $\acute{\omicron}\varsigma$: $\mu\acute{\iota}\alpha\rho\acute{\omicron}\varsigma$, $\mu\acute{\iota}\alpha\iota\upsilon\omega$; $\lambda\acute{\iota}\mu\alpha\rho\acute{\omicron}\varsigma$, $\lambda\acute{\iota}\mu\alpha\iota\upsilon\omega$ (от $\lambda\acute{\iota}\mu\alpha$ < * $\lambda\acute{\iota}\mu\eta$, стр. 122 и сл.) и $\delta\acute{\iota}\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$,

* Т. е. без обычного перехода корня в нулевую ступень; исчезновение придыхательности в греческой форме тоже не обычно и заставляет предполагать заимствование из другого — по Георгиеву, „догреческого“ — индоевропейского диалекта, где *bh > b. — *Прим. перев.*

διαίω; γλοχερός, γλοχαίω. Эти отклонения, возникшие позднее действия рассмотренных закономерностей, не свидетельствуют, однако, против них.

Таким образом, различие между скр. *ásthi* : *asthán-* и *γόω* : *γωφ (стр. 77) находит теперь свое объяснение: элемент *-ц-* в **гопц-* является суффиксальным и, образуя часть производной основы, составляет базу склонения. Напротив, в **э́ést(h)j-*, какова бы ни была его этимология, суффиксом служит **-i(h)-*, и склонение фактически основывается на **э́és-th-*; элемент **-j-* является распространением и не участвует в склонении. Три из четырех санскритских существительных среднего рода, входящих в данную группу, а именно *ásthi*, *sákthi*, *ákṣi*, образованы от основы I и допускают прибавление (без перемен в корневой основе) элемента **-j-*, **-en-*, **-es-* и т. д. (стр. 207 и сл.). Суффиксами в этих трех существительных служат, очевидно, **-th-* и **-ḥ-* (**э́ék^h-ḥ* = *ákṣ-*). Несомненно, что **-j-* получило преимущество перед другими распространениями в силу удобства произношения, чтобы избежать слишком сложной группы согласных. Представляет трудности лишь анализ *dádhi* „кислое молоко“ (др.-прусс. *dadan* ничего для объяснения не дает): повидимому, здесь следует предположить I **dhéé-j-*, с удвоением *dédhāj, и II **dhə-éj-*, откуда скр. *dháyati* „сосет грудь“.

В простых и ясных чертах первоначальной системы, какой она обрисована выше, мы отыщем теперь более ясное толкование окончания на *-г/п-*, с которого началось наше исследование.

Не подлежит сомнению тот основной факт, что *-г* и *-п* (или *-i* и *-п*) совершенно независимы друг от друга: здесь налицо два различных типа, из которых один (*-п*) служит для вторичного образования многочисленных производных. На базе корневого имени производное на **-en-* дает начало либо косвенному падежу, либо женскому роду, либо новому существительному или прилагательному. Надо полагать, что в дофлективный период эти противопоставления или связи между корневой основой и производными на **-en-* намечались в очень многих случаях. Само производное имя, так же как корневое, могло функционировать в любом синтаксическом положении, что и было показано при разборе вопроса о „местном

падеже". Эти противоположения, едва намечавшиеся у истоков флективной системы, были закреплены новым и решающим обстоятельством: прогрессирующим развитием склонения. Начиная с того момента, когда отношения слова в предложении стали приобретать тенденцию обозначаться постоянными приметами и когда стало устанавливаться различие между прямым и косвенным падежом, „неопределенный падеж“, уточненный грамматическими окончаниями, исчез как таковой. Тогда возникла необходимость подчеркнуть различие между двумя именами, тяготеющими к образованию пары: существительное, которому противостояло производное на *-en-, получило дополнительную примету в виде распространения. Таким образом, в то время, когда *ost(h)- и *ost(h)en-образовали в паре зародыш склонения, *ost(h)- распространилось посредством какого-то элемента, отличного от *-en- (например, -s, -r, -i), так что соответствующая функция каждой из двух форм была отмечена: так получились *óst(h)-s (лат. oss), *óst(h)-i (скр. ásthi), *óst(h)-r (гр. ὄστρ-αχου), возможно, *ost(h)-u, если арм. oskr восходит к *ostuer. Во всех случаях был налицо процесс дифференциации форм, каким бы ни был используемый для этой цели элемент. В дальнейшем каждая из новых форм имела свою собственную судьбу: *ost-s стало в латинском языке базой независимого склонения oss, ossis; *óst(h)-i завершает свое развитие в прилагательном *óstéi- (гр. ὄστέω); *óst(h)-r получило в греческом языке распространения в ὄστραχου и т. д. Здесь мы уже вступаем в период диалектных расхождений.

Рассмотрим производное на *-en-, определившееся теперь в качестве независимого существительного. Его собственное производное на *-e/os становится формой родительного-отложительного падежа единственного числа (тип *dr̥en- : *dr̥nés, стр. 211). Следовательно, мы имеем для *ost(h)- три возможности склонения или словообразования: во-первых, *óst(h)- : *osth-és (авест. ast- : astō); во-вторых, *ost(h)- : *ost(h)-en- (авест. ast- : astan-) и, в-третьих, *ost(h)-en- : *osthnés. В индийском языке все эти формы смешались воедино при образовании склонения ásthi, asthnáḥ, неправильность которого мы теперь видим: asthnáḥ является закономерным лишь по отношению к asthán,

если *asthán* восходит к **asth-*. Им.-вин. п. *ástthi* является уже новшеством. Объединение в одном склонении *ástthi* и *asthnáḥ* означает поэтому упразднение тех закономерностей, которые, предшествуя возникновению падежных форм, управляли именными чередованиями: чтобы это вновь возникшее склонение могло действительно укрепиться, должны были существовать три древние пары форм.

При создании склонения существительных среднего рода на *-r*, производных от основы II, например **lĭĕk^ur*, трудности оказались еще большими, а результат — еще более аномальным. Следует напомнить, что основа II **lĭĕk^u* могла служить в качестве имени без каких-либо изменений; теоретически она могла дать (с чередованием, указанным на стр. 212) производные **lik^uen-*, **lik^ues-*, *lik^uer-* (ср. *liqueō*, *liquor*) и т. п., а **lik^uen-*, в свою очередь, породило бы **lik^unés*. В действительности, однако, не **lik^unés* послужило родительным падежом к **lĭĕk^ur*, а особая форма **lĭĕk^unés*. Род. п. ед. ч. скр. *уакпáḥ* представляет собой видоизмененный остаток независимой основы **lĭĕk^ur*, объединенной с другими формами в более позднее время. Добавив к этим особенностям последнее новшество — распространение **lyĕk^ur* в **lyĕk^urt* (стр. 212), — можно понять, насколько ошибочным было бы искать первоначальную систему в *уákr̥t*, *уакпáḥ*. Чтобы *уákr̥t* и *уакпáḥ* объединились в одном склонении, должно было существовать не меньше трех пар: во-первых, **lĭĕk^u-* : **lik^ués*; во-вторых, **lĭĕk^u-* : **lĭk^uén-*; в третьих, **lĭk^uén-* : **lĭk^unés*. Впрочем, в греческом языке тоже есть аномалии, но уже другого рода: в противовес им.-вин. п. *ἴπαρ*, род. п. *ἴπατος* имеет незакономерную огласовку аналогического характера; это — доказательство независимого происхождения, которое подтверждается еще присоединением *-t-* в родительном падеже, тогда как в индийском языке оно присоединяется в именительном-винительном падеже. Так же приведена в соответствие с *iesur* и огласовка лат. *iesin(or)is*.

Неудивительно, что слова этой категории имеются в большинстве архаических диалектов, хотя и не целиком совпадают друг с другом. Два исследованных примера показывают сложность и независимость исходных струк-

тур. Когда на развалинах первоначальных категорий постепенно создалось склонение, то произошла перегруппировка остатков старой системы в систему склонения, особую для каждого диалекта и почти для каждого слова. Объединение форм шло несколькими путями, редко без того, чтобы в процессе нормализации они не объединялись искусственно в новую парадигму; бок о бок продолжают существовать и дублеты (*téxmar*, *téxmar*; *ĩmar*, *ĩméra*); отдельные формы вовсе не получили склонения (таковы некоторые греческие существительные среднего рода на *-ar*), другие приспособились к образуемым более правильно категориям слов (*-ar* > *-as*, стр. 57—58) и т. д. Короче говоря, все эти факты являлись заново приспособленными остатками нескольких старых словообразовательных типов, а не первыми образцами новой категории, находящейся в становлении.

Таким образом, усилия, прилагавшиеся для прямого истолкования склонения на **r/n* (**-i/n-*), были затрачены напрасно; они и должны были потерпеть неудачу, так как проблема была поставлена неверно. Если это склонение по сравнению со словоизменением исторических эпох выглядит архаическим, то только потому, что оно действительно сохраняет некоторые пережитки доистории, в основном исчезнувшей. Но смысл этих пережитков раскрывается лишь той теорией, которая объясняет главнейшие черты их строения. Рассматриваемое в этом свете, гетероклитическое склонение выступает перед нами таким, какое оно есть: попыткой объединить в новых рамках склонения многообразные древние производные, образованные от корня, от корневых основ или от уже производных форм. Здесь нет подлинного склонения, здесь налицо собрание форм, заимствованных из самых разных систем, объединенных позднее и зачастую без должной связи. Несмотря на их строго определенный вид, эти новые объединения нельзя относить к индоевропейской эпохе в такой форме. Чтобы понять их, нужно расчленивать их на составные части; только взятые по отдельности, элементы этого склонения открывают нам все то, что скрыто за их позднейшей связью.

ГЛАВА XI

ЗНАЧЕНИЕ СУФФИКСА *-dh-

Стремление определить прежде всего структурные типы и установить морфологические закономерности не снимает проблемы значения форм: больше того, оно ведет к более точной постановке этой проблемы. По мере того, как уточняется формальное отношение суффиксов и распространений к корню, и именно благодаря этому уточнению функциональная роль и семантика этих морфем становится все более ясной.

Исследование аффикса *-dh- (суффикса или распространения) может служить иллюстрацией того, чего следует ожидать от подобных разысканий. Известно, что глухие придыхательные не имели места в древнейшей фонетической системе индоевропейского языка; они обычно происходят из глухого в соседстве с э_2 или э_3 (стр. 188—189, 205); они не только отсутствуют в значительной части диалектов, но даже в индийском языке, где они выступают в наиболее ясном виде, коэффициент их употребления весьма мал, как это явствует из подсчетов, приведенных Уитни (§ 75). Наоборот, звонкие придыхательные являются существенной частью индоевропейского консонантизма и представляют собой подлинные „фонемы“. А среди звонких придыхательных, и в доисторический, и в исторический период, *-dh- играет в словообразовании наиболее важную, хотя и наименее изученную роль.

Подготовительной работы по данному вопросу проделано не было; Бругман (Grdr., II, 1, § 465, стр. 472—473) только слегка касается этого предмета, причем в таких неопределенных выражениях, что проблема им даже не определяется. Конечно, исследование затруднено здесь смешением *d и *dh в некоторых языках; однако там,

где мы располагаем надежными данными, они указывают исследователю на вполне определенную функцию, выполняемую элементом *dh. Греческий язык особенно богат фактами, представляющими большой интерес и заслуживающими того, чтобы их собрать и сопоставить. Мы пойдем от простых образований к сложным, начиная с корневых распространений.

Если сразу сформулировать заключение, вытекающее из изложенных ниже фактов, то оно будет звучать так: афикс *-dh- выражает состояние, и особенно достигнутое состояние; корни, к которым он присоединяется, обнаруживают среднее или непереходное значение, либо сообщаемое им распространением, либо только усиливаемое в них прибавлением *-dh-.

Мы знаем лишь один корень, от которого форма на *-dh- относится к индоевропейской эпохе; но это важный корень, широко засвидетельствованный и по своему значению хорошо отвечающий только что сформулированному нами общему определению: *mendh- (гот. mundōn, гр. μαθεῖν и т. п.) „прилагать умственные усилия, учиться“. Высказывалось предположение, что *mendh- содержит редуцированную ступень от *dhē- подобно скр. mandhātar- „рассудительный, благочестивый человек“ (*manzdhātar-). Однако речь здесь идет о разных образованиях: авест. mazdra- „рассудительный, благоразумный“ (*mand-dra < *mandh-tra-), параллельное, за исключением различия в суффиксах, фактам балтийских и славянских языков (лит. mandras, mandrus „пробужденный“, ст.-слав. мадръ), указывает на *mand-, и.-е. *mendh-. Все эти формы, особенно греческие, восходят к *men-dh- с суффиксом, воспроизводимым в именных формах ион. μάθηρς, дор.-эол. μάθᾶ, ион.-аттич. μάθηρς, и т. д. Поскольку корень *men- обладал заведомо медиальным спряжением, можно судить о древности и о значении суффикса *-dh-, присоединявшегося к этому корню еще в индоевропейскую эпоху.

С такими же медиальной флексией и непереходным значением выступает и αἰσθῆσθαι, αἰσθᾶσθαι из *aḥis-θ-; ср. лат. audiō (*aḥis-dh-), собственное значение которого — „быть центром восприятия“.

В греческом языке элемент *-dh- нашел широкое применение. Отметим сначала несколько глаголов на -θ-,

имеющих медиальное значение или указывающих состоянии:

ἄλθραι: „выздоровливать, излечиваться“ не имеет действительного залога, если не считать вторичного соотношения с ἀλθαίνω. Здесь следует, признав первоначальным значение „расти, укрепляться“, связать *al-dh- с корнем *al- из лат. alō, откуда выясняется семантика распространения. Заметим, что в противоположность этому корень с суффиксом *-d- является переходным: ἄλθραι „выращивать плоды“, ἀλθαίνω „заставлять расти, укреплять“. Такое различие в значении не позволяет считать *-dh- в ἀλθ простым вариантом от *-d- из ἀλδ⁵³.

ἄχθραι „быть обремененным тяжестью“, ἄχθος „груз“. Глагольная флексия здесь медиальная, и хотя корень не имеет достоверной этимологии, в нем можно наверняка выделить элемент -θ-. Привычное и легкое сближение с ἄχραι, ἄχουραι, глаголами, выражающими только понятие „скорби“, не поддерживается основным значением ἄχθραι, содержащим в себе лишь понятие „физической тяжести“. См. также у Эд. Германа (Gött. Nachr., 1918, стр. 286), сближающего ἄχθραι с οὐθησαι.

βρίθω, βέβριθα „быть тяжелым, весить“, ср. βρήθος „бремя, ноша“ — глагол состояния, производный от βρή. βριαρόν = βρή ἐπὶ τοῦ μεγάλου καὶ ἰσχυροῦ καὶ χαλεποῦ τίθεται (у Гесиохия), от основы, тонко подмеченной Вакернагелем в вед. grī-ṣmā- „разгар лета“ (KZ, LXI, 1934, стр. 197 и сл.). Наоборот, βρίθω было переходным глаголом: „увеличивать, усиливать“ (Гесиод, Theog., 447; Op. 5), прежде чем оно стало средним (βρίθων, Op. 5).

ἡθῆω, γέγηθα „радоваться“, рядом с γαίω, γάνουμαι, говорит о *-dh-, которое обнаруживается также в лат. gaudeō. Греческие и латинские формы не полностью согласуются между собой: ἡθῆω „ощущаю радость“, γάνουμαι „веселюсь“ происходят от *γᾱ-, тогда как γαίω, γαῦρος „гордый“, γγαυός „надменный“ предполагают *γαϝ-, корневая основа которого образует также лат. gaudeō. Тем удивительнее согласие греческого и латинского языков в независимом использовании *-dh- при корне медиального значения.

(κατα)δαρθίνω „крепко засыпать“ образовано по типу ἔδραθον, ἔδαρθον, выражающих осуществленное действие: ἔδραθε „он заснул“, καταδαρθεῖς „крепко уснувший“ (Υ, 143).

ἔσθλός, с точки зрения греческого языка, как будто имеет -θλο- (стр. 234). Однако скр. édhate „цветает“ (*azdh-) указывает на существование основы *es-dh- от корня *e₁es-, представленного в гр. ἐύς < *ēs-ús, хетт. aššu- „хороший“. Таким образом, основой для ἔσθλός будем считать ἐσθ-.

Различие между ἐσθω (ἐσθίω, относительно которого см. Бругман, IF, XXXII, стр. 63 и сл.) и ἔδω затемнено: ἐσθω (-ίω) вытесняет мало-помалу старый атематический глагол ἔδω (см. Бонфанте, Glotta, XXII, стр. 293), как это наблюдается позднее и с уήθω по отношению к *γέω и с κνήθω по отношению к κνάω. Но все же у Гомера, несмотря на несколько случаев одинакового употребления, эти два глагола имеют разные смысловые оттенки: ἔδω, переходный глагол, обозначает совершаемое действие; ἐσθω, ἐσθίω часто выступают в абсолютной функции, выражая способность к данному действию или действие само по себе, без глагольного дополнения: ἐσθειν καὶ πίπειν (ε 197); ἐσθίμεν καὶ πινέμεν (β 305); ἤσθιε δ' ὥστε λέων ὀρεσίτροφος (ι 292) и т. п. Подстановка одного из этих глаголов вместо другого из метрических соображений и вообще смешение форм от ἔδω и от ἐσθω в одной супплетивной системе — все это зашло слишком далеко, и мы не можем провести здесь столь же резкую границу, как в других случаях. Встречаются даже гомеровские формы на -θ- от ἔχω: σχέθω и т. д.: последнее слово, по видимому, получало непереходное значение „находиться, быть или оставаться в определенном состоянии“ чаще, чем ἔχω, которое могло первоначально иметь две функции.

ἔσθος, ἐσθής (о суффиксе см. Шантрен, La formation des noms, стр. 267), ἤσθημαι восходят к *ues-dh-, причем уже основа *ues- (ἐνωμι и т. д.) имела значение среднего залога.

ἦλυθον, ἦλθον, непереходные аористы (Мейе, BSL, XXVI, стр. 6), существуют рядом с критской формой переходного значения, не имеющей -θ-: ἐπέλευσαι „приносить“ (Бехтель, Griech. Dial., II стр. 769); то же противоположение отмечается и у соответствующих санскритских форм ródhati (авест. raodaiti) „растет“ и róhati „поднимает“ (с *-gh-).

мет-εχίαθε, -θου, гомеровское прошедшее время несо-

вершенного вида, „он шел против“, непереходное, подобно $\chi\acute{\iota}\omega$.

$\lambda\acute{\eta}\theta\omega$, дор. $\lambda\acute{\alpha}\theta\omega$, $\epsilon\lambda\alpha\theta\omega$ и т. д., с богатым именным словообразованием (дор. $\lambda\acute{\alpha}\theta\omega\varsigma$, ион. $\lambda\acute{\eta}\theta\eta$, $\lambda\alpha\theta\rho\acute{o}\varsigma$, $\acute{\alpha}\text{-}\lambda\eta\theta\acute{\eta}\varsigma$ и т. п.); здесь, судя по $\lambda\acute{\eta}\tau\omega$, $\lambda\acute{\eta}\iota\tau\omega$ $\epsilon\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\theta\epsilon\tau\omega$, закрепляется при помощи -θ- значение глагола состояния, уже имеющееся в греческом корне $\lambda\acute{\alpha}(i)$ - (Буазак, стр. 554)⁵⁹. Существование нераспространенного корня в греческом языке не позволяет на основе предположения о *th (см. Мейе — Эрну под словом *lateō*) сравнивать -θ- из $\lambda\acute{\eta}\theta\omega$ с -t- из *lateō*: поскольку *lateō* может быть объяснено наподобие *fateor*, лучше не привлекать сюда для сравнения греческое отражение *-th-, а рассматривать греческое и латинское образования как независимые*.

$\delta\lambda\iota\sigma\theta\omega\varsigma$ „скольжение“, $\delta\lambda\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ „скользить“ восходят к *olidh- с расширенным в нем посредством *-dh- непереходным корнем того же значения, что и в $\delta\lambda\iota\beta\rho\acute{o}\nu$ $\delta\lambda\iota\sigma\theta\eta\rho\acute{o}\nu$ (Буазак, см. под этим словом).

$\pi\rho\acute{\eta}\theta\omega$ „с силой дуть“ имело, повидимому, непереходное употребление, объясняющее двоякий смысл этого глагола у Гомера: „надувать“, $\epsilon\upsilon\ \delta' \acute{\alpha}\nu\epsilon\mu\omicron\varsigma\ \pi\rho\acute{\eta}\sigma\epsilon\nu\ \mu\acute{\epsilon}\sigma\sigma\alpha\ \iota\sigma\tau\acute{\iota}\omicron\nu$ (A 481), и „выдувать“, $\tau\acute{o}\ \delta' \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\ \sigma\acute{\tau}\omicron\mu\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \rho\acute{\eta}\nu\alpha\varsigma\ |\ \pi\rho\acute{\eta}\sigma\epsilon\ \chi\acute{\alpha}\nu\omega\nu$ (II 350). Если данный глагол и родственен $\pi\acute{\iota}\pi\rho\eta\mu\iota$ ** „поджигать“ (ср. $\pi\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\iota\ \dots\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \delta\eta\acute{\iota}\omega\iota\varsigma\ \theta\acute{o}\rho\epsilon\tau\rho\alpha$; B 415), то это объясняется посредствующими звеньями — „раздувать огонь; дуть, разбрасывать огненные искры“; ср. $\pi\rho\eta\sigma\theta\acute{\eta}\rho$ „вихрь с молнией, грозовая буря“.

$\pi\lambda\acute{\eta}\theta\omega$ „быть полным“ ($\pi\lambda\acute{\eta}\theta\omega\varsigma$ „масса, толпа“) обозначает состояние при переходном $\pi\acute{\iota}\pi\lambda\eta\mu\iota$ ***, лат. *plēō*, вед. *āpṛāt* „он наполнил“.

$\rho\acute{o}\theta\omega\varsigma$ „шум волн“ (ср. $\acute{\alpha}\lambda\acute{\iota}\text{-}\rho\rho\theta\omega\varsigma$) из *sredh-, с *-dh-, прибавленным к непереходному корню *ser- „течь“.

$\pi\acute{\upsilon}\theta\omega$, $\pi\acute{\upsilon}\theta\omega\mu\alpha\iota$ менее отчетливо: форма действительного залога у Гомера переходная, но $\pi\acute{\upsilon}\theta\omega\mu\alpha\iota$ „порчусь“ встре-

* $\pi\acute{\epsilon}\rho\theta\omega$ „разрушать, опустошать“ — явно переходный глагол, но его происхождение менее ясно. Весьма легковесное сближение его с скр. *bardhakañ* „режущий“ ничего в отношении корня не показывает, а сближение с лат. *forfex* обоснованно отвергнуто Вальде — Гофманом (стр. 526).

** Дублетная форма к $\pi\acute{\iota}\pi\rho\eta\mu\iota$, встречающаяся у поэтов. — Прим. перев.

*** Дублет к $\pi\acute{\iota}\pi\lambda\eta\mu\iota$ „наполнять“. — Прим. перев.

чается чаще. Возникает вопрос, не служило ли исчезновение корневого глагола причиной переноса переходного значения на $\pi\acute{o}\theta\omega$ с целью противопоставить его $\pi\acute{o}\theta\omicron\rho\alpha\iota$, сохраняющему древнее непереходное значение формы с *-dh-.

* $\sigma\tau\alpha\theta$ - устанавливается, исходя из нескольких отыменных производных; если бы $\sigma\tau\alpha\theta\mu\acute{o}\varsigma$, $\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\mu\eta$ были изолированными формами, то их можно было бы поставить в один ряд с хорошо известными образованиями на - $\theta\mu\acute{o}\varsigma$, - $\theta\mu\eta$ (стр. 231). Однако гомер. $\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\theta\acute{\eta}\varsigma$, $\acute{\alpha}\sigma\tau\alpha\theta\acute{\eta}\varsigma$ предполагают * $\sigma\tau\alpha\theta$ -, обнаруживаемое также в $\sigma\tau\alpha\theta$ - $\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$. Поэтому нужно, вопреки первому впечатлению, расчленять существительные $\sigma\tau\alpha\theta\mu\acute{o}\varsigma$, $\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\mu\eta$ на $\sigma\tau\alpha\theta$ - $\mu\acute{o}\varsigma$, $\sigma\tau\acute{\alpha}\theta$ - $\mu\eta$, отделяя их от слов на - $\theta\mu\acute{o}$ -. Наряду со $\sigma\tau\alpha\theta$ - существует $\sigma\tau\alpha\delta$ - ($\sigma\tau\acute{\alpha}\delta\iota\omicron\varsigma$), подобно $\acute{\alpha}\lambda\theta$ - и $\acute{\alpha}\lambda\delta$ - (стр. 221). В данном случае *-dh- прибавляется к корню непереходного значения.

Специфическая функция аффикса *-dh- осуществляется не только в греческом языке. Ее подтверждают также индо-иранские корни, распространенные посредством -dh-: скр. $\sqrt{dh}$ - „расти, процветать“; скр. $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dhati „удаваться“, авест. $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „заниматься (чем-либо)“, ср. ст.-слав $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dhiti „радеть“ и т. д.; скр. $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „усердствовать“; скр. $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „очищать(ся)“; $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „сражаться“ при первоначальном значении „кипеть ключом, возбуждаться“ ($\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dhati; лат. $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh-); $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „сильно желать, жаждать“, $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „тот, кто желает“, ср. гот. $\sqrt{adh}$ $\acute{a}$ dh- „голод“.

От *-dh- в роли распространения корня мы перейдем теперь к *-dh- как глагольному суффиксу и под этим углом зрения сделаем обзор греческих форм настоящего времени на - $\theta\omega$. Шантрен (*Mélanges J. Vendryes*, стр. 93 и сл.) приписал этим формам исключительно „определенный“ смысл, имея в виду здесь срок действия. Однако это относительно второстепенный оттенок их значения. Противоположение „определенный — неопределенный“ развилось в греческом языке сравнительно поздно и никогда не проводилось вполне строго; поэтому оно не оказывало сколько-нибудь серьезного влияния на организацию глагольной системы. Оно представляло собой, скорее, семантический, чем морфологический, фактор и могло осуществляться по-разному, независимо от переходного или абсолютного характера выражаемого процесса; глаголы действительного залога участвовали в этом противополо-

жении на равных основаниях с прочими: ср. ἐρόω : ἐρόω или ἴσχω : ἴχω, и т. д. Поэтому для глаголов настоящего времени на -θω понятие „определенности“ стало второстепенным по сравнению с тем существенным фактом, что все эти формы настоящего времени были непереходными и имели ясно выраженное медиальное значение. Случается, что исходные формы настоящего времени, с которыми связаны глаголы на -θω, уже являлись непереходными; однако чаще они переходны, и тогда тенденция, выражаемая настоящим временем на -θω-, проявляется с полной отчетливостью, неоднократно обуславливая употребление медиальных окончаний. Это значение * их не относится к числу трудноуловимых тонкостей: оно бросается в глаза. Достаточно привести факты, собранные Шантреном, чтобы раскрыть истинный смысл этих форм настоящего времени:

φθιύθω „сходить на нет“ : φθίν(φ)ω „погибать“. Антонимом к φθιύθω „переходить от бытия к небытию“, как на это указывал Шантрен, является γίγνομαι „переходить от небытия к бытию“. Здесь обнаруживается примечательное соотношение формы на -θω с настоящим временем, имеющим медиальные окончания.

μινύθω „уменьшаться“ противостояло, повидимому, некоему *μίγγω, соответствующему лат. *minuō*. Важно, что это *μίγγω было переходным, подобно лат. *minuō*, при непереходном μινύθω.

ἡερέθωμαι „висеть“, не совсем ясное в видовом отношении (Шантрен, цит. соч., стр. 96), является вполне определенным с точки зрения общей тенденции: оно существовало только с медиальными окончаниями при ἀείρω „поднимать, подвешивать“.

ἡερέθεσθαι „собираться, быть собранным“ по своему пассивному значению смежно с ἀείρεσθαι и противостоит переходному ἀείρω „собирать“. Конечно, между ἀείρεσθαι и ἡερέθεσθαι существует видовое различие; тем не менее, „определенная“ форма, теоретически могущая иметь значение действительного залога наряду со страдательным, на практике оказывается, при окончании -θω, связанной с медиопассивом, а не с действительным залогом.

* Т. е. непереходное и медиальное значение производных форм настоящего времени на -θω. — *Прим. перев.*

μετέθουτο, однажды засвидетельствованное в А 635, употребляется в страдательном значении.

θαλέθω „цвету“ присутствует рядом с θάλλω „расту“, уже непереходного характера.

τελάθω (в трагедии) имеет лишь медиальное значение „приближаться“.

τελέθω, как и в предыдущих случаях, равносильно медиальным формам. Обычно его связывают с группой πέλομαι (Буазак), однако без достаточных оснований. Τελέθω повсюду употребляется в смысле „совершиться, быть совершившимся“ или с некоторыми оттенками этого же значения; скорее его надо связывать с τελέω „совершить“. У трагиков τελέθω часто употребляется в смысле „оказаться, быть“, поскольку внутри составного сказуемого оно означало „быть завершенным“. Ср. у Гомера: θαρσαλέος γὰρ ἀνὴρ ἐν πᾶσι ἀμείνων | φέρροισιν τελέθει (γ, 52) „храбрый же муж является совершенно (оказывается) лучшим во всех делах“; ἄνδρες ἀριπρῆδες τελέθουσι (I 441) „воины оказываются знаменитыми (достигают совершенной славы)“. Так уточняется, в противоположность активному τελέω, пассивное значение τελέθω. Во всяком случае, этимологическая сторона вопроса не может поставить под сомнение медиальный характер τελέθω.

* φαέθω сохраняется только в причастии φαέθων, происходя от непереходного корня „блестеть“ (аор. φάε, φαείνω и т. д.). Не менее существенно, что в функции непереходного причастия -φάων и -φῶν были вытеснены формой на -θων*.

φλεγέθω ценно в том отношении, что, будучи в подавляющем большинстве случаев непереходным („пылать“), в широком смысле противостоит переходному φλέγω („жечь, сжигать“) ⁶⁰.

Отметим также βιβάζθω в гомеровском выражении μακρὰ βιβάζθω „идуший большими шагами“ (N 809, O 676, Π 534), ср. βαίνω.

Если некоторые из этих форм настоящего времени имеют иногда переходное или побудительное значение, это является следствием их терминативного характера (Шантрен, цит. соч., стр. 102). Соответствующее опре-

* См. примечание редактора 46 в конце книги. — *Прим. перев.*

деление от этого не изменяется, поскольку древнейшее употребление характеризует их как непереходные или даже медиопассивные формы настоящего времени; тем самым подтверждается установленная нами роль *-dh- в индоевропейском языке. Если правильно восстанавливать *-dhe- (а не *-de-) в двух славянских формах настоящего времени, идѣ, ѣдѣ (соответственно из *e_i и *iā; см. Мейе — Вайан, *Le slave commun*, стр. 205, 277), то мы получим здесь новое доказательство связи между *-dh- и непереходными глаголами. Эти две славянские формы, как и все греческие формы настоящего времени, разобранные нами, обнаруживают известную „терминативность“; однако в значении данного суффикса первичным является выражение состояния, что и объясняет его последующую связь с медиопассивом.

Продолжая исследование форм настоящего времени на -θω, обратимся теперь к одному образованию, которое уже связывалось с ними, хотя и по другим мотивам. Речь идет о пассивном аористе на -θη. А. Прево, добросовестно описавший это образование и попытавшийся разобраться в его происхождении (*L'aoriste passif en -θη*, стр. 84 и сл.), сводит различие между -η и -θη к разнице между неопределенным и определенным; помимо этого, он ставит аорист на -θη в связь с настоящим временем на -θω. Пассивное значение не обусловлено структурой аориста на -η или на -θη: оно зависит прежде всего от употребления суффикса состояния *-ē-. Однако все эти положения при описании установившейся в греческом языке системы не проникают в существо вопроса, который состоит в том, чтобы определить, почему из всех „определенных“ распространений и суффиксов именно -θ- было избрано для закрепления уже содержащегося в формах на *-ē- понятия состояния. Это предпочтение было не случайным. Аорист на -θη, действительно, оказывается родственным настоящему времени на -θω, но в основании этого сходства лежит нечто большее, чем сходство глагольного вида; по своему основному значению суффикс -θ- имел тенденцию присоединяться к безличным глаголам, к непереходным глаголам, к глаголам состояния, сообщая им смысловой оттенок, близкий к медиопассиву. Совершенное, достигнутое, определенное

состояние, но всегда состояние — вот та область, где $-\theta-$ и $*-\tilde{\epsilon}-$ соприкасаются и образуют единство. Между $-\theta\eta$ и $-\theta\omega$ обнаруживаются два рода отношений: во-первых, отношение пары $\acute{\epsilon}\chi\acute{\alpha}\eta\eta/\acute{\epsilon}\chi\acute{\alpha}\acute{\upsilon}\theta\eta$, параллельной $\phi\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega/\phi\lambda\epsilon\gamma\acute{\epsilon}\theta\omega$; во-вторых, выражение перехода от небытия к бытию, и наоборот (Прево, цит. соч., стр. 94 и сл.); это те же отношения, которые обуславливают постоянство функции, выполняемой аффиксом $-\theta-$, как мы уже видели выше (стр. 225). Между этим значением и тем, с виду переходным, употреблением, в каком мы иногда находим аорист на $-\theta\eta$, никакого противоречия нет: в данном случае происходят лишь ограничение и конкретизация глагольного понятия, имеющего, в первую очередь, непременный и абсолютный характер (Прево, цит. соч., стр. 109 и сл.). Сравним с этим встречающееся иногда переходное употребление такого нейтрального глагола, как $\chi\acute{\alpha}\mu\omega$ ⁶¹.

Независимо от того, является ли он распространением корня, суффиксом настоящего времени или приметой времени, элемент $*-dh-$ проявляет свое функциональное значение с таким постоянством, что возникновение его не могло произойти на греческой почве. Если бы даже мы не располагали фактами других языков, собранными выше, то, уже исходя из употребления данного элемента в греческом языке, мы должны были бы сделать вывод о его индоевропейском происхождении. Это подтверждается еще одной особенностью: морфема $*-dh-$ входит не только в основу глагола, но употребляется и в окончаниях. В медиопассивных окончаниях 1 и 2 л. мн. ч. отличительным элементом служит именно $*-dh-$. Теперь мы в состоянии возвести к их первооснове устойчивые ряды противоположений: 1 л. мн. ч. действ. залога $*-mes$, $*-men$: ср. залог $*-medh-$ (гр. $-\mu\epsilon\theta\alpha$, скр. первичное $-\mahe$, вторичное $-\mahi$); 2 л. мн. ч. действ. залога $*-te$, $*-the$: ср. залог $*-dh\eta-$ (гр. $-\sigma\theta\epsilon$, скр. $-\dhve$, $-\dhvam$)*. Сравнение конечных групп дает возможность анализа медиальных окончаний. В 1 л. мн. ч. действительного залога

* Известно также, что греческий язык привел окончания двойственного числа в соответствие со множественным: $-\mu\epsilon\theta\omicron\nu$, $-\sigma\theta\omicron\nu$, $-\sigma\theta\eta\nu$. Однако этот процесс имел вторичный характер и ничего не дает для исследования общиндоевропейской эпохи.

мы видим по колебанию между *-mes и *-men, что формообразующим элементом было только *-m-, к которому прибавлялось *-es или *-en (стр. 203—204). Следовательно, противоположение действительного и среднего залогов вполне точно выражается пропорцией *-m- : *-m-edh-. Во 2 л. мн. ч. среднего залога исходное состояние было уже нечетким, и каждый язык пошел от него по своему собственному пути. Окончание *-dhце, *-dhцот (гр. -σθη, -σθηου, индоиран. *-dhцam), как бы ни объяснялось его -ц- (вероятно, как указатель лица), во всяком случае содержит *-dh-; выражение среднего залога по отношению к действительному достигается при помощи чередования *-dh-/*-t(h)-, принцип которого известен из других форм. Таким образом, в двух первых лицах множественного числа именно морфема *-dh- — и только она — сообщает окончанию значение среднего залога, вообще свойственное этому аффиксу.

Кое-какие моменты того же порядка обнаруживаются и в армянском языке, в формах, описанных у Мейе (Esquisse, стр. 90), которые мы должны определить с большей ясностью. 2 л. ед. ч. императива от медиального аориста (могущего переходить в настоящее время и в действительный залог) характеризуется окончанием -jig; 2 л. мн. ч. характеризуется соответственно окончанием -jik. Кроме того, -jik употребляется во 2 л. мн. ч. сослагательного наклонения аориста для среднего и для действительного залогов: siresjik „(чтобы) вы были любимы“ и „(чтобы) вы любили“. Наиболее естественное предположение (рассмотренное уже у Мейе; см. там же) состоит в том, что -j- восходит к *-dhj- (Пизани, *Giornale della Società Asiatica Italiana*, 1934, стр. 78); это *-dh-, характеризующее здесь средний залог в императиве (если не в сослагательном наклонении), отождествляется, следовательно, с изучаемой нами морфемой, а не с окончанием *-dhi императива (гр. -θη, скр. -hi), представляющим собой древнюю частицу. Иначе следует трактовать славянские императивы *даждь*, *вждь* (*вждь*), *вждь*, *виждь*. Даже если их окончание действительно восходит к *-dhi, как это полагает Миккола (*Sbornik Miletič*, 1933, стр. 7 и сл.), вопреки мнению Мейе — Вайана (*Le slave commun*, стр. 331), это доказывает лишь распространение императива

типа гр. ἴσθι, ἴθι, и эти факты остаются вне изучаемого нами образования.

Роль аффикса *-dh в системе глагола установлена. Но это отнюдь не исчерпывает предмета нашего исследования, так как за пределами глагольной системы это *-dh-обнаруживается во многих именных суффиксах. И с методической точки зрения, и по характеру привлекаемых фактов полная проверка наших выводов на новом материале представит несомненный интерес. Изучаемые морфемы тождественны по форме и в системе именного, и в системе глагольного словоизменения; проблема этого сходства настолько важна и так редко затрагивалась, что мы не можем пройти мимо нее.

Начиная с индоевропейской эпохи *-dh- могло распространять неглагольные основы; от корневой основы, принимаемой за местоименную (мы рассмотрим ее в другом месте), было образовано производное *sue-dh-: скр. svadhā „особенность, привычка“, гр. ἔθος, ἥθος „привычка, обычай, нрав“, вероятно, лат. sod-ālis „сотоварищ“. В данном случае морфема *-dh- устанавливает отношение к субъекту, образуя имена, выражающие качество или состояние, но не действие. Этот именной тип получил довольно широкое распространение в греческом языке, но чаще в сложных словообразовательных формах, чем в простых. Однако, будучи весьма обширной, группа слов на -θος содержит сравнительно мало слов, не вызывающих сомнений; в большинстве же случаев это имена темного происхождения, зачастую имеющие облик заимствованных (Шантрен, *La formation des noms*, стр. 365 и сл.). Факты, которые можно использовать, единичны; выше (стр. 221) мы встречались с существительными, которые своим -θος-обязаны глаголу: ἄθος, βροθος, πλήθος. Впрочем, малочисленность этих свидетельств искупается их качеством; слова с бесспорным суффиксом -θος- или имеют значение состояния, или находятся в связи с глаголами, тяготеющими к среднему залогу: ἔσθος „одежда“, безусловно, повлиявшее на образование ἐσθής (Швицер, *IF*, XXX, стр. 443), связано с корнем *ues-, не образовавшим в греческом языке атематического настоящего времени; однако медиальная флексия, представленная в скр. vāste, характеризует уже самые древние формы: хетт. waššanta, лув.

wasántari; — вторичное абстрактное существительное ион. μέγανος, аттич. μέγεθος (от μέγα) „величина, величие“ обозначает состояние. Возможно, сюда же относится и πάχετος, которое, если бы оно было существительным, происходило бы из *πάχεθος; определение его как существительного среднего рода хорошо объясняет πάχετος δ' ἦν ἰσότης κίων (ψ 191); то же, возможно, относится и к χάτος, *χῆτος (дат. п. χῆτε!) „нехватка, отсутствие“ из *ghē- „зять, быть недостаточным“, скр. jahāti, ср. лат. hiāre; — τέλος „подать, дань“ не имеет ясно определенной связи с τέλος; еще более сомнительна допускаемая многими связь между στῆθος и *st(h)ā-.

Именные типы, в которых -θ- соединяется с -μο-, -ρο-, -λο-, дают более обширный материал. Несомненно, что эти образования развивались по образцу сравнительно небольшого числа примеров, и поэтому классический язык имеет множество таких производных, в которых первоначальное значение суффиксов затушено. Мы будем рассматривать лишь древнейшие свидетельства, почти исключительно из гомеровского языка.

Производные на -θμο- составляют часть большой группы имен действия на -μο, но выделяются в ней одной важной особенностью: первые имена этого типа были образованы от корней, употреблявшихся в непереходном значении и имевших абсолютное или квазимедиальное значение; действительно, некоторые слова на -θμο- (и на -θλο-) содержат глагольное распространение -θ- (стр. 220 и сл.):

ἀρθμός выражает, собственно говоря, „факт присоединения“: εἰς ἀρθμόν ἐμοὶ καὶ φιλότητα ... ἤξει (Эсхил, Prom., 190) „он придет, чтобы соединиться со мною и ради дружбы“.

ἀριθμός обозначало ранее „число“ как свойство сосчитанной вещи и лишь потом стало означать „исчисление“; прилагательное ὑήριτος „бесчисленный“ подтверждает, что речь шла о качестве, а не о действии.

ἀνα-βαθμός „ступень, лестница“ у Геродота (ср. βαθμῖς у Пиндара) — причастие абсолютного значения от βαίνω.

σταθμός, σταθμά „стойло“ по смыслу связано с непереходным ἕστην (а не с переходным ἵστημι) * так же, как и лат. stabulum (стр. 224 и 236).

* Глагол ἵστημι имел два аориста: ἕστηται „я поставил“ и ἕστην „я стал“. — Прим. перев.

τέθμος, дор. θεθμος, локр. тетθμος „закон“ происходят от τίθημι в непереходном значении „устраивать, решать законным путем“; ср. кимр. deddf (*dedmo- < *dhedhmo-) и у Лота (Revue celtique, XLV, стр. 184).

κλαυθμός „плач“ от κλαίω „плакать“.

μητιμός „гнев“ от μηνίω „гневаться“.

ῥυθμός „ровный ход, такт“ от ῥέω „течь“.

Последние три примера не требуют комментариев, так как происходят от явно непереходных глаголов.

Производные на -ηθμός (обычно от глаголов на -έω) столь же примечательны по своему употреблению. Начиная с Гомера и в еще большей степени после него мы находим среди этих производных выражения животного крика, образованные по необходимости от непереходных глаголов: κλυζηθμός „тявканье“ (κλυζέω), μυκηθμός „мычание“ (μυκάωμαι среднего залога!), ὠρυθμός у Феокрита „вой“ (ὠρύω) и т. п. Другие из этих производных обозначают движения, выполняемые, однако, добровольно, а не навязываемые предмету: ὀρχηθμός „танец“, связываемое с ὀρχεῖσθαι „танцевать“, а не с ὀρχεῖν „побуждать к танцу, подбадривать“; κλυηθμός, равным образом предполагающее медиальное κλυεῖσθαι, а не κλυεῖν действительного залога, как это явствует из одного места у Пиндара (Puth., IV, 370): συνδρόμων κλυηθμόν ἀμαϊμάχεταιу πετρᾶν. Этот же непереходно-пассивный оттенок окрашивает и другие производные: κηληθμός — это не чары, которыми привораживают, а очарование, которым кто-то наделен, или, иначе, свойство не чаровать, а быть чарующим: κηληθμῶ δ' ἔσχευτο „они испытали колдовскую силу (источаемую словом Одиссея)“ (Λ 334 = γ 2); ἐκηθμός представляет собой не совершаемое похищение, а претерпеваемое, при котором субъект похищается: πρὶν γέ τι σῆς τε βοῆς σοῦ θ' ἐκηθμοῖο πιδέσθαι (Z 465) „прежде, чем я воспринял твой крик и твое похищение (=исчезновение)“. Гомер мог еще употреблять абстрактное существительное в чисто пассивном значении.

Чрезвычайно редкие существительные женского рода на -θμή не отличаются в этом отношении от существительных мужского рода на -θμός: в σταθμή мы имеем то же распространение, что и в σταθμός, σταθερός (стр. 231); с точки зрения греческого языка, это производное на

-θμη, хотя в действительности речь здесь идет о непереходном $\sigma\tilde{\alpha} + -\theta -$; — $\epsilon\iota\sigma\text{-}\dot{\iota}\theta\mu\eta$ „вход“ от *ei-, ср. $\dot{\iota}\theta\mu\alpha$, рассмотренное ниже; — $\delta\upsilon\theta\mu\acute{\eta}$ „заход (небесного светила)“ от $\delta\acute{\upsilon}\omega$, $\delta\acute{\upsilon}\sigma\mu\alpha\iota$ „погружаться, садиться (о небесном светиле)“. — Из числа существительных среднего рода на -θμα мы оставляем в стороне диалектные формы, в которых -θ- соответствует корневому губному звуку: арг. $\gamma\rho\acute{\alpha}\theta\mu\alpha$ ($\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$), эол. $\dot{\iota}\theta\mu\alpha$ · $\dot{\iota}\theta\mu\alpha$ у Гесихия ($\dot{\iota}\theta\mu\text{-}$), $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\theta\mu\alpha$ · $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\mu\alpha$ у Гесихия ($\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\phi\omega$). Здесь остается только $\dot{\iota}\theta\mu\alpha$ „шаг“, ср. $\epsilon\iota\sigma\text{-}\dot{\iota}\theta\mu\eta$, приведенное выше, и в какой-то мере ст.-слав. идж; $\acute{\alpha}\zeta\theta\mu\alpha$, этимология которого представляется неясной, предполагает непереходный глагол со значением „задыхаться“⁶².

С помощью -θρο- образуются и прилагательные, и существительные (перечень см. у Шантрена, цит. соч., стр. 372 и сл.). Те из прилагательных, происхождение которых ясно, связаны с непереходными глаголами: $\sigma\chi\upsilon\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „угрюмый“ (* $\sigma\chi\upsilon\theta\text{-}\theta\rho\acute{o}\varsigma$; Швицер, KZ, XXXVII, стр. 149), ср. гомер. $\sigma\chi\acute{\upsilon}\zeta\sigma\mu\alpha\iota$, $\sigma\chi\upsilon\delta\mu\alpha\iota\omega$ „сердиться“, лит. $sk\ddot{u}sti$ „утомляться“, $sk\ddot{u}nsti$ „жаловаться“ и т. д.; — $\sigma\chi\epsilon\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „точный, тщательный“ связано как по непереходному смыслу, так и по форме с $\sigma\chi\epsilon\theta\epsilon\iota\upsilon$; здесь, вероятно, надо предположить значение „находиться в определенном состоянии“ (ср. $\sigma\chi\eta\mu\alpha$ „образ, вид, положение, состояние“), исходя из сопоставления с скр. $satya-$, авест. $hai\thetaya-$ „истинный“, от скр. $sant-$, авест. $hant-$ „сущий“; — $\sigma\alpha\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „испорченный“ не имеет ничего общего с $\sigma\acute{\eta}\theta\omega$, $\delta\iota\alpha\tau\tau\acute{\alpha}\omega$ „просеивать“, с которыми его часто сравнивают, но предпологает корень * $\sigma\alpha(\theta\text{-})$ „портиться“ с тем же распространением, что и в $\pi\acute{\upsilon}\theta\omega$ „гнить“; в любом случае прилагательное имеет пассивное значение. Ничего нельзя сказать относительно $\epsilon\chi\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „враждебный“ и $\beta\lambda\omega\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „высоко растущий“, происхождение которых неясно; если $\beta\lambda\omega\theta\rho\acute{o}\varsigma$ соответствует скр. $m\ddot{u}rdhan-$ „голова“, то оно не содержит -θρο-.

В возникавших существительных мужского и среднего рода на -θρο-, не уступавших по количеству именам на -τρο-, подлинное значение суффикса -θ- определяется прежде всего тем, что исходные глаголы, как правило, имеют непереходное значение: $\delta\lambda\epsilon\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „гибель“ от $\delta\lambda\lambda\omega\mu\epsilon$ „погибать“; $\rho\acute{\epsilon}\epsilon\theta\rho\omega$ „течение реки“ от $\rho\acute{\epsilon}\omega$ „течь“; $\tau\acute{\epsilon}\rho\theta\rho\omega$

„край, окончание“ от *ter- „быть вне, сверх“, подобно $\tau\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha$; $\lambda\acute{\upsilon}\theta\rho\omega$ „нечистая кровь, грязь“ следует считать пассивным („запачканная вещь“), судя по лат. lutum „грязь“, являющемуся, собственно, страдательным причастием от *luō* (ср. *pol-luō*) „пачкать“; $\beta\acute{\alpha}\theta\rho\omega$ „основание, ступень“ от $\beta\alpha\iota\omega$, ср. $\beta\alpha\theta\mu\acute{o}\varsigma$; $\delta\rho\theta\rho\acute{o}\varsigma$ „рассвет“ — неясного происхождения, возможно, образованное, как и $\delta\rho\theta\acute{o}\varsigma$, от **uerdh-* „подниматься“ (см. у Бузака); если оно действительно содержит $-\theta\rho-$, то этим подтверждается истолкование типа в целом; $\beta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\theta\rho\omega$, ион.-аттич. $\beta\acute{\alpha}\rho\alpha\theta\rho\omega$, аркад. $\zeta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\theta\rho\omega$ „пропасть, куда сбрасывали преступников“, собственно „место, где (человек) поглощается“. С распространением * $\bar{\epsilon}$ -* гомер. $\mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\eta\theta\rho\omega$ „забава, игрушка“ ($\chi\omega\sigma\iota\nu\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\eta\theta\rho\alpha\ \gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota$; P 255 = Σ 179) гораздо ближе к $\mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega\mu\alpha\iota$ „петь, приплясывая“ (откуда „веселиться, забавляться“), чем к $\mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega$, означаящему только „петь“ **; $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\gamma\eta\theta\rho\omega$ у трагиков „приворот, средство стать любимым“, по образцу которого было образовано $\mu\acute{\iota}\sigma\eta\theta\rho\omega$ (Лукиан) „средство стать ненавистным“. Ионийско-аттические существительные женского рода на $-\theta\rho\alpha$ тоже имеют медиопассивный характер либо по собственному их смыслу, либо соответственно тому глаголу, с которым они связаны: $\chi\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\theta\rho\alpha$ „подвешенная корзина“, ср. $\chi\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\mu\alpha\iota$; $\kappa\omega\lambda\upsilon\mu\beta\acute{\eta}\theta\rho\alpha$ „купальня“ от $\kappa\omega\lambda\upsilon\mu\beta\acute{\alpha}\omega$ „нырять“; $\acute{\alpha}\lambda\iota\upsilon\delta\acute{\eta}\theta\rho\alpha$ „круговая дорожка на манеже“ от $\acute{\alpha}\lambda\iota\upsilon\delta\omega\mu\alpha\iota$ „вертеться“; $\acute{\alpha}\rho\omega\beta\acute{\alpha}\theta\rho\alpha$ „трап, приставная лестница для посадки“ от $\acute{\alpha}\rho\omega\beta\alpha\iota\omega$.

Часто происходившая взаимозамена $-г-$ и $-л-$ обусловила появление небольшой группы имен на $-\theta\lambda\omega$, часть которых по принципам своего образования неясна: $\acute{\alpha}\theta\lambda\omega$ „борьба“, $\theta\acute{\epsilon}\mu\epsilon\theta\lambda\alpha$ „основание“ не имеют установленной этимологии; — $\theta\acute{\upsilon}\sigma\theta\lambda\alpha$ *** обычно сближается с $\theta\acute{\upsilon}\omega$, однако ни элемент $-\sigma-$, ни значение слова не допускают такого

* В понимании автора (см. стр. 203) гласный ϵ не может быть распространенным. Скорее, здесь надо говорить о вторичном суффиксе. — *Прим. перев.*

** Глагол $\mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega$ может иметь то же значение, что и * $\mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega\mu\alpha\iota$, выводимое только из $\mu\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$. — *Прим. перев.*

*** Слово $\theta\acute{\upsilon}\sigma\theta\lambda\alpha$ означает всякую утварь и бутафорию, связанную с культом Диониса, в том числе и „тирсы“ ($\theta\acute{\upsilon}\rho\sigma\iota$), т. е. оббитые жезлы; $\theta\acute{\upsilon}\rho\sigma\omega\varsigma$ считается многими негреческим („иллирийским“) словом, имеющим тот же индоевропейский корень, что и гр. $\tau\acute{\upsilon}\rho\sigma\iota\varsigma$ „башня“ (и. е. *t, иллир. *th, гр. τ). — *Прим. перев.*

сближения; сравнивая $\theta\upsilon\sigma\theta\lambda\alpha$ с $\theta\upsilon\rho\sigma\sigma$, мы, скорее, выведем $\theta\upsilon\sigma\theta\lambda\alpha$ из $*\theta\upsilon\rho\sigma\theta\lambda\alpha$; отношение между $*\theta\upsilon\rho\sigma\theta\lambda\alpha$ и $\theta\upsilon\rho\sigma\sigma$ такое же, как между $\acute{\iota}\mu\acute{\alpha}\sigma\theta\lambda\eta$ „бич“ и $\acute{\iota}\mu\acute{\alpha}\sigma$ „узкий и длинный ремень“; фактически это слово относится у Гомера (Z 134) к культу Диониса и обозначает ритуальные орудия: $\theta\upsilon\sigma\theta\lambda\alpha \chi\alpha\rho\alpha\iota \kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\chi\epsilon\upsilon\alpha\upsilon$ „(кормилицы Диониса, низвергнутые Ликооргом с высоты Нисейона), рассыпали по земле свои тирсы“ (или что-нибудь вроде них).— Наоборот, $\gamma\epsilon\upsilon\acute{\epsilon}\theta\lambda\eta$ „происхождение, род, порода“ ($\gamma\acute{\iota}\gamma\gamma\omicron\mu\alpha\iota$) по своему значению соответствует словам на $-\theta\rho\sigma$; — $\acute{\epsilon}\sigma\theta\lambda\acute{o}\varsigma$ „хороший, прекрасный“ также относится сюда как прилагательное качества, родственное $\acute{\epsilon}\theta\varsigma$ (хетт. $a\check{s}su-$ „хороший“).

Таким образом, все греческие именные образования на $-\theta$ - в своих древнейших примерах подтверждают данные глагольных образований на $-\theta$ -. Отныне общее происхождение этих разных типов становится вероятным: в обоих случаях перед нами один и тот же элемент, использованный с одинаковым значением и в имени, и в глаголе. Его широкое применение объяснялось главным образом тем, что это было распространение корня. Чтобы убедиться в правильности такого вывода, приложим его к иному типу производных: к именным формам на $*-dh-$ в латинском языке.

Возьмем сначала существительные на $*-dhlom$, $*dhl\bar{a}$, лат. $-bulum$, $-bula$ или $-brum$, $-bra$, образовавшиеся в результате диссимиляции, если корневая основа содержала $-l-$ (перечень см. Штольц—Лойман, Lat. Gram., стр. 218—219). Отметим, что среди первичных существительных среднего и женского рода, образованных от глагольных основ, количество непереходных корневых форм было весьма значительно: $latibulum$, $latebra$ „логово, тайник“ от $late\bar{o}$; $patibulum$ от $pate\bar{o}$; $p\bar{a}bulum$, которое могло связываться и с $pascor$, и с $pasc\bar{o}$; $stabulum$ от $st\bar{o}$; $u\bar{e}n\bar{a}bulum$ „рогатина, охотничье копье“ от непереходного $u\bar{e}nor$; $concili\bar{a}bulum$ „сборное место; место, где собираются“ от $concilior$; $fabula$ от $f\bar{a}ri$; $lau\bar{a}brum$ „купальный бассейн“ от возвратной формы $lau\bar{a}re$; $uol\bar{u}t\bar{a}brum$ „кабанье логово; место, где животное катается“ от $uol\bar{u}t\bar{a}ri$; $l\bar{u}cubrum$ (у Исидора; см. Мейе—Эрну, под словом $lucubr\bar{o}$, стр. 543) от $l\bar{u}ce\bar{o}$; $palpebrae$ от непереходного $*palpere$ ($> palpit\bar{a}re$); $uvertebra$

„сочленение, позвонок“ от абсолютного *uertō*. За пределами латинского языка единственные италийские примеры этого образования также ведут свое начало от *st(h)ā-: оск. *stafatas* „*stabulatae, statutae“, умбр. *staffarem* „*stabularem“, пелигн. *pri-stafalacirix* „*praestabulatrix, antistita“. Эти примеры обнаруживают единство, подтверждаемое другими доказательствами.

Согласно Лойману (*Die lateinischen Adjektiva auf -lis*, 1917, стр. 80 и сл., и *Lateinische Grammatik*, § 173, II D, 2 b, стр. 234) от существительных среднего рода на *-bulum* были образованы прилагательные на *-bilis*. Лойман распределяет эти прилагательные на две группы, согласно их значениям:

а) „Орудийные“ прилагательные типа *exorābile carmen* „песня, содержащая мольбу“, образуемые с помощью *-i-* от основы существительного на *bulum*, обозначающего орудие (*exorābulum*). Это построение выглядит правдоподобным, несмотря на малочисленность корней, дающих одновременно и существительное среднего рода на *-bulum*, и прилагательное на *-bilis*. Важно то, что прилагательное, как и родственное ему существительное среднего рода, раскрывает основное значение, присущее аффиксу **-dh-*; действительно, эта группа в большинстве своем состоит из производных от глаголов, означающих „плакать“ (*flēbilis*, *exorābilis*, (*e*)*lāmentābilis*, *exsecrābilis*, *lacrimābilis*), т. е. от глаголов абсолютного употребления. С другой стороны, прилагательное *stabilis* наряду со *stābulum*, с италийскими формами на *-staff-* и греческими на *σταθ-* (стр. 231) лишний раз подчеркивает связь между **-dh-* и непереходными корнями. Следовательно, нет никаких оснований искусственно объяснять *stabilis* посредством *instabilis „не имеющий *stābulum*“ (Лойман, цит. соч., стр. 84): прилагательное образуется прямо от корня без каких бы то ни было фонетических затруднений, поскольку гр. *σταθερός* „неподвижно стоящий“, *σταθμός* „стоянка“ и т. п. также имеют краткий корневой гласный. При наличии *stabilis* можно было бы вообразить некое *σταθλός подобно (*nō*)*bilis* и (*ἔσ*)*θλός*.

б) Вторая группа, значительно лучше представленная и наиболее важная, включает в себя прилагательные на *-bilis*, указывающие на пассивную способность, например *atābilis* „могущий (или достойный) быть люби-

мым"; сюда же относятся несколько форм с корневым -b-, сократившихся вследствие гаплогонии до -lis: *habilis* из *habi-bilis (ср. *habilis gladius* у Энния), *nubilis*, *labilis*, *sorbilis*. Эта группа, как признает и сам Лойман, с трудом поддается истолкованию при помощи -*bulum*: ни по значению, ни по линии исторического развития -*bilis* и -*bulum* не образуют единства. Лойману пришлось создать двойную гипотезу о том, что: во-первых, весь словообразовательный тип имел единый образец — *gnōbilis*; во-вторых, это *gnōbilis* образовалось из *ignōbilis*, которое, в свою очередь, происходя от незасвидетельствованного *gnōbulum, означало „то, у чего нет признака познания; непознаваемое“. Это чрезвычайно искусственное построение. Образование, которое всем своим существом указывает на то, что оно оформилось еще в доистории, не может найти себе объяснений в рамках истории латинского языка. Понятие возможности или способности, содержащееся в прилагательных на -*bilis*, в действительности определяется суффиксом -*ilis*, присутствующим в *agilis*, *docilis*, *facilis*, *fragilis*, которые могли послужить образцом. Отличительной чертой -*bilis* является пассивный аспект понятия, выражаемого данным суффиксом,— аспект, который, как мы можем теперь это сказать, присущ морфеме *-dh- непереходного или медиопассивного значения. Не случайно, что одним из древнейших представителей этого типа было *stabilis* „устойчивый, прочный“, структура которого родственна и лат. *stabulum* с соответственными итальянскими формами, и гр. *σταθ-* (стр. 224). В данном случае суффикс не указывает на какую-либо „возможность“; это приводит нас к заключению, что оттенок „возможности“ является до известной степени вторичным, хотя и относящимся уже к итальянскому периоду, судя по умбр. *façefele* „*facibile*“, *purfifele* „*porricibilem*“; прилагательные на -*bilis* выражали первоначально не понятие пассивности, а всего лишь связь с субъектом. Между этим, еще медиальным, смыслом и чисто пассивным значением других примеров связующим звеном служит *gnōbilis* „который познается, который может быть познан“. Действительно, пока *-dh- присоединяется к корню с абсолютным или непереходным значением, такому, как **st(h)ā-*, сущность суффикса не может проявиться в полной мере; это происходит лишь тогда, когда он при-

бавляется к корню переходного значения типа *gnō- и превращается в примету медиопассива. Именно здесь проходит граница, отделяющая ἐσ-θλάς от pō-bilis: первое из них образовано от непереходного корня, второе — от переходного⁶³.

Таким образом, мы можем сделать вывод о двояком происхождении прилагательных на -bilis: те из них, которые по своему активному характеру соответствуют названиям орудий, связаны, вероятно, с существительными среднего рода на -bulum; те же, которые при пассивной тенденции выражают понятие возможности, были, надо полагать, образованы либо непосредственно от корня, уже распространенного на *-dh-, либо посредством сложных суффиксов *-dh-el-, *-dh-l-.

Вне греческого и латинского языков фактов для рассмотрения остается мало, главным образом вследствие смешения *dh с *d. Однако возможно, что stabulum имеет соответствие в др.-в.-нем. stal, род. п. stalles (*stađla-). В славянских языках, где посредством *-dhlo- образуются названия орудий (наподобие -θρυ- в классическом греческом языке или -brum в латинском), примеры, приведенные у Мейе — Вайана (Le Slave commun, стр. 356) не сохраняют уже специфического оттенка, свойственного древнему употреблению. Однако ст.-слав. ведро „ведро, хорошая погода“, как и др.-в.-нем. wetar, др.-исл. weðr „Wetter“, наверно восходят к *цe-dhro- от уже непереходной основы *цe- „дуть“, ст.-слав. вѣти, гр. ἄημι и т. п. (Бругман, Grdr., II, 1, § 268, стр. 379).

Последнее образование, входящее в круг нашего исследования, занимает место между именем и глаголом: это индо-иранский инфинитив на *-dhjāi и греческий инфинитив на -εθαί. Его ставят в один ряд с другими образованиями, имеющими *-dh-, руководствуясь исключительно формальным признаком. Проблема этих инфинитивов, неразрешимая в рамках каждого из языков, рассматриваемого отдельно, станет разрешимой только тогда, когда мы обратимся к индоевропейской доистории и определим нашу проблему в свете уже найденных положений. Но прежде чем сделать вывод о столь спорной связи между -εθαί и *-dhjāi, следует выяснить,

сохраняет ли каждый из этих инфинитивов сам по себе те особенности, которые должно было придать ему употребление морфемы *-dh-.

В отношении греческого языка никаких сомнений не возникает. Ясно, что медиопассивный инфинитив, образованный при помощи *-dh-, наилучшим образом иллюстрирует определение *-dh- как суффикса состояния. Природа инфинитива и роль суффикса в данном случае взаимно разъясняются. Со своей стороны, индоиранский инфинитив на *-dhjāi тоже имел медиопассивный характер, что показано нами в работе *Infinitifs avestiques* (стр. 75 и сл.); медиопассивным он был или по своему значению в контексте, или в силу естественной тенденции глагола, от которого он произведен. Такой характер инфинитива, который внутри ведического или авестийского языка ничем не может быть объяснен, является, повидимому, унаследованным от предшествующей эпохи и, несомненно, связан с наличием в суффиксе знаменательного элемента *-dh-.

Таким образом, между общим значением морфемы *-dh- и значением индоиранских инфинитивов на *-dhjāi или греческих инфинитивов на -ῥαι существует определенное согласие. Следует ли сузить эту связь, сблизив -ῥαι с *-dhjāi и допустив, что вся форма медиопассивного инфинитива является индоевропейской? Многие исследователи думали именно так и стремились доказать это, но не пришли к конкретным результатам. Бартоломе (*Rh. Mus.*, XIV, стр. 151 и сл.) первым высказал мнение (поддержанное Бругманом, *Grdr.*, II, 1, стр. 638; и у Бругмана — Тумба, *Griech. Gramm.*, стр. 410 и сл.), что в индоиранских и греческом языках речь идет о составном образовании: εἶδεῖῥαι будто бы содержит в себе существительное ср. р. *ḡeides (ср. εἶδος) с последующей формой дат. п. *ḡ-ai от *dhē-, как в скр. ṣrad-dh-é; позднее этот инфинитив якобы стал расчленяться в сознании говорящего на εἶδε-ῥαι (по образцу εἶδε-ται), служа моделью для других форм. Медиопассивное значение у данного инфинитива, по мнению Бартоломе, возникло под влиянием медиопассивных личных окончаний на -ḡ. Эта теория подчиняет давно установленные факты химической гипотезе. Она произвольно основывается на

тематических формах типа εἶδεσθαι; предположение, будто κείσθαι содержит в себе существительное среднего рода на *-es-, совершенно неправдоподобно. Нет ни малейших оснований думать, что -σθαι получило свое медиопассивное значение в самом греческом языке по аналогии с медиальными личными формами множественного числа на -θ-. В εἶδεσθαι, как и в κείσθαι, следует выделять -σθαι, а не -θαι, и относить медиопассивное значение греческого инфинитива к общеиндоевропейскому языку, поскольку такое же значение мы признали и за индо-иранским образованием.

Уравнение *-dhjāi = -σθαι фонетически невозможно, поскольку индо-иранскому *-dhj- соответствует в греческом языке -σσ- (*médhjos = μέστος). Конечное *-dhjāi дало бы в греческом языке *-σσαι, в котором существенная примета медиопассива, морфема *-dh-, должна была бы исчезнуть. Поэтому мы предположим, что затрудняющее нас -θ- было восстановлено под влиянием -σθε, -σθον, где оно было фонетически обусловлено (ср. скр. -dhve, -dhvam). Правда, между -σθε и -σθαι все же имеется связь, однако совсем не та, какую предполагал Бартоломе; ощущение медиопассивности — вот что воспрепятствовало фонетической эволюции фонемы *-dh-, связанной с медиопассивом. В свете этого атематические формы типа κείσθαι, δέχθαι оказываются правильными, и сходство индо-иранского развития доказывает их историческую первичность. Мы уже отмечали (Infinitifs avestiques, стр. 71), что авестийские (гатские) атематические инфинитивы, например būdyāi, vōizdyāi, mąngəidyāi, отражают более древнее состояние, чем единообразно тематический тип, возобладавший в индийской группе. Согласованность греческого и авестийского языков подтверждает эту особенность: в обоих случаях одно и то же распространение присоединялось к основам одинаковой структуры.

Что касается окончания, то было бы заманчиво видеть в нем для обоих индоевропейских диалектов частицу *-āi (о которой мы уже говорили на стр. 161 и сл.). Простота такого восстановления говорит в его пользу, но при этом остается невыясненной природа -i-, отделяющего -dh- от -āi. Неясно, ни почему не осуществилась форма *-dhai,

ни что означает конечное *-dhi- основы: внешне оно совпадает с окончанием *-dhi повелительного наклонения, которое является, как известно, частицей; к тому же, повелительное наклонение на *-dhi не имеет ничего общего с медиопассивом. Следовательно, мы столкнемся с большими затруднениями, если будем проводить сравнение этих инфинитивов до последней фонемы включительно. Поэтому лучше рассматривать отдельно греческое окончание — независимо от того, является ли оно аналогичным инфинитивам на -αι (изученным на стр. 160—161), — и индо-иранское окончание, имеющее вид формы дательного падежа единственного числа от существительного на *-dhja-. Последнее образование относилось к богатому древнему классу прилагательных и существительных на *-jo- с пассивным значением (гр. ἄγιος, скр. védyā-, др.-в.-нем. gengi, или скр. vācyam, лат. studium, др.-ирл. suide), причем значение морфемы *-dh- подкрепляло специфическое значение суффикса *-jo-. Хотя мы и не в состоянии подробно исследовать этот вопрос, можно считать установленным на основании индо-иранских и греческих данных, что в индоевропейском языке диалектного периода с помощью *-dh- было создано отглагольное имя медиального значения. Именно в этом смысле и с такими оговорками можно говорить о доисторическом медиальном инфинитиве.

По совокупности рассмотренных фактов, прошедших перед нами как связанная цепь свидетельств, определяется характер образования на *-dh-: оно выражало состояние (главным образом завершенное состояние) и могло выражать отношение к субъекту, а также медиальное или пассивное качество. При таком способе рассмотрения факты, на первый взгляд далекие друг от друга, объединяются и раскрывают внутреннюю связь между именем и глаголом, показывая, что одни и те же морфемы (в качестве суффиксов или распространений) выполняли свою строго определенную и постоянную функцию. Осуществляя в прошлом такие функции, они остались впоследствии их знаками.

ОТ АВТОРА

Большая часть этой книги была уже напечатана, когда мы получили (в сентябре 1935 г.) важную работу Ю. Куриловича „*Études indoeuropéennes*“, I. Мы не могли принять ее во внимание не только по техническим причинам, но и потому, что было интересно сохранить независимость двух исследований на частично совпадающие темы.

Отметим, не входя в подробности, что в этих двух работах обнаружилось согласие по ряду вопросов, что гарантирует надежность полученных результатов. Однако область исследований Куриловича гораздо шире нашей, и его работа имеет совершенно иное устремление. Теория корня и его видоизменений, являющаяся стержнем нашей книги и завершающая ее, не привлекла особого внимания Куриловича. Между нами обнаружились существенные расхождения в определении структур и в генетической классификации различных именных типов. С тем большей силой мы подчеркиваем достоинства такой новаторской, содержательной и блестящей работы, как „*Études indoeuropéennes*“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Употребляемый Бенвенистом термин flexion передается русским словом „флексия“, когда он имеет широкое значение — „флективное словоизменение“, т. е. означает всю совокупность типов именного и местоименного склонения и типов спряжения. Чаще же этот термин употребляется Бенвенистом в более узком значении, относясь только к изменению имени по падежам. В этих случаях он передается русским словом „склонение“ или тоже словом „флексия“, когда Бенвенист противопоставляет друг другу термин flexion и declinaison.

² Старославянская форма *оєл* является редкой и встречается только в Супрасльской рукописи и у Иоанна экзарха болгарского, передавая гр. *ἀλόγη*.

³ В этимологическом истолковании слова *нетопырь* (чеш. *netopýř*, сербо-хорв. диал. *netôpîrî*) — из *nek^uto-pîrî „ночью летающий“ — Бенвенист следует А. Мейе (см. „Общеславянский язык“, § 136 и 572). Этимология эта неубедительна. Упрощение группы *kt давало разные результаты (ср. ст.-слав. *плѣтъ* при гр. *πλέχω*, лат. *plecto*), но во всех языках северо-западной группы мы имеем основу *nokt-i „ночь“ с сохранением kt и без чередования *nek- : *nok- (лит. *naktis*; ст.-слав. *ночь*; кельт. *-noscht*, *noïd*, *noeth*; гот. *nahts*; лат. *nox* с род. п. мн. ч. *nocti-um*).

⁴ Этимологическая связь *pirus* с *πῆρ*, отвергаемая многими лингвистами (см. Мейе — Эрну, 3-е изд., II, стр. 967), в общем не противоречит чередованию морфем *реэ-цг : *реэ-цп, так как наряду с др.-инд. *pāvatē* есть и *punāti* (см. Бузак, стр. 828).

⁵ Более обычным является толкование *supno* из *sulno, но Бенвенист в дальнейшем специально аргументирует свою точку зрения.

⁶ Чередование г/п в *μάρη* — *manus* установлено еще Бругманом (Grdr.², I, 581) и Зоммером (Hahdb.², 463).

⁷ Слова *χῆρ* и *сaverna* трудно оторвать от лат. *cavus* (*caverna* образовано от этой основы с помощью словообразовательного суффикса, заимствованного, повидимому, из этрусского языка).

⁸ В дальнейшем (стр. 185 и сл.) Бенвенист определяет корень слова *χῆρ* как *nek^u- и связывает с ним лат. *nox*, *посо*, *ἀνάγη* (с носовым инфиксом и протетическим гласным, т. е. *э-пэ-η-к^u-ā, где ā — возникший позже тематический гласный).

⁹ Ссылка на Бузака (стр. 709) неточна. Бузак не дает такого объяснения: у него $\delta\pi\text{-}\acute{\omega}\rho\bar{\alpha}$ из $*\delta\pi\text{-}\sigma(\sigma)\alpha\rho\text{-}\bar{\alpha}$, где корневая морфема $*\sigma\alpha\rho$ из и.-е. $*os\text{-}r\text{-}$: $*os\text{-}r\text{-}$ (ср. $*osr$ в гот. *asans*, др.-в.-нем. *agan*, агп, др.-сканд. *opp* „жатва, уборка урожая“). Возможна и другая этимология, связывающая $\text{-}\acute{\omega}\rho\text{-}\bar{\alpha}$ со ст.-слав. *юра*, чешск. *jaго* „весна“, гот. *jēg*, др.-в.-нем. *jāg* „год“.

¹⁰ Выведение ст.-слав. *ранъ* из $*ragnō-$ не может считаться достаточно обоснованным; возможно также возведение к $*ragnō-$.

¹¹ Говоря о словах с корневой морфемой $\acute{\omega}\sigma\tau\rho\text{-}$, Бенвенист, очевидно, имеет в виду такие слова, как $\acute{\omega}\sigma\tau\rho\chi\omicron\nu$ „черепок“, $\acute{\omega}\sigma\tau\rho\epsilon\sigma\nu$ „устрица“, $\acute{\omega}\sigma\tau\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ (Феофраст) „порода бука“ (по Бузаку, стр. 724, из $*\acute{\omega}\sigma\tau\rho\text{-}\delta\rho\acute{\upsilon}\varsigma$), связь которых с $\acute{\omega}\sigma\tau\rho\epsilon\sigma\nu$ „кость“ не может считаться окончательно установленной.

¹² Лит. *veřšis* „молодой бык“ имеет основу на $-io$. Первоначальный атематический корень $*cers-$ должен был означать „самец животного“, откуда лат. *cerres* „боров“, лит. *veřšis*, при сохранении первичного широкого значения в др.-гр. $\acute{\alpha}\rho\sigma\eta\nu$ (аттич. $\acute{\alpha}\rho\rho\eta\nu$), др.-инд. *vṛṣan-*, арм. агп (ср. др.-инд. *vṛṣabhāh* „бык“, *vṛṣnīh* „баран“). Ср. также др.-гр. гомер. $\acute{\alpha}\rho\upsilon\epsilon\iota\omicron\varsigma$ (аттич. $\acute{\alpha}\rho\upsilon\epsilon\acute{\omega}\varsigma$) „баран“, $\acute{\alpha}\rho\eta\nu$ (род. п. $\acute{\alpha}\rho\eta\omicron\varsigma$) „ягненок“, лат. *aries* (род. п. *ariētis*) „баран“.

¹³ Формой с нулевой огласовкой скорее следовало бы считать $*cs\text{-}er$. Слов, близких по значению к „весна“, образованных от этой ступени корня, в индоевропейских языках не засвидетельствовано, кроме лат. *serēnus* „ясный (о небе)“ из $*cs\text{-}er\text{-}es\text{-}po\text{-}s$ и, может быть, др.-гр. $\xi\epsilon\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ (аттич. $\xi\eta\rho\acute{\upsilon}\varsigma$) из $*cs\epsilon\rho\text{-}os$ „сухой“. Семантическая связь *serēnus* — $\xi\epsilon\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ обосновывается тем, что *serēnus* было антонимом к *imbricus* „дождливый“ и *umidus* „сырой“.

¹⁴ С хетт. *ešhar* может быть также сопоставлено приведенное в словаре Феста *assyg* „кровь“, *assarātum* „жертвенная смесь вина с кровью“, тохар. *A ysār*, др.-арм. *ariun*, латыш. *asins* (*asinis*) „кровь“ (см. прим. 15).

¹⁵ Некоторые лингвисты, исходя из приведенного в словаре Феста *assyg* (см. прим. 14), восстанавливают для древнелатинского языка форму $*aserg$ „кровь“ (впервые Иог. Шмидт, *Pluralbild.*, 173). Однако в этом случае, при наличии др.-инд. $\acute{a}sgk$, придется отнести распространение k/g к языку-основе. Допустив чередование $*esrg\text{-}u$: $*esrg\text{-}u$, можно присоединить сюда и лат. *sanguis* (впервые у Ф. де Соссюра, см. Вальде—Покорный под этим словом). Бенвенист толкует отношение лат. *sanguis* к др.-инд. $\acute{a}sgk$ иначе (см. стр. 53).

¹⁶ Объединение наречия $\acute{\alpha}\rho\alpha\rho$ (синоним $\acute{\alpha}\rho\upsilon\omega$; ср. также $\acute{\alpha}\rho\upsilon\omega\varsigma$, $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\acute{\chi}\acute{\iota}\phi\upsilon\eta\varsigma$) „внезапно, быстро, тотчас“ с существительными $\acute{\epsilon}\rho\alpha\rho$, $\theta\acute{\iota}\upsilon\alpha\rho$ и т. д. не оправдано. В древнеиндийском языке словам $\acute{\alpha}\rho\alpha\rho$ и $\acute{\alpha}\rho\upsilon\omega$ соответствуют с теми же значениями *sabar* (из $*sabar$) и *ahnāya*, имеющие разное происхождение. И греческие, и древнеиндийские слова могут быть предположительно возведены к архетипам $*sabh\text{-}$ и $*ag\text{-}hno-$. Неясный по происхождению адвербиальный суффикс $-ya$ ср. в *adya* „сегодня“.

¹⁷ Шантрэн (в указанном месте) не подчеркивает религиозно-культурного значения слов на -ας. Он только отмечает их древность и принадлежность значительной части их к эпическому или вообще поэтическому языку. Он указывает также, что ряд слов на -ας не имеют индоевропейских этимологий и, повидимому, относятся к догреческому (неиндоевропейскому) субстрату, о чем говорит ниже и Бенвенист. Таковы *δέπας* „кубок“, *κῶας* „руно“, *λίας* „камень“, *λίπας* „скала“, *οὐδας* „почва“, *σέλις* „блеск“. Однако непосредственно с религиозным культом связаны только три слова: *σέβας* „религиозный страх“ (ср. *σέβομαι* „чту“), *τέρας* „чудо, знамение“, *βρέτας* „деревянный идол“.

¹⁸ Следующие из приводимых здесь слов требуют пояснений. *Γῆρας* „старость“, *γηράω* „стареюсь“, где η вместо ε объясняют (малобудительно) влиянием антонима *ἡβάω* „молодею“. При таком объяснении *γηράς* „старость“ связывается с *γέρας* „почетный дар“ как „дар, заслуженный возрастом“ (ср. *γεράριον* „почитаю“). Сюда же будут относиться др.-инд. *jāgān* „старик“ (ср. *γέρων*), *jāgīma* „возраст, старость“, ст.-слав. *жрѣти* „зреть“, др.-арм. *seġ* „старик“. Слово *δέμας* „телосложение“ (лат. *statura*) связано с *δέμω* „строю“ и *δομος*, лат. *domus*, ст.-слав. *домъ*. Слово *κέρας* „рог“ связывают с лат. *cornu*; его связывают также с др.-инд. *cirāḥ*, авест. *sago* „голова“, др.-арм. *sar* „вершина“, лат. *seġ-ebrium* „головной мозг“, *seġ-vix* „затылок“, др.-в.-нем. *hirni*, др.-сканд. *hiarni* „мозг“ (все последние сопоставления спорны). Слово *κτέρας* „имущество, владение, дар“ надежных этимологий не имеет, хотя делалось много различных предположений.

Слово *πεῖρας*, имеющее чаще форму *πεῖραξ* (род. п. *πεῖρατος*) „предел, конец“ (ср. гомер. *ἀπεῖρων* „беспредельный“), первоначально, возможно, „конец веревки“, допускает архетип **reḡu-ǵ* : **reḡu-ǵ-t-*, который можно сопоставить с др.-инд. *parvan* „узел, звено“; однако это сопоставление остается спорным. Корень слов *σέβας*, *σέβομαι* возводится к архетипу **tjeg-*, который можно сопоставлять только с далеким по значению др.-инд. *tyājati* „покидать, шадить“, *tyājāḥ* „защита“; *σκέπας* „защита, убежище“ сопоставляется только с русск. *чепец*, польск. *szerek*, лит. *kerūgė*, латыш. *zeriņe* „шапка“, что довольно сомнительно. Слово *τέρας* (из **k^herəs*) можно сопоставить только с др.-инд. *āścaryaḥ* „чудесный, редкий“, с лит. *keriù* „очаровываю, околдовываю“ и с большими натяжками с рядом древнескандинавских слов со значением „чудище, великан, привидение“ (*skars*, *skersa*, *skyrse*). Таким образом, утверждение Бенвениста относительно надежности этимологии этого ряда слов следует признать слишком категорическим. Тем не менее, на признании бесспорности этого утверждения построено дальнейшее рассуждение Бенвениста.

¹⁹ Особенности в склонении (наличие дублетных форм, взятых из типа *πόλις*) имеют также слова *οὐδας*, *τέρας* и др.

²⁰ Автор не учитывает здесь продуктивность именного словообразовательного суффикса -го- в эпоху после обособления от индоевропейского языка-основы диалектной группы, легкой в основании диалектов древнегреческого языка, а возможно, и в позднюю эпоху существования индоевропейского языка-основы. В этот последний период развития языка-основы господствовал уже „правильный“ тип

многападежного склонения, который выработался прежде всего на основе на -ě: -ō и на -ā. Обычно компаративисты связывают суффикс -го- только с образованием имен прилагательных (Мейе, *Introd.*, русск. пер., стр. 278; Бругман, *Kurze vergl. Gram.*, § 404; Хирт, *Idg. Gram.*, III, § 196). Хирт, например, считает, что в области имен существительных суффикс -го- был использован только для образования основ женского и среднего рода, в которых он видит слияние „детерминатива“ („распространения“ по терминологии Бенвениста) г с элементами -om и -ā. Однако необходимо указать, что в определенный момент развития индоевропейского языка-основы суффикс -го- стал средством образования от глагольных корней существительных типа гр. ἀγρός, лат. *ager* (из *ag-ro-s), др.-инд. *ajráh*.

²¹ Слово *κονίσταλος* (филологи-классики считают более правильным написание *κονίσταλος*, см. словарь Папе—Зенгебуша, I, 1481) „вихрь пыли“ не имеет надежного объяснения как словосложение. Поэтому трудно обосновать этим словом, что *κόνις* восходит к *kon (ср. р.).

²² В целом первые две главы Бенвениста, содержащие богатый и в значительной части впервые подобранный материал, вызывают следующее критическое замечание. Бенвенист недооценивает то положение, что ставшие непродуктивными типы словообразования исчезают из языка не сразу и что отдельные новообразования основ на г/п могли иметь место и после того, как основы на е, о и ā получили широкое распространение. Эти факты, вероятнее всего, имели место в группах диалектов, из которых образовались хеттский, греческий и индо-иранские языки и которые обособились от языка-основы, повидимому, значительно ранее других диалектных групп. Поэтому возможно, что не весь приводимый в этих двух главах конкретный материал можно отнести к древнейшей эпохе в жизни языка-основы. Бполне возможно также, что постепенно возрастающая продуктивность суффикса -го-, присоединявшегося к самым разнообразным типам основ, привела к в и д и м о с т и реликтов чередования г/п там, где его никогда не было. Между тем эти случаи ничем не отличаются от таких образований, как ἀγρός (от ag-), первоначально „выгон“ (др.-инд. *ajráh*), позже „поле“, τῆρος (вероятнее всего, из *tagh* + о- с последующей метатезой), νεῦρος (из **neuj-*), χῆρος, νέφρος, ὄμφρος и т. д., где у нас нет никаких оснований предполагать когда-то чередования г/п. Ср. также лат. *instar*, первоначально „противовес“ (повидимому, от *in-stāre*, см. Мейе—Эрну, 3-е изд., I, 569). Ошибка, аналогичная указанной ошибке Бенвениста, совершалась некоторыми лингвистами по отношению к хеттским глаголам на -mī, соответствующим греческим глаголам на -ō. Несомненно, что глаголы на -mī древнее, чем глаголы на -ō, но этим не исключается, что некоторые хеттские и даже греческие глаголы на -mī (особенно греческие на -ουμι) возникли уже тогда, когда глаголы на -ō были наиболее продуктивным типом (ср. также смешение спряжений на -mī и на -hī в хеттском глаголе; см. И. Фридрих, *Грамматика хеттского языка*, § 164).

²³ Основное значение индоевропейского корня **sem-* (: **sm-*) — „один“ (ср. др.-гр. *εἰς*, *μῖξ*, *ἕν* из *sem-s, *sm-ja, *sem; лат. *semel*), но тот же корень на ступенях аблаута **səm-* : **sem-* : **som-* : **sēm-* : **sōm-*

стал выражать и понятия „тождество, равенство“, затем „подобие, равенство самому себе“. Ср. др.-гр. ὅμος, ὁμολός, ὁμοιος (из *som-), ἄμz (из *sēm-a), лат. similis, simul (из *sem), др.-инд. sāmaḥ, авест. hamō „тот же“ (из *som-), гот. simle „однажды“ (из *sem-), ст.-слав. самъ (из *sōm-). Трудно предположить, чтобы при таком широком распространении корня образования от него на л/п сохранились только в др.-инд. samap.

²⁴ Указанные здесь слова не соотносительны друг с другом, так как Δαίδαλος как существительное известно только в качестве собственного имени (Дедал); как нарицательное оно является прилагательным („искусный“). Таким образом, δαιδάλεος может быть только поздним аналогическим образованием. Кроме того, ὄzλος „стекло“, повидимому, неиндоевропейское слово, которое было заимствовано несколькими индоевропейскими языками самостоятельно (ср. у Плиния Ст., Естественная история, 37, 33 — sualiternicium „янтарь“). Стекло и янтарь часто обозначались одним и тем же словом (ср. glaesum у того же Плиния... „янтарь“, др.-англ. zloer „янтарь“, др.-в.-нем. glas, др.-сканд. gler „стекло“). Слово ἀμόγδαλος „миндаль“ является, повидимому, заимствованием из семитских языков.

²⁵ Принимаемое автором вслед за Бузаком (см. его словарь, стр. 777) сопоставление πῆγνον „рута (растение)“ с лат. pagina, первоначально „шпалера“ (от rango „вбиваю“), затем „столбец, страница“, и все предшествующее рассуждение являются ярким образцом „алгебраического фонетизма“ (см. предисловие, стр. 15—16). Отсутствию какой-либо семантической связи между сопоставляемыми словами здесь не придается никакого значения. Хотя словообразование ботанических и зоологических названий и отличается большой причудливостью и πῆγνον „рута“ могло быть связано с глаголом πῆγνμι, родственным лат. rango, однако это остается недоказуемым, и у нас нет никаких оснований видеть в соотношении суффикса -α- в этом слове с суффиксом -αλ- в слове πάσσαλος „гвоздь“ реликт чередования л/п. Возражения Бенвениста против этимологической связи πάσσαλος (из *pakjalos) с синонимом πῆγνμι, глаголом πῆσσω (из *pākijō или *rēkijō) остаются необедительными и непонятными. О чередовании ē с ā, следовательно и ā с э, см. Педерсен, KZ, 38, 404; Хирт, Idg. Gramm., II, § 192. Ср., например, с одной стороны, ст.-слав. рѣпъ, др.-в.-нем. gāba, лат. garum, и с другой — др.-гр. ῥάπυς, ῥάφως, ῥάφω, ῥαφάνη (см. Бузак, стр. 836); соотношение ῥάπυς — ῥάφως и т. д. объясняется, повидимому, тем, что первое слово есть „иллиризм“; индоевропейский корень — *gēph-: *gāph-: gēph-.

²⁶ К формам *внъ* и *биуā*, приводимым Бенвенистом, можно добавить лат. *fis*, *fitum*, др.-ирл. *bū*, латыш. *bīju* и т. д. Все это формы отнюдь не корневые, а образованные от *bhū-, т. е. от редуцированной ступени корня *bhū (ср. ст.-слав. *вѣ-ти*), путем присоединения элемента -I-, имевшего, повидимому, какое-то определенное значение в системе глагола „быть“. Др.-гр. *φίτο*, *φίτινъ*, *φίτω* (из *φFί-то и далее из *bhū-I-tu) связаны с тем же оттенком значения глагола „быть“, которое сохранилось в русск. *избыток* и, возможно, в др.-гр. *ὕπερφ-(F)ίζλος* „высокомерный“.

²⁷ Слово *σχινδαλμός* у аттических писателей встречается в форме *σχινδάλμος* (Аристофан, *Облака*, 130), *σχινδάλμος* (Лукиан) в значении „тонкая шутка“. В форме *σχινδαλμός* оно засвидетельствовано у Гипократа в своем прямом значении „заноза“. Его связывают с глаголом *σχίζω* „раскапываю“, что, с семантической стороны, допустимо. Однако для обоснования в древнегреческом языке наличия суффикса *-αλμο-* это слово не годится вследствие неустойчивости своей формы. Шантрэн (*La formation des noms*, стр. 133 — 134), повидимому, считает исконными формы с *-αλμος*, так как рассматривает указанные слова вслед за *χάλαμος* „тростник“ (ср. лат. *culmus*, др.-в.-нем. *haln* „стебель“), гомер. *πλόκαμος* „завиток“ (от *πλέχω*), *ὄρχμος* „вождь“ (эол. форма от *ἄρχω*) и др.

²⁸ Форма *πέκος* „мех, состриженная шерсть“ встречается только у лексикографов. Обычная форма — *πόκος*, реже *πόκη*. Глагол „стричь шерсть“ известен только в медиальной форме *ποκίζομαι*, обычная форма — *πέχω*, имеющая два значения: 1) „чесать“, 2) „стричь“. Этимологи не всегда связывают слово *πέκος* (лат. *pecus* при вариантах род. п. *pecūs, pecudis, pecoris*; умбр. мн. ч. *pequo*; др.-инд. *paśu, paśū, paśūḥ*; авест. *pasuš*; др.-в.-нем. *fihu, fehu*; др.-англ. *feoh*; лит. *pekus*; др.-прус. *pecku* „скот“ при гот. *faihu* „деньги“, ср. лат. *pecunia*) с глаголами *πέχω, ποκίζομαι* и указывают на возможность образования *πέχω* по аналогии с *πλέχω* и т. п. из **πέκτω* (ср. *κτεῖς* из **ρκτεν-ς* „гребень“, лат. *pecten* „гребень“, умбр. *petenata* „в форме гребня, гребенчатый“).

²⁹ Приводя подряд все эти слова, Бенвенист не указывает, что *gelū, cornū, verū* имеют долгое *u*, как *genū* „колени“. От основ *algi-* и *spesu-* существительных среднего рода нет; есть только *algus, specus* (род. п. *algūs, specūs*), как *gelus* (род. п. *gelūs*) наряду с *gelū*. Форма *segi* (вместо *segum*) засвидетельствована тоже только грамматиками. Слово *pinus* склоняется по 2-му, 3-му и 4-му склонениям. Основа *ossu-* встречается лишь в производных *ossuariū, ossuōsus*, тогда как обычное *tonitrus* и редкое *tonitru* (у Акция и у Овидия, *Метаморфозы* 2, 308) есть от глагольного существительного *tono, tonare* „греть“. Слово *tonitrus* следует считать контаминацией производного с суффиксом *-tro-* (**tonitrom*) и **tonitus* (ср. др.-инд. *tanuatiḥ*). Таким образом, большинство приведенных здесь слов различно по своему характеру.

³⁰ Здесь имеется в виду, что *domus* соответствует гр. *δῶμος*, которому, в свою очередь, соответствует с другой ступенью чередования глагол *δῆρω* „строю“; *gradus* и *impetus* восходят к распространенному корню **grad-* и первичному **ret-* : **pt* (ср. гр. *πίτομαι* : *ἔπτῃ*) и связаны с глаголами *gradior* и *im-peto*; от корня **ak-* в разных индоевропейских языках есть много различных образований со значением „острый“ (см. выше, стр. 29); *ἄρχος* связано с глаголом *ἀρχέω* (одно из его значений „затягивать“); к *δελφός* необходимо добавить еще дор. *δελφῶς* (ж. р.) и *δῶλος* (Гесихий), ср. от того же корня *δέλφαις* „молочный поросенок“, авест. *ger(a)buš*, др.-в.-нем. *kalba* „теленки“.

³¹ Ввиду неупотребительности слова „тон“ в русской лингвистической терминологии французский термин „*ton*“ всюду передается

словом „ударение“. При этом здесь имеется в виду музыкальное ударение, основанное на повышении тона слогаобразующего звука, а не на усилении экспирации. Слово ассент, передаваемое тоже термином „ударение“, обозначает только силовое (экспираторное) ударение.

³² Здесь Бенвенист решительно отмежевывается от господствующего в немецкой лингвистике объяснения происхождения аблаута из акцентных явлений, расходясь в этом отношении и с Куриловичем, который, хотя и не следует немецким теориям, однако придает акцентным явлениям огромное значение в формировании древнейшего типа морфологической структуры индоевропейского слова (ср. его *Études indo-européennes*, I, Kraków, 1935, гл. III).

³³ Латинское существительное *gena* засвидетельствовано уже в „Законах XII таблиц“, но существование в латинском языке слова *genu(s)* в этом значении выводят только из прилагательного *genūnus* „боковой“ (*dens genūnus* „коренной зуб“, т. е. „щечный зуб“). Более распространена основа *genu-* в значении „подбородок“: ср. др.-инд. *hānuṣ*, авест. *zānu-*, тохар. *sanwet* и ряд кельтских слов, возводимых к **geneu-*. Степень корня *с о* (в значении „колени“ ср. др.-гр. γόνυ) засвидетельствована и в значении „подбородок“ в лит. *žandas* из *ǵon-dh-os (ср. др.-гр. γνάθος из *ǵn-dh-os „подбородок“), „челюсть“, латыш. *zuods* „подбородок“. Появление слова ж. р. *gena*, повидимому, должно быть объяснено омонимией с *genu* „колени“.

³⁴ Др.-гр. δένδρον, δένδρεον представляет собой словосложение типа *dvandva* корней **gʷend-*: **gʷnd-* (ср. др.-инд. *gada*, авест. *gaḍa* „дубина“) и **dreu-*: **drū-* (ср. др.-гр. δρῦς „дуб, дерево вообще“, др.-гр. δρύμη „лес“, др.-гр. δρυτόμος „дровосек“, ст.-слав. дръволь „дубина“, лит. *drūtas* „крепкий“).

³⁵ См. также Вальде — Покорный, I, 772—773.

³⁶ Наличие в древнегреческом языке существительного ср. р. *θemi (род. п. *θέμιτος) как основы позднейших *θέμις* (род. п. *θέμιτος*) „установление, правило“, *θέμη* из *θῆμη под влиянием *θέμις*, ср. *ἀνάθημη*, др.-инд. *dhama* „установление“, авест. *dāma* „творение“) предполагалось и в более ранней этимологической литературе. Само *θέμις* было первоначально среднего рода, как на это указывает *θεμισχρέων* „правящий справедливо“ (Пиндар). См. Даниельссон, *Gramm. und etym. Stud.*, стр. 51.

Элемент *-m-* в *θemi, *θέμις* и т. д. следует рассматривать как распространение корня **dhe-*, лежащего в основе глагола *τίθημι*. Тот же элемент служил распространением и ряда других корней; ср. формы *ἔδραμον* (и *ἐρόμος* „бег“) при *ἀποδιδράσκω*, *ἀποδράναι*, *τρέμω* при *τρέω* из *tréō (др.-инд. *trasati*), *κρέμαμαι*, *κρεμάνομαι* при лит. *karù*, *kárti*, др.-инд. *bhramati* при *bhurati*, лат. *dormire*, ст.-слав. *дръчати* при др.-инд. *drāti*, *drāyate* и т. п. См. П. Перссон, *Studien über Würzelerweiterung und Wurzelvariation*, Uppsala, 1891, стр. 67—68; Хирт, *Idg. Gramm.*, III, стр. 261—262.

³⁷ Для слова со значением „путь“ Бенвенист почему-то не приводит латинских (*pons*, род. п. *pontis*), греческих (*πόντος*, *πάτος*), германских и кельтских примеров, показывающих широчайшее распространение этого корня как в виде корневых, так и в виде тематических основ

и сложное семантическое развитие этих основ (например, др.-гр. πόντος „море“; лат.pons „мост“, связанное с „культурой террамар“; др.-в.-нем. findan „находить“, семантически образованное так же, как лат. inuenire). Не учитывая всего этого, нельзя подвергать анализу только одну чисто фонетическую „аномалию“, вырывая ее из сложного клубка словообразовательных процессов. Это один из примеров „алгебраического“ фонетизма Бенвениста (см. предисловие, стр. 15 — 16, и прим. 25 на стр. 247).

³⁸ В др.-гр. ἐπιβῆαι „день после праздника, после свадьбы“, букв. „идуший вслед“ (πέδᾱ „след от ноги“, затем вообще „след“ и наречие „следом“, ср. лит. pedà „след“), др.-инд. ura-bdā „ступня“, авест. fra-bda „передняя нога животного“ обычно усматривают нулевую ступень корня *ped- : *rod- „нога“.

³⁹ Отвергаемой Бенвенистом этимологии др.-гр. δεσπότης придерживались Остгофф, Бругман, Хирт, Бузак и многие другие. В первой части слова, первоначально означавшего „хозяин дома“, видели форму род. п. *dems от атематического *dem-, соответствующего тематическому δῆμος (ср. δῆμω „строю“). Соответственно в др.-инд. dámpatiḥ первую часть рассматривали как местный падеж (т. е. „хозяин в доме“), а ст.-слав. господь, господ-ишь и др.-инд. jáspatiḥ толковали как словосложение типа dvandva, где первой частью была основа *gues- : *gucos- со значением „племя, общинная собственность“. Вполне возможно, однако, что все эти примеры в одинаковой степени восходят к словосложениям той эпохи, когда никаких падежных флексий еще не было, а самое чередование ступеней корневой морфемы могло изменять не только лексическое, но и грамматическое значение слова

⁴⁰ Слово ἤϊος встречается только в „Илиаде“ и только в звательной форме ἤϊε как эпитет Аполлона (O 365, Y 152). Значение и происхождение слова считаются неясными и толкуются по-разному. Значение „рассветный“ (auogal) придается слову только в словаре Бузака (стр. 317), где оно возводится к *ausios, подобно тому как ἤϊαχνός (гlossa Гесихия с пояснением „петух“) возводится к *ausi-kanos (ср. лат. сапо).

⁴¹ Говоря о „двусложных“ корнях, Бенвенист заключает этот термин в кавычки, так как, согласно его собственной теории индоевропейского корня (см. гл. IX), корень мог быть только односложным с гласным *ē* (из которого в сочетании с ларингальными произошли *i* и *a*, и не чередующийся с *e* гласный *o*) между двумя согласными, причем одним из согласных мог быть ларингальный. Эта теория, в конечном счете, восходит к учению Ф. де Соссюра о консонантном характере так называемого schwa indogermanicum, который младогорамматики и Ф. Ф. Фортунатов принимали за гласный неполного образования. С другой стороны, и учение о „двуслоговых базах“, наиболее систематически развитое в работах Хирта и Штрейтберга, также восходит к Ф. де Соссюру, хотя эти взгляды и не были развиты им достаточно систематически. Для характеристики взгляда, господствовавшего в науке в начале нашего столетия, можно привести следующее высказывание В. А. Богородицкого: „Замечательное обобщение Ф. де Соссюра (т. е. открытие долгих слоговых со-

порных. — Б. Г.) имело еще другое значение — оно нанесло удар прежнему учению об односложности первоначальных корней, показав, что последние были частью двусложными* („Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков“, 2-е изд., Казань, 1917, стр. 22—23). Далее, Богородицкий поясняет это примером соответствия др.-инд. *vadati* „говорит“ — др.-гр. *ῥῶή* „голос, речь“, устанавливая двусложный и.-е. корень **aud-*, „откуда развился санскритский корень *vad-* путем исчезновения начального гласного и греческий корень *aud-* через исчезновение внутреннего краткого, причем эти разновидности одного и того же корня получились благодаря различию ударения“ (там же, стр. 23). Именно эта широко распространенная теория неоправданных „исчезновений“ гласных и еще менее оправданных перемещений ударения и отвергается самым решительным образом как Бенвенистом, так и Куриловичем (ср. интерпретацию словообразовательных процессов в его *Études indo-européennes*, 1935, и в его последней книге „L'accentuation des langues indo-européennes“ (Kraków, 1952).

⁴² Толкование автором сочетания *-ues- как суффикса *Participium perfecti activi* остается нераскрытым. В таком же нераскрытом виде это положение было выставлено раньше и Хиртом (*Idg. Gramm.*, III, § 192, стр. 277) с той оговоркой, что суффикс, вероятно, возник первоначально вне системы перфекта, так как др.-гр. *εἰδώς* из *ceiḍuots „знающий“ и гот. *weitwōds* „свидетель“ дают ступень аблаута, несвойственную формам перфекта (см. также Хирт, *Idg. Gramm.*, III, § 49, стр. 72, с реконструкцией этого суффикса в ст.-слав. *вєсъ*, др.-инд. *vidvān* и лит. *sūkęs*, III, § 120, стр. 200—201). Иное объяснение см. Бругман, *Grundr.*, 2-е изд., II, 1, 563.

⁴³ Здесь изложение автора страдает некоторой непоследовательностью, так как остается неясным, почему распространение *-i-* не влияет на всю парадигму склонения, а *-ц-* сохраняется во всех падежах.

⁴⁴ По Бенвенисту, редкая форма *αἰέν* (ср. эол. *αἰέν*) является первичной по отношению к обычным аттич. *αἰεῖ*, ион. *αἰεῖ*, дор. *αἰές*, *αἰές*, эол. *ἄῖ* (из *aiḥes). Это, конечно, спорно, особенно в связи с дор. *αἰές*, *αἰές*. Ср. дорическое окончание 1 л. мн. числа *-μες* при *-μεν* в других древнегреческих диалектах.

⁴⁵ В значении „грудь, лоно“ др.-гр. *οἶθος* встречается очень редко (обычно *οἶθος*, *ἀρούρης*; Гомер, гимн Деметре, Илиада, I, 141; I, 283), даже в значении „женская грудь“ (Эсхил, Хозфоры, 525). Обычное значение слова — „вымя“, — очевидно, и является первичным (ср. лат. *uber* из *udh-ḡ, ст.-слав. *вѣма* из *ūdḥ-men, др.-в.-нем. *utag* „вымя“, лит. *ūdrūti* „доить“). Поэтому и адвербиальное значение *οἶθος* не может быть типичным и древним.

⁴⁶ И.-е. корень **bhā-* (ср. др.-инд. *bhāti* „светить“) в древнегреческом языке сохранился с различными распространениями: *φάινω* из *bhā-n-iō „светить“, затем „показывать“, *φάνος* „блестящий“, *φαιρός*, гомер. *φαιδρός* и т. д. (ср. лит. *gaidrūs* „светлый“). Без распространения мы находим его только в *φάος*, *φῶς* (др.-инд. *bhāb*) „свет“. От глагола *phāw у Гомера сохранились формы *φάε* (B 502) и *πεφῆται* (P 155), а также употребленная пять раз не совсем ясная причастная форма „эолийского“ про-

исхождения $\varphi\acute{\alpha}\iota\theta\omega\nu$ (ж. р. $\varphi\acute{\alpha}\iota\theta\omega\sigma\alpha$), применявшаяся и позже (у трагиков), откуда собственное имя сына Гелиоса, Фазтон, далее $\varphi\alpha\sigma\iota\mu\beta\rho\tau\omicron\varsigma$ „светящий для смертных“ и др. Реконструкция гомеровского глагола $\varphi\acute{\alpha}\iota\theta\omega$, принимавшаяся многими лексикографами (см., например, Папе — Зенгебуш, II, 249), а также принимаемая и Бенвенистом (см. стр. 226), не является обоснованной.

⁴⁷ Полностью глосса Гесихия читается так: $\chi\lambda\iota\chi\tau\alpha \cdot \acute{\omicron}\rho\acute{\upsilon}\gamma\mu\tau\alpha \eta \tau\alpha \acute{\upsilon}\rho\omicron \sigma\epsilon\iota\sigma\mu\omega\nu \chi\lambda\iota\tau\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\upsilon}\epsilon\tau\alpha \chi\omega\rho\iota\chi$ „ямы или место, провалившееся после землетрясения“. С этим надо сопоставить название расщелины в Спарте, куда бросали преступников, — $\text{Καλιάρης, Κλιάρης, Κλιέτης}$, затем встречающееся один раз у Страбона слово $\chi\lambda\iota\tau\acute{\iota}\varsigma$ „расщелина в почве“, а также гомеровский эпитет $\chi\lambda\iota\omega\sigma\sigma\alpha$ (В 581, δ 1) „богатый ущельем“, который Зенодот исправлял на $\chi\lambda\iota\omega\sigma\sigma\alpha$ (см. Бутман, Lexilogus, II, 95) и который встречается также у Каллимаха как эпитет р. Еврота (фрагм. 224). Античными грамматиками этот эпитет объяснялся (так же, как и $\chi\lambda\iota\omega\iota\varsigma$) через $\chi\lambda\lambda\iota\mu\iota\upsilon\theta\eta\varsigma$ „изобилующий монетами“ (?) (см. гомеровский словарь Аполлония, изд. Беккера). Это, очевидно, основано на какой-то „народной этимологии“ (основное значение $\chi\lambda\lambda\alpha\mu\iota\upsilon\theta\eta\varsigma$ „ароматическое растение“, но также „изящно отчеканенная монета“, см. Папе — Зенгебуш, I, 1307). О * $\chi\lambda\iota\tau\omicron\varsigma$ из * $\chi\lambda\iota\tau\omicron\varsigma$ см. Сольмсен, Untersuchungen, стр. 123 и сл. Через развитие значения „ущелье“ → „пещера“ → „полое пространство“ могло получиться гомер. $\mu\epsilon\gamma\alpha\chi\lambda\iota\tau\epsilon\varsigma$ (Θ 222, Λ 5 и др.) — эпитет корабля, имеющего большую вместимость.

⁴⁸ Здесь сохраняется широко распространенное в научной литературе сопоставление $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\rho$ (дор. $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\varsigma$, эол. $\pi\acute{\epsilon}\rho\acute{\omicron}\alpha\varsigma$, аттич. $\pi\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$) с др.-инд. pāvan, pāva „узел, сочленение“ (см. прим. 18), которое очень трудно оправдать семантически. Приходится допускать, что первоначальным значением греческого слова было „узел на конце веревки“, откуда, далее, „конец, предел“ (ср. гомер. $\acute{\alpha}\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$ „беспредельный“). Но $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\rho$ у Гомера же значило и „веревка, канат“ вообще, откуда возник, в свою очередь, ряд переносных значений: „ведение (дела)“, „средство для исполнения“, „западня“. Это создает большие затруднения для этимологии слова, которое трудно оторвать от группы слов, связанных с $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\acute{\alpha}\omega$ и с $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ (см. Бузак, стр. 756, 757; А. А. Белецкий, Принципы этимологических исследований, Киев, 1952, стр. 157—159).

⁴⁹ Форма $\acute{\alpha}\sigma\mu\iota\theta$ является редким дублетом к $\acute{\alpha}\sigma\mu\epsilon\nu\varsigma$, $\acute{\alpha}\sigma\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ „острие“ и встречается только в переводе Нового Завета С. Битнера 1701 г. (Послание апостола Павла к евреям, XI, 34). Частично эту форму ошибочно считают дублетом к $\acute{\alpha}\sigma\mu\iota\theta$ „камень“. Западно-европейские лингвисты берут $\acute{\alpha}\sigma\mu\iota\theta$, повидимому, из словаря Куршата, где эта форма дана без объяснений. Сохранение k в $\acute{\alpha}\sigma\mu\iota\theta$ и ст.-слав. кѣмь, камень не поддается объяснению.

⁵⁰ Указываемая Бенвенистом персонификация отвлеченных качеств была настолько широко распространенным явлением в древнегреческой мифологии, что приводимые им примеры не представляют собой ничего экстраординарного и поэтому не показательны.

⁵¹ В некоторые свои семантические толкования автор привносит так много субъективного, что отдельные, слишком „тонкие“ различ-

ния оттенков значения просто не воспринимаются другим лицом. В частности, это относится к различию *dies secundus* и *dies sequens*. Гораздо проще это различие можно пояснить так: *dies secundus* — это день, следующий за днем, который в каком-то отношении является первым, т. е. сам ни за чем не следует; *dies sequens* — это день, следующий за любым другим днем, который, в свою очередь, следует за предыдущим днем. Однако такое объяснение не могло бы иллюстрировать толкование Бенвенистом общей функции слов на *-undus*, и поэтому он прибегает к более надуманному толкованию. Так же субъективна и оценка понимания Варроном значения *senescendus* как ошибки.

⁵² В традиционном понимании ступень корня с огласковой э („шва“) считается не нулевой ступенью, а редуцированной по отношению к ступени с долгим корневым гласным. Нулевой ступенью считается обычно полное отсутствие гласного, например $\pi\acute{\iota}\text{-}\pi\tau\text{-}\omega$ при $\acute{\epsilon}\text{-}\pi\epsilon(\tau)\text{-}\sigma\omicron\upsilon$, $\acute{\epsilon}\text{-}\sigma\chi\text{-}\omicron\upsilon$ при $\acute{\epsilon}\chi\omega$ (из * $\acute{\sigma}\acute{\epsilon}\chi\omega$), $\acute{\epsilon}\text{-}\sigma\pi\text{-}\acute{\omicron}\mu\eta$ при $\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha\iota$ (из * $\acute{\sigma}\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha\iota$, ср. лат. *sequor*) и т. д. Чередование долгого гласного с „шва“ играло ту же роль, что и чередование краткого е/о с нулем, но тот факт, что в некоторых случаях к нулевой ступени корня присоединялся долгий гласный ($\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$: $\chi\alpha\sigma\acute{\iota}\text{-}\gamma\eta\eta\tau\omicron\varsigma$, $\tau\epsilon\lambda\alpha\mu\acute{\omega}\nu$: $\tau\acute{\epsilon}\text{-}\tau\lambda\eta\chi\alpha$ и т. п.), заставлял лингвистов начала XX в. предполагать здесь „двусложные“ корни ($\gamma\epsilon\nu\epsilon\text{-}$, $\tau\epsilon\lambda\alpha\text{-}$). Выше (прим. 41) указано, что Бенвенист решительно отвергает этот взгляд. О его собственном толковании подобных случаев см. прим. 54.

⁵³ Ю. Курилович не дал достаточно систематического изложения своей собственной теории индоевропейского корня, но касается этого вопроса в гл. III своей книги „*Études indoeuropéennes*“, I (Kraków, 1935, стр. 121—130). Книга Куриловича появилась одновременно с книгой Бенвениста и поэтому не могла быть им учтена, как он и указывает это в своем послесловии (стр. 242). Бенвенист использует только более ранние работы Куриловича, в которых даны предпосылки „ларингальной теории“, лежащей в основе теории корня и у Бенвениста.

⁵⁴ Поскольку автор исходит из ларингальной теории ($e + \alpha_1 = \bar{e}$, $e + \alpha_2 = \bar{a}$, $e + \alpha_3 = \bar{o}$, $\alpha_1 + e = \bar{e}$, $\alpha_2 + e = \bar{a}$, $\alpha_3 + e = \bar{o}$; см. предисловие, стр. 19—22), корневые морфемы с долгим гласным объясняются им не через удлинение гласного второго слога „двусложного корня“ при исчезновении гласного первого слога (см. прим. 52), а непосредственно из чередования двух видов корня и двух строго соответствующих им видов суффикса. Так, например, $\tau\epsilon\lambda\alpha\mu\acute{\omega}\nu$: $\tau\acute{\epsilon}\text{-}\tau\lambda\eta\chi\alpha$ или $\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$: $\chi\alpha\sigma\acute{\iota}\text{-}\gamma\eta\eta\tau\omicron\varsigma$ должны быть возведены к архетипам * $tel\text{-}\alpha_2\text{-}(e\text{-}mon)$: *(te)- $tl\text{-}\alpha_2\text{-}(k\text{-}a)$, * $\text{ʒen}\text{-}\alpha_1\text{-}(e\text{-}tor)$: * $\text{ʒn}\text{-}\alpha_2\text{-}(to\text{-}s)$. Наличие $\text{-}\alpha\text{-}$ (из * $\alpha_2\text{-}e\text{-}$) в $\tau\epsilon\lambda\alpha\mu\acute{\omega}\nu$ и второго $\text{-}e\text{-}$ (из $\alpha_1\text{-}e\text{-}$) в $\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$ остается, однако, при этом необъясненным. Не объясняет до конца случаев наличия долгих корневых гласных и теория „протяженной ступени“ (Dehnstufe) Штрайтберга и Хирта. Поэтому до сих пор остается в силе положение, высказанное В. К. Поржезинским еще в 1912 г.: „так называемый протяженный звуковой вид может представлять по происхождению разные величины“ („Очерк сравнительной фонетики“, стр. 41).

⁵⁵ Возведение „протетического“ гласного греческого языка (ἐλευθερός при лат. liber, ὀδόντ- при лат. dens, ἀστὴρ при лат. stella и т. п.) к ларингальному звуку является наиболее слабым пунктом теории Бенвениста и противоречит положению ларингальной теории об исчезновении начального ларингального звука в положении перед согласным. Так как никаких закономерностей в фактах наличия или отсутствия протетического гласного в словах греческого (и отчасти армянского) языков установить не удастся, то вероятнее всего предположить, что это — диалектное явление, возникшее на определенной, ограниченной территории под воздействием какого-либо субстрата.

⁵⁶ То, что говорит Бенвенист (исходя из своей чисто фонетической теории корня) о „невозможности“ того или иного расширения корня при помощи суффиксов или распространений, может быть принято лишь по отношению к глагольным основам, образовавшимся в определенную эпоху развития индоевропейского языка-основы (о разных закономерностях образования именных и глагольных основ см. примечание Бенвениста на стр. 184 и 202). Однако и при данном ограничении остается неясным, все ли типы корней были подчинены устанавливаемым здесь структурным закономерностям. Возможность существования корней в виде открытого слога (типа *sə-: *sē, *dā-: *dō и т. п.) остается непровергнутой. Подведение их под теорию Бенвениста возможно (с фонетической точки зрения), но наталкивается на серьезные затруднения, если применять последовательно его принцип, изложенный ниже (стр. 185): „чтобы определить корень, нужно или располагать двумя основами, или восстановить отсутствующую основу по засвидетельствованной“. Исходя из такого положения, придется объединять в качестве двух „состояний“ одного и того же корня такие основы, которые очень трудно объединить семантически. Так, *sē- „сеять“ окажется „состоянием II“ (*ə₁s-éə₁-) по отношению к „состоянию I“ *es- (*ə₁és-ə₁-), *dō- „давать“ будет „состоянием II“ (*ə₃d-éə₃-) по отношению к „состоянию I“ *od- (*ə₃éd-ə₃-) и т. п. Этот вопрос требует специального исследования, и теорию Бенвениста нельзя применять как некий универсальный принцип, хотя в отдельных случаях она и может дать блестящие результаты (например, объяснение соотношения лит. актиб, гр. ἀκτιῶν — ст.-слав. *кѣмѣ* из *ə₂ék-ə₂-men : *ə₂k-éə₂-men). Пока можно отметить только, что структурные закономерности, установленные Бенвенистом, даже если они и не будут опровергнуты, могли, как всякий внутренний закон развития языка, действовать лишь в течение определенного периода и могли перестать действовать еще в отдельных диалектных группах языка-основы; безусловно, они уже не были живым законом в обособившихся языках, в которых очень рано начали действовать новые принципы образования глагольных основ; в этот период могли появиться и новые первичные суффиксы. Эти новые принципы глагольного словообразования, нарушавшие прежние структурные закономерности, но не вытеснившие их совершенно (так как большинство глагольных основ образовывалось от старых корней при помощи вторичных суффиксов), должны представляться нам аномалиями. Когда же новые принципы стали господствующими, то, наоборот, аномалиями стали выглядеть реликты строения основ, соответствующие прин-

ципам, которые открыты Бенвенистом. Так это случилось и с гетероклитическим склонением имен. В частности, корни, представляющие собой открытые слоги и не имеющие „состояния I“, могли появиться позже и никогда не иметь двух видов (*эеКэ- и *эКеэ-, где К означает любой согласный); например, корень *sē- „сеять“, которому не может соответствовать „состояние I“ *es-, имеющее значение „быть“ (о возможном другом значении этого корня см. прим. 63), мог появиться только в северо-западных диалектах языка-основы, так как этого корня нет в греческом, армянском, индо-иранских, а также в хетто-лувийских и тохарских языках.

⁵⁷ По вопросу о словах со значением „звезда“ мнения этимологов расходятся. Некоторые считают, что α- в др.-гр. ἀστῆρ и др.-арм. asti не является протетическим гласным и индоевропейское слово имело в именительном падеже форму *astēr, а в родительном — *stros. С точки зрения ларингальной теории, это надо было бы объяснить как чередование в парадигме видов основы *э₂es-t-э₁г—*э₂s-t-э₁-г-, что противоречит основному принципу теории Бенвениста, так как корень и суффикс в этой реконструкции имеют одинаковую ступень. Наоборот, связь с корнем *ster- (*э₂s-t-э₁er) „простирать“, отпадающая при принятии форм *astēr—*stros, сохраняется, если считать а в основе āстер- протетическим гласным, а формы ἀστῆρ и ἀστράζι — поздними образованиями, по аналогии с πατήρ, θύγάτηρ и т. п., почему связь с корнем *ster- „простирать“ отпадает. В древнеиндийском и авестийском языках мы имеем форму star „звезды“, и привлечение сюда Бенвенистом неясного ведического tarah (мн. ч.) „звезды“ является спорным, так как индоевропейское начальное *st было очень устойчивым. Вследствие этого спорной является и вся теория начального „префиксального“ s.

⁵⁸ Приводимое объяснение соотношения форм с -θ и с -δ, ведущих к *dh и *d в греческом языке (ἄθροαι, ἀθρίνω — ἄδροαι, ἀδρίνω), может быть оспорено с точки зрения гипотезы о наличии в словарном составе древнегреческого языка обширной группы слов, заимствованных из другого индоевропейского языка, где *dh давало d. Возможны два гипотетических определения этого языка: 1) как одного из „иллирийских“, носители которого проникли в Грецию вместе с дорийцами и этолийцами в конце I тысячелетия до н. э.; 2) как „минойского“, индоевропейского или протоиндоевропейского языка „южной“ группы, к которой В. Георгиев относит также хетто-хувийские и „азиатические“ языки, включая этрусский (см. В. Георгиев, Проблемы минойского языка, София, 1953, и рецензию Б. В. Горнунга в журнале „Вопросы языкознания“, 1954, № 2).

⁵⁹ Формулировка автора здесь не совсем точна, так как существование в древнегреческом языке форм без θ (из *dh) доказать трудно. Однако корень *lā- (из *э₂él-э₂ : *э₂l-éа₂-) можно вывести из сопоставления с основами, имеющими другие распространения: лат. lateo, др.-инд. rat-и „ночь“, ст.-слав. лѣтъ „insidiog“, а также ряд слов в древнегерманских языках (др.-сканд. lómr, др.-в.-нем. luog и др.).

⁶⁰ У Гомера из четырех случаев употребления глагола φλεγίθω в двух случаях (P 738 и Ч 197) он имеет ясное переходное значение

(= φλέγω „жечь“). Непереходное значение, противостоящее φλέγω, начинает преобладать только у трагиков.

⁶¹ Есть некоторые основания полагать, что именно переходное значение χάρω было первоначальным, во всяком случае очень древним (ср. ἔχρησέν με в значении „соорудил меня“ в тексте греческой надписи, найденной в Асине и относимой к XI в. до н. э. Об этой надписи, выполненной минойским линейным письмом Б, см. рецензию Б. В. Горнунга на книгу В. Георгиева, Проблемы минойского языка, в журнале „Вопросы языкознания“, 1954, № 2, стр. 113, 114).

⁶² На стр. 225—226 и в дальнейшем Бенвенист оперирует переходными и непереходными значениями древнегреческих глаголов довольно свободно. Для проверки его положения о связи отглагольных существительных на -θησ/-θησ̄ только с непереходными и пассивными значениями потребовалось бы специальное грамматико-семасиологическое исследование, которое четко разграничило бы случаи резкого противопоставления залоговых форм (ὄρχεω — ὄρχεσμαι) от случаев неопределенных (τίθημι — τίθημι) и случаев полного совпадения значений (δύω — δύσμαι).¹

⁶³ Значение корня *es- в ἐσθλός (первоначально „добрый, хороший“) и εἶς (из *ἐσός) „сильный“, „крепкий“, а также в наречии εἶς (возможно, вторичном) остается неясным; изначальную омонимию с *es- „быть“ допустить трудно, как трудно связать его и с возможным „состоянием II“ *sē- „сеять“ (см. прим. 56). При таком положении, конечно, невозможно судить о переходности или непереходности глагольного (?) корня, единственным эквивалентом которого является др.-инд. ēdhatē (из *ezdhatē) „благодействовать, процветать“. Сопоставление ἐσθλός с εἶς, скорее, дает возможность предположить суффиксированный корень *esϑ- (*э,és-ϑ), для которого вторым видом было бы *seϑ- (*э,s-éϑ-), не давшее производных в греческом языке (σεύω — из *kīeϑ-s-, на что указывает др.-инд. suvati с тем же значением. См. Буазак, 860).

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ

I. Журналы и серии

Ann. Ac. Fenn. = Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Helsinki.

BB = Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, hrsg. von A. Bezenberger (с 1877 г.; с 1906 г. слилось с KZ).

BSL = Bulletin de la Société linguistique de Paris (с 1869 г.).

CIL = Corpus inscriptionum latinarum, Berlin (с 1862 г.).

Cl. Phil. = Classical philology, Chicago (с 1906 г.).

Gött. Nachr. = Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-histor. Klasse (с 1845 г.).

IF = Indogermanische Forschungen, Berlin — Leipzig (с 1892 г.).

JA = Journal asiatique, Paris (с 1822 г.).

KZ = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn, Göttingen (с 1852 г.).

MSL = Mémoires de la Société de linguistique de Paris (с 1868 г.).

PF = Prace filologiczne, Warszawa.

REG = Revue des études grecques, Paris (с 1888 г.).

Rev. Phil. = Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne, Paris (с 1845 г.).

Rh. Mus. = Rheinisches Museum für Philologie, Frankfurt a. Main (с 1842 г.).

SBAW = Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung, München (с 1860 г.).

WZKM = Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes (с 1887 г.).

ZA = Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Berlin (с 1888 г.).

ZDMG = Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig (с 1846 г.).

ZII = Zeitschrift für Indologie und Iranistik, Leipzig (с 1922 г.).

II. Научные работы

Бехтель, Griech. Dial. = F. Bechtel, Die griechischen Dialekte, Bd. I—III, Berlin, 1921—1924.

Бругман, Griech. Gramm. = K. Brugmann, Griechische Grammatik, 3-te Aufl., München, 1900.

Бругман, Grdr. = K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 2-te

Aufl., Göttingen, Bd. I — Lautlehre (1897); Bd. II — Formenlehre, 1 — 3-te Teile (1906—1913); Bd. III—V — Syntax (1893—1900).

Бругман, Kurze vergl. Gramm. = K. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904.

Бругман, MU = H. Osthoff und K. Brugmann, Morphologische Untersuchungen, Teile 1—5, Leipzig, 1878—1890.

Бругман — Тумб = K. Brugmann, Griechische Grammatik, 4-te Aufl., bearbeitet von A. Thumb, München, 1913.

Буазак = E. Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 2-me éd., Paris — Heidelberg, 1923.

Вакернагель, Vorles. = J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, Bd. I—II, Basel, 1920—1928.

Вакернагель — Дебруннер = J. Wackernagel, Altindische Grammatik, Bd. III, unter Mitwirkung von A. Debrunner, Leipzig, 1929—1930.

Вальде — Гофман = A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3-te Aufl., neubearbeitet von J. B. Hofmann, Bd. I (выходил выпусками, закончен в 1938 г.).

Вальде — Покорный = A. Walde, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, hrsg. von J. Pokorny, Bd. I—III, Berlin, 1928—1930.

Готье, Fin de mot = R. Gauthiot, La fin de mot en indoeuropéen, Paris, 1913.

Даниельссон, Gramm. und etym. Stud. = Danielsson, Grammatische und etymologische Studien, I, Uppsala, 1887.

Дельбрюк, Altind. Synt. = B. Delbrück, Altindische Syntax (Syntaktische Forschungen, Bd. V).

Зиг — Зиглинг — Шульце, Tochar. Gramm. = E. Sieg, W. Siegling und W. Schulze, Tocharische Grammatik, Göttingen, 1931.

Зоммер, Handb. = F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, 3-te Aufl., Heidelberg, 1914.

Ларекранц, Idg. Prädikativ = Lagercrantz, Indogermanisches Prädikativ, Uppsala, 1933.

Лэфстедт, Synt. = E. Löfstedt, Syntactica, Bd. I—II, Lund, 1928—1933.

Лиден, Arm. Stud. = E. Lidén, Armenische Studien, Göteborg, 1921.

Мейе, Esquisse = A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1903.

Мейе, Introd. = A. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes, 7-me édition refondue, Paris, 1934 (русск. перев., М., 1938).

Мейе — Вайан = A. Meillet, Le slave commun, 2-me édition revue et augmentée par A. Vaillant, Paris, 1934 (русск. пер., М., 1951).

Мейе — Эрну = A. Meillet et A. Ernout, Dictionnaire étymologique de la langue latine, Paris, 1932.

Мейстер, Hom. Kunstspr. = K. Meister, Die homerische Kunstsprache, Leipzig, 1921.

Моргенстиерн, Etym. Vocab. = G. Morgenstierne, An etymological vocabulary of Pashto.

Педерсен, Vergl. Gramm. = H. Pedersen, Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, Bd. I—II, Göttingen, 1908.

Петерссон, Heteroklisie = H. Petersson, Studien über die indogermanische Heteroklisie, Lund, 1921.

Сольмсен, Untersuchungen = F. Solmsen, Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre, Strassburg, 1904.

Соссюр, Mémoire = F. de Saussure, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes, Paris, 1879.

Стертевант, Compar. Gramm. = E. H. Sturtevant, A comparative grammar of the Hittite language, Philadelphia, 1933.

Уитни = W. D. Whitney, The roots, verb-forms and primary derivatives of the Sanskrit language, Leipzig, 1885.

Френкель, Griech. Denom. = E. Fraenkel, Griechische Denominativa, Göttingen, 1906.

Френкель, Griech. Nom. ag. = E. Fraenkel, Geschichte der griechischen Nomina agentis auf $-\acute{\eta}\rho$, $-\omega\rho$, $-\acute{\iota}\varsigma$, Bd. I—II, Strassburg, 1910—1912.

Фридрих, Staatsverträge = J. Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches, Bd. I—II, Leipzig, 1926—1930.

Хирт, Ablaut = H. Hirt, Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung, Strassburg, 1900.

Хирт, Idg. Gramm. = H. Hirt, Indogermanische Grammatik, Heidelberg, Bd. I—Einleitung, Etymologie, Konsonantismus, 1927; Bd. II—Der indogermanische Vokalismus, 1921; Bd. III—Das Nomen, 1927; Bd. IV—Doppelung, Zusammensetzung, Verbum, 1928; Bd. V—Der Akzent, 1929.

Шантрен, La formation des noms = P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933.

Швицер, Griech. Gramm. = E. Schwyzer, Griechische Grammatik in Anschluss an Brugmann's griechische Grammatik, Bd. I, München, 1934.

Шмальц—Гофман = J. H. Schmalz, Lateinische Syntax und Stilistik, 5-te Aufl., bearbeitet von J. B. Hoffmann, München, 1928.

И. Шмидт, Pluralbild. = J. Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar, 1889.

Штольц—Лойман, Lat. Gramm. = Stolz und Schmalz, Lateinische Grammatik, Bd. I—Laut- und Formenlehre, 5-te Aufl., hrsg. von M. Leumann, München, 1926—1928.

Шульце, Kl. Schr. = W. Schulze, Kleine Schriften, Göttingen, 1933.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Предисловие автора	25
Глава I. Проблема чередования г/п	27
Глава II. Классификация чередований	47
Глава III. Образования на *-l-	65
Глава IV. Основы на -i- и на -u-	76
Глава V. Вопрос о местном падеже единственного числа	116
Глава VI. Сложные формы суффиксов на г/п	129
1. Образование на *-ser/-sen	129
2. Образование на *-ter/-ten	132
3. Образование на *-цег/-цег и *-тег/-теп	139
Глава VII. Пережитки существительных среднего рода в производных словах	151
Глава VIII. О некоторых формах инфинитива	160
1. Греческие и ведические инфинитивы	160
2. Латинский герундив	166
Глава IX. Очерк теории корня	178
Глава X. Строение древнейших отыменных производных	205
Глава XI. Значение суффикса *-dh-	219
От автора	242
Примечания	243
Список важнейших сокращений	258

Э. Бенвенист

ИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Редактор В. В. ФРЯЗИНОВ. Технический редактор В. И. Шаповалов
Корректоры А. П. Иванова и Е. А. Яковлева. Переплет художка М. Г. Ровенского
Сдано в производство 26/VIII 1954 г. Подписано к печати 26/II 1955 г. А-01341.
Бумага 84×108¹/₃₂ = 4,1 бум. л. 13,3 печ. л. Уч.-издат. л. 14,3. Изд. № 13/2128.
Цена 10 руб. Зак. № 1948.

Издательство иностранной литературы, Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР

Главное управление полиграфической промышленности

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валуевская, 28,
Отпечатано в 1-й типографии Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18. Зак. 335.

ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
182	5 сверху	знати	знати

Зак. 335.